

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНОМАСТИКИ (НАМИТОКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ)

Материалы XV Международной научной конференции
г. Майкоп, 24–25 апреля 2026 г.

ФГБОУ ВО «АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР
«ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЛАБОРАТОРИЯ ЛЕКСИКОЛОГИИ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНОМАСТИКИ АГУ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
«ДАГЕСТАНСКАЯ ОНОМАСТИКА»

ФГБОУ ВО «ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНОМАСТИКИ (НАМИТКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ)

Материалы XV Международной научной конференции

г. Майкоп, 24–25 апреля 2026 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АДЫГЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майкоп
2026

УДК 81'373.16(063)
ББК 81.053.16 л0
П 78

*Публикуется по решению редакционно-издательского совета
Адыгейского государственного университета*

Научный рецензент:

З. К. Беданокова, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «АГУ»

Ответственные редакторы:

И. В. Архипова, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «АГУ»

Л. В. Копоть, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «АГУ»

П 78 **Проблемы общей и региональной ономастики (Намиток-
ские чтения) :** материалы XV Международной научной конферен-
ции, Майкоп, 24–25 апреля 2026 г. / ответственные редакторы :
И. В. Архипова, Л. В. Копоть. — Майкоп : Издательство Адыгей-
ского университета, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-85108-553-6

XV Международная научная конференция «Проблемы общей и регио-
нальной ономастики» (Намитокские чтения) посвящена 90-летию профес-
сора Розы Юсуфовны Намитоковой, основателя Майкопской ономастической
школы. Сборник содержит статьи более 80 ученых-лингвистов, аспирантов,
магистров, студентов, являющиеся результатами исследований актуальных
проблем теории ономастики, описания имени собственного в разных типах
дискурса, проблем экологии топонимики и микротопонимики, лингводи-
дактических и педагогических аспектов ономастики. Материалы сборника
предназначены для специалистов в области филологии и методики препода-
вания русского языка, аспирантов, магистрантов, студентов.

Ответственность за аутентичность текста и точность цитат несут авто-
ры материалов.

УДК 81'373.16(063)
ББК 81.053.16 л0

ISBN 978-5-85108-553-6

*90-летию профессора
Розы Юсуфовны Намитоковой
посвящается...*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Павловская О. Е.</i> Научные интересы как стиль жизни профессора Розы Юсуфовны Намитоковой.....	10
<i>Абрегов А. Н.</i> К этимологии адыгского теонима <i>Тхьаггэлыдж / Тхьэггэлэдж</i>	15
<i>Авакова Л. А.</i> Славянские эргонимы западного побережья США: прагматика и межкультурная коммуникация.....	22
<i>Алешина Л. В.</i> Антропонимы как ключевые слова в повести А. Н. Апухтина «Дневник Павлика Дольского».....	26
<i>Аммаев К. А.</i> Микротопонимия селения Маллакент Кайтагского района Республики Дагестан.....	31
<i>Бадмаева Д. И.</i> Прецедентное имя «Пушкин» в пространстве художественного текста В. В. Набокова «Дар».....	38
<i>Багировов Х. З.</i> Формирование прагматических компетенций к переключению кода в процессе анализа топонимов.....	43
<i>Багомедов М. Р.</i> Об опыте составления словаря антропонимов мононационального селения полиэтнического региона.....	52
<i>Балашова А. П.</i> К вопросу о происхождении антропонимической формулы <i>Анастасия Балашова</i>	58
<i>Балашова А. П., Копоть Л. В.</i> Лингвокультурный потенциал антропонимов в русской этнической картине мира.....	63
<i>Баранова А. Ю., Архипова И. В.</i> Лингвокультурологический потенциал региональной топонимии.....	67

<i>Басангова Т. Г.</i> Топонимическое пространство села Кегульта Республики Калмыкия.....	74
<i>Бахича Э. А.</i> Имя собственное как объект ономазиологии в русистике: семантика прецедентного имени в творчестве А. Аверченко.....	78
<i>Беданоква З. К., Сокур Е. А., Адзинова А. А., Дочлеж Ф. Р.</i> Спелеонимы горной Адыгеи в ономазиологическом описании.....	89
<i>Беленов Н. В.</i> Некоторые заметки к вопросу о названии Волги у мордвы.....	94
<i>Беляева М. А., Рагимова Э. Р.</i> Собственные имена как маркеры времени и личности в текстах Аркадия Гайдара.....	98
<i>Буюнова Л. Ю.</i> Имя собственное как аксиологическая доминанта дискурса.....	103
<i>Гандаур-Эги М. Х.</i> К вопросу о семантике этнонима <i>ГИАЛГИА</i>	107
<i>Гончарова В. А., Борисова С. В.</i> Антропонимы в наименованиях инновационной техники: традиции и новые номинативные стратегии.....	112
<i>Гончарова В. А., Ефремова В. Г.</i> Принципы номинации морской техники России, Великобритании и США.....	117
<i>Горбунов Г. В.</i> Функциональный анализ ономастических единиц в художественном тексте: основы и ключевые категории (на материале стихотворения «Весенняя гроза» Ф. И. Тютчева).....	122
<i>Даутия Ф. В.</i> Имя собственное как фактор трансляции языкового сознания абхазов.....	125

<i>Есенова Т.С., Есенова Г.Б., Насакаева Д.</i> Функционирование этнонимов в художественном тексте.....	128
<i>Загертдинов Р.Н.</i> Способы семантизации антропонимов в художественном тексте (на материале романа «Лавр» Е. Г. Водолазкина).....	132
<i>Калинкин В.М.</i> Паронимическая аттракция в оптике поэтонимологии.....	137
<i>Каменева В.Ю., Сегал Н.А.</i> Прецедентные антропонимы в романе М. С. Симоньян «В начале было слово — в конце будет цифра».....	145
<i>Карпов К.С.</i> Функции прецедентных имен в структуре художественного мира «Козлиной песни» Константина Вагинова.....	149
<i>Кичикова Н.А.</i> Этнолингвистическая специфика эргонимикона Калмыкии.....	153
<i>Копоть Л.В.</i> Прозвище как лексический идентификатор гендера российских политиков-женщин в СМИ.....	158
<i>Лукина И.П.</i> К вопросу о чувашских этнотопонимах и антропотопонимах.....	163
<i>Лучинская Е.Н.</i> Имя как текст готовой культуры в постмодернистском дискурсе.....	168
<i>Ляшева М.Н.</i> Роль антропонимов в текстах неофициальных новостных сообщений (на материале телеграм-каналов)....	172
<i>Магомедов М.Н.</i> О функционировании ономастических единиц в поэтических произведениях Абубакара Аймакинского....	176
<i>Магомедова Т.И.</i> Аббревиатуры-онимы в русском юридическом дискурсе: функциональный аспект.....	180

<i>Мазепина В. Г.</i> Английская лексика в эргонимии Краснодара: тенденции гибридизации и номинативные стратегии.....	185
<i>Медведева М. С.</i> Ошибки и неудачные примеры при переводе имен собственных.....	193
<i>Мозговой В. И.</i> Снимосфера как объект ономастики. Специфика русской графики.....	197
<i>Москвин П. М.</i> Негативная оценочность отонимных новообразований в медийном дискурсе.....	205
<i>Мутаева С. Р.</i> Зоотопонимы лакского языка.....	210
<i>Насимзода Ш. М.</i> Историко-культурные истоки русских и таджикских пословиц: пути формирования и семантические параллели.....	215
<i>Николаев Е. Р.</i> Эволюция значения антропокомпонента <i>КУО</i> (на материале словаря Э. К. Пекарского, 1959).....	223
<i>Новиков А. Н.</i> Особенности грамматической и структурной адаптации эпонимов в русском языке XVIII века.....	228
<i>Павлова Н. А.</i> Антономазия и аллюзия как способ метафоризации прецедентных имен.....	233
<i>Петешова О. В.</i> Квантитативное моделирование урбанонимии (на материале советонимов Калининградской области).....	238
<i>Пономаренко И. Н.</i> Традиционное и новое в эргонимиконе Краснодара.....	245
<i>Попов С. А.</i> Топонимический ландшафт Воронежа как инструмент формирования туристического бренда территории.....	250

<i>Рацибурская Л. В.</i> Имена собственные в медийных словообразовательных процессах.....	254
<i>Сагиндикова З. М.</i> Антропокомпонент <i>арувь/арувь</i> «красивый» в ногайских личных именах.....	259
<i>Сегал Н. А.</i> Эволюция прецедентного оронима <i>Олимп</i> в современном медиапространстве (на материале telegram-каналов 2020–2025 гг.).....	263
<i>Семёнова Н. В.</i> Интерпретация городских смыслов: названия мостов Петербурга в практике преподавания РКИ.....	267
<i>Тикаев Г. Г., Тикаева (Иниева) З. Д.</i> К вопросу о собственных именах кубачинцев как памятнике истории, культуры и межэтнических контактов в регионе.....	271
<i>Туова Т. Г.</i> Топонимические названия водных объектов и их влияние на развитие туризма в Адыгее.....	279
<i>Узунова Н. Б.</i> Паремии арабского языка — культурная составляющая арабского народа и источник страноведческих знаний.....	283
<i>Ушакова Д. Н.</i> Смыслы и паттерны: репрезентативность урбанонимов в структуре территориальной идентичности Краснодара.....	289
<i>Федотова Т. В.</i> Роль креативного нейминга внутригородского топоса в формировании идентичности пространства современного города (на материале микроурбанонимов Краснодара).....	295
<i>Фесенко О. П.</i> Проблемы составления лингвистической экспертизы при доказательстве родства: к вопросу о вариативности имени.....	301

<i>Шевелёва А.А.</i> Ресторан «Отвращение» как ономастический эксперимент: функционирование «номинации-провокации» в романе А. Грина «Дорога никуда».....	307
<i>Шокуева Л.А.</i> Род Беспланеевых в истории народа: ономастическое и генеалогическое исследование.....	311
<i>Шульдишова А.А.</i> Средства формирования поэтонима-символа <i>Россия</i> — ключевого в идиостиле А. Блока.....	315
<i>Хачемизова М.Н.</i> Топонимика города Дюздже (Турецкая Республика) как источник реконструкции историко-культурного наследия черкесо-адыгской диаспоры.....	322
<i>Хабекирова Э.С.</i> Образные характеристики лингвокультурного типажа «хакер».....	328
<i>Хацуков Т.З.</i> Персонажи кабардинских мифов и сказок: типология имён и их культурный смысл.....	333
<i>Эфендиев И.И., Шахова М.Х.</i> Фитонимический компонент в системе аварских личных имён.....	337
<i>Юсупов Х.А.</i> Изменения в антропонимиконе даргинцев за столетие (на примере с. Харбук).....	345

Павловская Ольга Евгеньевна
oera@mail.ru
Кубанский государственный аграрный
университет им. И. Т. Трубилина

НАУЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ КАК СТИЛЬ ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА РОЗЫ ЮСУФОВНЫ НАМИТОВОЙ

Аннотация. Статья посвящена жизни и научному наследию доктора филологических наук, профессора Адыгейского государственного университета Розы Юсуфовны Намитковой (1936–2016). Основное внимание уделяется многогранности её научных интересов — от словообразования и неологии до региональной ономастики, — которые стали для неё не просто сферой профессиональной деятельности, а подлинным стилем жизни. Рассматривается роль учёного в создании научной школы, координации исследований на Северном Кавказе и сохранении культурной памяти народов региона.

Ключевые слова: Р. Ю. Намиткова, ономастика, неология, научная школа, Северный Кавказ, Адыгейский государственный университет, лингвистика.

Pavlovskaya O. E.
Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin

SCIENTIFIC INTERESTS AS A PROFESSOR'S LIFESTYLE ROZA YUSUFOVNA NAMITKOVA

Abstract. The article is devoted to the life and scientific legacy of Rosa Yusufovna Namitkova, Doctor of Philology, Professor at Adygea State University (1936–2016). The main focus is on the multifaceted nature of her scientific interests, which ranged from word formation and neology to regional onomastics, and which became not just a field of professional activity for her, but a true way of life. The article explores the role of the scholar in establishing a scientific school, coordinating research in the North Caucasus, and preserving the cultural heritage of the region's peoples.

Keywords: R. Yu. Namitkova, onomastics, neology, scientific school, North Caucasus, Adygea State University, linguistics.

В истории каждой региональной науки есть имена, которые становятся её символами, олицетворяя целую эпоху развития. Для филологической науки Адыгеи и всего Северного Кавказа таким именем, безусловно, является профессор Роза Юсуфовна Намиткова. Доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Республики Адыгея и Кубани, она прошла путь от аспиранта до признанного лидера, создателя

авторитетной научной школы [1; 2]. Для Розы Юсуфовны наука не была «работой» в узком смысле этого слова — это был её образ жизни, способ мыслить, видеть мир и передавать знания. Цель данной статьи — показать, как широта научных интересов профессора Намитоковой определила её жизненный путь, стала стилем жизни и сформировала уникальное научное наследие.

Впервые термин «стиль жизни» появился в 1926 году в работах австрийского психолога, психиатра и мыслителя, основателя школы индивидуальной (адлеровской) психологии Альфреда Адлера. Стиль жизни, по А. Адлеру, — это то значение, которое человек придает миру и самому себе, это его цели, жизненные задачи, направленность его стремлений и те подходы, этические побуждения, которые он использует в решении жизненных проблем [3]. По словам Татьяны Козман, стиль жизни — это такая своеобразная «когнитивная карта, которая позволяет осмыслить, понять окружающий мир, отреагировать на него, функционировать в нем» [4, с. 232]. Концептуализация понятия «стиль жизни» в современной социологии основана на его понимании «как выбора, обусловленного интересами и ценностями индивида, его ресурсами и воздействием внешней среды» [5, с. 15–16]. Именно научные интересы Р. Ю. Намитоковой определили ее стиль жизни, то есть сознательный выбор тех ценностей, которые сформировали жизненные задачи и цели Розы Юсуфовны.

Роза Юсуфовна родилась 2 апреля 1936 года в Краснодаре. Её путь в большую науку начался с блестящего окончания кавказского отделения филологического факультета Тбилисского государственного университета в 1959 году. В том же году она начала работать в Адыгейском государственном университете (тогда педагогическом институте), которому оставалась верна до последних дней. Стремление к углублённому знанию привело её в аспирантуру Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, где под руководством доцента И. А. Василенко она в 1965 году защитила кандидатскую диссертацию «Сложные существительные в русском и адыгейском языках». Уже в этой работе проявился её интерес к сравнительно-типологическому анализу разносистемных языков, к живому взаимодействию русского и адыгейского слова [1; 2]. Вершиной её академического роста стала защита докторской диссертации в 1989 году на тему «Авторские новообразования: структура и функционирование

(на материале современной русской поэзии)». Это исследование заложило фундамент её дальнейших изысканий в области неологии и поэтического языка.

Каждый последующий жизненный этап Розы Юсуфовны демонстрирует расширение и углубление сферы ее научных интересов. Многогранность ее научного поиска поистине поражает. Её можно по праву назвать учёным-энциклопедистом. Основные направления её работы включали:

— ономастику — науку об именах собственных, ставшую главным делом её жизни;

— неологию и неографию — изучение новых слов и их фиксацию в словарях;

— словообразование, культуру речи и юрислингвистику.

Однако центральное место в её творчестве занимала именно региональная ономастика. Роза Юсуфовна была убеждена, что в именах собственных «с наибольшей яркостью отражается национально-культурная специфика языка и его носителей» [6]. Северный Кавказ с его уникальным переплетением языков и культур представлял собой идеальное поле для такой работы. Изучение топонимов (названий рек, гор, селений) и антропонимов (личных имён) позволяло ей восстанавливать историческую память народа. Еще более высокую и амбициозную задачу ставит перед собой и коллегами Роза Юсуфовна, приступая к созданию «Комплексного этико-культурологического словаря русского языка для школ Республики Адыгея»: приобщить «учеников к высоким духовным ценностям», расширить «духовные горизонты» и «сформировать свободную личность» [7, с. 3–6]. Давая высокую оценку данному словарю, доктор филологических наук И. Н. Пономаренко подчеркивает его антропоцентрическую направленность и полиаспектность, которые дают возможность использовать его «в качестве как автономного, так и включенного учебного словаря», а также служить «источником материала для изучения развития языка, картины мира и концептосферы» [8, с. 276–277].

По мнению психолога Людмилы Васильевны Старостиной, стиль жизни проявляется в «наличии оригинальной личной творческой силы, окрашенной в удовольствие развиваться, постигать, доходить до намеченных целей в соответствии со своими возможностями и уважением к себе» [9]. Именно наличие личной творческой силы привело Розу Юсуфовну к мысли о создании единого центра по изучению

ономастических явлений. Осознавая необходимость объединения усилий учёных разных регионов, Роза Юсуфовна выступила инициатором создания уникальной структуры. При поддержке Федеральной целевой программы «Интеграция» на базе АГУ был открыт Координационный центр по изучению региональной ономастики Северного Кавказа (КЦИ-РОСК) [6]. Центр стал не просто лабораторией, а настоящим штабом по координации ономастических исследований на огромной полиэтнической территории.

Главным детищем КЦИРОСК стали регулярные научные конференции. Начиная с 1998 года, раз в два года проводились международные конференции «Проблемы общей и региональной ономастики» (ПОРО), собиравшие лингвистов со всей страны и из-за рубежа. Всего под руководством Розы Юсуфовны было проведено 10 таких конференций [10]. Эти форумы стали визитной карточкой Майкопской ономастической школы и были продолжены уже учениками Розы Юсуфовны.

Профессор, доктор филологических наук Ревека Марковна Фрумкина, давая оценку своим занятиям наукой, отметила, что притягательной силой для нее стала «способность порождать свой мир», который был «бесконечно привлекателен, поскольку это был мир бесспорных ценностей» [11]. Именно «мир бесспорных ценностей» отражен в научных трудах Розы Юсуфовны, научное наследие которой огромно — более 220 научных работ, включая монографии, учебные пособия и словари. Среди них особое место занимают: «В мире имен собственных: Лингвистические беседы по краеведению» (1993) — работа, обращённая к широкому кругу читателей, учителям и краеведам; «Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко (2009); монография «Авторские новообразования: структура и функционирование» (2015), работа, подводящая итог её многолетним исследованиям поэтического языка; фундаментальный труд «Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа» (Москва, 2012), в котором Роза Юсуфовна выступила автором проекта и ответственным редактором, объединив усилия десятков учёных, чтобы создать уникальный справочник, включающий имена более чем 50 народов.

Учёный не замыкался в «башне из слоновой кости». Будучи членом Союза журналистов России, она активно выступала в прессе за чистоту русского языка. Вершиной её гражданской

активности стало участие в 1995 году в парламентских слушаниях в Государственной Думе, посвящённых обсуждению проекта закона «О защите русского языка».

Настоящий учёный живёт в своих учениках. Под руководством Розы Юсуфовны защитили кандидатские диссертации более 20 аспирантов. Многие из них (С. К. Сапиева, С. С. Доюнова, А. А. Адзинова и другие) стали известными исследователями, продолжая разрабатывать заложенные учителем темы. В 2016 году, к 80-летию профессора, вышел сборник статей её учеников «Путь в науку: словообразование и ономастика», что стало символическим признанием заслуг учителя [2].

Жизнь Розы Юсуфовны Намитоковой — это яркий пример служения науке, в котором личное и профессиональное неразделимы. Её наследие продолжает жить. Проводимые в Адыгейском государственном университете конференции «Проблемы общей и региональной ономастики» с 2021 года официально носят название «**Намитокковские чтения**». Это значит, что имя профессора, её идеи и её удивительная преданность своему делу остаются ориентиром для новых поколений исследователей, для которых научный интерес также становится стилем жизни.

Как заявляет автор статьи Дорожук Е. С., феномен стиля жизни становится основой для разработки контент-стратегий, формируемых определенными медиаизданиями в качестве примеров конкретных жизненных стилей [12]. Думается, что одним из образцов такого деятельного стиля жизни по праву должна стать Роза Юсуфовна Намитокова.

Примечания

1. Намитокова Роза Юсуфовна (1936–2016) // Ономастика России : [сайт]. URL: <https://www.onomastika.ru/scientists/namitokova-r-u> (дата обращения: 16.03.2026).

2. Путь в науку : словообразование и ономастика : сб. к 80-летию Розы Юсуфовны Намитоковой / под ред. З. К. Беданокковой. Майкоп : АГУ, 2016. 183 с.

3. Адлер А. Наука жить: перевод с английского и немецкого. Киев : Port-Royal, 1997. 286 с.

4. Козман Т. Стиль жизни: понятия, структура, виды // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 227–239.

5. Василенко И. В., Краснов М. М. Стиль жизни: к современной концептуализации понятия // Теория и практика общественного развития. 2022. № 1. С. 15–19. URL: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.1.1>.

6. Беданоква З. К., Сокур Е. А., Адзинова А. А. III Международный форум «Русский язык в образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа» (Майкоп, 21–23 мая 2023 г.) // Вопросы ономастики. — 2024. Т. 21, № 1. С. 232–235.

7. Намитокова Р. Ю. Предисловие // Комплексный этико-культурологический словарь русского языка для школ Республики Адыгея / под общим рук. Р. Ю. Намитоковой. — Майкоп : Качество, 2001. — С. 3–6.

8. Пономаренко И. Н. Новое в лексикографии: «Комплексный этико-культурологический словарь русского языка для школ республики Адыгея» // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Филология. Социальные коммуникации. 2013. Т. 26 (65), № 1. С. 276–278.

9. Старостина Л. В. Стиль жизни // B17.ru : [сайт психологов]. 11 июня 2018 года. — URL: <https://www.b17.ru/article/109343/> (дата обращения: 22.03.26).

10. Лаборатория «Координационный центр по изучению региональной ономастики Северного Кавказа (КЦИРОСК)» // Адыгейский государственный университет : [сайт]. — URL: http://agu.adygnet.ru/node/1471/printable_version (дата обращения: 16.03.2026).

11. Фрумкина Р. М. Наука как стиль жизни // Знание — сила. 1994. № 6. URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su> (дата обращения 20.03.2026).

12. Дорощук Е. С. Трансформации журналистики стиля жизни и моды: существенные особенности медиатекстов // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/viewer_images/20094070/f/2.png (дата обращения: 22.03.26).

Абрегов Ачердан Нухович

acherdan@mail.ru

Адыгейский государственный университет

К ЭТИМОЛОГИИ АДЫГСКОГО ТЕОНИМА

ТХЪАГЪЭЛЫДЖ / ТХЪЭГЪЭЛЭДЖ

Аннотация. В духовной культуре адыгов определенное место занимают религиозные верования, составляющие древнейший пласт, который зафиксирован тысячелетним опытом адыгских племен. Историческое прошлое адыгов находит свое отражение в пантеоне адыгских божеств. В него входит множество божеств, среди которых важное место занимает Тхагаледж. Нас интересует имя этого божества адыгейск. *Тхъагъэлыдж* / каб.-черк. *Тхъэгъэлэдж*, которое анализируется разными исследователями, однако вопрос о происхождении этого теонима окончательно не решен. Нами предпринимается попытка дать этимологию имени божества с использованием лексикографических источников и полевого материала, собранного нами.

Ключевые слова: лингвистическая интерпретация, сравнение, диалект, лексема, перекладка, семантика, перенос значения, название растения, фитоним.

Abregov A. N.
Adyghe State University

ON THE ETYMOLOGY OF THE ADYGHE THEONYM 'TKHAGALEDGE' / ТХЪАГЪЭЛЫДЖ / ТХЪЭГЪЭЛЭДЖ

Abstract. In the spiritual culture of the Circassians, a certain place is occupied by religious beliefs, constituting the most ancient layer, which is recorded by the thousand-year experience of the Circassian tribes. The historical past of the Circassians is reflected in the pantheon of Circassian deities. It includes many deities, among which Tkhagaledge occupies an important place. We are interested in the name of this deity *Тхъагъэлыдж* / Tkhagelydge (in Adyghe) / *Тхъэгъэлэдж* / Tkhegeledge (in Kabardino-Circassian), which is analyzed by different researchers, but the question of the origin of this theonym has not been finally resolved. We are making an attempt to give the etymology of the name of the deity using lexicographic sources and field material collected by us.

Keywords: linguistic interpretation, comparison, dialect, lexeme, rewording, semantics, transfer of meaning, plant name, phytonym.

В духовной жизни адыгов культуры, мифология и религиозные верования занимают особое место. Они относятся к древнейшему пласту культуры, который зафиксировал опыт народа, сложившийся в течение тысячелетий. Глубокое понимание истории и духовной жизни народа возможно при изучении этого древнейшего пласта культуры. Л. И. Лавров утверждает: «Древние верования адыгов очень похожи на древние верования других народов Кавказа... Если же брать степень сохранности имен божеств древнего пантеона, то она является наибольшей у абхазов и адыгейцев. С этой точки зрения абхазские и адыгейские материалы могут стать особенно важными для историка, воссоздающего картину кавказских верований далекого прошлого» [1: 262–263]. Существуют интересные сведения о магических обрядах, связанных с хозяйством и божествами. В политеистическом пантеоне адыгов насчитывается множество божеств, среди которых особое место занимает адыгейск. *Тхъагъэлыдж* и каб.-черк. *Тхъэгъэлэдж*. М.-К. З. Азаматова утверждает, что он является представителем пантеона земных божеств [2: 377]. Его связывают с аграрным культом. М. В. Кантария отмечает:

«К сожалению, о Тхагаледже сохранились очень скудные сведения [3: 470]. К. Сталь называет его богом изобилия [4: 111], М. Харламов не считает его божеством и утверждает, что он реально существовавший человек-земледелец [5: 413], Л. И. Лавров, опираясь на собранный материал, сообщает, что он является богом в образе кузнечика [6: 219]. По другим данным, он считается покровителем растений, божеством земледелия и плодородия.

О происхождении теонима *Тхъаггэлыдж* / *Тхъэггэлэдж* высказали свое мнение М. В. Кантария и М. А. Кумахов. Еще в 1968 г. М. В. Кантария опубликовал статью «О некоторых пережитках аграрного культа в быту кабардинцев». Подводя итоги своего исследования, он писал: «Из сказанного можно заключить, что Тхагаледж является божеством плодородия и покровителем земледелия. Наше положение подтверждается и именем этого божества. «Тха» — по-кабардински — бог, а «гъа» — слово, которое, как мы предполагаем, имеет определенную связь с урожаем (ср. «гъэ-вэ» — урожаем, «гъэ-сэ» — жатва и «гэ-тха-сэ» — весенний сев). Кроме того, слово «гъэ» обозначает годовой сельскохозяйственный цикл, в отличие от календарного года «илгэс» [цитируем по 3: 472]. Однако сегмент -лэдж не был идентифицирован и не получил своего объяснения.

М. А. Кумахов дает лингвистическую интерпретацию теонима *Тхъаггэлыдж* / *Тхъэггэлэдж*. Он пишет: «Древние аграрные хохи построены на обращении к божеству плодородия *Тхъаггэлыдж* (адыг.), *Тхъэггэлэдж* (каб.-черк.) < **Тхъэггэлыгы* ‘Тхагаледж’. Имя божества плодородия образовано на адыгской почве, но хронологически не идет глубже общеадыгского уровня... Древнеадыгское **Тхъэггэлыгы* включает три элемента: *тхъэ* ‘бог, божество’ + *ггэ* ‘лето, время обработки земли’ + *лыдж* < **лыгы* < **лыгыы*. Последняя часть не имеет самостоятельного употребления в современных адыгских языках. Однако ее не без основания отождествляют по происхождению с абх. *лыга-* в сложном слове *лыгажу* ‘старый’... Абх.-абаз. *лыга-*, по-видимому, означает ‘человек, мужчина’ [7: 25].

М. В. Кантария полагает, что слово *ггэ* означает «годовой хозяйственный цикл», а М. А. Кумахов его переводит как «лето, время обработки земли». Исходя из этого не понятно, почему они переводят эту лексему как «год», «лето», если обработка земли проводится весной, а не летом. Ведь слово *ггэ*

имело и значение «весна», ср. новообразование *гъа-тхэ* «весна». Оба исследователя не объяснили, почему божество получило это имя. Они также не обратили внимание на то, что существует нарицательное имя существительное *тхьаггэлыдж* / *тхьэггэлэдж*, которое имеет разные значения в адыгских языках. Толковые словари адыгейского и кабардино-черкесского языков дают разные толкования слову *Тхьаггэлыдж* / *Тхьэггэлэдж*. Так, в кабардино-черкесском языке лексема Тхьэггэлэдж толкуется так: 1) божество, покровитель растений в древней религии адыгов; 2) название зерновых культур; 3) тесто [8: 637]. Следует гадать, в чем проявляется семантическая связь между указанными значениями. В словаре также дается и омоним *тхьэггэлэдж* с таким такими значениями: 1) разновидность кузнечиков; 2) ср. *мэшбэв* [8: 637], что означает «божья коровка». В адыгейском словаре слово *Тхьаггэлыдж* имеет только одно толкование: Тхагалидж (божество, покровитель растений в древней религии адыгов) [9: 121]. Следовательно, в адыгейском языке эта лексема является однозначной. В словарной статье нарицательному имени существительному *тхьаггэлыдж* не дают никакого толкования и отправляют к слову *хьабжьын*, что означает: 1) лук круглый; 2) порей [9: 361]. Считаем, что такой перевод ошибочный. С использованием полевого материала нами идентифицировано растение с названием *тхьаггэлыдж*, что означает «козлобородник клубненосный». Следует указать, что это наименование растения в кабардино-черкесском языке отсутствует. С течением длительного времени лексема тхьаггэлыдж потеряла внутреннюю форму слова и поэтому трудно ее этимологизировать. В данной статье мы делаем попытку дать лингвистическую интерпретацию этого слова и предлагаем свою этимологию. Для этого обратимся к ботанике. По данным И. С. Косенко, козлобородник клубненосный (*Tragorogon tuberosus* C. Koch) растет «на лугах и в к у с т а р н и к а х» (разрядка наша. — А. А.) [102: 437]. В. П. Махлаук отмечает, что «стебли и корни козлобородника можно употреблять в пищу» [11: 184]. Установлено, что у козлобородника употребляются в пищу корни, молодые стебли и листья. Выкапывать корни надо осенью. При варке в солевой воде свойственный сырым корням горький вкус исчезает. Такая подробность описания данного растения нам понадобилась для подтверждения важности нашего полевого материала, позволяющего дать этимологию теонима *Тхьаггэлыдж* / *Тхьэггэлэдж*.

Адыги (черкесы) относятся к автохтонному населению Северо-Западного Кавказа, поэтому, «проживая на данной территории в течение тысячелетий, адыгские (черкесские) племена основательно ознакомились с флорой и фауной указанного региона, приобрели фундаментальные знания и большой практический опыт» [12: 190]. Это дает нам основание утверждать, что еще в древнейшие времена адыги знали о пищевых достоинствах козлобородника клубненосного и употребляли его в пищу. Говоря об использовании дикорастущих растений в адыгской кулинарии, М. Ю. Унарокова отмечает: «В экстремальных условиях использовались корневища и корни лесного растения *тхьаггэлыдж* — порей, из которого пекли маленькие лепешки с жгучим привкусом, которые употреблялись вместо хлеба» (допущена ошибка в переводе, поскольку это не вид лука, а козлобородник) [13: 150]. Это подтверждает полевой материал, собранный нами. Информанты утверждали, что в голодные годы люди шли в лес, где выкапывали корневища козлобородника, из которого готовили пищу. Они добавили, что козлобородник обжигает руки, а от приготовленной пищи становится щекотно в носу. Опираясь на эти характерные свойства растения и вкусовые, осязательные и обонятельные ощущения хотим этимологизировать название козлобородника клубненосного. По нашему мнению, наименование *тхьаггэлыдж* древнее теонима *Тхьаггэлыдж / Тхьэггэлэдж*. Исходное звучание этого растения сохранилось в шапсугском диалекте адыгейского языка в виде *тхьаггэлыгь*, давшее современное *тхьаггэлыдж*, оно состоит из др. **тхьэ* «лист» (ср. совр. *тхьа-пэ* «лист», шапс. *тхьа-пклэ* «лист», чемг. *хьамцацэ* < т**тхьа-мцацэ* «рогоз широколистный», *тхьа-ркгожэ* «лопух») [14: 351] и каузативной формы *ггэлыдж* глагола *ггэлыджы-н* «щекотать», букв. 'щекочущий лист' > 'щекочущее растение' (возможен такой семантический сдвиг), поскольку поедание корней, листьев и стебля козлобородника вызывает щекотание в носу, как хрен или горчица.

В древнейшую эпоху, когда предки адыгов (черкесов) занимались собирательством, в число наиболее значимых корнеев, вероятно, входили корневища и корни козлобородника, который спасал людей от голода. Это в наше время подтверждает адыгейский писатель Ю. Г. Чужако, который пишет: *А терн? А козлобородник? ...Нет, нет, были времена, когда лес спасал людей от больших бед* (перевод наш. — А. А.). Значимость козлобородника была настолько высокой, что он

превращается в сакральное растение, которое начинает рассматриваться как один из важных компонентов древнейшего мировоззрения адыгов. Интересно также добавить, что слово *тхьаггэлыдж* встречается в клятве *Мыр зи-тхьаггэлыдж!*, буквально «(Клянусь тому), у кого есть тхагелидж!» Ср. аналогичные выражения: *Мыр зи-тыгг!* — «(Клянусь тому), у кого есть солнце!»; *Мыр зи-мэшошталз!* — «Клянусь тому), у кого есть огниво!». Это означает, что давали клятву с использованием слов *тхьаггэлыдж* «козлотородник», *тыггэ* «солнце» и *мэшошталз* «огниво». С течением времени название растения превращается в имя божества *Тхьаггэлыдж* / *Тхьэггэлэдж*, покровителя растительного мира. Недаром в древнейшем адыгском героическом эпосе «Нарты» упоминается о том, что «Тхагаледж завещает нартам главное свое богатство — семена проса... Просо Тхагаледжа символизирует земледельческую культуру нартов» [15: 119].

М.-К. З. Азаматова сообщает, что «Тхьэггэлэдж — покровитель посевных площадей, а также предохраняет зерновые злаки от различных болезней, насекомых, предупреждает бедствия, бури, пожары, является хранителем продуктов» [2: 376]. Не случайно Ц. Барамидзе подчеркивает: «В основе кавказских религиозных представлений лежат полиэтнические языческие божества. Они охватывали культ животных, растений, небесных тел, природных явлений», а «растения олицетворяли жизненную стихию» [16: 251]. По нашему мнению, к названию растения *тхьаггэлыдж* восходит имя адыгского божества *Тхьаггэлыдж* / *Тхьэггэлэдж* (надо полагать, что в кабардино-черкесском языке гласный э после согласного л является результатом дистактной ассимиляции).

Этимологию теонима *Тхьаггэлыдж* / *Тхьэггэлэдж*, предложенную М. А. Кумаховым и З. Ю. Кумаховой, Н. Р. Иванов считает неприемлемой и предлагает свою версию, по которой этот теоним состоит из *тхьэ* «бог», *ггэлы* / *ггэлэ* «субстанция лета» и *джы* «обрабатывающий». Это мнение, на наш взгляд, больше похоже на фантазию и его следует отклонить [17: 130–131].

Для полноты исследования считаем важным проанализировать каб.-черк. слово *тхьэггэгурым*. По определению Б. Ю. Хакунова, это название лопуха войлочного, что считаем ошибочным [18: 156]. Б. Х. Кубатиев в своей работе об адыгской (черкесской) кулинарии о растении *тхьэггэгурым* пишет так: «Тхьэггэгурым (в начале весны выкапывают корень,

снимают кожуру и едят, а летом очищают стебель и употребляют в пищу» (перевод наш. — А. А.) [19: 8]. Сомнение вызвало то обстоятельство, что адыгейцы, ближайшие родственники кабардинцев и черкесов, лопух не едят. С нашей точки зрения, по описанию растения речь должна идти не о лопухе, а о козлобороднике клубненосном. Считаем, что лексема *тхьэггэгурым* выступает как межъязыковой синоним адыгейского *тхьаггэлыдж*. Их объединяет то, что оба слова построены по одной словообразовательной модели ‘имя существительное’ + ‘основа каузативного глагола с префиксом *ггэ*’. Интересно подчеркнуть, что это сложные слова с общим компонентом — общеадыг. **тхьэ* «лист» (ср. совр. каб.-черк. *тхьэ-мпэ* «лист» В качестве второго компонента в каб.-черк. *тхьэггэгурым* выступает каузативная форма *ггэгурым-* глагола *ггэгурым-н* «заставлять стонать», букв. ‘лист (> растение), что заставляет стонать’.

В заключение отметим, что рассмотренный материал и его анализ позволил сделать вывод о том, что теоним *Тхьаггэлыдж* / *Тхьэггэлэдж* восходит к названию растения *тхьаггэлыдж*, а не наоборот.

Примечания

1. Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Религиозные верования адыгов. Хрестоматия исследований / Сост. А. Х. Зафесов. — Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. — 638 с.
2. Азаматова М.-К. З. Культ божеств, магические обряды в раннеклассовом обществе и трансформация их через религии христианства и ислама // Там же. — С. 366–413.
3. Кантария М. В. О некоторых пережитках аграрного культа в быту адыгов // Там же. — С. 465–484.
4. Сталь К. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900. С. 111.
5. Харламов М. История возникновения и развития г. Майкопа в связи с историей Закубанского края // Кубанский сборник. Т. XVII. — Екатеринодар, 1912. С. 413.
6. Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. — М., 1959. — С. 219.
7. Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Язык адыгского фольклора, Нарский эпос. — М. Наука, 1985. — 224 с.
8. Словарь кабардино-черкесского языка. 1-е изд. — М.: Дигора, 1999. — 860 с.
9. Толковый словарь адыгейского языка. Т. III. — Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2013. — 552 с.

10. Косенко И. С. Определитель высших растений Северо-Западного Кавказа и Предкавказья. — М., 1970. — 614 с.

11. Махлаюк В. П. Лекарственные растения в народной медицине. — Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1993. — 544 с.

12. Абрегов А. Н. Проблема генезиса героического эпоса «Нартхэр» и фитонимическая лексика адыгского языка // Нартский эпос и кавказское языкознание: Материалы VI Международного майкопского коллоквиума Европейского общества кавказологов. — Майкоп, 1994. — С. 189–192.

13. Унарокова М. Ю. Флористический элемент в системе питания адыгов // Унарокова М. Ю. Избранные труды. — Майкоп: АГУ, 2023. — С. 128–158.

14. Абрегов А. Н. К этимологии некоторых фитонимов и названий, относящихся к анатомии растений, в адыгских языках // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы. — Майкоп, 1–2 ноября 2019 г. / Сборник материалов конференции. — Майкоп, 2019. — С. 350–352.

15. Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Нартский эпос: язык и культура. — М.: 1998. — 312 с.

16. Барамидзе Ц. Сакральное дерево в кавказском полиэтническом эпосе, Языке христианских обрядов в поэме «Витязь в тигровой шкуре» // Кавказоведческие изыскания. Т. IV. — Тбилиси, 2012. — С. 250–254.

17. Иваноков Н. Р. Тхьагъэлэдж / Тхьагъэлэдж — «Тхагалег» // Иваноков Н. Р. Избранные труды. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. — С. 130–131.

18. Хакунов Б. Ю. Словарь адыгских названий растений. — Нальчик: Эльбрус, 1992. — 256 с.

19. Кубатиев Б. Х. Блюда адыгской (черкесской) кухни — Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2008. — 480 с.

Авакова Лина Аркадьевна
avakova.lina@gmail.com

СЛАВЯНСКИЕ ЭРГОНИМЫ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ США: ПРАГМАТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию эргонимов со славянскими корнями, функционирующих в англоязычном лингвокультурном пространстве Западного побережья США (штаты Калифорния, Орегон, Вашингтон). Рассматриваются структурно-семантические, морфологические и этимологические особенности названий коммерческих и образовательных учреждений. Особое внимание уделяется социолингвистическому аспекту: на примере анализа функционирования заведений доказывается, что их устойчивая популярность свидетельствует

о высоком уровне межкультурной коммуникации и практическом отсутствии явления «культуры отмены» в отношении русской и славянской культуры на уровне бытового и коммерческого взаимодействия.

Ключевые слова: эргонимия, славянизмы, межкультурная коммуникация, лингвокультурная адаптация, культура отмены, урбанонимическое пространство.

Avakova L. A.

SLAVIC ERGONYMS OF THE U.S. WEST COAST: PRAGMATICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract. This article presents a comprehensive study of ergonyms with Slavic roots operating within the English-speaking linguacultural space of the U.S. West Coast (California, Oregon, and Washington). The study examines the structural-semantic, morphological, and etymological features of the names of commercial and educational institutions. Particular attention is paid to the sociolinguistic aspect: through an analysis of these establishments' operations, it is demonstrated that their sustained popularity reflects a high level of intercultural communication and a practical absence of the «cancel culture» phenomenon regarding Russian and Slavic culture at the levels of everyday and commercial interaction.

Keywords: ergonymy, Slavisms, intercultural communication, linguacultural adaptation, cancel culture, urbanonymic space.

В эпоху глобализации и интенсивных миграционных процессов урбанонимическое пространство современных мегаполисов становится поликультурным. Особое место в нем занимает эргонимия — совокупность названий деловых объединений людей, коммерческих предприятий, образовательных и культурных учреждений [1, с. 151], выступающая мощным транслятором национального культурного кода в иноязычной среде. Обосновывая важность изучения коммерческой номинации в США, мы опираемся на тезис Р. Ю. Намитоковой и соавторов о том, что «язык современного города — это зеркало, которое в полной мере отражает мир людей, их быт, традиции и культуры в целом» [2, с. 185]. Славянские эргонимы на Тихоокеанском побережье наглядно демонстрируют специфику адаптации диаспоры и ее взаимодействия с американским обществом.

Материалом для исследования послужила выборка из 70 наименований предприятий общественного питания, розничной торговли, сферы услуг и образовательных центров, зарегистрированных в Калифорнии, Орегоне и штате Вашингтон.

Наиболее репрезентативной оказалась группа гастрономических прагматонимов. Транслитерированные названия традиционных блюд и предметов быта используются для создания эффекта аутентичности: *Vatrushka Bakery* (Де-Мойн, штат Вашингтон), *Samovar Grocery & Catering* (Маунтин-Вью, Калифорния). Лексема «самовар» здесь выступает как концепт традиционного русского гостеприимства. Эргонимы *Piroshky Piroshky* (знаменитая пекарня в Сиэтле, штат Вашингтон) и *Piroshki on 3rd* (Сан-Франциско, Калифорния) демонстрируют грамматическую ассимиляцию: в англоязычной среде транслитерированная форма множественного числа часто воспринимается как корень, к которому добавляется английское окончание множественного числа -s (*piroshkis*). Ресторан *Kachka* (Портленд, Орегон) хранит историю спасения от гибели во время войны семьи основателей в названии, образованном от белорусского и украинского слова «качка» (утка), а ресторан *Pushkin* (Сакраменто) переводит русскую кухню в премиальный сегмент, используя прецедентный антропоним. Опираясь на исследования З. К. Беданокковой, можно утверждать, что выбор подобных славянизмов обусловлен их эвокативностью: они создают ассоциативную связь с фоновыми знаниями аудитории и вызывают глубокий эмоциональный отклик [3, с. 49].

Мемориальная топонимия служит для диаспоры средством сохранения исторической памяти и эмоциональной привязанности народа к определенной территории [4, с. 8], а для местных жителей — геокультурным ориентиром. Названия *Arbat European Market* (Керкленд), *Baikal Deli* (Бивертон) и *Volga Russian Grocery* (Сакраменто) апеллируют к широко известным объектам. Составной эргоним *Moscow & Tbilisi Bakery Store* (Сан-Франциско) демонстрирует феномен постсоветской мультикультурной интеграции, предлагая американскому потребителю синергию восточноевропейского и кавказского «экзотического» вкусов.

В сфере розничной торговли и услуг активно эксплуатируется тема родства и доверительности. *Babushka Market, Deli & Cafe* (Уолнат-Крик) и *Babushka Deli* (Тайгард) возвращают лексеме «babushka» (известной в США как головной платок) ее первичную семантику домашнего уюта. Салоны красоты сокращают дистанцию с клиентом через минутивные формы: *Luba's Beauty Salon, Tanya's Skincare* (Лос-Анджелес).

В сфере образования наблюдаются различные стратегии нейминга. Дошкольные учреждения апеллируют к фольклору и эмоциональной теплоте: *Teremok Preschool* (Сакраменто), *Skazka Preschool* (Сан-Франциско), *Solnyshko Daycare* (Сиэтл). Для учреждений дополнительного образования школьников характерны иные подходы. Школа *Svoimi Slovami* (Купертино, Калифорния) использует в качестве эргонима фразеологизм. Это редкий для коммерческой номинации случай, который акцентирует внимание на когнитивном процессе — умении ребенка мыслить самостоятельно и выражать мысли «своими словами». Ярким примером лингвокреативности [5, с. 80] служит эргоним *Rossinca Heritage School* (Купертино, Сан-Хосе). Исходное *ROSSiNCA*, созвучное диминутиву «росинка», являет собой пример графической гибридизации, образуясь от слияния *ROSS* («Россия», «русские»), *in* («в») и *CA* (Калифорния), а дескриптор *Heritage School* указывает на функцию сохранения культурного наследия. В свою очередь, *Russian School of Mathematics (RSM)* использует этноним как бренд, символизирующий качество советской/русской академической школы.

Вхождение славянских эргонимов в англоязычную среду требует фонетико-графической адаптации через транслитерацию (*Piroshky, Babushka, Vatrushka* — обычно с ударением на предпоследний слог), что заставляет носителей языка преодолевать нетипичные для них кластеры согласных. Однако чужеродные концепты успешно интегрируются в местную экономическую сетку благодаря структурной гибридизации, при которой славянский корень напрямую соединяется с понятным английским дескриптором (*Troika European Market, Zastolye Restaurant, Svetlana Pharmacy*).

Анализ лингвистического ландшафта Западного побережья США демонстрирует высокую жизнеспособность славянских эргонимов вопреки нарративу о тотальной «культуре отмены». В контексте современных геополитическому напряжению этот факт приобретает особое социолингвистическое значение. Заведения сохраняют откровенно славянские названия (*Pushkin, Matryoshka, Samovar, RSM*). Более того, их целевая аудитория давно вышла за рамки диаспоры. Т. П. Романова подчеркивает, что современный эргоним обязан выполнять не только номинативную, но и мощную рекламную функцию [6, с. 83]. Высокие рейтинги на потребительских платформах, очереди из англоязычных американцев в пекарни Сиэтла и полная посадка в ресторанах Портленда и Сакраменто

свидетельствуют о том, что на уровне повседневной межкультурной коммуникации славянский культурный код не подвергается остракизму. Славянизмы в названиях предприятий выступают инструментами «мягкой силы» и гастрономической дипломатии, доказывая, что коммерческая топонимика служит надежным мостом межкультурной коммуникации.

Примечания

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва : Наука, 1988. 192 с.
2. Намитокова Р. Ю., Гриценко Н. И., Нефляшева И. А. Язык современного города (презентация программы социодialeктологической практики студентов) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2006. Вып. 1. С. 185–188.
3. Беданоква З. К. Эвокативный фразеотекст в жанровом пространстве русского языка // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 49–53.
4. Горбаневский М. В. О феномене мемориальной топонимии в России // Проблемы общей и региональной ономастики : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф., Майкоп, 22–24 мая 2008 г. Майкоп : АГУ, 2008. С. 7–11.
5. Адзинова А. А. Лингвокреативный аспект современных эргонимов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2010. Вып. 2. С. 80.
6. Романова Т. П. Проблемы современной эргонимии в аспекте межкультурной коммуникации // Вестник Самарского государственного университета. 1998. № 1. С. 82–90.

Алешина Людмила Васильевна

alyoshinalv@mail.ru

Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева

АНТРОПОНИМЫ КАК КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА В ПОВЕСТИ А. Н. АПУХТИНА «ДНЕВНИК ПАВЛИКА ДОЛЬСКОГО»

Аннотация. Рассматриваются антропонимы как ключевые элементы в художественной ткани повести А. Н. Апухтина «Дневник Павлика Дольского», устанавливается их роль в социально-психологической характеристике героя.

Ключевые слова: Апухтин, антропонимы, ключевые слова, сильная позиция текста.

Aleoshina L. V.
Oryol State University
named after I. S. Turgenev

ANTHROPONYMS AS KEYWORDS IN A. N. APUKHTIN'S STORY "PAVLIK DOLSKY'S DIARY"

Abstract. The article examines anthroponyms as key elements in the artistic fabric of A. N. Apukhtin's story "The Diary of Pavlik Dolsky" and establishes their role in the socio-psychological characterization of the hero.

Keywords: Apukhtin, anthroponyms, keywords, strong position of the text.

А. Н. Апухтин — талантливый поэт, тонкий писатель-стилист — относится к мастерам слова, чье творчество пока остается малоизученным.

В повести «Дневник Павлика Дольского» имена персонажей играют особую роль, о чем говорит уже их обилие (в небольшом тексте объемом 2,8 печатных листов функционируют 56 антропонимов в 433 словоупотреблениях). Прежде всего привлекает внимание имя главного героя, фигурирующее в сильных позициях текста: в заглавии и в концовке. Использование в заглавии диминутива Павлик, казалось бы, предполагает, что перед нами дневник юноши. Однако с первых страниц повести становится понятно, что речь идет о пятидесятилетнем мужчине, который отказывается осознавать свой возраст. Основной аргумент в пользу того, что он по-прежнему молод, связан для Дольского с именованим его в кругу знакомых уменьшительной формой имени: *«Лицо у меня молодое, нет ни одного седого волоса, на балах я танцую, мамочки смотрят на меня как на жениха, а главное — все зовут меня Павликом Дольским. Только люди совсем мало знакомые называют меня Павлом Матвеечем, а то все Павлик да Павлик... Не станут же звать Павликом старика!»* Рассуждения героя обнаруживают инфантилизм человека, который всю жизнь только *«пил, ел, спал и волочился за женщинами»*. Внутренняя форма имени *Павел* — «малый», «небольшой», «мальш», «младший» (от лат. *paulus*) — также подчеркивает социальную незрелость Дольского.

Герой, воспринимающий себя чуть ли не юношей, совсем иначе смотрит на окружающих. Так, почти ежедневно он общается с соседкой. *«Мы с ней одного возраста, но в прошлом году из ее слов оказалось, что я старше ее на пять лет. ...*

Теперь это довольно полная, свежая блондинка, прекрасно сохранившаяся не только для настоящих, но даже для своих фиктивных лет». Однако именует он эту моложавую даму исключительно Марьей Петровной. Это отчасти обусловлено галантностью по отношению к даме, но не последнюю роль здесь играет взгляд Дольского на ровесницу как на даму вовсе не молодую.

Но вот герой знакомится с племянницей Марьи Петровны, которой *«уже семнадцать лет, но на вид не больше пятнадцати»*, и вскоре понимает, что равнодушен к ней. На людях он обращается к девушке Лидия Львовна, про себя же называет её Лидой, а когда та спрашивает позволения называть друга тётушки Павликом, он с удовольствием даёт на это своё согласие и считает теперь возможным открыто называть её уменьшительным именем. С этих пор герой чувствует себя *«таким же молодым, как Миша Козельский»* — юный камер-паж, очевидно влюблённый в Лиду. Дольского не смущает, что юная девушка называет его, пятидесятилетнего, Павликом. Зато спустя короткое время, мучимый ревностью к Мише, он выговаривает Марье Петровне, что та позволяет племяннице быть *«на такой короткой, фамильярной ноге с молодыми людьми, называть их уменьшительными именами»*.

Показательно, что, вспоминая о давнем романе с женой своего друга детства Алеши Оконцева, Лилей, Дольский именует её не иначе как Еленой Павловной. Отчасти это свидетельствует о том, что эта женщина пробуждала у него совсем иные чувства, чем Лида, вызывающая у героя восторженное умиление, трепетную нежность (*«В розовом платье, с розовым колпаком на голове, с покрасневшими щечками, она сама казалась не то розовым цветком, не то розовой конфеткой»*). Елена Павловна, которая вскоре после знакомства начинает одаривать друга дома красноречивыми взглядами и вступает в связь с ним вскоре после свадьбы, безусловно порочна, так что Дольский вполне отдаёт себе отчёт в том, что чувство, которое он испытывал тогда, греховно и не делает ему чести. Роман с Еленой Павловной щекотал нервы скучающего молодого человека, не затрагивая душу. *«Иногда я без ужаса не мог смотреть на доброе, доверчивое лицо Алеши, но самое это сознание глубины моего преступления, вместе с постоянным страхом быть пойманным, придавало всему роману какую-то особенную, скверную прелесть»*, — вспоминает Павлик, по сути расписываясь в собственной беспринципности.

Всё закончилось подозрительной смертью Алеши, причём у Дольского были все основания подозревать, что его любовница хладнокровно отравила мужа. Даже он, воспринимающий лицемерие в отношениях между людьми его круга как должное, был потрясён цинизмом Елены Павловны, которая на похоронах *«билась головой о стенки гроба и грохнулась в обмороке со ступеней катафалка»*, и в тот же день пригласила любовника к себе, встретив его улыбкой и словами: *«Какое счастье, что все это, наконец, кончилось!»* *«Мое поведение во всей этой истории было и нечестно, и неумно»* — признаёт Дольский. Не удивительно, что для героини *«этой истории»* у него не находится ласкового уменьшительного имени.

В повести есть еще имя собственное, которым называют главного героя, — прозвище Мельхиседек. *«Идя по столовой, — пишет Дольский в дневнике, — я явственно расслышал песню, которую пел за фортепиано своим противным баритоном Миша Козельский. Это был известный цыганский мотив, а слова он, вероятно, сочинил сам: Лидия Львовна / Слишком хладнокровна, / А Мельхиседек / Прекрасный человек»*. Пока Дольский не относит этих куплетов на свой счет. Когда он вошёл в залу, все притихли, а *«Миша Козельский, как-то особенно раскачиваясь и выпячивая грудь, подошел к Лиде и громко спросил у нее: „Лидия Львовна, вы очень любите Мельхиседека?“* *Кругом раздалось громкое хихиканье барышень»*. Герой чувствует подвох и гадает, кому же дано прозвище по имени таинственного библейского персонажа, упоминающегося в Ветхом и Новом Завете [2, с. 135–136]. Покидая дом Марьи Петровны, Дольский слышит доносящийся из зала тот же куплет, но *«с легким вариантом»*: *«А Мельхиседек / Несносный человек»*.

На следующий день Марья Петровна невольно проговаривается, что Мельхиседеком Дольского прозвала молодежь. Однако вряд ли легкомысленные молодые люди апеллировали к библейскому образу. Скорее в данном случае ими обыгрываются строки стихотворения К. Батюшкова *«Изречение Мельхиседека»*: *«Ты знаешь, что изрек, Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?»* Антропоним Мельхиседек в этом контексте содержит в своей семантике коннотации, выступающие в роли скрытого предиката: *«старый»*, *«отживший»*. Именно эти семы актуализируются в качестве мотивировочного признака при возникновении прозвища. И Дольский, пытающийся держаться на равных с молодёжью, чувствует это, о чём

свидетельствует запись в дневнике по поводу Миши Козельского: *«Ну, хорош же и ты, дрянной мальчишка, выдумывающий прозвища для людей, которые втрое старше тебя, и сочиняющий на них глупые куплеты. ...Незаметно пройдут года, и, когда ты будешь шамкать беззубым ртом, другой, новый камер-паж, который теперь еще не родился, будет выпячивать грудь и писать про тебя бессмысленные вирши».*

Связь антропонима с референтом прямо пропорциональна значимости для человека носителя имени. В этом плане показательна следующая запись в дневнике Дольского: *«Дом Марьи Петровны неузнаваем. Прежде это была тихая пристань; теперь, благодаря присутствию Лиды, это какой-то непрерывный светский базар. Три княжны Козельские: Соня, Вера и Надя, Соня-вторая Зыбкина, Соня-третья (забыл фамилию), кузина Катя, кузина Лиза, еще несколько барышень, «их же имена ты веси, господи», разные пажи, лицеисты и молодые офицеры, — все это кишмя кишит в гостеприимном доме на Сергиевской».* Для автора дневниковых записей имя Лиды свято как имя предмета его любви. Значимы для него имена княжон Козельских, сестёр Миши, в котором видится соперник. Соня-вторая Зыбкина у героя тоже не на последнем плане: это институтская подруга Лиды; у Зыбкиных часто устраиваются вечера с танцами, где бывает Лида; Дольский и сам, пытаясь сблизиться с окружением Лиды, делает визиты матери Сони Зыбкиной. А вот фамилии и даже имена других барышень и молодых людей, которые не важны для него как личности, не остаются в памяти («их же имена ты веси, господи»).

Наряду с заглавием, к сильным позициям текста относится его концовка. Употребление в завершающих строках повести антропонима Павлик знаково: герой делает попытку подвести итог пройденного жизненного пути и дать себе объективную оценку: *«Жил-был на свете человек, которого знакомые звали Павликом Дольским. ...Главная беда его состояла в том, что он ничего не делал и слишком долго считал себя молодым. И вот, когда он в этом разубедился и захотел хоть немного осмыслить свою жизнь, ему сказали: «Нет, теперь поздно. Ты уже не будешь больше ни любить, ни думать, ни надеяться, ни желать, ни ошибаться. ...А затем ты исчезнешь». Не знаю, как другим, а мне жаль этого бедного Павлика, которого, не спросясь его согласия, пустили на свет божий и которого без всякой вины высылают обратно».*

В отдельный абзац вынесены заключительные строки, содержащие как уменьшительный вариант имени *Павлик*, так и двухчастный антропоним Павел Матвееч, что способствует корреляции концовки с заглавием: *«Пора перестать быть Павликом, сделаться Павлом Матвеечем и спокойно принять старость со всеми ее последствиями... Эх, ты, старик, старик!»*.

В повести Апухтина ярко прослеживается свойственная антропонимам эволюция «от чистой индексальности к характеристизации», когда «за счет приобретения ими коннотаций в конце текста имена собственные могут концентрировать в своих значениях содержание значительной части текста» [1, с. 47–48]. Номинации героя играют важную роль в социально-психологической характеристике его личности.

Примечания

1. Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа. Москва : Ось-89, 1999. 191 с.
2. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. Т. 2 : К — Я / гл. ред. С. А. Токарев. Москва : Советская энциклопедия, 1987–1988. 719 с.

Аммаев Курбанмагомед Аммаевич
ammaev.k@yandex.ru
Дагестанский государственный университет

МИКРОТОПОНИМИЯ СЕЛЕНИЯ МАЛЛАКЕНТ КАЙТАГСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Аннотация. В статье рассматриваются микротопонимы селения Маллакент Кайтагского района Республики Дагестан, связанные с историей территорий, самобытностью горцев, отражающей хозяйственную деятельность, и имеющей историко-культурную значимость и научную ценность в ономастике. В ономастиконе небольшого села Маллакент, где проживают даргинцы, встречаются своеобразные микротопонимы, имеющие свою особенность и небезынтересные для ученых и простых обывателей. Микротопонимы локальных географических объектов позволяют определить их принадлежность конкретному роду (тайпу), что не допускает проблем при их использовании сегодня. В статье особое внимание отводится лексико-синтаксическому способу образования микротопонимов и их семантическому содержанию. Актуальность исследуемой темы обусловлена необходимостью систематизировать недостаточно изученную микротопонимию населенного пункта Маллакент.

Ключевые слова: Маллакент, микротопонимы, переселенцы, оним, топоним, переселение, тайпа.

Ammaev K. A.
Dagestan State University

MICROTOPONYMY OF THE VILLAGE OF MALLAKENT, KAYTAGSKII DISTRICT, THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Abstract. The article examines the microtoponyms of the village of Mallakent in the Kaytagskii district of the Republic of Dagestan. These names are closely linked to the history of the territories and the unique identity of the highlanders, reflecting their economic activities and carrying significant historical, cultural, and linguistic value within the field of onomastics. In the onomastics of the small Dargin-populated village of Mallakent, one encounters distinctive microtoponyms with unique characteristics that are of interest to both scholars and the general public. Proper names of microtoponyms, local geographical areas, allow for the determination of their affiliation with a specific clan (taipa), which prevents disputes regarding their use today. Particular attention in the article is paid to the lexico-syntactic method of microtoponym formation and their semantic content. The relevance of this study is driven by the need to systematize the insufficiently studied microtoponymy of the Mallakent settlement.

Keywords: Mallakent, microtoponyms, settlers, onym, torum, resettlement, taipa.

В настоящее время во всем мире большой интерес вызывают географические названия местности — микротопонимы, антропонимы и специфика народности, отражающие национальные, социальные и культурно-исторические особенности не только у исследователей, туристов, но и молодежи, проживающей в данной местности.

Село Маллакент Кайтагского района расположено в предгорной местности у подножия главного кавказского хребта и граничит с севера с даргинским селом Чумли, с северо-востока — с кумыкским селом Янгикент, с востока — с даргинским селом Новая Барша и кумыкским селом Туменлер, а с юго-запада — с даргинским селом Санчи.

Кайтаг, как и другие территории, была присоединена к России в период с 1804–1806 гг. [1, т. 35]. Так, селение Моллакент (ныне Маллакент), образовалось в 1848 г. *(на месте старого села, жители которого вымерли во время чумы)*, в годы правления Кайтагом Джамов-бека, выходцами из горного Кайтага (Даргинский округ и из селения Хушаха) [2, С. 47–48].

Существуют разные толкования ойконима Маллакент. Одна из версий: в селе проживал известный мулла (произношения в разных даргинских, да и многих дагестанских, кавказских языках, диалектах: молла, малла, мулла), в честь которого получился такой ойконим. Мулла — служитель религиозного культа у мусульман. Известный мулла, потому что грамотных людей в то время было мало, поэтому он совершал религиозные обряды, ритуалы, в том числе в других соседних селах. Вторая версия: село названо по имени человека Молла (Малла / Мулла), основавшего его, а слово «*кент/гент*», заимствованное из тюркского языка, означает «село», соответственно село *Моллы / Маллы / Муллы* — Маллакент. По предположению Гаджиевой С. Ш., термин «*кент*» или «*гент*» проник в диалект кумыков через Азербайджан, где селение называется «*кэнд*» [3, с. 302].

Термин *кент/гент* добавляется к названиям географических объектов в значении «селение». В настоящее время таких ойконимов в Дагестане достаточно много, и распространены они больше у кумыков, и меньше у даргинцев:

— у кумыков (Каякентский район с. *Башлыкент*, с. *Новокаякент*; Кайтагский район с. *Янгикент*; Карабудахкентский район с. *Карабудахкент*, с. *Манаскент*; г. Махачкала, посёлок *Альбурикент* и *Ленинкент*) и др.;

— у даргинцев (Кайтагский район с. *Ахмедкент*, с. *Маллакент*) и т.д. Вышеперечисленные собственные названия ряда сел, включающие термин «*кент*», продолжают жить.

Село Маллакент образовано переселенцами — крестьянами-узденами, мастерами-ремесленниками из различных сел соседних Дахадаевского и Акушинского районов. Объяснение переселенческому движению в Дагестане могут дать некоторые микропонимы, антропонимы и другие онимы, которые создавались или именовались исходя из особенностей местности и специфики рода, семьи, отдельных людей (традиций, ценностей, генетики, поведения, характера), которые переселялись на другие территории.

Причинами переселения людей могли быть следующие: мало земли в горах, голод, засуха, болезни в старом месте, выдворение за кражу, мщение за убийство и т.д. Поселенцы искали места, пустоши, наиболее благоприятные и приемлемые для обитания, ведения хозяйства, содержания семьи. Переезжая семьями, они несли с собой уже приобретенные навыки и умения определенного рода труда, занятий, ведения ремесла, хозяйств, обработки земель и т.д.

Как известно из слов старожил, первопоселенцами в село Маллакент были несколько семей из селения Сулевкент Дахадаевского района, мастера-ремесленники, род деятельности которых было гончарное дело. Они построили печи (*торумы*) в земле с дымоходами, в которых обжигали изготовленные из глины изделия — керамическую посуду, затем обменивали на продукты или продавали. Термин торум, скорее всего, дал название объекту исходя из его геометрической формы и технологии производства глиняной утвари (кувшины для носки воды, посуда для приема пищи (миски, ложки), «холодильники» для хранения молока, бочки для мариновки дикой груши и фруктов) и прочих игрушек.

Так, между современными селами Маллакент, Новая Барша и Санчи в те годы было целое поселение — в местности *Урмугент*. Как показывает структурный анализ, комоним Урмугент состоит из двух компонентов: *Урму* и *гент*. Почему поселение получило название *Урмугент*, имеется лишь предположение, тоже из слов старожил, что этим хозяйством руководила женщина по имени Урму, а *гент* (*кент*) — село. В этой местности было обнаружено много торумов.

Топонимия и гидронимия привлекает внимание разных специалистов историков, лингвистов и географов. Так, Багомедов М. Р. в своей работе [4, с. 164–170] достаточно подробно рассматривает ряд даргинских гидронимов разных местностей проживания даргинцев. В частности, на странице 283 описывается местность и возникновение «*Поселения Урму*», которое упомянуто выше. В этой же работе на странице 282 упоминаются также две легенды, связанные с микропонимами села Маллакент: местность «*Шайтлунталла кзатти*» (ущелье чертей) и вторая легенда «*Истак рурси каричибил мер*», однако указываемая местность недостоверна. Более достоверная местность «*Цуба хлурклла кзатти*» представлена в работе К. А. Аммаева [7, с. 6–7], которая посвящена микропонимам местности — родникам села Маллакент.

В маленьком селении Маллакент сегодня жители представлены в основном несколькими родовыми тухумами (род — *тайпа*). Так, род Аммаевых (происходит от имени *Амма / Аммай*), род Абакаровых (от имени *Абакар / Абуакар*), род Гасановых (от имени *Хласан*), род Наврузовых (от имени *Навруз*, в честь мусульманского праздника), род Темирхановых (от имени *Темирхан*) и др. Проживая уже вместе в одном селении, они породнились с тухумами и другими родами соседних сел.

Из-за того, что село маленькое и в нем отсутствовали улицы, для ориентации на местности и понимания их смысла формировалась топонимия, которую удобно было употреблять как лексические единицы, имеющие самостоятельные значения и обозначающие наименования местности — микротопонимы (для их семантического понимания ниже сделан структурный анализ слов на маллакентском говоре даргинского языка):

1. *Хъарша/и* (*хъар* — верх, *ша/ши* — село) — верхняя часть села; *Дайша* (*дай* — середина, *ша/ши* — село) — середина села; *Хъарша* (*хъар* — низ, *ша/ши* — село) — нижняя часть села.

2. *Глилакъатти/а* (*Глила* — зад, *къатти* — яма, овраг, ущелье), дословный перевод — заднее ущелье, но по логике в разговорной речи понимается как задняя часть села; *Гъалакъатти* (*гъала* — перед, *къатти* — яма, овраг, ущелье), передняя часть села; *Гъалабяхл* (*гъала* — перед/передний; *Глилабяхл* (*глила* — зад/задний. *Бяхл* в маллакентском говоре два значения: склон и стена. В данном случае употребляется склон передний и задний от центра села); *Цлуба хлурклла къатти* (*цлуба* — белая, *хлуркл* — речушка, *къатти* — яма, овраг, ущелье), источник воды в яме, образующий речушку с белой пенкой; *Шайтлунтал акъатти* (*шайтан* — джинн, черт, а слово *тлунтала* понимается как множество, *къатти* — яма, овраг, ущелье), овраг, где собираются джинны, сотворенные из огня (ущелье шайтанов, чертей). Сохранилась легенда об этой местности, где ночью собирались шайтаны, зажигали костер и зазывали людей. Кто случайно попадал в их круг, заболел и умирал скоростижно. Об этой местности в устах людей сохранилась легенда, как молодой, здоровый парень по имени Мухтарпаша из села Маллакент возвращается домой поздно ночью в плохом (одурманенном) состоянии. Родителям он рассказал, что с ним произошло: какие-то отдыхающие люди позвали его в свой круг, вели себя странно и долго кружились вокруг костра, произнося какие-то колдовские слова. К утру он умер. В этом месте и раньше замечали костры (огни) и непонятные пляски вокруг, но никто туда не шел. После эту местность стали называть «*Шайтлунтала къатти*» (ущелье джиннов, чертей, шайтанов).

3. *Къяцала муза* (*Къяца* — коза, *муза* — верхушка, макушка), сложная местность, где водились и куда поднимались дикие козы; *Шахла лаки* (*шах* — Иранский Надир-шах, *ла* — его, *лаки* — подъём), Надиршах в Кайтаге (18 век),

в трех километрах от села Маллакент, в районе соседнего села Чумли, где он остановился на подъеме, и в укрытие доставляли еду в горячем виде из селения Янгикент.

4. Встречаются названия местности, которые существуют и продолжают использоваться жителями села в разговорной речи, компоненты наименований хозяйственной деятельности, как сенокос и сад, но объяснить их точно не могут, например: *Тлиринтлай* (скорее всего, это микротопоним местности, который означает верхушка (*макушка*, *муза*), с которого видны все подступы к селу; *Хлясанахъай* (*Хлясан* — имя мужское, *хъай* — соединительные буквы, *хъай* это *хъар* — верх, скорее превратившееся от частого употребления в речи), земельный участок Хлясана, расположенный над селом, в глуши леса, прямо под кавказским хребтом, на которой выращивал овощи (в основном картошку).

5. *Глила бархлина* (*Глила* — зад (няя), *бархли* — солнце), задняя восточная солнечная сторона села, откуда восходит солнце. Это склон местности, используемый под сенокос, здесь лучше и раньше созревает трава для сенокоса.

Земельные участки в зависимости от плодородия и характера использования дифференцировались; ключевым фактором служила ценность сельскохозяйственных земель, что позволяло применять индивидуальный подход в их использовании. Название микротопонима указывает принадлежность кому-то, чему-то или использование подо что-то: *Хляжихъу* / *Хляжила хъу* (*Хляжи* — имя мужчины, *хъу* — поле, сад; *Аршила анхъ* (*Арши* — ячменный или пшеничный колос для косилки, *анхъ* — сад); *Талхлятла бахча* (*Талхлят* — имя мужчины, *бахча* — фруктовый сад); *Бяглили чухъла* (*бягли* — черешня, *чухъла* — яма) — черешневый сад в яме.

Практически всей местности, расчищаемым и используемым земельным участкам переселенцами присваивались онимы с именами старшего мужчины в семье, в роду (*тайна*): *Рабадамура*, *Тирмитла мура*, *Чирчилла мура*, *Шапигла мура* и др. Слово *мура* — сено на даргинском языке, и второе семантическое понимание слова *мура* — участок под сенокос. Это слово применяется и во множественном числе, когда у хозяина несколько расположенных недалеко друг от друга участков, например, *Димхъа мурби*. Встречаются два имени в названии микротопонимов, возможно доставшиеся по наследству. Например: *Ирбегинхалилла мура* — участок сына *Ибрагима Халилла* для сенокоса. Хотя существуют и двойные

имена, например: *Ибрагимхалил*, *Мяхлямадхляжи*, *Мяхлямадрасул*, великие имена, носящие имена пророков (Ибрагим, Мяхлямад) или имена родившихся в месяцы мусульманских дорогих праздников (*Къурбан байрам*, *Рамадан бац*) (*Курбан-мяхлямад*, *Рамазанхляжи*).

Микротопонимы местности часто образованы исходя из характера использования, применяемой технологии, вида производства или исторического события. Так, *Къаркъаабилтл* (*къаркъа* — камень, *абилтл* — место, где добывают камень), каменный карьер; *Партизанти кабиран мусса* (*кабиран* — садились, собирались, *мусса, мер* — место), местность, где собирались партизаны; *Вацлахляри* (*вацла* — лес, *хляри* — плетеный), на маллакентском говоре даргинского языка нужно понимать густой лес. В селении Маллакент раньше, как и в других селах Кайтагского района, дворы, сады, сарай огораживали, кормушки для скотины сооружались из *плетеных ровных* палок фундука, и сегодня продолжают их использовать, но реже.

Указом царя Александра I от 15.09.1866 г. в Южном Дагестане образуется новый Кайтаго-табасаранский округ из 4-х наибств [6, с. 45; Т 41, № 43640]. В этот период по данным переписи населения в с. Молла-кент (Маллакент) число хозяйств (домов) составляло 33, где проживало 132 человека (76 мужчин и 56 женщин) [8, с. 67].

Сегодня в селении Маллакент 74 дома (хозяйств), многие выходцы из этого села, выезжая учиться, создали семьи и проживают в разных городах Республики Дагестан и за ее пределами.

С образованием Кайтаго-табасаранского округа расширяется территория, которая имеет границы с Дербентским районом, где образуется еще одно село, сначала с названием Молла-кент, а позже Маллакент, но относящееся к Курахскому району. Исследований, почему именно Молла-кент, аналогично в Кайтагском районе, сегодня пока нет, и объяснить люди этого не могут. По словам старожиллов, первые переселенцы в этом новом селе появились примерно в 1880 г., в поисках лучшей жизни, чтобы прокормить свои семьи, а активное заселение было в 1920 году. Вполне можно предположить, что с расширением территорий Кайтаго-табасаранского округа первыми переселенцами в эту измененность могли быть члены семьи или семья Моллы / Муллы из старого села Молла-кент Кайтагского района.

Примечания

1. Полное собрание законов. 2 собр. Санкт-Петербург, 1862. Т. 35. № 35903.
2. Алимова Б. М. Кайтаги. XIX — начало XX века : историко-этнографическое исследование. Махачкала : Юпитер, 1998. 232 с.
3. Гаджиева С. Ш. Кумыки. Москва, 1961. 385 с.
4. Багомедов М. Р. Топонимия Дарга : структурно-семантический аспект. Махачкала : ДГУ, 2013.
5. Темирбулатова С. М. Дарган мезла дилектологияла словарь: 50 азирличир имцати даргала лугъатунала дев / Х. А. Юсуповла редактордешлиуб ; Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН. Махачкала : АЛЕФ, 2022. 576 с.
6. Историко-археологический справочник административно-территориального деления Дагестана за 1920–2000 г. С. 45 // Полное собрание законов. 2 собр. Санкт-Петербург, 1866. Т. 41. № 43640.
7. Аммаев К. А. Родники моего села: неотъемлемая часть истории, культуры и быта // Культурное наследие России : научно-информационный журнал. 2024. № 1. С. 94–99. URL: <https://kultnasledie.ru/ssl/u/ce/d0d4aa046e11ef96d2f406b9366306/-/%D0%9A%D0%9D%D0%A0%20%E2%84%96%201-2024%20%2844%29.pdf>.
8. Посемейные списки населения Дагестанской области 1886 года и переписи населения 1897 и 1926 годов : статистический справочник. Махачкала, 2005. С. 67.

Бадмаева Дина Игоревна
dinabadmaeva.di@yandex.ru

Калмыцкий государственный университет
имени Б. Б. Городовикова

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ «ПУШКИН» В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В. В. НАБОКОВА «ДАР»

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования прецедентного имени «Пушкин» в пространстве художественного текста известного писателя XX в. Владимира Владимировича Набокова «Дар». Данное произведение привлекает к себе внимание любителей русской художественной культуры, а также ученых-филологов, занимающихся исследованием творчества данного классика. В этом последнем крупном прозаическом тексте писателя освещается становление писателя в тревожном XX в., полном исторических событий, накануне великих потрясений. Этими смыслами пронизан весь текст, насыщенность текста именами классиков русской литературы и культуры делает произведение знаковым для европейской литературы. В работе определяется роль

прецедентного имени «Пушкин» в формировании образа главного героя произведения в ходе контекстуального анализа языкового материала. Основные методы: метод сплошной выборки, лексико-семантический анализ материала, а также дистрибутивный метод. Доказано, что имя «Пушкин» раскрывается как прецедентное имя в художественном тексте в контекстах, связанных со смыслом творческого поиска и становления личности мастера слова. Делается вывод о том, что А. С. Пушкин — наставник, гений, учитель, проводник русского культурного кода — сыграл значимую роль для формирования мастерства будущего классика русской литературы.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентный текст, прецедентное имя, имя собственное.

Badmaeva D. I.
Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov

THE PRECEDENT NAME “PUSHKIN” IN THE SPACE OF V. V. NABOKOV’S LITERARY TEXT “THE GIFT”

Annotation. The article examines the features of the functioning of the precedent name “Pushkin” within the artistic space of the novel “The Gift” by the famous 20th century writer V. V. Nabokov. The work attracts the attention of enthusiasts of Russian artistic culture and philological scholars engaged in researching the legacy of this classic author. The writer, in his last major prose work, illuminates the formation of an artist in the troubled 20th-century, an era filled with historical events on the eve of great upheavals. The entire text is permeated with these meanings; the saturation of the text with the names of classics of Russian literature and culture makes this work significant for European literature. This determines the topic of the present study. The work defines the role of the precedent name “Pushkin” in shaping the image of the main character of the work through a contextual analysis of the linguistic material. Main methods: the continuous sampling method, lexical-semantic analysis of the material, as well as the distributive method. It is proven that the name “Pushkin” is revealed as a precedent name in the literary text within contexts related to the meaning of creative search and the formation of the word master’s personality. It is concluded that “Pushkin” is a mentor, genius, teacher, and guide of the Russian cultural code, he played a significant role in shaping the mastery of the future classic of Russian literature.

Keywords: precedence, precedent text, precedent name, proper name.

Актуальность статьи определяется тем, что творчество Александра Сергеевича Пушкина является основополагающим для русской литературы, его имя служит не только символом культурной идентичности, но и содержит глубокий культурный и исторический контекст.

Цель статьи — анализ функционирования прецедентного имени «Пушкин» в романе Владимира Владимировича Набокова «Дар». Задачи: выявить функции прецедентного имени; классифицировать упоминания «Пушкин» в тексте романа; проанализировать роль данного имени в пространстве романа.

Материалом исследования послужили фрагменты текста, содержащие прецедентное имя «Пушкин», выбранные методом сплошной выборки.

Прецедентное имя, введенное в научный оборот в известной работе Ю. Н. Караулова «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности», стало часто привлекать к себе внимание лингвистов для анализа художественных и публицистических текстов. Как пишет И. В. Захаренко, прецедентное имя «хорошо известно всем носителям данного языка и выступает как прецедентное» [1, с. 88]. Одной из разновидностей прецедентных имен является имя собственное, которое, будучи индивидуальным, единичным обозначением предмета или понятия, выступает как культурный символ. Имя собственное может приобретать свойства нарицательного в том случае, когда оно обозначает не единичное явление, а целый класс однородных явлений. Как замечено исследователями, в таких случаях «граница между именем собственным и именем нарицательным является не всегда чёткой» [2, с. 83].

По мнению Е. А. Нахимовой, прецедентным становится имя, которое: 1) связано с классическими произведениями или важными историческими событиями; 2) общеизвестно или широко известно широкому кругу носителей той или иной культуры; 3) взаимосвязано с прецедентными текстами, ситуациями или высказываниями; 4) находится в срединном положении между абсолютным «чистым» онимом и апеллятивом [3, с. 57]. Как считает О. И. Соколова, прецедентные имена связаны «с широко известным текстом, как правило, прецедентным, прецедентной ситуацией, широко известной среди носителей языка, или именем-символом, указывающим на какую-либо эпоху» [4, с. 46].

Роман В. В. Набокова «Дар» иллюстрирует процесс становления будущего писателя. Для текста «Дара» характерна интертекстуальность, встречаются отсылки на известные события, явления, имена, что формирует поле прецедентности данного текста. В частности, в тексте представлены имена русских и зарубежных деятелей науки и культуры, которые

автор использует для характеристики черт своих персонажей (Федора Константиновича Годунова-Чердынцева, Александра Яковлевича Чернышевского, Константина Кирилловича Годунова-Чердынцева и др.). Среди них: Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, Н. Г. Чернышевский, А. С. Грибоедов, А. Блок, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, У. Шекспир, А. Данте, Гораций, К. Маркс, В. И. Ленин и др. Все эти деятели оказывают большое влияние на личность главного героя, Федора Годунова-Чердынцева, будущего писателя.

Наиболее ярким является имя А. С. Пушкина, фигура которого оказывает влияние на творчество главного героя. А. С. Пушкин функционирует как живой собеседник главного героя, является для него духовным учителем, образцом чистого творчества и духовной глубины.

Обратимся к фрагментам текста, содержащим контексты употребления рассматриваемого прецедентного имени. В первой главе звучит высказывание Федора Годунова-Чердынцева из разговора с Кончеевым о классиках русской литературы:

Не трогайте Пушкина: это золотой фонд нашей литературы [5].

Имя поэта, по мнению главного героя, является неприкосновенным эталоном, который нельзя подвергать сомнению и критике. Данный отрывок демонстрирует безоговорочное принятие Федором наследия «Пушкина» как неизменной ценности. В. Набоков, противопоставляя «Чеховскую корзину» и «золотой фонд Пушкина», демонстрирует, что для Федора творчество А. П. Чехова кажется ему обыденностью на фоне произведений Пушкина.

На творческом пути Федора Годунова-Чердынцева А. С. Пушкин — не просто образец для подражания и ориентир, но стихия, в которой формируется стиль будущего писателя:

В течение всей весны, продолжая тренировочный режим, он питался Пушкиным, вдыхал Пушкина, — у пушкинского читателя увеличиваются легкие в объеме. Учась меткости слов и предельной чистоте их сочетания, он доводил прозрачность прозы до ямба и затем преодолевал его, — живым примером служило... [5].

Пушкин входил в его кровь. С голосом Пушкина сливался голос отца. Он целовал горячую маленькую руку, принимая ее за другую, крупную руку, пахнущую утренним калачом. Он помнил, что няню к ним взяли оттуда же, откуда была Арина Родионовна, — из-за Гатчины, с Суйды... [5].

Прецедентное имя «Пушкин» косвенно, совместно с контекстом, создает образ героя, погруженного в творчество. Метафоры «вдыхал Пушкина», «Пушкин входил в его кровь» раскрывают, как Федор пытался понять его философию, пытался думать, как великий поэт. «Пушкин» становится для него воздухом, без которого невозможно жить и творить.

А. С. Пушкин представлен В. Набоковым как вечный символ русской литературы:

Говорят, — писал Сухощюков, — что человек, которому отрубили по бедро ногу, долго ощущает ее, шевеля несуществующими пальцами и напрягая несуществующие мышцы. Так и Россия еще долго будет ощущать живое присутствие Пушкина [5].

«Пушкин» продолжает жить в русском языке, его творчество не забыто, не потеряно после его смерти, оно развивается и остается актуальным для новых поколений.

А. С. Пушкин предстает и как культурный код, творчество которого тесно связано с мышлением русского человека, формирует ход мыслей и представителей русской культуры:

Мой отец мало интересовался стихами, делая исключения только для Пушкина [5].

В романе через отношение к А. С. Пушкину можно оценить личность, ее систему ценностей. Так, Федор Годунов-Чердынцев рассуждает в своем труде «Жизнь Чернышевского»:

Мы теперь подходим к его самому уязвимому месту; ибо так уже повелось, что мерой для степени чутья, ума и даровитости русского критика служит его отношение к Пушкину [5].

Тогда, пожалуйста, вы свободны: можете раскритиковать Пушкина за любые измены его взыскательной музе и сохранить при этом и талант свой и честь. Браните же его за шестистопную строчку, вкраившуюся в пятистопность «Бориса Годунова», за метрическую погрешность в начале «Пира во время чумы», за пятикратное повторение слова «поминутно» в нескольких строках «Метели», но ради Бога бросьте посторонние разговоры [5].

В этом контексте имя «Пушкин» предстает как средоточие целой идеологии — это «концентрат русского духа». Главный герой данного текста противопоставляет своего кумира духовному антагонисту — Н. Г. Чернышевскому. «Пушкин» символизирует художественный гений и эстетическое совершенство,

тогда как Чернышевский представляет утилитарность, ориентированную на социальные задачи.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что имя «Пушкин» раскрывается как прецедентное имя в художественном тексте В. В. Набокова «Дар». Оно становится важным, контекстуально значимым как символ вечного творческого поиска, духовного наставника. Пушкин в тексте В. В. Набокова — это часть русского культурного кода, «золотой фонд» русской ментальности.

Примечания

1. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко [и др.] // Язык, сознание, коммуникация. 1997. Т. 1.

2. Леваева Л. В. Процесс перехода имен собственных в имена нарицательные // Вестник ВУиТ. 2010. № 4.

3. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург : УрГПУ, 2007.

4. Соколова О. И. Личное имя собственное как прецедентный феномен. URL: <http://docs.gsu.by.doc>.

5. Набоков В. В. Дар. Санкт-Петербург : Азбука, 2014. 448 с.

6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : ЛКИ, 2010. 264 с.

Багировов Хазрет Заурбечевич

hbaqirokov@mail.ru

Адыгейский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ К ПЕРЕКЛЮЧЕНИЮ КОДА В ПРОЦЕССЕ АНАЛИЗА ТОПОНИМОВ

Аннотация. Формирование коммуникативно-дискурсивной компетентности (КДК) к переключению кода (ПК) в процессе анализа дискурсивных практик (ДП) автора, транслирующего топонимическую картину мира языкового сознания студентов-билингвов, является объектом анализа в статье. Выделяется и описывается лингводидактический материал, презентующий недостаточно изученное научное направление лингводидактики, контактной и дистантной лингвистики, характеризующееся несформированностью понятийного аппарата, проходящую в лингводидактической науке спецификацию. В статье подверглись анализу механизмы и функции ПК в ситуации анализа

топонимической картины автора. Устанавливается, что необходимы исследования маркеров, транслирующих функции ПК, презентующие формирование параметров топонимических знаний студента-билингва. В лингводидактической науке не в полной мере подвергался исследованию педагогический процесс и формирование ДП студентов-билингвов к ПК, что позволит выявить условия их формирования при анализе лингводидактического, социокогнитивного, психолингвистического и лингвокультурного подходов. В статье предпринята попытка анализа топонимической картины мира, как инструмента трансляции языковой картины автора, транслирующего через языки-посредники национальную аксиологию. Исследовательское внимание уделено языковому контактированию, синкретизму и гетерогенности языков, культурологической дистанции в ДП, что позволит исследовать прагматические функции ПК в других лингводидактических условиях формирования мультILINGВальной компетентности.

Ключевые слова: формирование, дискурс, коммуникативная компетентность, педагогический процесс, анализ, переключение кода.

Bagirokov Kh. Z.
Adygea State University

FORMATION OF PRAGMATIC COMPETENCES FOR CODE SWITCHING IN THE PROCESS OF ANALYZING TOPONYMS

Abstract. The article analyzes the mechanisms and functions of the PC in the situation of analyzing the author's toponymic picture. It is established that it is necessary to study markers that translate the functions of a PC, presenting the formation of the parameters of toponymic knowledge of a bilingual student. The pedagogical process has not been fully investigated in linguodidactic science and the formation of the DP of bilingual students to the PC, which will reveal the conditions of their formation in the analysis of linguodidactic, sociocognitive, psycholinguistic and linguocultural approaches. The article attempts to analyze the toponymic picture. It is established that it is necessary to study markers that translate the functions of a PC, presenting the formation of the parameters of toponymic knowledge of a bilingual student. The pedagogical process has not been fully investigated in linguodidactic science and the formation of the DP of bilingual students to the PC, which will reveal the conditions of their formation in the analysis of linguodidactic, sociocognitive, psycholinguistic and linguocultural approaches. The article attempts to analyze the toponymic worldview as a tool for translating the author's linguistic worldview, which is transmitted through intermediary languages and reflects national axiology. The article focuses on language contact, syncretism, and heterogeneity of languages, as well as the cultural distance in DP, which allows for the exploration of the pragmatic functions of DP in other linguodidactic contexts for the formation of multilingual competence.

Keywords: formation, discourse, communicative competence, pedagogical process, analysis, code switching.

Лингводидактические условия формирования КДК являются требованием образовательного процесса, так как эти компетенции студентов-билингвов к ПК — это эволюция языкового сознания, которое функционирует в условиях естественного контактного и дистантного билингвизма и требует междисциплинарных исследований и анализа. В условиях глобализации и интенсификации языковых контактов перед образовательными учреждениями стоит актуальная задача эффективного обучения билингвов, обладающих двумя языковыми системами и способностью переключаться между ними в зависимости от коммуникативной ситуации. Исследование фокусируется на формировании компетентности, которая понимается как способность студентов-билингвов адекватно использовать оба языка для достижения коммуникативных целей, включая стратегическое ПК (code-switching) и применение принципов би-/транслингвизма (translanguaging) при анализе сложных дискурсивных конструкций в образовательном процессе. Научные исследования демонстрируют, что ПК не является признаком языковой недостаточности, а напротив, свидетельствует о высокой лингвистической компетентности обучаемых. Би-/транслингвальный образовательный процесс представляет собой условие, при котором студенты мобилизуют все ресурсы коммуникативных компетенций для создания смысла в сложных синтаксических конструкциях на ненативном языке. Эффективное преподавание требует переориентации традиционного подхода, при котором языки рассматриваются как обособленные системы, в сторону интегрированного обучения, признающего взаимосвязанность метакогнитивных ресурсов студентов-билингвов. В данной статье анализируются многоуровневые механизмы развития КДК студентов-билингвов, роль ПК как сложного прагматического инструмента, применяемого в академических условиях преподавателями высшей школы. В работе «Художественный билингвизм: к определению понятия» (2005) Р. О. Туксаитова отмечает: «в зависимости от ареала» функционирования «вычленяются типологические зоны литературного многоязычия» [1, с. 198–206], что может служить эмпирическим материалом в учебном процессе для обучающихся. Понимание природы би-/транслингвизма и механизмов развития КДК требует

систематического рассмотрения теоретических позиций, которые сформировались на пересечении лингвистики, психолингвистики, социолингвистики и педагогики. По мнению В. фон Гумбольдта, язык: «описывает вокруг народа ... круг, из пределов которого ... вступаешь в другой круг» [2, с. 57]. О. Гарсия и Ли Вей констатируют: «транслингвальная деятельность» и «транслингвальная практика» заложена идея лингвистической креативности ...» [3, с. 86–95]. Это означает, что би-/транслингвизм существует во всех образовательных группах и во всех современных метакогнитивных структурах, особенно в географически и культурноразнообразных странах и регионах РФ, Канады, Индии, Латинской Америки, Африки и Азии.

Би-/транслингвальный подход в лингводидактике делает акцент не на язык как систему, а на язык как практику, то есть как деятельность, осуществляемую в конкретных социокультурных условиях. Отличительной чертой транслингвизма является его фокусирование на формировании КДК. Лингводидактический подход при изучении различных языков, которыми владеет студент-билингв, не предполагает конкуренции; напротив, студенты выбирают то, что имеет наибольший смысл для коммуникативно-дискурсивных практик на основе конкретной социолингвистической ситуации, что может выглядеть как смешивание языков. При языковых контактах ПК между языками рассматривается не как дефект, а как стратегическое и целенаправленное использование полного лингвистического репертуара для достижения коммуникативных целей и задач. Данный процесс представляет собой не просто комбинирование двух языков, а новое, творческое, трансформирующее и интегрирующее использование адыгейского и русского языков для конструирования смыслов и идентичностей.

Специфика языкового сознания би-/транслингва заключается в том, что они являются творческими агентами, которые используют полный спектр своих КДК для выражения сложных мыслей и эмоций. В педагогических целях в школьном и университетском образовательном процессе преследуют такие цели: 1) поддержка студентов-билингвов в их работе со сложными контекстами и текстами; 2) предоставление возможностей в образовательном процессе развивать навыки академического дискурса; 3) создание пространства для би-/транслингвальных или мультилингвальных способов хранения знаний

студентами; 4) поддержка социального и эмоционального развития мультилингвальных идентичностей студентов. Преподаватели могут моделировать гибкое использование языка как в устной, так и в письменной форме, создавая задания, в которых студенты читают или рассказывают истории друг другу на родном языке, а затем переводят их на изучаемый язык для обмена с другими студентами. Практическое применение би-/транслингвизма в университетском образовательном процессе требует фундаментального сдвига в преподавательских методиках и практиках. Нужно научить студентов рассматривать использование своего родного языка не как помеху овладения неродным языком, преподаватели должны признать родной язык студентов как ценный ресурс, способствующий пониманию и конструированию смысла в коммуникативно-дискурсивных практиках. Нативный язык важен при анализе сложных дискурсивных явлений, когда обучаемым требуется произвести метакогнитивную работу — объяснить себе и другим, как функционируют контактирующие языки, какой выбор делает автор текста и как различные языковые элементы способствуют созданию смысла. В таких ситуациях возможность использовать в дополнение к изучаемому языку и нативный язык дает студентам-билингвам большую гибкость и снижает когнитивную нагрузку при работе с сложным материалом.

Концепция КДК студентов-билингвов, которая является центральной для нашей статьи, развивалась на протяжении нескольких десятилетий и претерпела значительную трансформацию в лингводидактике. У. М. Бахтикиреева и О. А. Валикова в статье «Языковые ключи» (2022) отмечают: «Иноязычная лексика в транслингвальном (русофонном) художественном тексте» [5, с. 1184–2000] выполняет функцию диалога культур и характеризуется уровнем вовлеченности языкового сознания студента-билингва в образовательный процесс. Х. З. Багировов и др. анализируют метакогнитивные условия функционирования языкового сознания при ПК, где «... подвергаются анализу механизмы и прагмастилистические функции ПК в ситуации транслингвальной ... коммуникации, требующие мультипарадигмальных научных изысканий...» [7, с. 99–106]. Л. А. Ульяницкая отмечает: «Переключение кодов (кодовое переключение) — репрезентирует переход с одного языка на другой или формы его существования (кода, субкода) на другой код, обусловленный изменениями ролевых отношений между

говорящими в процессе общения» [8, с.173–176]. Auer P., Wei L. различают ПК как: «1) ситуативное; 2) метафорическое». Далее процесс ПК подразумевает «смешение кодов» [9, с.1–12]. ПК — явление, которое традиционно рассматривалось как признак языковой недостаточности или когнитивной путаницы, — в действительности является сложным и систематическим проявлением в условиях формирования би-/транслингвальной компетентности студентов. Исследования по ПК демонстрируют позитивную корреляцию между частотой ПК и уровнем коммуникативной компетентности в родном и неродном языках студентов-билингвов. КДК ПК являются ещё одним показателем его сложности и осознанности. Анализ речи студентов-билингвов, получающих образование в многоязычных группах, выявил множество коммуникативных функций, которые выполняет ПК. Важно также отметить, что паттерны ПК варьируют в зависимости от социально-коммуникативной ситуации и эмоционального состояния студентов-билингвов. Исследование речи адыгейско-русских билингвов обнаружило, что студенты, обсуждавшие социальные темы (в данном случае — джегу, «свадьбу»), совершали меньше переключений между языками и в основном использовали один язык — адыгейский — без частого переключения на русский. Однако при обсуждении академически сложной темы (планы на следующий семестр) студенты-билингвы демонстрировали значительно более частое ПК. Это свидетельствует о том, что выбор языка и частота ПК зависят от того, на каком языке обучаемые преимущественно обсуждают конкретные темы в разных коммуникативно-дискурсивных условиях. Сложные академические темы, которые обсуждаются преимущественно на русском языке (языке образования), становятся триггером для более частого переключения на русский даже в контексте русского академического общения.

При анализе ПК мы использовали контексты из Р. Х. Трахо «Черкесы», где транслируются прагмалингвистические функции ПК. ДП презентуют билингвальные реалии-топонимы, транслирующие «Административно-территориальное устройство» Черкесии: *This principality of «Tmutarakan» actually remained in Circassian hands until 1022 when Mstislav moved his army against Tmutarakan (Taman) in order to consolidate his ruhe there* [10], — «Это княжество «Тмутараканское» фактически оставалось в руках черкесов до 1022 г., когда Мстислав двинулся с армией в Тмутаракань (Тамань),

чтобы утвердить здесь свою власть» [11]. Билингвальная реалья-топоним в русском *Темэн (Тмутаракань, Тамань)* и в английском «*Tmutarakan (Taman)*» текстах презентует Причерноморье и ее территорию, но в английском тексте Р. Трахо не использовал латиницу и при функционировании когнитивно-семантических смыслов топонимических единиц наблюдается явление культурной интерференции лексико-семантического уровня. Семантика языковой единицы, по «Топонимическому словарю Кавказа» А. В. Твердого, презентует адыгскую лексему темен — «болото», «плавни» [13], устаревшая у кабардинцев форма — таман. Антропонимы *Таман, Тэман* функционируют в нартском эпосе северокавказских народов, транслируя аксиологию этноса в ТД, написаны они в форме диалога автора с читателем. Билингвальная реалья-топоним *Таман* — следствие лакунарности соответствующего эквивалента в русском языке. Формирование коммуникативных компетенций студента-билингва связано с прагматической функцией ПК, внутрисентенциально (*intrasentential*), «немаркированного» выбора в предложении, интерференция билингвального «вкрапления» (*insertion*) на уровне лексики [7, 99–106]. Исследование, проведенное нами с участием студентов-билингвов, показало, что они обладают высокой языковой компетентностью в контактирующих языках, демонстрируют более частое и более сложное ПК, особенно случаи внутрифразового переключения, которое требует одновременного активирования грамматических правил адыгейского и русского языков. Менее компетентные билингвы, напротив, демонстрировали тенденцию к более частому использованию простого внефразового переключения или заимствования отдельных слов, что требует меньшего лингвистического контроля. Таким образом, сложность ПК коррелирует с уровнем лингвистической компетентности в языках.

Итак, ПК выполняет разнообразные коммуникативно-дискурсивные и метакоммуникативные функции, которые демонстрируют его интегрированность в речевую систему студентов-билингвов, а паттерны ПК варьируют в зависимости от социально-коммуникативной ситуации и эмоционального состояния студентов-билингвов. Исследование речи адыгейско-русских студентов обнаружило, что студенты, обсуждавшие социальные темы (в данном случае — джегу «свадьба»), совершали меньше переключений между языками и в основном использовали один язык — адыгейский — без частого

переключения на русский. Однако при обсуждении академически сложной темы (планы на следующий семестр) студенты-билингвы демонстрировали значительно более частое ПК. Это свидетельствует о том, что выбор языка и частота ПК зависят от того, на каком языке обучаемые преимущественно обсуждают конкретные темы в разных коммуникативно-дискурсивных условиях. Сложные академические темы, которые обсуждаются преимущественно на русском языке (языке образования), становятся триггером для более частого переключения на русский даже в контексте русского академического общения. КДК, которая является важной составляющей речевой деятельности студентов-билингвов, представляет собой способность формировать интегрированные, связанные и логичные высказывания при использовании в устной и письменной форме в различных функциональных стилях, опираясь на социокультурную ситуацию и определённые коммуникативные цели. Для студентов-билингвов развитие КДК осложняется необходимостью овладеть не одной, а двумя системами дискурсивной организации, которые могут различаться в своих подходах к структурированию информации, выбору лексики, использованию связующих элементов и прочим параметрам.

Прагматическая компетенция, которая часто понимается как малоизученный, но исключительно важный компонент КДК, представляет собой способность передавать предполагаемое сообщение со всеми его нюансами в любом социокультурном контексте и интерпретировать сообщение собеседника так, как это было задумано, что является важной для успешной коммуникации, однако часто ей не уделяется необходимое внимание при обучении ненативному языку. В результате студенты-билингвы, которые усвоили лингвистическую компетенцию, но не усвоили прагматическую компетенцию, способны воспроизводить грамматически совершенную речь, которая, тем не менее, не достигает своих коммуникативных целей, что особенно значимо для студентов-билингвов, поскольку они должны не только произвести грамматически корректное высказывание, но также убедиться, что высказывание соответствует социальным и культурным нормам контекста, в котором оно производится, и что выбранный язык адекватен для достижения коммуникативных целей. Прагматическая компетенция представлена несколькими компонентами: 1) знанием общих моделей для построения высказывания и их преобразования в текст (дискурсная компетенция);

2) навыком использовать высказывания для выполнения разных коммуникативных функций (функциональная компетенция); 3) навыком последовательно воспроизводить высказывание в соответствии с моделями взаимодействия (компетенция схематического построения речи). Говорящие делают выбор той или иной структуры языка и создают стратегии, основанные на уникальных свойствах прагматической компетенции, таких как: 1) изменчивость (свойство общения, которое определяет диапазон коммуникативных возможностей); 2) обратимость (возможность принятия решений на основе гибких стратегий); 3) адаптивность (способность модулировать коммуникативные варианты в отношении коммуникативного контекста); 4) значимость, неопределённость (возможность пересмотра прагматического выбора по мере разворачивания взаимодействия) и динамичность (развитие коммуникативного взаимодействия во времени). При анализе ДП прагматическая компетенция становится особенно значимой, так как студенты должны уметь распознавать и объяснять прагматические функции ПК.

Формирование КДК студентов-билингвов требует применения скоординированного набора лингводидактических подходов, которые признают специфические потребности и способности обучающихся.

Рекомендации для педагогической процесса формирования прагматических компетенций к переключению кода включают следующие компоненты: 1) контроль специализированной подготовки преподавателей, которые работают со студентами-билингвами, обеспечивает достаточные знания о языковых контактах, кодовом переключении и би-/трансязычии, чтобы создавать поддерживающие и инклюзивные учебные среды; 2) разработку учебных материалов и заданий, которые используют аутентичные примеры ДК из реальных коммуникативных ситуаций; 3) внедрение методов дискурс-анализа в преподавание, позволяющих студентам развивать аналитические и рефлексивные способности; 4) поощрение интерактивных и коллаборативных видов деятельности, которые создают возможности для студентов применять развиваемые навыки в реальных коммуникативных ситуациях; 5) использование форматного оценивания, которое предоставляет регулярную и конструктивную обратную связь студентам об их прогрессе в развитии коммуникативной компетентности.

Примечания

1. Туксаитова Р. О. Художественный билингвизм: к определению понятия // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 198–206.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Москва : Прогресс, 2000. С. 57.
3. Garcia O., Wei L. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York : Palgrave Macmillan, 2014. P. 86–95.
4. Бахтиреева У. М., Валикова О. А. «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (русофонном) художественном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Vol. 13, № 1. С. 184–199.
5. Багиров Х. З., Пшизова А. К. Репрезентация языкового сознания автора в транслингвальном дискурсе и переключение кода // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2023. Вып. 1 (312). С. 99–106.
6. Ульяницкая Л. А. Языковые контакты и особенности их изучения в различных лингвистических дисциплинах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 12 (78): в 4-х ч. Ч. 4. С. 173–176.
7. Auer P., Wei L. Introduction: Multilingualism as a problem? Monolingualism as a problem? // Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication. Berlin, 2007. P. 1–12.
8. Traho R. Circassians. Мюнхен, 1956. P. 8.
9. Трахо Р. Х. Черкесы. Нальчик : Полиграфкомбинат, 1992. 184 с.
10. Твердый А. В. Топонимический словарь Кавказа. Ч. 1, 2. Краснодар : Краснодар. кн. изд-во, 2011. 2060 с.
10. Хатанов А. А., Керашева З. И. Толковый словарь адыгейского языка = Адыгабзэм изэхэф гушчыпалъ. Майкоп : Адыг. кн. отд-ние Краснодар. кн. изд-ва, 1960. 696 с.

Багомедов Муса Расулович

b_musa@mail.ru

Дагестанский государственный университет

ОБ ОПЫТЕ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЯ АНТРОПОНИМОВ МОНОНАЦИОНАЛЬНОГО СЕЛЕНИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Исследование подобного характера проводится впервые. На основе сбора и анализа обширного полевого, архивного и источниковедческого материала анализируется антропонимикон (около 700 мужских и женских личных имен) жителей и уроженцев селения Меусиша

Дахадаевского района Республики Дагестан. В словарной статье толкуемого имени дается характеристика, в которой наличествует языковая и культурно-историческая информация. Такое комплексное и детальное изучение антропонимов отдельного населенного пункта даст очень многое не только для данного диалекта (говора), но и для установления общедиалектного, -языкового (-даргинского), -дагестанского, -кавказского уровней. Подготовленный на базе большого фактического материала конкретного села словарь может послужить примером подготовки словарей для других населённых пунктов Дагестана и других регионов России. В словаре также представлены имена, этимологию и языковую принадлежность которых нам пока не удалось раскрыть. Первоначальные наблюдения говорят о том, что они в большей степени образованы от прозвищ и на базе апеллятивной диалектной лексики. Словарь рассчитан не только на лингвистов, но и на широкий круг читателей: учащихся и учителей школ, студентов, аспирантов и преподавателей вузов, работников сельских администраций и ЗАГСов, паспортно-визовых служб, а также на тех, кто интересуется происхождением, этимологией и использованием личных имён и выборе имени новорожденного.

Ключевые слова: антропонимы, личные имена, селение Меушиша, полиэтничный регион.

Bagomedov M. R.
Dagestan State University

ON THE EXPERIENCE OF COMPILING A DICTIONARY OF ANTHROPONYMS FOR A MONO-NATIONAL VILLAGE IN A MULTI-ETHNIC REGION

Abstract. This is the first study of this nature to be conducted. Based on the collection and analysis of extensive field, archival, and source material, this article examines the anthroponymicon (approximately 700 male and female personal names) of residents and natives of the village of Meusisha in the Dakhadaevsky District of the Republic of Dagestan. The dictionary entry for each name provides a description that includes linguistic, cultural, and historical information. Such a comprehensive and detailed study of the anthroponyms of a particular locality will yield significant insights not only for the given dialect (proverb), but also for establishing general dialectal, linguistic (Dargin), Dagestani, and Caucasian levels. A dictionary compiled from extensive factual material from a specific village can serve as a model for the development of dictionaries for other localities in Dagestan and other regions of Russia. The dictionary also includes names whose etymology and linguistic origin we have not yet been able to determine. Initial observations suggest that they are largely derived from nicknames and based on appellative dialectal vocabulary. The dictionary is intended not only for linguists but also for a wide range of readers: schoolchildren and teachers, undergraduate and graduate students, and university professors, rural administration and civil registry office staff, passport and visa service employees, as well as those interested in the origin, etymology, and use of personal names and choosing a name for a newborn.

Keywords: anthroponyms, personal names, Meusisha village, multi-ethnic region.

У каждого народа существуют свои обычаи и обряды имянаречения, которые развиваются и совершенствуются в зависимости от времени и места. По древнему обычаю дагестанцев, на праздник имянаречения новорожденного приглашались родственники, соседи, а также человек, который должен дать имя ребенку [1, с. 90]. С течением времени и в результате смены общественно-экономических формаций изменялись факторы, оказывавшие влияние на создание имен, что, в свою очередь, влияло на именованность народа. Интересные примеры можно наблюдать в становлении и развитии именованных народов Дагестана, в том числе и меусишинского. Весьма интересной является история происхождения женского личного имени *Цлибацц* «Цибац».

Даргинские имена долгое время оставались вне должного внимания исследователей. Даже в «Справочнике личных имен народов РСФСР» (1965, 1979, 1987, 1989 гг. изд.) они не упомянуты [2, с. 7]. Научному освещению этой проблемы посвятили свои статьи Мусаев М.-С. М., С. М. Гасанова, С. М. Темирбулатова, М. Р. Багомедов, У. У. Гасанова, Н. И. Стоянова и др. С. М. Рабаданова [3] была сделана попытка показать общие и отличительные признаки даргинских, русских и английских имен. М. Р. Багомедов [2] издал словарь, где представлено около 5000 даргинских личных имен. Тем не менее, в даргинской антропонимике имеется еще много проблем, которые ждут своего решения. Одной из них является подготовка и издание словаря отдельного населённого пункта полиэтнического региона, о котором мы выступили с докладом [Багомедов 2016: 38–42] в 2016 г. в Адыггосуниверситете на Международной научной конференции «Проблемы общей и региональной ономастики».

Актуальность темы исследования возрастает и в связи с тем, что только во второй половине XX века более 230 населённых пунктов, представляющих собой неповторимые, уникальные миры, перестали существовать [5, с. 102]. В большинстве случаев не собран редкостный и ценнейший ономастический материал таких населённых пунктов.

Количество исконных имён с каждым днём уменьшается. Поэтому особое внимание необходимо обратить на их сбор и анализ. Нам удалось зафиксировать некоторые из них:

мужские личные имена — *Дудеш* «отец», *Урши* «сын», *Хъубзар* «пахарь, крестьянин», *Цаиб* «первый, первенец» и др.; женские личные имена — *Жага* «красавица», *Жатта* «ласточка», *Цайба* «птичка», *Цлибац* букв. «Новая луна», *Цаибат* «первая» и др.

Ономатологи отмечают, что «не зафиксированные историческими источниками древние имена или прозвища могут быть восстановлены благодаря топонимам» [6, с. 111–112]. В зафиксированных около одной тысячи микропонимах с. Меусиша представлены антропонимы, отдельные из которых сегодня не бытуют у меусишинцев: *Тяймазхляжи* — *Тяймазхляжила хъу* «Пашня Таймазгаджи», *Къайтамиз* — *Къайтамизла инцала* «Теневая сторона Кайтамиза», *Гляжу* — *Гляжула глинцила* «Родник Ажу», *Гланцлахгали* — *Гланцлахгамахъхъи* «Хутор глухих» и др. Географические названия в основном связаны с личными, родовыми (фамильными) именами людей и прозвищами.

Старинные рукописи и различные источники являются незаменимыми источниками для ономастических исследований. Например, анализ «Посемейного списка Меусишинского сельского общества селения Меусиша. 1886 г.» [7, с. 847–927] выявил редкие или сегодня практически не употребляемые жителями данного населённого пункта мужские личные имена (в данном источнике фиксируется лишь общее количество лиц женского пола в хозяйстве, без указания личных имён): *Халатда*, *Табжин*, *Сонгусон*, *Жанай*, *Шака*, *Амма*, *Сапарша*, *Харатун*, *Хапчи (Хабчи)*, *Ханди*, *Багажи*, *Кайтмаз*, *Гимран*, *Ахсан*, *Ваклит*, *Амилай*, *Хусру*, *Тирмид*, *Суллай*, *Ашикали*, *Капа*, *Суду*, *Кандай*, *Сайди*, *Апа*, *Дурканай*, *Абаз*, *Виштал*, *Матай*, *Бахсан*, *Айса*, *Панус (Панас)*, *Гасанакой (Гасанакай)*, *Абаз*, *Субай*, *Шаммай*, *Ярахмад*, *Дарсам*, *Абдул-вагаб*, *Омар-аман*, *Газихан*, *Амир*, *Али-Галбац*, *Абдул-Гапиз*, *Айса мирза*, *Абдул амин*, *Али Султан*, *Абдул Халик*, *Ханбу*, *Амирза*, *Абдул Гани*, *Али-Султан*, *Кадир*, *Гасан бек*, *Кад али*, *Хан Магома*, *Хайбар*, *Султан-Багомад* (орфография имён даётся по оригиналу; представленные в списках личные имена — это транслитерация имён жителей села).

196 раз встречаются ономастические единицы в обнаруженном к концу XX в. с. Гулли Кайтагского района РД рукописи «*Мигъан шайх Мухламмад*» («Шейх Мухаммад из Мега») на аджаме — меусишинском говоре муиринского диалекта даргинского языка. Антропонимы в основном относятся

к разряду агнионимов (имена святых). Из имен представлены только мужские личные имена [8]. Отмечены и редкие имена: *Баба* «Баба», *Бабашайх* «Бабашейх», *Мухламмад-шапиґлхляжи* «Мухаммадшапиґаджи», *Шапиґлхляжи* «Шапиґаджи».

В письме к Алибик-кади Курбану Кулижинскому Абдурахман-кади Меусишинского от 1332 г. по мусульманскому летоисчислению (1914 г. по григорианскому летоисчислению) зафиксированы редкие имена: *Абдурахман-кади*, *Гасан-будун*.

В с. Акуша была найдена рукопись, написанная на арабском языке меусишинцем Мусала Багомедкади, где говорится о событиях 1313 г. (1895 г.), 1332 г. (1914 г.) и 1328 г. (1910 г.). В ней отмечены редкие у даргинцев мужские личные имена *Гялирзахляжи* «Алирзагаджи» и *Булатхляжи* «Булатгаджи».

Редкие личные имена зафиксированы в документе от 16 апреля 1918 о решении спорного вопроса за поселение Исмаилгаджи (*Исмалхляжила махъхъи*) селения Меусиша: *Мухаммад-шапиґаджи*, *Абдурахман-кади*.

Личные беседы с жителями и уроженцами с. Меусиша и наблюдения выявили ещё ряд малоупотребительных мужских и женских личных имён: *Гяпа* «Апа», *Иминтагыр* «Имантагир», *Исламзагыр* «Исламзагир», *Къадисалых* «Кадисалах», *Тимир* «Тимир», *Тувакар* «Тувакар», *Хласбан* «Гасбан», *Зайдат* «Зайдат», *Ирен* «Ирен».

Обнаружены редкие мужские личные имена в списках меусишинцев — участников Великой Отечественной войны [9]: *Абдур*, *Арим-Хлямза*, *Магомед-Имин*, *Султан-азиз*, *Сайда-Бяхлямма*, *Баба*, *Газук*, *Исмаилгаджи*, *Шағбанмуги*.

В похозяйственных книгах Меусишинского сельского совета (1625 человек) и меусишинского кутана «Ташкечи» (134 человека) 2008 г. зафиксированы мужские (*Алсун*, *Асут*, *Байрамбег*, *Байри*, *Гамзатхан*, *Гасантай*, *Газукгаджи*, *Ибрак*, *Кадражин*, *Курбанатта*, *Мираслав* (Мирослав), *Музи*, *Мусабагомед*, *Мусабек*, *Ниғматулла*, *Рамил*, *Ринад*, *Сулайбанкади*, *Шапиґаджи*, *Яку*) и женские (*Ажабика*, *Гулсалтан*, *Дина*, *Ева*, *Елизавета*, *Мудрикат*, *Надежда*, *Самера*, *Халумистак*, *Хеди*, *Шахризат*) личные имена, которые не были представлены в «Словаре даргинских личных имён» М. Р. Багомедова [2006].

По частотности наиболее употребляемыми являются: а) из 1612 зафиксированных фамилий (всего 113 наименований): *Магомедов* — 311 раз, *Рабаданов* — 206, *Багомедов* — 90,

Курбанов — 55, *Гаджиев* — 51, *Азизов* — 48, *Ахмедханов* — 43, *Абудурахманов* — 34, *Расулов* — 33, *Закаргеев* — 26; б) мужские личные имена (всего 207 наименований): *Магомед* — 80, *Рабадан* (32), *Рабазан* (22), *Рамазан* (18) — 72, *Шамил* — 39, *Руслан* — 34, *Мурад* — 24, *Арсен* — 22, *Магомедрасул* — 21, *Расул* — 16, *Ибрагим*, *Ахмед* — 10, *Тагьир*, *Сулайбан* — 9; в) женские личные имена (всего 164 наименований): *Патима* — 70, *Гулаймат* — 32, *Айшат*, *Зайнаб* — 31, *Хадижат* — 25, *Ашура* — 23, *Пирдауз* (21), *Пирдавз* (1), *Пирдаус* (1) — 23, *Зухра* (Зугра) — 21, *Аминат* — 20, *Жума* (*Джума*) — 18, *Салимат* — 17.

Как видно из приведённых антропонимов, лидирующее место занимают фамилия *Магомедов*, мужское личное имя *Магомед*, женское личное имя *Патима*. Эти имена среди дагестанцев были очень распространены, своё лидерство они не потеряли и сегодня, в том числе, и в меусишинском антропонимиконе. «Это имя (*Магомед*, *Мухаммед*) до недавнего времени, а у некоторых народностей Дагестана, например, у кумыков, аварцев и по сей день настолько популярно, так глубоко внедрилось в их языки, что может употребляться и в качестве «репрезентивных» имён, например, *Магомед* — «дагестанец», а *Патимат* — «дагестанка» [10, с. 137].

Что же даёт такое комплексное исследование антропонимов одного селения? В нашем случае итогом работы явились зафиксированные нами и включённые в словарь около 700 мужских и женских личных имён, где представлены и ранее не отмеченные в научной литературе личные имена. В словарь также включены имена, этимологию и языковую принадлежность которых нам пока не удалось раскрыть. Первоначальные наблюдения говорят о том, что они в большей степени образованы от прозвищ и на базе апеллятивной диалектной лексики.

Подготовленная на базе большого фактического материала конкретного села данная книга может послужить примером для подготовки словарей и других населённых пунктов Дагестана.

Таким образом, комплексное и детальное изучение антропонимов отдельного населённого пункта даст очень многое не только для данного диалекта (говора), но и для установления общедиалектного, -языкового, -дагестанского, -кавказского уровней.

Примечания

1. Магомедов Р. М. Обычаи и традиции народов Дагестана. Махачкала : Дагучпедгиз, 1992. 144 с.
2. Багомедов М. Р. Словарь даргинских личных имён. Махачкала : ИПЦ ДГУ, 2006. 169 с.
3. Рабаданова С. М. Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской. Махачкала : ИПЦ ДГУ, 2000. 128 с.
4. Багомедов М. Р. К проблеме создания словарей антропонимов отдельного населённого пункта полиэтнического региона // Проблемы общей и региональной ономастики : материалы X Междунар. науч. конф., Майкоп, 19-21 мая 2016 г. Майкоп : АГУ, 2016. С. 38–42.
5. Курбанов М. Р., Курбанов Ж. М. Дагестан: депортация и репрессии. Трагедии и уроки. Махачкала : Дагкнигоиздат, 2001. 280 с.
6. Агеева Р. А. Гидронимика // Ономастика. Проблемы и методы. Москва, 1976.
7. Багомедов Г. Р., Багомедов Б. М. Посемейный список Меусишинского сельского общества селения Меусиша 1886 г. Махачкала : Радуга, 2010. 40 с.
8. Меусишан МухІаммадшапигІхІяжи. Мегъан шайх МухІяммад (Мухаммадшапигаджи Меусишинский. Шейх Мухаммад из Мега) : очерк-эссе / сост. М. Р. Багомедов. Махачкала : Деловой мир, 2005. 64 с. (на даргинском языке).
9. Багомедов Г. Р. Меусиша и меусишинцы в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., перераб. Махачкала : АЛЕФ, 2015. 50 с.
10. Абдуллаев И. Х. Некоторые вопросы дагестанской антропонимии // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. — Москва : Наука, 1970. С. 136–139.

Балашова Анастасия Павловна

студент 4 курса

филологического факультета

Адыгейского государственного университета

Научный руководитель: Л. В. Копоть

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ АНАСТАСИЯ БАЛАШОВА

Аннотация. Цель исследования: анализ антропонимической формулы автора — Анастасия Балашова, — связанный с происхождением данного антропонима, а также выявлением лингво- и этнокультурных доминант, зашифрованных в имени и фамилии.

Ключевые слова: антропоним, антропонимикон, топоним, оним, этимология, антропонимическая формула.

Balashova A. P.

a fourth-year student of the philological faculty
Adyghe State University

**ON THE QUESTION OF THE ORIGIN
OF THE ANTHROPONYMIC FORMULA
ANASTASIA BALASHOVA**

Abstract. The purpose of the study: analysis of the author's anthroponymic formula — Anastasia Balashova — related to the origin of this anthroponym, as well as the identification of linguo- and ethnocultural dominants encoded in the name and surname.

Key words: anthroponym, anthroponymicon, toponym, onym, etymology, anthroponymic formula.

Особенность любого этноса — это его антропонимикон. В обществе, как известно, при рождении каждому человеку дают имя, которое служит идентификатором его личности. Антропонимика как раздел ономастики позволяет исследовать личные имена людей, их фамилии, отчества, прозвища, псевдонимы.

Вхождение имени в русский антропонимикон неразрывно связано с принятием христианства на Руси. И если до XX века имена выбирались из утверждённых церковью списков, то после её отделения от государства выбор имён стал определяться только личными предпочтениями [6, с. 39].

Рассмотрим этимологию и лингвокультурные традиции, связанные с именем собственным Анастасия как часть антропонимической формулы, под которой понимаем, вслед за Л. И. Зубковой, «определённый порядок следования различных видов антропонимов в именовании человека» [4, с. 127].

Имя *Анастасия* происходит от греч. *anastas* «воскресение, возрождение, возвращение к жизни»; «воскресший (-ая)» [10, с. 48], представляя собой женскую форму мужского имени *Анастасий*. Отмечены стилистические варианты женского имени *Анастасия*: *Настасия*, *Настасья* (разг.); *Анастасея*, *Настасея* (прост.).

Н. А. Петровский в «Словаре русских личных имен: около 3000 имен» зафиксировал более тридцати производных от официального имени, что свидетельствует о его популярности

среди жителей России. Например, *Настя, Нася, Ната, Нюся, Настёна, Тёна, Туся, Настюля, Настюня, Настюша, Тася, Тая, Ася, Сюта, Асюта; Настасьюшка* и др. [10, с. 48]. Однако, по свидетельству Ю. А. Макрянской, функционирование имени собственного Анастасия в России до 1966 года не было частотным, но к 1988 году стало одним из самых популярных. Подобная высокая частотность данной номинативной единицы в настоящее время нередко воспринимается носителем как традиционное русское имя, а не заимствованное из греческой культуры [6, с. 39].

В русской лингвокультуре имя *Анастасия* представлено достаточно емко, активно функционирует в фольклорных текстах. В частности, можно отметить следующие пословицы и поговорки: *Счастье, у кого жена Настя, а у кого Горпина — то лихая година. Настя-Настенька — шубейка красненька, сама черноброва, опушка боброва. Хватились Насти, когда ворота настезь.*

Кроме того, данный оним отмечен в одном из наиболее архаичных фольклорных жанров — русской былине. Например, «*Добрыня и Настасья*», «*Настасья Королевична*». В середине 19 века написана авторская сказка С. Аксакова «Аленький цветочек», созданная по мотивам народных сказок, персонаж которой — *Настенька* — в сознании жителей России ассоциируется с лучшими женскими качествами: добротой, нежностью, мудростью и духовностью. Показательно, что главную героиню популярной сказки 60-х годов уже XX века «Морозко» режиссера А. Роу зовут *Настенькой*. А. В. Суперанская отмечала необычайную популярность имени в современной России, свидетельствуя, что в каждом дворе можно встретить *Настю* [6, с. 51].

Эта популярность подкреплена образами русской классической литературы (*Настасья Филипповна* в романе «Идиот» Ф. М. Достоевского), истории, связанной с почитанием святой великомученицы *Анастасии Узорешительницы* (в IV веке облегчала страдания узников-христиан) [6, с. 39], с канонизацией великой княжны *Анастасии Николаевны Романовой* русской православной церковью в XX веке.

Е. Н. Говорова отмечает, что в России в XVII–XVIII веках фамилия чаще всего употреблялась в качестве прозвища, не обладая статусом закреплённого наследственного обозначения. Однако уже к XIX веку произошла институционализация фамилии как второго, передаваемого по наследству имени, которое может содержать информацию об истории рода [3].

Фамилия играет ключевую роль в именной формуле человека, поскольку служит более четкому осознанию родовой принадлежности. В большинстве случаев русские фамилии передавались по мужской линии посредством добавления суффиксов к собственным или нарицательным именам.

Показательно, что в структурном отношении фамилия *Балаш / ов / а* происходит от нарицательного существительного, оформленного при помощи суффикса *-ов-* с последующей трансформацией в притяжательное прилагательное, включающее общетюркский корень *-bala-*, заимствованный, по мнению Н. А. Баскакова, из санскритского языка со значением «дитя, ребенок, сын» и добавлением аффикса ласкательной формы *-aš / -eš*, встречающегося в различных тюркских языках. Другими словами, сочетание *bala + -š* «дитяtko, сыночек» представляет собой ласковое обращение к ребёнку [1, с. 110–111]. В «Русском диалектном этимологическом словаре. Лексике контактных регионов» С. А. Мызникова лексема *бала*, заимствованная из казахского языка, в значении «ребенок, мальчик, сын» функционирует в говорах Р. Урала [8, с. 69].

Однако корень *-балаш-* мог быть и исконно русским по происхождению, поскольку, по мнению исследователей, лексические единицы с данным корнем входят в состав русских вологодских, архангельских говоров.

Так, согласно А. Г. Мосину, в письменных источниках с конца XV века в Новгородских книгах зафиксировано прозвище *Балаш*, в основе семантики которого — значение диалектной единицы *балашки* «глаза», *белашки* «белая мелкая рыбка», функционирующей в архангельских говорах. Ф. П. Филин отмечает *балашки* (волог., 1897, Иваницкий) как «белую мелкую рыбку (не снетки)» [11, с. 77]. Таким образом, прозвище *Балаш // Белаш* («белый»), вероятно, служило характеристикой внешности человека (цвет волос, лица) [1, с. 110–111].

Ученые отмечают, что нарицательное существительное *балаш* уже в XVII веке становится личным именем, распространившимся среди русских. Так, Ю. А. Федосюк приводит факты, согласно которым в середине XVII века под Ростовом был известен *Федька Балаш* [13, с. 18].

Согласно В. А. Никонову и Т. Курносенко, фамилия *Балашов* имеет топонимическое происхождение. Так, данный антропоним мог произойти от названий городов *Балашов* (Саратовская область), *Балашиха* (Московская область), а со временем

стал использоваться для обозначения выходцев из их регионов [5, 9, с. 15].

Проведённый анализ антропонимической формулы (на примере имени и фамилии автора) свидетельствует о том, что личное имя и фамилия не только служат потребности номинировать субъект, но и обладают этно- и социокультурной спецификой, связанной с историей, религией, традициями, литературным наследием этноса, отражая, транслируя состояние российской культуры.

Примечания

1. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. Москва : Наука, 1979. 279 с.
2. Бражник Л. М. Основы русской ономастики : учеб. пособие / Л. М. Бражник. Москва : Директ-Медиа, 2022. 196 с.
3. Говорова Е. Н., Ананьянц Ш. А. Русские имена и фамилии. Истории происхождения // Студенческий научный форум — 2018: материалы X Международной студенческой научной конференции. URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018002268> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Зубкова Л. И. Проявление национально-культурного своеобразия русских антропонимических формул // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 3 (15). С. 126–136.
5. Курносенко Т. Возникновение, история и происхождение фамилии Балашов. URL: <https://fb.ru/article/447531/vozniknovenie-istoriya-i-proishojdenie-familii-balashov> (дата обращения: 20.03.2026).
6. Макрянская Ю. А. Личные русские имена: современные тенденции // Научное наследие. 2020. № 43. С. 38–40.
7. Митрошкина А. Э. Бурятская антропонимия. Новосибирск : Наука, 1987. 221 с.
8. Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. 1076 с.
9. Никонов В. А. Словарь русских фамилий / сост. Е. Л. Крушельницкий. Москва : Школа-Пресс, 1993. 224 с.
10. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен: около 3000 имен. 6-е изд. Москва : Русские словари, 2000. 477 с.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 2. Ба-Блазниться / сост. И. А. Попов [и др.]; гл. ред. Ф. П. Филин. Москва : Наука, 1966. 315 с.
12. Суперанская А. В. Ономастика начала XXI века. Москва : Ин-т языкознания РАН, 2009. 80 с.
13. Федосюк Ю. А. Русские фамилии : популярный этимологический словарь. 7-е изд. Москва : Флинта, 2011. 237 с.
14. Формановская Н. И. Избранные статьи разных лет : юбилейный сборник / Н. И. Формановская. — Москва : Гос. ин-т русского яз. им. А. С. Пушкина, 2007. 332 с.

Балашова Анастасия Павловна
студент 4 курса
филологического факультета
Адыгейского государственного университета

Научный руководитель: Л. В. Копоть

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНТРОПОНИМОВ В РУССКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. Рассмотрены антропонимы из сборника В. И. Даля «Пословицы и поговорки русского народа». Выявлен этнокультурный потенциал имен собственных в одном из наиболее архаичных фольклорных жанров. Установлены семантические группы паремий (с компонентом — именем собственным), свидетельствующие о гендерной маркированности, социальном положении человека, чертах характера, религиозном мировоззрении.

Ключевые слова: этническая картина мира, паремии, антропонимы, словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля.

Balashova A. P.
a fourth-year student of the philological faculty
Adyge State University

THE LINGUOCULTURAL POTENTIAL OF ANTHROPONYMS IN THE RUSSIAN ETHNIC PICTURE OF THE WORLD

Abstract. Anthroponyms from V. I. Dal's collection "Proverbs and Sayings of the Russian People" are examined. The ethnocultural potential of proper names in one of the most archaic folklore genres has been revealed. Semantic groups of *paremiae* (with a proper name component) have been identified, indicating gender marking, social status, character traits, and religious worldview.

Keywords: ethnic picture of the world, *paremiae*, anthroponyms, dictionary "Proverbs and Sayings of the Russian People" by V. I. Dal'.

В современном социуме при усиливающихся процессах глобализации каждый народ стремится к культурно-исторической самоидентификации, осуществляемой посредством неразрывной связи языка, культуры, этноса, нравственных установок той или иной нации. В соответствии с этим этнические сведения, заключенные в языковой картине мира, знакомят с уникальной национальной и духовной культурой его создателей.

В пословицах и поговорках, как в одном из наиболее архаичных фольклорных жанров, функционируют имена собственные, популярные для российского общества 17–19 веков: имена исторических лиц, онимы, связанные с религиозными представлениями, создающие уникальное пространство русской лингвокультуры, тем самым формируя этническую картину мира этноса, его ценностей.

Под этнической картиной мира понимаем «сконцентрированную в лингвистических единицах вербальную сублимацию видения народом действительности на том или ином этапе его развития» [1, с. 183].

В этом отношении антропонимы позволяют получить дополнительную информацию относительно этнокультурной специфики общества, становясь маркерами этничности.

Антропонимы сборника представлены как официальными, так и неофициальными именами, реализованными в виде имен или отдельно имен, отчеств, фамилий.

Антропонимы, называющие лиц мужского пола: *Тит, Карп, Мирошка, Тарас, Емеля, Пахом, Илья, Нефед, Семен, Федот, Кузька, Иван, Демид, Федюшка, Богдашка, Никола, Сазон, Мосей, Аноха, Фомка, Макар, Васька, Петька, Сашка, Касьян, Сидор, Шемяка, Мартын, Ерема, Арсений, Яков, Епифан, Абросим, Авдей, Дема, Захар, Егорий, Михайло, Вавила, Роман, Еремей, Авраам, Хам, Савва* и др.

Среди антропонимов, называющих лиц мужского пола, наиболее частотным в пословицах является антропоним *Иван*. По данным В. А. Никонова, *Иван* — «самое распространенное имя русских, так как имя на протяжении нескольких столетий (с XIV по XIX в.) оставалось самым частым у русских — среди крестьянства оно охватывало от 15 до 25% всех мужчин [2, с. 45]. Это наиболее объемное словообразовательное гнездо с общим компонентом *Иван-* и его диминутивными аналогами *Ван-*, *Иваш-*, образованными по уже существующим моделям; патронимы, образованные от имени отца; прилагательные с данным корнем, встретившиеся нам в составе паремий, собранных В. И. Далем: *Ивашка, Ивановы, Иванович, Ивановыч, Ивановна, Ванька, Иванушка, Иван Великий, Ивановы дети, Ивановская, Иван-озеро, Иван Купала, Иван Постный, Иван Богослов*.

Паремии, содержащие данный оним, в ценностном отношении служат 1) характеристикой человека: *По Ивашке*

рубашка; У Ивана детки Иванычи; 2) наименованием покровителей, святых: На Ивана Купалу кого побьют, пропало; Ивана Постного не едят, щей не варят; 3) наименованием кремлевской церкви (церковь Иоанна Лествичника): кабы Иван Великий был маленький, я б его в карман посадил; 4) наименованием водного объекта: Реки Дон и Шат обе текут из Иван-озера; 5) наименованием площади: Дуй (кутнуть) во всю Ивановскую.

Антропонимы, называющие лиц женского пола: *Варвара, Аннушка, Марья, Катерина, Сашенька, Машенька, Мари-нушка, Лукерья, Агаша, Дунья, Фетинья, Маланья, Софья, Федосья, Настя* и др.

Отметим относительно небольшое количество женских имен в пословицах и поговорках. Этот факт, по-видимому, связан с определенными ролями женщины в жизни общества. С древних времен на Руси континуум женской активности связан только с рождением детей и ведением хозяйства.

В результате исследования выявили наиболее частотное женское имя *Мария*. Словообразовательное гнездо с вершиной *Мария* содержит 8 диминутивных форм имени: *Марья, Маруся, Маша, Машка, Маня, Машенька, Марьюшка, Машки*. Например: *Рада бы Маша за попа, да поп не берет. Иван был в Орде, а Марья вести сказывает.*

Имена исторических деятелей, правителей: *Юрьев день, Годунов, Мамай, Ванька Каин, Строганов двор, Пожарский, Минин* и др.

Антропонимы, вошедшие в эту группу, связаны с именами реальных исторических деятелей, правителей, государственных деятелей. В истории России не раз приходилось русскому народу отстаивать свою независимость, свободу от захватчиков. В народной памяти навсегда остались события, связанные с монголо-татарским игом, Отечественной войной 1812 года, освободительной борьбой 1612 года с польским засильем на русском троне. Крепостное право нашло отражение в пословицах в виде словосочетания *Юрьев день*, на долгие годы отправивших крестьян в вечную кабалу помещиков. Например: *В доме-то у них словно Мамай воевал*. В паремии содержится намек на Куликовскую битву 1380 года под предводительством хана Мамай, завершившаяся победой русских, что стало началом освобождения от векового ига.

Имена святых: *Дмитрий Ростовский, Николай Чудотворец, Николай Угодник, Николай Мирликийский, Святитель Николай, Петров день, Юрьев день* и др. Например: *Нет за нас поборника супротив Николы.*

Юрьев день. В день Святого Георгия (Юрия), отмечающегося только в России, крестьянин вместе с семьей мог в течение 2 недель после окончания работ в декабре перейти к другому барину. Однако Борис Годунов отменил это право, окончательно закрепостив крестьян, а данное выражение в русском языке стало свидетельствовать об утрате надежд, разочаровании. *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день (в старину срок вольного перехода крестьян от барина к барину, уничтоженный Годуновым).*

Имена собственные, имеющие отношение к религии: *Христос, Моисеев закон, Кирилловский поклон, Иуда, Вавилонское смешение, Авраам, Хам, Дева Мария, Адам, Ева* и др.

Моисей. Око за око, зуб за зуб (Моисеев закон). Закон Моисея, заключающийся в предписании нравственных императивов, содержится в Ветхом Завете — древнейшей части христианской Библии. Суть повеления заключается в принципе взаимной справедливости.

Таким образом, языковой пласт является, безусловно, хранилищем и источником информации о социальном, историческом опыте народа. А имена собственные в паремиях свидетельствуют о национальной специфике, об этнокультурном потенциале, расширяя представления о ментальности этноса, способствуя более глубокому формированию русской идентичности.

Примечания

1. Копоть Л. В. Репрезентация этногендерной картины мира в профессионах и должностях древнерусского языка // Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 2020. № 1. С. 183–187.
2. Никонов В. А. Словарь русских фамилий. — Москва, 1993. 221 с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2-х т. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1989. 431 с.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2-х т. Т. 2. Москва : Художественная литература, 1989. 447 с.

Баранова Александра Юрьевна
ilsavo@mail.ru

Архипова Ирина Викторовна
irina.59@icloud.com

Адыгейский государственный университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНИМИИ

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные компоненты, составляющие особенности номинации единиц топонимической системы Адыгеи. Выявляется общее и специфическое в русской и адыгской топонимии региона, отмечается национально-культурный компонент в названиях географических объектов. Анализируются такие способы номинации объектов, как метонимический перенос и метафорический. Подчеркивается, что топонимы несут в себе информацию, отражающую менталитет и систему ценностей этнических коллективов.

Ключевые слова: топоним, принципы номинации, топоформанты, культурно-знаковая функция.

Baranova A. Yu.

Arkhipova I. V.

The Adyghe State University

LINGUOCULTURAL POTENTIAL OF REGIONAL TOPONYMY

Abstract. The article examines the socio-cultural components that constitute the peculiarities of naming units within the toponymic system of Adyghea. It identifies the common and specific features of Russian and Adyghe toponymy in the region and highlights the ethnocultural component in the names of geographical features. Methods of naming objects such as metonymic and metaphorical transfer are analyzed. The article emphasizes that toponyms carry information reflecting the mentality and value system of ethnic communities.

Keywords: toponym, principles of nomination, topoformants, cultural and symbolic function.

Общеизвестно, что в топонимах отражается память народа. Лингвисты не раз отмечали, что номинация того или иного топонима содержит национально-культурный компонент. Особенно зримо это проявляется в названиях, которые обусловлены историческими событиями. Ономасты единодушны в том, что имя собственное выполняет культурно-знаковую

функцию, оно способно формировать понятия особого типа — концепты. Такие топонимы, как Сибирь, Кавказ можно, безусловно, считать концептами, отражающими национальную языковую картину мира.

Л. П. Ефанова отмечает, что «человеческая деятельность и номинация объектов действительности протекает в темпорально, социально и этнически маркированном мире, кроме того, она задана метонимией (местом исхода), языковыми нормами, а также пристрастиями имядателя, его интенциями, его нравственно-этическим кредо и менталитетом этноса, к которому он принадлежит» [1, с. 109–110]. По мнению автора статьи, экстралингвистические факторы выдвигаются в приоритетное положение, в основном в начальном осмыслении окружающей действительности. Автор статьи приходит к утверждению, что топоним — свёрнутый текст, составляющие его семы «этноспецифичны, культуроспецифичны и являются фоновыми» [Там же, с. 111].

Топонимы — единицы языка, следовательно, их знаковая природа детерминирует обязательное наличие в структуре их значения фоновых знаний.

Процесс создания новой номинативной единицы имеет двухуровневую природу. На ономастическом уровне он заключается в возникновении новой номинативной единицы, создание которой реализуется или словообразовательным путём, или приспособлением для номинации переосмыслением уже существующих в языке слов. Первый способ, так же как и заимствование из других языков, приводит к появлению в лексической системе новых слов, второй — к возникновению лексико-семантических вариантов и увеличению многозначности.

В семасиологическом аспекте процесс номинации выражается в изменении семантической структуры лексических единиц независимо от того, сопровождается ли данная трансформация значения изменением звуковой оболочки слова или происходит без таковой, т.е. в ходе первичной или вторичной номинации. Анализ русских ойконимов, гидронимов и микро-топонимов Адыгеи показал, что в основе номинации очень часто лежит метафора, чаще всего это касается микро-топонимов. Встречается этот способ и в оронимии, но реже. Например, гора *Спящий Черкес*, ущелье *Волчьи Ворота*, в основе которых лежит образное сравнение по внешнему признаку: гора *Спящий Черкес* названа так потому, что внешне напоминает

дремлющего на коне человека; *Белая Круча* — небольшая гора из белых камней. Что касается названия *Волчьих Ворота*, то на первый взгляд кажется, что здесь перенос по внешнему признаку, но это не совсем так: в основе этого оронима лежит географический термин. Происхождение самой лексемы имеет интересную историю.

Образы входа, выхода, ворот выявляются не только в номинации городов, особенно приморских, проливов, но и горных ущелий, перевалов. В славянской, русской топонимии очень «повезло» воротам: существуют Жигулевские Ворота на Волге, Карские Ворота в районе Новой Земли и т.д.

В особую группу можно выделить названия, образованные лексико-семантическим способом (хутор Заря, Колос). Как правило, такие названия представлены в форме чистой основы, которые в последнее время приобретают все большее значение. Причем это могут быть как слова нарицательные, как в данном случае Колос, Заря, так и имена собственные (хутор Петров, Кочкин).

В микротопонимии номинация, в основе которой лежит метафора, достаточно распространена, как мы уже упоминали. В русском национальном сознании прочно занимает место метафора, созданная на выделении признаков формы: в станице *Кужорской* — лес *Круглик*, а в станице *Севастопольской* — поляна *Язык*; *Лысая гора* (названа из-за скудной растительности на ней (ср. лысая голова), аналогично и *Голые кручи*; *Лохматый курган* покрыт густыми зарослями, а термин «курган» имеет значение холма; *Круглик* — небольшой лесок круглой формы, расположенный посредине поля: здесь также прослеживается метафорический перенос наименования по форме.

Принимая во внимание, что «различие между собственными и нарицательными именами заключается не в морфологии и не в семантике, а в употреблении, использовании функций обоих лексических классов» [2: 167], можно проследить, как нарицательная лексика переходит в имена собственные. Чаще всего это апеллятивы, представляющие местные географические термины, номинативную (предметную) топографическую лексику и названия типов поселений. Именно эти апеллятивы и служат основой для номинации населённых пунктов.

Самым распространённым типом русских поселений на Кубани являются станицы. Русские селения стали называться

станциями с 1840 года (до этого, то есть с 1821 года, когда на Кубань были переселены казаки Запорожской Сечи, поселения назывались куренные селения). В «Сборнике сведений о Кавказе» отмечается, что к 1870 году вся «Кубанская область делилась на пять уездов: Ейский уезд, Темрюкский, Екатеринодарский, Баталпашинский и Майкопский уезд, в который входили город Майкоп (с населением 10 018 жителей), 63 казачьих станицы (85 915 жителей) и 21 горский аул (с населением 27 950) [4: 288]. Большое количество казачьих станиц в нагорной полосе быстро сократилось «из-за полной невозможности хлебопашества и других невыгод». Некоторые станицы были упразднены, другие переименованы, третьи меняли свой статус.

Одновременно с появлением основных постоянных казачьих поселений — станиц — в степях вблизи речек возникают *хутора, зимовники, коши*. Первоначально это были временные поселения.

Хутора были расположены на землях станичных юртов (земельные наделы) и в административном отношении подчинялись станицам. Хутор обычно состоял из одного подворья, владельцем которого был богатый землевладелец. На Кубани это обычно отставной офицер русской армии, принадлежащий к казачьему сословию, например, хутор Соколов, хутор Сидоров. В конце XIX века некоторые наиболее крупные хутора получают самоуправление и переименовываются в станицы, а мелкие остаются.

Коши и зимовники, как временные поселения в местах сезонного содержания скота, перестают существовать в связи с окончанием военных действий.

В кубанских говорах наименования типов поселения нередко выступают как имена собственные (ойконимы): Хутор, Посёлок, сохраняя при этом все грамматические категории нарицательных слов. Переход их в имена собственные отражается только графически (прописная буква). Отличает их от апеллятивов теперь только то, что они закрепляются за одним конкретным объектом.

Адыгейские поселения называются аулами, адыгейское название — хабль. Этот апеллятив в некоторых случаях без каких-либо изменений переходит в имя собственное. Так, известен населённый пункт в Краснодарском крае (по дороге Краснодар — Новороссийск) — Хабль.

Необходимо помнить, что русские названия на рассматриваемой территории появились очень поздно, после окончания Кавказской войны.

Как известно, в историческом прошлом адыги компактно проживали на всей территории Краснодарского края. Сохранились названия отдельных населенных пунктов, гидронимов и оронимов. Эти древние уникальные адыгские названия хранят бесценную информацию и представляют собой огромную этнокультурную ценность не только для самих адыгов, но и для тех, кто желает поближе познакомиться с их историей. Анализ производящих основ ойконимов показывает, что на протяжении многих столетий большинство названий сел, деревень, поселков, хуторов образовывались от антропонимов, т.е. имен и фамилий конкретных людей. По нашим подсчетам, число ойконимов, в основе которых лежит антропоним, составляет большинство. Большая продуктивность этой модели отмечается во многих местах, исторически связанных с русским населением, русской колонизацией, с характерными особенностями социально-экономических отношений феодальной России.

Проведенное исследование показывает, что в основном использовались имена, фамилии владельцев населенных пунктов, земельных участков, угодий или же тех, кто первыми поселились в этом месте. Так, из Екатеринодара и станицы Пашковской казаки и представители других народностей стали переселяться на левый берег Кубани. Адыги из-за отсутствия техники отдавали казакам свои земли в аренду. Часть арендаторов оставались на постоянное место жительства и образцов. Например, в Теучежском районе можно выделить:

— хутор *Петров*. Возник в конце XIX–XX вв., а точнее в 1900 году. Первым в хуторе обосновался чабан Петров, в честь которого назван хутор. До революции жители хутора занимались земледелием и скотоводством. В основном в хозяйстве использовался ручной труд. Первым обладателем паровой молотилки был Гаврил Цавицкий, у Дубининых были конная косилка, сноповязалка. У семьи Баско был конный плуг. Жители совместно обрабатывали землю. Сейчас хутор медленно, но благоустраивается. Есть газоснабжение, водопровод, магазин, дом культуры. В 1991 году создано акционерное хозяйство «Петров».

— хутор *Шевченко*. Это хутор Габукайского сельского поселения Теучежского района. Он расположен в 6 км. от аула Габукай. Первые поселенцы появились на хуторе Шевченко

в конце XIX века, приехав из хутора Хмарино Белореченского района, землю купил некий Шевченко. Сначала хутор назывался Гороховым, затем Шевченко (по фамилии арендатора). Он обосновался на этом месте и постепенно к нему присоединились другие. Историю основания хутора иногда увязывают с историей заселения Закубанья после Кавказской войны. В 1863 году, когда ещё шла Кавказская война, адыги были выселены, а освободившиеся места занимали переселенцы из разных территорий средней полосы России. Здесь появились и украинские переселенцы, назвавшие, якобы, этот хутор в честь своего земляка, великого украинского писателя, кобзаря Тараса Шевченко. С того времени это название не менялось. Есть предположение, что название имеет такое объяснение, так как в Краснодарском крае с таким названием 8 хуторов. Следует предположить, что они были заселены также выходцами из Украины. На наш взгляд, более вероятной является первая точка зрения, так как, во-первых, хутор был основан в 1900 году, а в это время символические названия давали крайне редко, а во-вторых, первым поселенцем был Шевченко, а такая модель была очень продуктивна. Основные земельные угодья принадлежали зажиточным крестьянам. В хуторе занимались и кустарным ремеслом.

Исследования показывают, что производящей основой для ойконимов описываемой нами модели в подавляющем большинстве случаев служили русские имена. Но на территории Адыгеи достаточное количество названий адыгейских аулов образованы на основе антропонимов.

Пчегатлукай (Пчыхьэллыкъуай) — аул Теучежского района, центр Пчегатлукайского сельского административного округа. Он расположен в юго-западной части РА, на левом берегу реки Псекупс. По данным Краснодарского и Адыгейского республиканского архивов, Пчегатлукай образован на том месте в 1856 году, где и в настоящее время расположен аул. Однако эта дата подвергается большому сомнению. Например, в своей книге «Записки о Черкесии» Хан-Гирей упоминает об ауле Пчегатлукай. А ведь «Записки о Черкесии», предназначенные царю, были начаты в 1829 году и завершены в 1836 году. Как упоминается в данной книге, автор ссылается на труды Броневского (1823 год), стало быть, Пчегатлукай был расположен на левом берегу реки Псекупс задолго до 1829 года. В адыгских песнях-плачах, посвящённых участникам Бзюкской битвы (1796 год), упоминаются четыре фамилии из аула

Пчегатлукай, действительно живших и принимавших участие в указанной битве. Это Пчегатлук Хаджебирам, Духу Мезбеч, Шантыз Хагундок, Чилишеко (Хуако) Гомлегеш. Коренными жителями, то есть фамилиями собственно Пчегатлукая, являются Пчегатлуки (в честь которых и назван аул), Духу, Хуако. Остальные пришельцы.

Джиджихабль (Джэджэхъабл) — аул Джиджихабльского сельского административного округа. Он расположен на левом берегу реки Марта. Название аула происходит от имени основателя Джэджа, родного брата князя Кунчуко. Вначале братья жили вместе в ауле Кунчукохабль. Когда Джэдж повзрослел и занял семью, он решил отделиться от старшего брата. Вместе с семьёю семьями он переселяется на правый берег реки Пшиш, предварительно выпросив землю от владетельного князя Тауя. Новое поселение из восьми семей стало носить имя молодого князя Джэджа — Джиджихабль. По предварительным данным, дошедшим до наших дней, это произошло 600–700 лет назад. Дату основания аула Джиджихабль следовало бы установить приблизительно около 1296–1396 гг. Это подтверждается косвенно и таким фактом, что в 1395 году, в результате нашествия Тамерлана, было сожжено и разрушено 240 зихских (адыгских) селений, находившихся на правом и левом берегах низовья реки Кубань, т.е. в районе нынешних аулов Теучежского района. Среди них, возможно, находился и аул Джиджихабль.

Аул Асоколай. По данным К. Х. Меретукова, наименование аула состоит из собственного имени Аскъал и притяжательного аффикса -ай-: «аул, принадлежащий Аскалу» (Словарь, стр. 27).

Аул Габукай — «Аул Габука»: в основе названия аула лежит имя собственное Гъобыкъу (Словарь, стр. 63).

Аул Нешукай. В основе ойконима также лежит имя собственное Нэшъукъу.

Аул Понежукай — в основе лежит антропоним Пэнэжъыкъу (предположение А. В. Твёрдого, Словарь, 175).

Аул Тауйхабль — в основе лежит антропоним Тауай.

Аул Вочепший — в основе антропоним Очэпщ, протетический «в» часто появляется в именах собственных при адаптации к русскому языку (например, хутор Вульский — Улька).

Номинация этих населенных пунктов происходила в результате процесса метонимии, т.е. переноса в «чистом виде» фамилий людей при наименовании русских названий,

а в адыгейских названиях этот процесс сопровождался суффиксацией (топоформант -хабль, -ай).

Таким образом, названия населенных пунктов, созданные на базе фамилий, тесно связаны с социальной стороной жизни общества: имя владельца усадьбы, хутора, аула оказывалось важным признаком номинации.

Примечания

1. Ефанова Л. П. Микротопонимы «мест вторичного заселения» // Проблемы общей и региональной ономастики: Материалы IX Международной научной конференции. — Майкоп: АГУ, 2014. — С. 109–112.

2. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания / А. А. Белецкий. — Киев, 1972.

Басангова Тамара Горьевна

basangova49@yandex.ru

Калмыцкий государственный университет
имени Б. Б. Городовикова

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕЛА КЕГУЛЬТА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Аннотация. Рассматривается топонимическое пространство села Кегульта (Республика Калмыкия). На основе полевых материалов и опросов старожилы выявлены и классифицированы основные группы топонимов и микротопонимов. Анализируется происхождение географических названий, их связь с историей заселения края, хозяйственной деятельностью и межэтническими контактами русского и калмыцкого народов. Особое внимание уделяется топонимическим преданиям, сохранившим народную память о первопоселенцах.

Ключевые слова: топонимика, микротопонимия, Кегульта, Калмыкия, оронимы, патронимы, калмыцко-русские языковые контакты, историческая память, топонимические предания.

Basangova T. G.

Kalmyk State University

TOPONYMIC SPACE OF THE VILLAGE OF KEGULT, REPUBLIC OF KALMYKIA

Abstract. The toponymic space of the village of Kegult (Republic of Kalmykia) is considered. Based on field materials and surveys of old-timers,

the main groups of toponyms and microtoponyms have been identified and classified. The author analyzes the origin of geographical names, their connection with the history of settlement of the region, economic activity and interethnic contacts of the Russian and Kalmyk peoples. Special attention is paid to toponymic traditions that have preserved the national memory of the first settlers.

Keywords: toponymy, microtoponymy, Kegult, Kalmykia, oronyms, patronyms, Kalmyk-Russian language contacts, historical memory, toponymic traditions.

Как известно, топонимы и микротопонимы не только отражают географические особенности объектов, но и тесно связаны с историей заселения и хозяйственного освоения нашей местности, выступая в роли своеобразного архива народной памяти. Село Кегульта расположено в одноимённой балке. Первое упоминание об урочище относится ко второй половине XVIII века. С 1864 года здесь начали селиться обедневшие калмыки, а к концу XIX века — переселенцы из губерний Центральной России и Украины. Это определило смешанный характер местных названий. В ходе исследования мы опирались на рассказы старожилов: Хорольцева В. М. (1931 г.р.), Инджиева Г. Б. (1936 г.р.), Михайличенко Д. В. (1937 г.р.), чьи предки были первыми поселенцами. Их воспоминания позволили не только составить список названий, но и услышать топонимические предания, объясняющие историю возникновения этих имён. В результате полевых исследований выделены следующие группы топонимов.

1. Оронимы (названия форм рельефа): балка Кегульта, Хар-Сала (Черная балка), Элиста-Сала (Песчаная балка), Хүүрэ сала (Горелая балка), Чолун уул (Каменный курган).

2. Гидронимы (названия водных объектов): речка Кегульта, Хочешкин пруд, Каменный пруд.

3. Микротопонимы и патронимы (названия малых объектов, часто связанные с именами): Татарин курган, Ванчурка балка, Демидова балка, Долантина балка, Катмашова балка, Наташкина балка, Веретцкина балка, Хочешкина балка, Забылякина балка, Хапчун (Калмбазар).

По происхождению (языковая принадлежность) выделены следующие группы:

1. Калмыцкие: Кегульта (от көгл — терновник), Хар-Сала (хар — чёрный), Элиста-Сала (элсн — песок), Долантина (далнта — семидесятилетний), Хочешкина (хөөч — чабан).

2. Русские: Ванчурка (от Ваня), Демидова, Наташкина, Забейворота, Веретцкина. Связанные с другими этносами: Татарин курган.

*Названия, связанные с родом занятий
или именем первопоселенца:*

1. Хочешкина балка и пруд. Название произошло от калмыцкого имени Хөөч (чабан). По словам Г. Б. Инджиева, в балке жил предок Дудановой В. Х. — Харитон (в крещении), которого все звали Хөөч. Он пас овец и пользовался большим уважением. Позже в этой балке поселился богатый крестьянин Шевченко В. П. Сегодня там находится животноводческая точка и бьют родники. Ванчуркина балка. Здесь проживал Иван Захарович Беликов. В народе его ласково называли Ванчурка (Ваня — Ванча — Ванчур). По преданию, он был ремесленником и занимался валянием валенок, вероятно, закупаая шерсть у местных калмыков.

2. Демидова балка. Место проживания Шелигедина Демида (деда Демида). Он посадил сад по склонам балки и держал скот. Забылякина балка. Названа по фамилии первопоселенца. В балке до сих пор сохранились фундамент дома из камня, остатки сада (груши, алыча) и плотины высохшего пруда, а также копанки на местах родников.

3. Веретцкина балка. Название произошло от фамилии хозяина. Здесь также сохранились следы фруктового сада. Названия, отражающие природные особенности местности Кегульта (Кеглт Сала). Главный топоним, означающий «балка, в которой растёт терновник». Это колючее растение стало неофициальным символом села.

4. Хар-Сала (Черная балка). Название связано либо с тёмным цветом почвы, либо с густой тенистой растительностью на склонах.

5. Элстэ Сала (Песчаная балка). Образовано от слова элсн (песок). Местные русские жители называют такие песчаные участки «элистичками».

6. Хүүрэ сала (Горелая балка). Название указывает на последствия степного пожара, после которого местность долго восстанавливалась.

7. Сухатын Сала (Сухатинский уул). Произошло от названия растения таволожник (калм. сууха), которое росло здесь в изобилии и, по поверьям калмыков, обладало защитными свойствами.

*Названия, связанные с историческими событиями
и межэтническими контактами:*

1. Татарин курган. По преданию, после войны 1941–1945 гг. у этого кургана поселилась пожилая татарская пара. Вскоре муж умер, и его похоронили на этом возвышении по мусульманскому обычаю, откуда и пошло название.

2. Хапчун. Местность, где компактно проживали калмыки. Название происходит от родового названия хапчины. В 1960-х годах, после возвращения из ссылки, калмыки построили здесь несколько улиц. Это место в народе также называли Калмбазар — по аналогии с известным селом под Астраханью.

Таким образом:

1. Топонимия села Кегульта носит смешанный характер. Большая часть названий балок происходит от русских и калмыцких личных имён и фамилий первых поселенцев (патронимы), что свидетельствует о тесном взаимодействии двух культур в процессе освоения земли.

2. Калмыцкие названия (Кегульта, Хар-Сала, Элиста-Сала, Хочешкина и др.) являются более древними и отражают природные особенности ландшафта или род занятий кочевников. Русские названия возникли позже, в конце XIX — начале XX века, и часто представляют собой адаптированные формы калмыцких имён или фамилии славянских переселенцев.

3. За каждым названием стоит своя история или легенда, сохранённая старожилками. Эти предания являются ценнейшим источником знаний о повседневной жизни, хозяйственной деятельности и межэтнических отношениях в прошлом.

4. Собранный материал имеет научную и практическую значимость и может быть использован для составления краеведческих пособий, проведения экскурсий и дальнейших исследований в области ономастики и этнографии региона.

Бахича Эльнара Арифовна
selnara26@mail.ru
Крымский инженерно-педагогический
университет имени Февзи Якубова

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ОБЪЕКТ ОНОМАСИОЛОГИИ В РУСИСТИКЕ: СЕМАНТИКА ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. АВЕРЧЕНКО

Аннотация. Статья посвящена исследованию имени собственного в рамках ономазиологии применительно к творчеству А. Аверченко. Особое внимание уделяется семантике прецедентных имен, которые являются важным элементом идиостиля писателя. Анализируются исторические, литературные и библейские антропонимы (например, имена известных личностей, персонажей), которые функционируют в текстах А. Аверченко, становясь средством создания юмористического или сатирического эффекта. В работе рассматривается роль прецедентных имен в формировании смысла и оценке персонажей, а также их вклад в реализацию авторской интенции. Исследование вносит вклад в понимание специфики языка писателя и особенностей функционирования онимов в русской языковой картине мира начала XX века.

Ключевые слова: прецедентное имя, А. Аверченко, лингвокультурная компетенция, онимы.

Bakhicha E. A.

Department of Russian and Ukrainian Philology
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

PROPER NAMES AS AN OBJECT OF ONOMASIOLOGY IN RUSSIAN STUDIES: THE SEMANTICS OF A PRECEDENT NAME IN THE WORKS OF A. AVERCHENKO

Abstract. The article is devoted to the study of proper names within the framework of onomasiology in relation to the works of A. Averchenko. Special attention is paid to the semantics of precedent names, which are an important element of the writer's idiosyncratic style. The article analyzes historical, literary, and biblical anthroponyms (such as the names of famous individuals and characters) that function in A. Averchenko's texts, serving as a means of creating humorous or satirical effects. The article explores the role of precedent names in shaping the meaning and evaluation of characters, as well as their contribution to the realization of the author's intention. The study contributes to understanding the specificity of the writer's language and the functioning of it.

Keywords: precedent name, A. Averchenko, linguistic and cultural competence, onyms.

Постановка проблемы. Национально-культурная память представляет собой основную составляющую в содержании национального самосознания, это «кладезь сведений, эмоций, фактов, откуда мы в нашей повседневности и обыденности черпаем данные для ответа на сакраментальные вопросы: кто мы есть, откуда мы и куда идем; чем гордимся в своем прошлом и настоящем, а чего стыдимся; почему это так, а не иначе; и даже — зачем все это. Это не история в чистом виде, а то, как прошлое представлено в нашей сегодняшней мысли и как оно вписывается в наши знания о современном мире» [1, с. 32].

Данное представление прошлого в нашей сегодняшней мысли наиболее ярко содержится, на наш взгляд, в таком лингвокультурном явлении, как прецедентные феномены, входящие в фонд исторической памяти социума (этноса), в фонд фоновых знаний. Обладая богатейшими возможностями в выражении эмоционально-оценочного отношения человека к окружающей его действительности, прецедентные феномены способствуют созданию значимой, содержательной, выразительной картины мира.

В творчестве А. Аверченко [2] частотно употребление прецедентного имени (ПИ), что обусловлено тем, что оно является одним из связующих звеньев между автором, текстом и вне-текстовой реальностью. ПИ участвует и в формировании лингвокультурной компетенции, которая, в свою очередь, позволяет реконструировать особенности конкретной языковой личности автора (в лингвокультурную компетенцию языковой личности входит знание прецедентных текстов культуры, облигаторных произведений искусства, то есть известных каждому носителю языка явлений литературы, живописи, скульптуры, музыки и т.д.).

Анализ литературы. Обращение к прецедентным именам собственным — прием, который позволяет ярче представить позицию автора, привлечь внимание к историческим и литературным параллелям, усилить воздействие текста. Вслед за Е. А. Нахимовой [3], мы считаем, что прецедентные имена — это известные имена собственные, которые используются в тексте не только для обозначения конкретного человека или ситуации, но и в качестве своего рода культурного знака, символа.

Отметим определение Д. Б. Гудкова, который, как и Е. А. Нахимова и др. исследователи прецедентных феноменов, рассматривает прецедентное имя как «индивидуальное имя, связанное

или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с ситуацией, выступающей как прецедентная» [4, с. 42].

Подчеркнем и тот факт, что прецедентные имена — это важная составляющая национальной картины мира, которая способствует оценке действительности в народном сознании, формированию и развитию национальной картины мира.

Прецедентные имена могут выступать как представители прецедентных концептов — ментально-вербальных единиц, которые используются для представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов [5].

Изложение основного материала. Выявим прецедентные феномены в художественной картине мира А. Аверченко, предложив следующую их классификацию:

1) прецедентные имена — широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека, сколько для отражения национальной действительности, национального характера и национальной ментальности русского народа;

2) прецедентные имена — широко известные названия произведений;

3) прецедентные тексты (фразеологизмы).

Обладая большими возможностями в выражении эмоционально-оценочного отношения человека к окружающей его действительности, прецедентные феномены способствуют созданию значимой, содержательной, выразительной картины мира. Прецедентные имена относятся к категории вербальных прецедентных феноменов и образуют ее ядро. Они — самая многочисленная группа, характеризующаяся высокой степенью прецедентности, так как имеют в своем составе широко известные или легко узнаваемые единицы.

Художественный мир А. Аверченко вбирает в себя многообразие сатирических типов, поражает обилием специфических приемов создания комического, построенных на базе принципа «от единицы языка к единице культуры». Анализ прецедентных имен позволит проследить, как отражается культурная информация в языке художественного текста А. Аверченко.

Учитывая, что прецедентное имя (ПИ) представляет собой комплекс многослойной культурологической информации, выполняет роль текстообразующего средства и играет

существенную роль в раскрытии иерархии выраженных в произведении образов и идей, отметим, что ПИ участвует и в формировании лингвокультурной компетенции, которая, в свою очередь, позволяет реконструировать особенности конкретной языковой личности автора.

Обращение к ПИ — прием, который, на наш взгляд, позволяет ярче представить позицию автора, привлечь внимание к историческим и литературным параллелям, усилить прагматическое воздействие текста.

Подчеркнем и тот факт, что прецедентные имена — это важная составляющая национальной картины мира, которая способствует оценке действительности в народном сознании, формированию и развитию национальной картины мира.

В произведениях А. Аверченко апеллирует к творчеству таких великих писателей, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Н. А. Некрасов, имена которых относятся к прецедентным феноменам и используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека, сколько для отражения национальной действительности, национально-характера и национальной ментальности русского народа.

Приведем фрагменты употребления прецедентных имен в художественном тексте великого сатирика. *По сю сторону забора стояла скамья, на которой я любила сживать с томиком Тургенева или Гончарова, пригретая солнышком, овеянная смолистым ароматом деревьев... (Шутка Мецената); А юная сестра ее <девушки из зеленого домика> с томиком Тургенева в руке тихо и чинно шагает в тенистый городской сад, и золотая коса, украшенная пышным лиловым бантом, еще больше золотится и сверкает на летнем воскресном солнце, а лицо — под полями соломенной шляпы — в тени, и такое это милое девичье русское лицо, что хочется нежно прильнуть к нему губами или просто заплакать от тихой сладкой печали и налетевшей откуда-то тоски неизвестного, неведомого происхождения (Наваждение).*

В рассматриваемых контекстах прецедентные имена *Тургенев, Гончаров* имеют лингвокультурную значимость, так прослеживается влияние женских образов классиков на формирование женского образа у А. Аверченко. Главной чертой каждой тургеневской героини является восхитительная женственность: *Девушка <...> с первого взгляда показалась мне очень миловидной. Ася сняла шляпу; ее черные волосы,*

остриженные и причесанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. ... Ее большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки ее слегка щурились, и тогда взор ее внезапно становился глубок и нежен (Ася). Сатирик наделяет женский образ чертами тургеневской женщины. Миловидность лица, светлый взгляд, нежный взор и шляпа объединяют женские образы И. С. Тургенева и А. Аверченко. Героини И. А. Гончарова противопоставляются как женщина нового российского общества (Ольга Ильинская) и женщина общества патриархального (Агафья Пшеницина), но они дополняют друг друга, отображая силу духа и верность своим идеалам, присущие женщине той эпохи.

Женские образы И. С. Тургенева и И. А. Гончарова соединяют в себе несовместимые черты: робость и твердость характера, мечтательность и целеустремленность. Все это — качества, которые испокон веков составляли идеал внешней и духовной красоты русской женщины в самых разных сословиях общества. А. Аверченко, вводя прецедентные имена *Тургенев, Гончаров* в контекст, через язык отражает культурную информацию, говорит о таких культурных ценностях, которые присущи женскому характеру: нежности, смиренности, свете, силе духа. Рисуя свой женский образ, сатирик проводит параллель с образом тургеневской женщины.

В художественном тексте А. Аверченко культурная информация отражается и в реминисценциях. Отсылки к предшествующим литературным фактам — отдельным произведениям, образам, сюжетам — использованы сатириком как особый вид ассоциаций, который возникает из личных ощущений читателя, заставляет его вспомнить аналогичный образ или картину, напоминает о факте культурной жизни. С помощью реминисценции автором задается определённый контекст восприятия произведения читателем, декларируется близость творчества традициям. Они органически встраиваются в контекст, не воспринимаются как нечто специально употребленное для выразительности, отражают оригинальность художественного мышления автора, специфику его идиостиля.

Проиллюстрируем данное заключение следующими контекстами. *Ах, широка, до чрезвычайности широка и разнообразна русская душа! Много может вместить в себя эта широкая русская душа... И напоминает она мне знаменитую «плюшкинскую кучу». У Гоголя. Помните? Что именно находилось в кучке — решить было трудно, ибо пыли на ней было*

*в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высывались оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога». Так и тут: все свалено в самом причудливом соприкосновении: царская жалованная табакерка с вензелем и короной, красная тряпка залитого кровью загрязненного флага, грамота на звание «солиста Его Величества», ноты «Интернационала»... Мала куча — крыши нету! (Федор Шаляпин. Хамелеон). А. Аверченко, рисуя образ широкой русской души, обращается к реминисценции, образу «плюшкинской кучи», которая изображается в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя: *Не довольствуясь сим, он <Плюшкин> ходил еще каждый день по улицам своей деревни, заглядывал под мостики, под перекладки и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок — все тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты.* Плюшкин воплощает в себе не один порок: он вызывает пренебрежение и отвращение, существует в скверных условиях.*

Сатирик показывает надломленную русскую душу, в которой и флаг стал тряпкой, и содержание «Интернационала» потеряло свое значение, и царская табакерка — все стало ненужным, «старым». Все ненужное складывается в кучу, без разбора.

А. Аверченко отсылает читателя к гоголевской свинье из «Мертвых душ»: *Критика даже не замечает меня, публика глотает мои произведения, как гиппопотам — апельсины или как та гоголевская свинья, которая съела мимоходом цыпленка и сама этого не заметила!!* (Шутка Мецената). Приведем контекст о свинье у Н. В. Гоголя: *Подошедши к окну, он <Чичиков> начал рассматривать бывшие перед ним виды: окно глядело едва ли не в курятник; <...> свинья с семейством очутилась тут же; тут же, разгребая кучу сора, съела она мимоходом цыпленка и, не замечая этого, продолжала уписывать арбузные корки своим порядком.*

При помощи приема аллюзии, сознательного авторского намека на общеизвестный литературный или исторический факт, а также на известное художественное произведение («Мертвые души» Н. В. Гоголя), А. Аверченко изображает персонажей, которые, как и гоголевская свинья, копаясь в кучах жизненного дрязга, в мусоре и грязи, не замечают, что «съедают» друг друга. А. Аверченко для обозначения характерных черт психологии человека не случайно использует название животного (свиньи). В русском языковом сознании слово

«свинья» в основном значении имеет коннотации неприятности, грубости, примитивного и хамского поведения. Все они материализуются в переносных значениях «неряха» (Свиньи везде грязь развели), «невоспитанный, грубый человек» (Ведешь себя, как свинья!). Цинично относящиеся к жизни герои романа своими руками, ради шутки, разрушают с любовью выстроенный ими мир.

Характеризуя персонажей, А. Аверченко использует схему «сочетание в одном лице + два и более ПИ». Проанализируем следующий контекст. *Замечательные! Галилей, Коперник, Ньютон и Эдисон — причудливо соединились в твоей черепной коробке* (Шутка Мецената). В данном контексте употребление прецедентных имен Галилей, Коперник, Ньютон и Эдисон передает характерные черты персонажа, его глубокий ум и аналитические способности. В одном человеке соединились точный расчет польского астронома Николая Коперника с его теорией движения вокруг солнца, целеустремленность Галилео Галилея, аналитический ум Ньютона и Эдисона.

Продолжая характеризовать персонажа и его внутренний мир, автор использует антитезу, чтобы показать его внешние характеристики: *«Как приятно видеть, — тонко усмехаясь, сказал Меценат, — сочетание в одном лице Эскулапа с Аполлоном. Только что-нибудь подумаешь, а он уже все предвидел и все сделал. В одном теле и Аполлон и Наполеон»* (Шутка Мецената). Представленные прецедентные имена позволяют сатирику в одном синтаксическом целом показать противоречивость русского характера, вбирающую в себя силу ума и находчивость. Это проявляется в употреблении имен богов с противоположными характеристиками: Эскулап — древнеримский бог врачебного искусства — и Аполлон — бог, карающий и насылающий в наказание чуму. В русском характере могут сочетаться и черты, присущие возрождению, и разрушительные черты. Говоря о внешних характеристиках персонажа, сатирик также в одном контексте приводит совершенно разные портреты, противопоставленные друг другу: Аполлон высокий, красивый, а Наполеон некрасивый человек низкого роста.

В художественном дискурсе ПИ может выступать как совокупность имени собственного и прилагательного *новый*, что представляет уже совсем новый художественный образ, новый характер. Усиливающие определения (обычно прилагательные) указывают на завершенность, полноту проявления

признака. Такие определения характеризуют прецедентное имя темпорально (прилагательные *новый, древний, сегодняшний* и др.). *Тогда можно Яблоньке вообще ничего не говорить... Представим его <Куколку> как **нового Шиллера, Пушкина и Байрона**, вместе взятых, и что мы, дескать, хотим почтить это гигантское дарование!!* (Шутка Мецената). В данном контексте прилагательное *новый* является специфическим маркером наличия переосмысленного значения, поскольку оно употребляется только с прецедентным именем.

ПИ может употребляться во множественном числе и приобретать некую обобщенность. В роли интенсификаторов могут выступать местоимения *все, эти, наши* и др. для усиления или выделения особенного, значительного характера качества или свойства. *И почувствовал я, что все мы, прежние, до ужаса устарели со всеми нашими Сомовыми, Добужинскими, Репинскими, Обри Бердслеями, Ропсами, Билибинскими и Александрями Бенуа* (Шутка Мецената). Использование местоимений *всеми нашими* с прецедентными именами показывает локализацию качественного признака прецедентного имени.

В следующем контексте употребление местоимения *этим* показывает усиление значительного качества и свойства прецедентного имени. *И этим нужно отдохнуть, вот этим самым комиссарам — всем этим Лениным и Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Луначарским, Дыбенкам, имена же их ты, диаволе, веси, и они поработали усердно и имеют право на сладкий отдых...* (Шутка Мецената)

Прецедентные имена могут определяться наречиями меры и степени, что свидетельствует о наличии в их семантической структуре качественного компонента. *Мы все в душе **немного Шерлоки Холмсы**, поэтому я, оставшись одна, стала на колени и внимательно освидетельствовала ковер...* (Шутка Мецената). Интенсификатор прецедентного имени *немного* и образование формы множественного числа *Шерлоки Холмсы* не соотносятся с оппозицией «один — много», а обязательно сопровождаются расширением смысла. Это еще раз подчеркивает особый статус прецедентных имен, максимально приближенный по функции к именам нарицательным.

Наряду с широким обращением юмориста к творчеству великих писателей, отметим обращение и к русским народным сказкам. В следующих контекстах также обозначен не конкретный человек, а его национальные качества и национальная ментальность:

Вы, как Красная Шапочка, доверчиво разговорились с Серым Волком... (Шутка Мецената).

Как известно, в русской культуре Красная Шапочка ассоциируется с доверчивостью, простотой, добротой, Серый Волк же, напротив, — с проявлением жестокости, бесчестия. *Вдруг из-за куста выходит некий таинственный мальчик и говорит:*

— *Позвольте представиться: заграничный мальчик Лев Троцкий. Чего несете? О-о, да тут прекрасные вещи! Дай-ка, я их тово... Да ты не плачь — я ведь тебе стаканчик-другой поднесу.*

— *А что же я бабушке скажу?*

— *Скажи — Серый русский Волк слопал. Вали, как на мертвого» (Новая русская сказка).*

Отпусти ты его буржуя, — советует Красная Шапочка. — Пусть идет в лес. Довольно ему, саботажнику, дома лодырничать. Как говорится все, на фронт (Новая русская сказка).

В следующем контексте прецедентное имя представлено имплицитно. Центром категории прецедентности здесь служит прецедентная ситуация — предательство Иудой Христа. *И когда при мне какой-нибудь слащавый многодумец скажет: «Что ни говорите, а Ленин и Троцкий замечательные люди...» — мне хочется спихнуть его со стула и, дав пинка ногой в бок, вежливо согласиться с ним: «А что вы думаете! Действительно, замечательные люди! Такие же, как один из учеников Спасителя мира — тоже был замечательный человек: самого Христа предал». Так уж если Христа, самого Бога человек предал, предать глупую, доверчивую Россию куда легче.*

Цель Иуды — попытка посредством предательства Спасителя приобрести богатство, обеспечить себе некую материальную независимость, свободу от Бога. В результате Иуда продал свое пребожественное достоинство, продал самого себя в рабство дьяволу. А. Аверченко, апеллируя к приведенной прецедентной ситуации, проводит параллель: «замечательные» Ленин и Троцкий, предав народ, Россию, сами оказались в рабстве у Сатаны, в рабстве своих пороков.

Система образов, понятий, эталонов, стереотипов и символов, отражающих знания определенного народа об окружающем мире, оценивающихся согласно предпочтениям и нормам общества и фиксирующихся в значении языковых единиц, представляет собой языковую картину мира, основой для реконструкции которой служат языковые номинации,

имеющие лингвокультурологическую значимость. Таковыми являются ПИ, в которых внутренний мир персонажа раскрыт через внешние черты.

Изображение внутреннего мира через внешние характеристики наблюдаем и в следующих контекстах. *За чаем мирно сидят Ленин и Троцкий. Троцкий, затаянный с утра в щеголеватый френч, обутый в лакированные сапоги со шпорами, с сигарой, вставленной в длинный янтарный мундштук, олицетворяет собой главное, сильное, мужское начало в этом удивительном супружеском союзе. Ленин — *madame*, представитель подчиняющегося, слабого, женского начала* (Короли у себя дома). В данном случае развивается своеобразная энантиосемия — противоположность ономастических значений в одном имени. Это связано со сменой эпох, отмиранием стереотипов, демифологизацией тех или иных личностей. Так произошло и с именем Ленин. Изначально ядро восприятия этого имени составляла сема «образцовость», в настоящее время имя Ленин коннотирует признаки «террор», «преступление».

Для более глубокого раскрытия характера Ленина автор вводит женский образ, ПИ *мадам Ленина*, обосновывая свой выбор. *Я не дал портретов Ленина и Троцкого, потому что эти два знаменитых человека и так уже всем навязли в зубах. Вместо них я даю портреты их жен. Это — элегантнее и свежее.*

Имена, которые имели раньше только положительную коннотацию, изменили ее на противоположную. В следующем контексте имя *мадам Лениной* коннотирует признак «жестокость», что представлено в сочетании «оборванные, голодные, истощенные» пятьсот детишек. *В Советской России появилась новая лошадь Калигулы — мадам Ленина, жена правителя. Да что одна лошадь Калигулы! Перед мадам Лениной поблещет целый табун римских лошадей. Газеты эпически рассказывают, что сделала эта активная «лошадь, допущенная в Сенат». Во время первомайских торжеств около пятисот детишек, предводительствуемых новой лошадью Калигулы, — все это, кроме лошади, оборванное, голодное, истощенное, — отправились на прогулку в авиационный парк».*

Вывод. Введение А. Аверченко прецедентных имен в художественный текст позволило увидеть культурные, социальные, исторические факторы. Следует подчеркнуть, что в содержательном плане прецедентное имя в произведениях сатирика

имеет определенное коллективное представление. Но, кроме общего, в семантике прецедентного имени присутствует и индивидуальный компонент, отражающий субъективные представления автора, его ассоциации и коннотации. Апеллируя к творчеству великих классиков, вводя их имена в художественный текст, А. Аверченко показывает культурно-социальную значимость прецедентного имени. Определяющим индивидуальным стилем А. Аверченко является использование определительных слов при прецедентном имени, которые приносят новое значение в его понимание. В позиции атрибута при прецедентном имени могут находиться прилагательные, местоимения, наречия.

В рассказах сатирика определительные слова при прецедентном имени (новый, все эти, наши и др.) устанавливают связь с качественным компонентом значения прецедентного имени, лексикализируя наличие переосмысления, эксплицируя актуальные в лингвокультурном отношении семы, характеризуя денотат обозначения. При этом большинство определительных слов при прецедентном имени выполняет оценочно-усилительную функцию.

Примечания

1. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. Москва : УРСС, 2012. 456 с.
2. Аверченко А. Т. Собрание сочинений. — URL: <https://www.livelib.ru/book/1001613>.
3. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Екатеринбург : УрГПУ, 2007. 207 с.
4. Гудков Д. Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. Москва : МГУ, 1999. 152 с.
5. Журавлева Е. А., Капарова Ж. Д. Прецедентные тексты начала XXI века (на материале прессы Казахстана) : монография / под общ. ред. Е. А. Журавлевой. Москва : Флинта : Наука, 2007. 256 с.
6. Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <http://window.edu.ru/resource/512/58512>.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. Москва, 1990. 688 с.

Беданоква Зулейхан Кимовна
bedan23@mail.ru

Сокур Елена Анатольевна

Адзинова Анжела Анатольевна

Дочлеж Фарида Руслановна

Адыгейский государственный университет

СПЕЛЕОНИМЫ ГОРНОЙ АДЫГЕИ В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

Аннотация. В статье представлена лексико-семантическая классификация спелеонимов горной Адыгеи, дополненная этимологическими, историческими пояснениями толкований названий пещер. Выявлены основные типы спелеонимов, такие, как мемориальные, пространственные и качественные. Были рассмотрены оронимические объекты с адыгской этимологией, что позволило показать основные черты этнокультурной картины в диахронном аспекте. Современный корпус спелеонимов в ономасиологическом описании отражает основные тенденции теории номинации в русскоязычной топонимике. Обозначены перспективные направления исследований с учетом специфики современной спелеонимии.

Ключевые слова: пещера, географические объекты, ороним, микро-топоним, спелеоним, семантика.

Bedanokova Z. K.

Sokur E. A.

Adzinova A. A.

Dochlezh F. R.

Adyghe State University

SPELEONIMES OF MOUNTAIN ADOGE IN ONOMASIOGRAPHIC DESCRIPTION

Abstract. The article presents a lexical and semantic classification of the speleonyms of Gornaya Adygea, supplemented by etymological and historical explanations of the cave names. The main types of speleonyms, such as memorial, spatial, and qualitative, have been identified. The article also examines oronymic objects with Adyghe etymology, which allows for a diachronous analysis of the ethno-cultural landscape. The modern corpus of speleonyms in its onomasiological description reflects the main trends in the theory of nomination in Russian toponymy. Promising research areas are outlined, taking into account the specifics of modern speleonymy.

Keywords: cave, geographical objects, oronym, microtoponym, speleonym, semantics.

Описание оронимических объектов Северо-Западного Кавказа нашло отражение в научных статьях, лексикографических и архивных источниках, начиная с середины XIX столетия по настоящее время. Накоплен богатый ономастический материал по изучению оронимов Северо-Западного Кавказа, названий горных вершин как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах, сделаны серьезные попытки разобрататься в процессах языковой интерференции при переводе и употреблении в речи исконных названий (К. Х. Меретуков, Дж. Н. Коков, Н. Х. Емыкова, А. Н. Абрегов, Р. Ю. Намитокова, А. В. Твердый и др.). Однако на современном этапе с развитием индустрии туризма обнаруживается доминирование народной этимологии в описании географических объектов, что часто выносится на страницы научных статей, топонимических словарей. В связи с этим лингвистическое описание и разработка ономаσιологических типов спелеонимов как разновидности оронимической лексики весьма актуальны и являются целью нашего исследования.

Горная Адыгея, и особенно Лагонакское нагорье, отличается многочисленностью пещер (более 325 объектов), но их обнаружение, затем изучение началось только в начале XX столетия, а всесторонние научные исследования актуализировались только в 60-е годы XX века. Но специальному лингвистическому анализу корпус названий пещер Северо-Западного Кавказа не подвергался или были рассмотрены только самые известные пещеры.

Как известно, «спелеология (греч. спелео- «пещера» + -логия «учение») — отрасль науки, занимающаяся всесторонним изучением пещер: их происхождением, формами, развитием, микроклиматом, водами, органическим миром и использованием человеком в прошлом и настоящем. В данных спелеологии заинтересованы как гидрология, гидрогеология, минералогия и другие геологические науки, так и палеонтология и археология, а также лингвистика. Спелеоним — это вид оронима, собственное имя любого природного подземного образования: пещер (в том числе тектонических, эрозионных, ледовых, вулканических и карстовых пещер), гротов, пропастей, колодцев, лабиринтов, сифонов, подземных рек, ручьев, водопадов, озер [1, с. 128].

Предлагается использовать методологически обоснованное рассмотрение и анализ названий пещер с применением классификационного метода, направленного на репрезентацию

структурных и/или семантических свойств спелеонимов (А. Ю. Братухин, В. Н. Дублянский, А. В. Пилипюк, З. М. Оцомиева-Тагирова) [2, 3, 4, 5] и в свете теории номинации рассмотреть ономаσιологические модели наименований спелеообъектов (А. С. Жилина) [6].

Специфика топонимии Северо-Западного Кавказа основана на адыгском происхождении большинства топонимов, что нашло отражение в таких лексикографических трудах, как «Адыгейский топонимический словарь» К. Х. Меретукова в 4-х изданиях (1986–2003) [7], «Адыгская (Черкесская) топонимия» Дж. Н. Кокова (1974), «Кавказ в именах» А. В. Твердого (2008), «Историческая топонимия Западной Черкесии» Н. Х. Емыковой (2021) и др. Однако спелеонимы в адыгской топонимике представлены только в 17 названиях, поскольку активное освоение пещер горной части Адыгеи и Краснодарского края происходило с середины XX века, т.е. через сто лет после исхода коренного населения. Тем не менее нам удалось обнаружить некоторые тенденции в способах номинации спелеообъектов. В адыгских языках для обозначения пещеры используется топотермин *гъочIэгъ*, буквально ‘под землёй’. Структурно спелеонимы на адыгейском языке представлены атрибутивными словосочетаниями в двух значениях: качественном — *гъочIэгъ маф* ‘счастливая пещера’, в литературе вошла как ‘пещера спасения’; относительном или притяжательном значении — *Ахынэ гъоIчегъ* ‘Ахинская пещера’, т.е. ‘пещера Ахина’, Ахин входит в пантеон языческих богов древних адыгов как покровитель крупного рогатого скота; *Абдзэхэ гъочIэгъ* ‘Абадзехская пещера’ название по этнониму одного из адыгских племен; *Дэдэркъуае гъочIэгъ* ‘Дедеркуаевская пещера’, расположена недалеко от одноименного селения Туапсинского р-на. Таким образом, адыгские спелеонимы в соответствии с теорией номинации репрезентируют наиболее продуктивные способы номинации: по территориальной близости к объекту / поселению / орониму; по личному имени собственному / антропониму или этнониму.

К концу XX века в спелеологии Лагонакского нагорья были известны 125 номинаций из 325 наименований карстовых шахт и пещер [8, с. 86]. Подавляющее большинство было открыто после 60-ых годов XX века, а три самые крупные описаны в различных лексикографических изданиях и туристических проспектах: Большая Азишская, Овечья, пещера Асланбека.

Анализ спелеообъектов Горной Адыгеи в рамках данной статьи ограничится выделением основных лексико-семантических групп спелеонимов, в состав которых входят пещеры (35), шахты (11) и полости (20) нескольких классов для выявления специфики ономаσιологической номинации спелеобъектов горной Адыгеи:

— **мемориальные**, 1) названные в честь или в память о первооткрывателе: *Бондаревская, им. Исиченко, Асланбека, Западно-Сибирская им. А. Васильева, Дубровского, Радищева*. Например, пещера Бондаревская — в 1917 году в Краснодарском крае пионером спелеологического движения Б. И. Бондаревым был открыт данный пещерный комплекс, в честь которого и был назван. Аналогичная история связана с именованим пещеры им. Исиченко: в 1973 году группа студентов-спелеологов Днепропетровского горного института успешно преодолела сложный участок. Главой экспедиции был Юрий Исиченко, чья фамилия послужила названием найденной пещеры; 2) названные личным женским именем *Вера, Надежда, Любовь, Любава, Ольга*.

К этой группе вполне можно отнести названия в честь группы студентов-первооткрывателей или исследователей спелеонимы *Геофаковская, Университетская*.

— **пространственные**, 1) названные по территориальной близости к объекту *Мезмайская (пос. Мезмай), Малая Азишская, Большая Азишская (г. массив Азиштау), Монахова (г. Монах) Гунькина* — в 1877 году исследователь-натуралист Н. М. Диплика в своих работах описал пещеры Гунькиной балки. В 1968 году спелеологи попытались дать пещере новое имя *Беш-Тулпар*, но название не прижилось; 2) по пространственной физической характеристике внутри спелеобъекта *Смежная (МСС-101), Сквозная, Лабиринтовая, Высокая*; 3) по городу или региону спелеологов: *Уральская, Днепропетровская, Кунцевская, Филевская, Днепровская*.

— **физические и геологические свойства объекта**: 1) *Красивая, Нежная, Сухая, Обвальная, Абсолютная, Шикарная, Турниковая, Ледяная, Малышка*;

2) по сходству с животными, птицами, мифологическими существами: *Парящая Птица, Леопардовая, Бегемот, Пасть Дракона* (вход в пещеру напоминает распахнутую пасть мифического чудовища);

3) по функциональному назначению: *Охотничья, Слётовская, Овечья, Пикетная, Турист*;

4) спелеонимы, имеющие характерную форму: *шахта Каньон, Глубокий Яр; пещера Крестик, пещера Золотой ключик, Ракушка, Серьга, Саксофон, Флейта.*

Таким образом, можно сделать вывод, что спелеонимы Горной Адыгеи и Краснодарского края имеют русскоязычные названия в соответствии с теорией номинации по основным продуктивным моделям. Небольшой сегмент адыгских топонимов открывает богатую этнолингвокультурную страницу и носит исторический характер. Ономаσιологический подход в описании спелеонимов Адыгеи, точнее Лагонакского нагорья предвещает дальнейшее лингвокультурологическое исследование, предпринятое впервые как пропозиция междисциплинарных исследований, например, проблема народной этимологии, связанной с названиями пещер, что позволит в будущем провести изыскания в лингвокультурном и когнитивном аспекте для создания наиболее полной и всесторонней топонимической картины. Более того, Е. М. Пospelов в своих исследованиях к спелеонимам, кроме названий пещер и пещерных систем, относит также названия следующих элементов карстовых полостей: галерей; проходов, ходов, лазов, расщелин, гротов и залов; колодцев и шахт; сифонов, озер, рек, водопадов, каскадов [9, с. 82]. Следовательно, в дальнейшем найдется место для анализа таких тем или более широких тематических областей, таких, как вопросы стандартизации названий новооткрытых спелеообъектов, в том числе удаление неуместных названий; диахроническое исследование спелеонимии; лексикографическая обработка спелеонимии.

Примечания

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. Москва : Наука, 1978. 199 с.
2. Братухин А. Ю. Спелеонимы Пермского края (гроты, проходы, галереи) // Пещеры : сборник научных трудов / под ред. Н. Г. Максимовича. Пермь : РИО Перм. гос. нац. иссл. ун-та, 2018. Вып. 41. С. 133–139.
3. Дублянский В. Н. Спелеонимы Крыма // Свет. 1992. № 3 (5). С. 18.
4. Пилипюк А. В. Підходи до систематизації та інвентаризації спелеонімів системи печер «Атлантида-Киянка» // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Серія: Географія. Вип. 28. 2016. № 3-4. С. 103–112.
5. Жилина А. С. Спелеонимы Красноярского края в ономаσιологическом аспекте // Siberia Lingua. 2010. № 1. С. 48–53.

6. Оцомиева-Тагирова З. М. Спелеонимы в топонимической системе аварцев // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 241–245. DOI: 10.7256/2454-0749.2018.4.26826.

7. Меретуков К. Х. Адыгейский топонимический словарь. Москва : Прометей, 1990. 336 с.

8. Лозовой С. П. Лагонакское нагорье. Краснодар : Краснодар. кн. изд-во, 1984. 160 с.

9. Поспелов Е. М. Туристу о географических названиях. Москва : Профиздат, 1988. 190 с.

Беленов Николай Валерьевич

belenov82@gmail.com

Самарский государственный
социально-педагогический университет

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ К ВОПРОСУ О НАЗВАНИИ ВОЛГИ У МОРДВЫ

Аннотация. В статье автор рассматривает вопрос о происхождении у мордвы названия реки Волги Рав / Рава. Рассматриваются лексико-семантические и фонетические аспекты данного заимствования у мордвы из иранских языков. К написанию работы также привлекаются материалы полевых исследований автора 2015–2025 гг.

Ключевые слова: мордва, Волга, топонимика, мокша-мордовский язык, эрзя-мордовский язык, иранские языки.

Belenov N. V.

Samara State University
of Social Sciences and Education

SOME NOTES ON THE QUESTION OF THE NAME OF THE VOLGA IN MORDOVIAN LANGUAGES

Abstract. In the article, the author examines the question of the origin of the Mordovian name of the Volga River Rav / Rava. The lexico-semantic and phonetic aspects of this borrowing from Mordvins from Iranian languages are considered. The materials of the author's field research 2015–2025 are also involved in the writing of the work.

Keywords: Mordva, Volga, toponymy, Moksha-Mordovian language, Erzya-Mordovian language, Iranian language.

Иранский пласт лексических заимствований в мордовских языках достаточно велик и не вызывает сомнений. Особняком

в этом ряду стоят заимствования некоторых географических названий, в особенности реки Волги, которая в различных диалектах мордовских языков имеет формы: Рав, Рава, Раў, Раво.

На тот факт, что название Волги в мордовских языках практически идентично тому, под которым она известна у античных авторов, обратили внимание уже на заре мордвинистики [1, с. 403]. Это мнение позднее получило развитие в трудах отечественных [2] и зарубежных лингвистов [3].

Впрочем, были и остаются и критики подобного отождествления, их аргументация, в основном, сводится к наличию в ряде говоров мордовских языков апеллятива с данной основой со значением 'река'. Такие единичные примеры действительно есть, однако, по нашему мнению, указанные апеллятивы имеют основой имя собственное (название Волги в мордовских языках), а не наоборот. В качестве параллели можно привести термин воложка, бытующий во многих приволжских областях со значением 'второстепенный рукав реки Волги'.

Кроме того, иногда указываются некоторые гидронимы, в которых, по мнению критиков, имеется та же основа ра. Одним из наиболее известных названий в данном ряду является Ратор — эрзянское название реки Алатырь.

Здесь, однако, имеется ряд препятствий. Во-первых, в соответствии с формульностью мордовских топонимов, апеллятив должен следовать за определяемым словом, а не предшествовать ему, как это представляется реконструкторам формы ра + тор.

Во-вторых, велика вероятность того, что дошедшая до нашего времени форма возникла в результате эллипсиса, и изначально была иной, вообще не имеющей отношения к названию Волги.

Убедительную этимологию потамонима Алатырь приводит Д. В. Цыганкин. Вопреки распространённому мнению, согласно которому Алатырь — тюркское, а Ратор — мордовское названия одной и той же реки, учёный полагает, что оба названия мордовские. Он считает, что в основе названия Алатырь лежат лексемы ало — нижний, низменный и тор — 'край, берег' (търва — 'берег, губа') [4].

Тогда, по аналогии, уместно предположить, что известное сегодня название Ратор изначально имело форму *Уратор и означало «возвышенный берег». Дело в том, что в ряде говоров мордовских языков имеется термин ур — со значением

‘возвышенное место’. Тогда название Ратор означает возвышенный берег, что составляет дуальную систему с названием Алатырь — «низменный берег». В Северной полушарии, в соответствии с законом Бэра, правые берега рек обычно возвышенные, а левые — низменные. Таким образом, раньше мордва-эрзя именовала левый берег «Алатырь», а правый «Ратор», вопрос о том, каково было мордовское название самой реки, пока остаётся открытым.

Название Волги, зафиксированное в географических трактатах греческих и римских учёных, а также у некоторых историков в форме Rha (Pa), сложно сопоставить с конкретным языком или даже группой языков.

Прежде всего надо учитывать, что в указанной форме название зафиксировано, самое раннее, к рубежу эр.

До этого времени мы располагаем сведениями Геродота, у которого, по ряду предположений, Волга упоминается под именем Оар. Однако это отождествление гипотетично — по информации источника, река Оар впадала в Меотиду, то есть в Азовское море. Историки современности неоднократно подвергали сомнению сведения Геродота и на основании их критического пересмотра развивали собственные концепции, однако неоднократно материалы археологических исследований опровергали концепции критиков и доказывали правоту источника [5].

По всей видимости, и в данном случае нет оснований сомневаться в осведомлённости Геродота: в реке Оар следует видеть одну из рек Азовского бассейна, а о Волге, вероятно, Геродот вообще не упоминает.

При этом надо учитывать, что дата (пусть и приблизительная) фиксации названия Волги в форме Pa у античных авторов означает лишь то, что на тот момент река так называлась на языке какого-то народа.

Дальше мы вступаем в область предположений, пусть и вполне логичных. Во-первых, предполагается, что так называли Волгу люди, проживавшие в те времена по её берегам; во-вторых, на основании синтеза целого комплекса данных различных наук делается вывод, что люди эти говорили на одном из иранских языков.

Далее, большей частью основываясь на данных археологии и глоттохронологии, предполагается, что ираноязычное (для более раннего времени, возможно, индоираноязычное) население проживало на Средней и Нижней Волге в течение тысячелетий. Последними в этом ряду значатся зафиксированные

в исторических источниках сарматы и аланы. Таким образом, гипотетически, название Волги, зафиксированное у Птолемея и Аммиана Марцеллина, может быть очень древним и восходить к периоду, когда носители иранских (либо индоиранских) языков сформировали в Поволжье прослеживаемые археологически культурно-исторические общности, прежде всего такие, как ямная и срубная [6].

Теперь вернёмся к названию Волги в мордовских языках. Иранские заимствования в них гетерогенны, наиболее достоверно, пожалуй, выделяется позднесарматский пласт, который также называют аланским [7]. Помимо этого, в языках мордвы имеются несколько пластов архаичных индоевропейских заимствований, которые могут быть как индоиранскими, так и принадлежать какому-то архаичному индоевропейскому языку балтского типа [8].

На данном этапе исследований однозначно ответить на вопрос, к какому из описанных пластов заимствованной лексики относится название Волги, затруднительно. По нашему мнению, это не позднесарматский (аланский) пласт. Фонетически более верно вывести мордовское название Волги из авестийского *Varṇhā*, где после редукции конечного гласного мог иметь место известный в диалектах мордовских языков переход *ɲ* → *в*. Особенности данного фонетического перехода в широком финно-угорском контексте подробно рассмотрены Д. В. Цыганкиным [9], в живых эрзянских говорах он фиксировался на протяжении XX века, например, в Новомалыклинском районе Ульяновской области.

Примечания

1. Орлов В. Памятники мордовской старины // Журнал Министерства внутренних дел. 1851. Ч. 33, кн. 3. С. 390–405.
2. Хисамов О. Р. О некоторых общетюркских топонимах Среднего и Нижнего Поволжья // Учёные записки Казанского государственного университета. 2008. № 8. С. 146–149.
3. Лер-Сплавинский Т. О происхождении и прародине славян // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 81–85.
4. Цыганкин Д. В. От Суры... до Мокши: названия рек и озёр Республики Мордовия : этимологические разыскания. Саранск : Мордовский ун-т, 2010. 108 с.
5. Агбунов М. В. Путешествие в загадочную Скифию. Москва : Наука, 1989. 192 с.
6. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. Москва : Наука, 1974. 151 с.

7. Гордеев Ф. И. Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1985. 144 с.

8. Кнабе Г. С. Словарные заимствования и этногенез (К вопросу о «балтийских» заимствованиях в восточных финно-угорских языках) // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 65–76.

9. Цыганкин Д. В. Словообразовательные потенции прафинно-угорского словообразовательного суффикса -ч : на материале мордовских, хантыйского и мансийского языков // Финно-угорский мир. 2013. № 4. С. 34–39.

Беляева Марина Юрьевна
fliny@mail.ru

Рагимова Эвелина Рафиковна
lina28ragimoag@gmail.com

Кубанский государственный университет,
филиал в г. Славянске-на-Кубани

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА КАК МАРКЕРЫ ВРЕМЕНИ И ЛИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ АРКАДИЯ ГАЙДАРА

Аннотация. В статье с позиций фиксации исторической памяти рассмотрен ономастикон повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Статья посвящена проблеме актуальности для своего времени антропонимов (личных имен, фамилий, прозвищ) повести Гайдара. Большинство их соответствует традициям ономастикона периода Гражданской войны, преддверия и начала Великой Отечественной. Практически все фамилии военных относятся к общезыковым отантропонимическим. Формы деминутивов типичны для неофициального общения, в то же время количество прозвищ, маркирующих речь подросткового коллектива, минимально.

Отражая в целом антропонимикон своего времени, повесть содержит индивидуально-авторские образования, выполняющие поэтическую функцию. В экранизации 2025 года рецентные имена из «Тимура и его команды» заменены актуальными, характерными для двадцатых годов XXI века. Трактовка имени главного героя и трансформация онимов тимуровцев превращают фамилии персонажей в ники компьютерных игр, сохраняя при этом связь с собственными именами первоисточника.

Ключевые слова: ономастикон, Аркадий Гайдар, антропонимы, рецентные имена, актуальные имена.

Marina Yu. B.

Evelina R. R.

Kuban State University, Slavyansk-on-Kuban branch

PROPER NAMES AS MARKERS OF TIME AND PERSONALITY IN THE TEXTS OF ARKADY GAIDAR

Abstract. The article examines the onomasticon of Arkady Gaidar's story "Timur and His Team" from the standpoint of recording historical memory. The article is devoted to the issue of the relevance of the anthroponyms (personal names, surnames, nicknames) of Gaidar's story for its time. Most of them correspond to the onomasticon traditions of the Civil War period and the lead-up to and beginning of the Great Patriotic War. Almost all military surnames are common anthroponymic names. Diminutive forms are typical of informal communication, while the number of nicknames that mark the speech of a teenage group is minimal.

Reflecting the overall anthroponymicon of its time, the story contains individual authorial formations that serve a poetic function. In the 2025 film adaptation, the contemporary names of "Timur and His Team" are replaced with contemporary ones, typical of the 2020s. The interpretation of the protagonist's name and the transformation of the Timurovites' onyms transform the characters' surnames into computer game nicknames, while maintaining a connection to the original source material's proper names.

Keywords: onomastics, onomasticon, Arkady Gaidar, anthroponyms, recent names, current names.

В сложном комплексе коллективной памяти политологи выделяют три основных блока: историческую, среднесрочную (XX в.) и актуальную (последние двадцать лет). Для именованья отдаленных событий специалисты по романской филологии предлагают термин *анциентные* (древние), *среднесрочных* — *рецентные* (недавние) и, наконец, *актуальные* (современные) [1, с. 154]. С позиций фиксации исторической памяти нами рассмотрен ономастикон повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда», ставшей в СССР хрестоматийным произведением.

Определение соответствия онимов Гайдара номинативным традициям предвоенного периода жизни страны или же приверженности к нововведениям целесообразно начать с анализа псевдонимов писателя. В духе времени, тяготевшего к всевозможным аббревиациям, в 1925 году Аркадием Голиковым был выбран псевдоним в виде кальки с французского языка — *Га-й-д'Ар*, что расшифровывается как «Голиков Аркадий из Арзамаса». Псевдоним возводят и к хакасскому «*Хайдар* — всадник, скачущий впереди», однако «Хайдар» в переводе означает «Куда идешь?» [2]. Таким образом, выбор имени отражает тенденции эпохи и вместе с тем стремление выйти за рамки обыденности.

Нетривиален выбор имени главного героя трилогии о Тимуре, включающей повести «Тимур и его команда», «Комендант снежной крепости» и «Клятва Тимура». Имя *Дункан* (в киносценарии Тимура Гараева звали *Володей Дунканом*), «культовое» для шотландских королей и шекспировского «Макбета», по требованию властей было заменено как «иностранный», т.е. вражеское [3]. Гайдар переименовал главного героя в честь своего сына, который, в свою очередь, получил имя сына Фрунзе. С подачи Гайдара восточное имя хромого Тимур-ленга в форме *Тимур* обрело популярность, было внесено в перечень русских имен и фамилий.

В тексте повести «Тимур и его команда» фамилии военных являются отантропонимическими: *Александров* (от греч. ‘защитник людей’), *Гаранин* (от греч. *герасим* ‘почтенный’), *Павлов* (от греч. ‘малый’) [4, с. 19, 122–123, 351], а также те, о ком заботятся тимуровцы: красноармейцы Гурьев (от др.-евр. ‘львёнок’) (исключение: *Крюков*). Возможно, узуальность, отсутствие коннотаций подчёркивают непреклонность, твердость характера как залог будущей победы над врагом.

Прозвищная фамилия «атамана» *Квакина*, не входящая в перечни традиционных русских фамилий, безусловно, относится к говорящим. Эвфоническую функцию, характерную для детской литературы, выполняют формулы именованья тимуровцев *Коли Колокольчикова* и *Симы Симакова* и их антипода *Петра Пятакова*, хотя фамилия *Пятаков* — всего лишь отсылка к пятому ребенку в семье.

Займствованное из скандинавских языков имя *Ольга* этимологизируется как старославянское «священная, благодать; польза, дар, награда». Флоренский видит натуру Ольги «своеобразно цельной»: «...раз направившись волею к известной цели, не щадя ни окружающего и окружающих, ни себя самой, почти до саможертвоприношения этой цели» [5, с. 203–204]. Цитата позволяет понять суть конфликтов между сёстрами: старшая видит в руководстве младшей свой долг перед отцом.

Антропоним *Ольга* в XIX веке входил в число наиболее распространенных в России (4-е место). В XX веке популярность имени не ушла: до 1917 г. на тысячу именуемых приходилось 45 носителей этого имени, в 1920-е годы — 30, в 1960-е — даже 70 [цит. по: 6, с. 83, 79].

Личное имя *Евгения* (от греч. «благородная») не вошло ни в один из указанных перечней. Наибольшее количество его

носителей приходится на рожденных в 1938-м году и несколько ранее [7, с. 83]. Женей Гайдар назвал одну из героинь по имени приемной дочки.

Равно положительные (*Гейка*, от *Сергей*; девочки *Нюрка*, *Татьянка*) и отрицательные (*Алешка*, *Мишка* Квакин) персонажи названы деминутивами с суффиксом -ка. В экстренных ситуациях используются полные официальные формы имен (помощник *Петр Пятаков*; *Михаила* Квакина ко мне, — попросил Тимур; Труби, *Николай*, громче! Нашей команде везде дорога) или формы с нулевым аффиксом (Я приплыла от Тимура. Меня зовут *Таней*, и я тоже из его команды) [8, с. 37, 59, 42]. К младшей Александровой Тимур всегда вежливо обращается *Женя*. Несмотря на то, что изображается банда малолетних хулиганов, прозвище дано лишь одному из них, *Фигуре*.

В 2025 году режиссёр Андрей Семенов представил всероссийской аудитории экранизацию повести — попытку «скрестить тему СВО и повесть Гайдара», пронизанную ощущением войны [9]. Перенесение действия на 65 лет вперед повлекло за собой смену декораций: из Подмосковья действие переносится в Белгородскую область, где-то на границу, ориентировочно в Шебекино.

Смещение места и времени действия в фильме «Тимур и его команда» повлекло за собой изменения антропонимики, неизбежные при переходе от рецентных имён к актуальным, распространённым в последние 20 лет.

Ключевое имя героя (*Тимур*) служит отсылкой к первоисточнику. Новация заключается в толковании криптонима *Тимур* как аббревиатуры от сочетания *Тимофей Муров* (vs *Гаранин* в повести). Команда под руководством белгородца Тимура ведёт не детскую игру, описанную Гайдаром, а компьютерную — на разведку и поражение целей противника. Деминутивы личных имен сменяются позывными. Переключки с реальными именованиями отмечена у трёх человек: *Белл* (*Белов*), *Сим-Сим* (*Симаков*), *Тимур* (*Тимофей Муров*). Самый младший тимуровец, брат Белова *Илья*, обходится сленговым прозвищем *Шнурок*. О незрелости тимуровцев свидетельствуют криптонимы со «сказочной» мотивацией: *Гудвин* (в честь волшебника Изумрудного города А. Волкова), *Белл* (для связиста, по ассоциации с фамилией изобретателя телефона), *Сим-Сим* (для компьютерщика-взломщика, по ассоциации с Али-Бабой и его заклинанием «Сим-Сим, открой дверь!» из арабских сказок «Тысяча и одна ночь»).

Добавляются отсутствующие в повести имена фоновых персонажей, типичные для антропонимикона XXI века: жени Ольги *Игорь*, молодой человек Жени *Глеб*, их же брат *Константин*, *Костя*. Лиц старшего поколения именуют архаическими онимами: бывшая учительница *Катерина Сидоровна*, её отец-партизан *Сидор Петрович*, почтальон *Николай*, военный *Сергей Николаевич*. Отца сестёр Александровых, чьё имя в повести не названо, в фильме зовут *Михаилом*, что является из отчества Жени и Ольги. Прозвищем наделён один взрослый отрицательный персонаж, *Николай Фигурин* — *Фигура*. Частотность антропонима *Николай* и его производных имеет историческое обоснование. В конце XIX века и в XX в. это имя относится к именам широкого распространения, принадлежит самому чтимому на Руси святому.

Итак, мы считаем, что произведения Аркадия Гайдара, отражая в целом антропонимикон своего времени с его рецентными словами, содержат индивидуально-авторские собственные имена. Экранизация повести «Тимур и его команда» отличается заменой личных имён на актуальные в духе двадцатых годов XXI века.

Примечания

1. Скоробогатова Т. И. О взаимодействии процессов формирования исторической памяти и неофразеобразования во французском языке // Научная мысль Кавказа. 2009. № 2. С. 153–156.

2. Вокруг книг : блог Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина и библиотек Челябинска. URL: <https://vokrugknig.blogspot.com/2023/08/2.html>.

3. Там же.

4. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. Москва : Астрель : АСТ, 2001. 672 с.

5. Флоренский П. Тайна имени. Москва : Мартин, 2007. 384 с.

6. Сулова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. Ленинград : Лениздат, 1991. 220 с.

7. Там же.

8. Гайдар А. Тимур и его команда. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1959. 51 с.

9. Отзывы. URL: <https://irecommend.ru/content/razocharovanie11066371>.

Буянова Людмила Юрьевна
lub_prof@mail.ru
Кубанский государственный университет

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ДИСКУРСА

Аннотация. В статье анализируется специфика имени собственного как культурного и культурогенного феномена, характеризуются персонами как маркеры аксиологического терминологического дискурса. На примере разных типов дискурсов освещается функциональный статус имён собственных, рассматриваемых в качестве аксиологических доминант, сохраняющих и передающих потомкам память о Человеке. Определяются роль и статус имени собственного в национальной картине мира; характеризуется способность имени собственного репрезентировать культурную идентичность, национальную принадлежность и социальный статус; способность указывать на психологическую специфику личности, привычки и иные особенности носителя личного имени. Рассматривается классификация имён собственных с учётом связи их функционирования в конкретных типах дискурсивных практик.

Ключевые слова: имя собственное, дискурс, аксиологическая доминанта, персоним, национальное самосознание, культурная идентичность.

Buyanova L. Yu.
Kuban State University

THE PROPER NAME AS AN AXIOLOGICAL DOMINANT OF DISCOURSE

Abstract. This article analyzes the specificity of the proper name as a cultural and culturogenic phenomenon, characterizing personimas as markers of axiological terminological discourse. Using examples from various types of discourse, the functional status of proper names, viewed as axiological dominants that preserve and transmit the memory of Man to descendants, is illuminated. The role and status of proper names in the national worldview are determined; the ability of proper names to represent cultural identity, national belonging, and social status is characterized; and the ability to indicate the psychological specificity of the personality, habits, and other characteristics of the bearer of a personal name is highlighted. A classification of proper names is considered, taking into account the connection between their functioning in specific types of discursive practices.

Keywords: proper name, discourse, axiological dominant, personimas, national self-awareness, cultural identity.

Развитию и обогащению теории имени собственного посвятили свои изыскания многие известные лингвисты — Р. Ю. Намиотокова [1], А. В. Суперанская [2], Н. Ф. Алефиренко [3], В. И. Супрун [4] и другие учёные, каждый из которых выдвинул и обосновал креативную концепцию **онима** как особого знака. Имя собственное в национальной картине мира обладает мощнейшим лингвокультурным потенциалом, выступая вербальным экспликатом аксиологических доминант различных типов дискурсов. Его особая ценность для русской культуры и культуры народов России заключается в том, что каждое имя собственное репрезентирует Человека, историю его жизни и рода, способствуя сохранению культурного наследия для потомков; в целом оно являет собой знаковый феномен человеческого бессмертия.

В своих работах А. Ф. Лосев определял слово как «живой нерв реального опыта», считая, что «только в слове мы общаемся с людьми и природой, что только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах её проявления» [5, с. 33–34]. В научном, медицинском, экономическом, медийном, литературном, поэтическом, религиозном и иных типах дискурсов имя собственное содержит в компактной форме ценностную информацию о главных субъектах/объектах того или иного дискурсивного образования и стоящей за ними реальности, социального контекста. Например, имя собственное *Мария Кюри* является аксиологической доминантой научного дискурса, эксплицируя всю историю её научного подвига — открытия радиоактивности и создания науки радиохимии. В том или ином типе научного дискурса имя собственное выступает его маркером, отражая ассоциативную связь с научным предметом и объектом. Отметим также, что в научном дискурсе имена собственные (личные) мотивируют номинацию специальных терминов, называемых персонимами (от лат. *persona* — лицо, личность) [6, с. 185]. Имена собственные как аксиологические терминологические маркеры функционируют в биологическом, минералогическом, медицинском, лингвистическом, философском, искусствоведческом и иных типах дискурсов, обладая высокой информационной, гносеологической, когнитивной и историко-культурной ценностью, отражая эволюцию знания и познания в целом.

Культурогенную информацию репрезентируют авторские имена собственные, эксплицирующие ценностные доминанты особого поэтического/прозаического дискурса. Эти единицы выступают деривационной базой создания ряда

однокоренных дериватов, связанных когнитивно и ассоциативно с выдающейся личностью того или иного писателя или поэта и др. Будучи культурными и культурогенными феноменами, имена собственные репрезентируют способность сохранения и представления национального самосознания и культурной идентичности; маркируют национальную принадлежность и социальный статус; могут служить особыми символами и социальным мифом, хранящим информацию о конкретных исторических периодах и событиях.

В разных типах дискурсов, в зависимости от их характера, функционируют различные виды собственных имён как маркеров культуры: **теонимы** (в религиозно-конфессиональном дискурсе); **антропонимы** (в политическом, историческом, прозаическом, искусствоведческом и др. дискурсах); а также **зоонимы**; **топонимы** (в географическом дискурсе и других типах дискурсивных практик).

На современном этапе развития ономастики усиливается интерес к изучению социолингвистического, социоисторического и социопсихологического аспектов ономастических феноменов. Во многом это детерминировано глобализационными процессами, происходящими в мире, который характеризуется как поликультурный и поликонфессиональный, что оказывает влияние на различные типы межкультурной и межконфессиональной коммуникации с использованием самых разных видов онимов как особых идентификационных знаков. В сфере имён собственных (личных) в русском языке наблюдается активизация процессов заимствования иностранных имён (женских и мужских), например, *Элен, Даниэла, Камилла* («хранительница; совершенная, безупречная»), *Миа* («госпожа; любимая»), *Аиша* («живущая»), *Алсу* («розовая вода») и других; *Амир* («правитель; бессмертный»), *Мухаммад* («восхваляемый»), *Рамиль* («волшебный, магический»), *Лукас* («светлый»), *Леон* («лев»), *Даниэль* («справедливый человек») и многих других. Каждое из этих имён в разных типах дискурсов выполняет универсальные функции индивидуализации и идентификации личности, что определяется контекстом дискурсивного образования в целом.

Имена собственные выполняют во всех типах дискурса функцию репрезентации национального языкового сознания, народной ментальности, национальной культуры и духовно-нравственных стандартов бытия. Они транслируют экстралингвистическую информацию, характеризуя, в том числе, и объект своей идентификации.

Важным социально-идентифицирующим аспектом имён собственных является способность формировать ассоциативные связи и корреляции, касающиеся национальности, возраста, статуса, привычек, отличительных черт внешности и других характерных свойств носителя того или иного имени, в том числе онима-клички.

Наши исследования свидетельствуют также о том, что имена собственные (личные) выступают аксиологической доминантой в **конфессиональном** дискурсе, отражающем специфику такой речевой коммуникации, которая институционально детерминируется деятельностью в обществе конкретной религиозной организации или конфессионального сообщества. В этом типе дискурса особую аксиолого-когнитивную функцию выполняют в первую очередь **теонимы**. В молитвенном дискурсе осуществляется коммуникация человека не только с *Богом*, но и с *Богородицей, ангелами, святыми*, что требует употребления теонимов-апеллятивов в форме звательного падежа: *Господи, Отче, Боже, Богородице Дево, Ангеле Божий* и т.д.

Многообразие онимов отражает их социальный статус, так как имя — это социальный маркер. В личных именах собственных репрезентированы в определённой степени многие черты и свойства, транслирующие духовные ценности, бытовой уклад, верования и традиции, специфику образа жизни, виды деятельности, отношение к окружающему миру и его оценку по разным параметрам и т.п. Есть все основания считать, что имя, отчество и фамилия человека — это уникальное идентификационное триединство, раскрывающее «тайну» рода, жизненного контекста и судьбы. По каждому элементу данного триединства узнаётся информация о самом человеке, его отце как главе рода и о его предках, о родословном древе. Всё это позволяет интерпретировать личные имена как социально значимые феномены, актуализирующие также духовную и/или психологическую индивидуальность человека.

Огромный вклад в становление и развитие отечественной теории ономастики внесла профессор Адыгейского государственного университета Роза Юсуфовна Намитокова, разработавшая актуальную концепцию **окказиональной ономастики**. Лингвист выделяет следующие типы окказиональных антропонимов: 1) антропонимы во множественном числе, обобщённо характеризующие ту или иную социальную группу: *«эти*

Стеньки Разины...»; 2) номинации лиц, обладающих качествами их производящих основ: «*микрогогель*», «*микрорадищев*» и др.; 3) имена последователей различных учений, течений и т.п., связанных с именами их основателей: «*циолковцы*» и др. [7, с. 69].

В заключение следует подчеркнуть, что «в слове, и в особенности в имени — всё наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков... В слове и имени — встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия...» [8, с. 44].

Примечания

1. Намитокова Р. Ю. Региональная ономастика : учеб.-метод. пособие. Майкоп : АГУ, 2005.
2. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва : Ленанд, 2023.
3. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. Москва : Гнозис, 2005.
4. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : монография. Волгоград : Перемена, 2000.
5. Лосев А. Ф. Философия имени // Лосев А. Ф. Самое само. Москва, 1999.
6. Буянова Л. Ю. Термин как единица логоса : монография. Москва : ФЛИНТА : Наука, 2012. 224 с.
7. Намитокова Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале русской поэзии второй половины XX века). Майкоп : АГУ, 2015.
8. Лосев А. Ф. Философия имени // Лосев А. Ф. Самое само. Москва, 1999.

Гандаур-Эги Магомед Хасанович
magomedgandauregi43@gmail.com
ГКУ Археологический центр им. Крупнова Е. И.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ЭТНОНИМА *ГЛАЛГА*

Аннотация. Статья исследует связь этнонима глалга с ингушским нартским эпосом и смежными с ним этногенетическими преданиями о происхождении ингушей. Исследуется вопрос о связи этнонима с названиями нартских родов различных национальных версий кавказского эпоса.

Ключевые слова: галга, нартский эпос, семантика, эпоним, этноним.

Gandaur-Egi M. Kh.

Archaeological Centre named after E. I. Krupnov

A QUESTION ABOUT THE SEMANTICS OF THE ETNONYM *ГЛАЛГА*

Abstract. This article explores the connection between the ethnonym *galga* and the Ingush Nart epic and related ethnogenetic legends about the origins of the Ingush. The connection between the ethnonym and the names of Nart clans in various national versions of the Caucasian epic is explored.

Keywords: *galga*, Nart epic, semantics, eponym, ethnonym.

Этноним *glalga* (*glalglai* — форма мн. ч.) является самоназванием всех ингушей. Корни его уходят в глубокую древность. Согласно грузинской исторической хронике, отраженной в сочинении Вахушти первой половины XVIII века, *Глигви* (*glilglu*, грузинская адаптация этнонима) является внуком легендарного *Дзурдзука*, «*владыки над сыновьями Кавказа*» [1, с. 150]. Одни исследователи видели связь этого этнонима с народом гелы античных источников, а другие — с народом *гаргарей*. «*Ввиду согласованности показаний археологических, антропологических и этнографических материалов с историческими и лингвистическими данными о гаргареях Страбона отождествление этого племени с ингушским племенем «галгаи», обитавшим в Ассинском ущелье до настоящего времени, нам представляется наиболее вероятным*», — писал известный кавказовед Е. И. Крупнов [2, с. 75].

Разгадку значения этнонима *Галга* предлагали многие ученые. Самое популярное, но не самое убедительное объяснение этноним получил путем сопоставления с ингушским же названием жилой башни (*glala*) — *glalaga* «житель крепости» [3, с. 54]. Среди существующих других этимологий наиболее оригинальным выглядит вариант, предложенный в начале XX века Горепекиным Ф. И., прекрасным знатоком ингушского фольклора. «*В числе многих названий, придаваемых нашим ингушам, названия гал-гай... есть древнейшее. Группа Галга называется потому, что с древнейших времен, в числе святых небесных, в почитании была у них одна звезда, называвшаяся священной кобылицей — гила, а в Ассинском ущелье на горе Гель-ерды-корт стоит досель капище священной кобылицы, покровителя народа Галь-ерд...*», — писал он [4, с. 14].

Исследователь шумеро-ингушских лексических параллелей усмотрел «*фонетическое и лексическое созвучие этнонима*

glalga с древнешумерским *galga*, значение которого специалисты определяют как «совет», «разум», «мудрец» [5, с. 74].

В центре горной Ингушетии в долине р. Эса расположена живописная котловина *Галгалаче* («Галга котловина»), являющаяся легендарной прародиной всех ингушей. Название, очевидно, производно от эпонима *Галгала*. Долина эта усеяна памятниками материальной культуры, датированными периодом от эпохи куро-аракской археологической культуры III тысячелетия до н.э. до XVIII в. н.э., в числе которых древнейшие мегалитические городища *Клинда глалаш* и могильники *Клинда лемараш*. Здесь также сосредоточено наибольшее количество древних храмовых сооружений и сакральных мест, относящихся к эпониму *Галгала*. С котловиной *Галгалаче* и расположенными здесь памятниками материальной культуры связаны самые разнообразные жанры ингушского устного народного творчества: древние мифы, религиозные обряды и культы и т.д. В наибольшей степени местность насыщена сюжетами эпических сказаний. Последние же имеют непосредственную связь с этногенетическими преданиями о первопредках, происхождении народа *glalga* и его основных подразделениях. Существенным дополнением к фольклорным текстам служит и топонимическая номенклатура этого района, обладающая огромным информативным потенциалом. Причем речь идет о наиболее архаичной топонимической лексике, имеющей, в первую очередь, мифо-эпическую, религиозно-культовую и легендарно-генеалогическую специфику.

О глубокой генетической связи этнонима *glalga* с эпическими *нартами* давно писали исследователи. Нарты и мифо-эпические сказания о них являются составной частью древнего религиозного мировоззрения ингушей. Вся доисламская религиозная традиция ингушей, заглохшая лишь в середине XIX века, связана с героями эпических сказаний. К числу *Даъла наъртий* («божественных нартов»), с которыми был связан главный религиозно-культовый комплекс ингушей, этногенетические предания относят нисходящую генеалогическую ветвь *Га-Галгала-Клинда-Шоа*. «У Га был сын Галга, у Галга был сын Кинда, у Кинды был сын Шоа. Шоа, сын Кинды, жил в селении Эмашка», — гласит основное эпико-генеалогическое предание ингушей [6, с. 241]. Народ считал их первопредками с идеальными нравственными характеристиками, обитающими в *Даъла лэл* («божественный мир

мертвых»). Им посвящались основные религиозные праздники, приуроченные к солнечным циклам. Поминальные скачки (*дойгле*), стрельба в мишень (*кхабаккха*), посвящение коней (*дыхетор*) были частью развитого религиозного культа ингушей вплоть до второй половины XIX века. Главным в сонме идеальных галгайских первопредков был *Га*. Согласно зафиксированным эпическим сказаниям, это был первый нартский кузнец. «*Хыйна турпал довташ хьадо Гав-пхьоале*» («Закаленные богатырские мечи, делающая Га-кузня»), где ковалось булатное оружие нартов, находится в горной долине *Гав-лоам*, что в ущелье *р.Эса*. Здесь же сказания локализуют каменную конюшню, в которой в полном мраке содержали нартского *гила* («богатырского коня»). В этой же долине находятся альпийские луга *Байше*, где выпасались нартские табуны. На её главной вершине находится древний *Гавл-ерда* («Га посвященный храм»), наиболее почитаемый галгайский храм поминовения предков. Нарт *Глалгла*, согласно сказаниям, был младшим сыном *Га*. Имя этого героя легло в основу наименования нартского племени в силу его особых богатырских качеств. С *Клинда*, сыном *Глалгла*, связаны наиболее древние мегалитические постройки горной Ингушетии *Клинда глалаш* («Кинды башни»), которые датированы эпохой поздней бронзы. С ним же связаны и наиболее древние могильники *Клинда лемараш* («Кинды могильники»). В российских письменных источниках XIX века эти памятники известны как «Тынты калак» и «Тынты эмриж». Идеальным героем ингушских нартских сказаний является *Шоа*, сын *Клинда* и внук *Глалгла*. Он рожден великаншей-*вампалом*. Его основными противниками являются *сармаки* («драконы»), уничтожая которых нарт освобождает истоки главных рек Кавказа. *Шоа* женится на дочери *Сеска Солсы*, другого прославленного героя ингушских сказаний, принадлежащего нартскому роду орхустой. От их потомства и пошло эпическое племя *глалглай*. В отличие от «идеальных» нартов *глалглай*, *орхустой*, к которому принадлежат также нарты *Орзми*, *Хамчи*, *Патараж* и другие, представляют собой нравственно деградированных героев эпического времени.

Древнему эпониму *Глалгла* и производному от него этнониму *глалглай* соответствуют герои других национальных версий кавказского эпоса. В балкаро-карачаевской версии это нарт *Алауган* и род *алауганлар*. Как и в ингушской версии, его сын

Генджакешауай, соответствующий нарту *Клинда Шоа*, является идеальным героем. Он также рожден великаншей и становится зятем рода *схуртуклар*, соответствующего ингушскому роду *орхустой*. Почти полное соответствие *Глалгла* имеется в осетинской версии эпоса. Это Алага и производный от него нартский род алагата, соответствующий *глалглай*. Осетинским сказаниям известны нарты *Кандза* и его сын *Сауай*, мать которого злая великанша, у которой «*один зуб достаёт до неба, а другой до конца земли*» [7, с. 34]. Эпическим ингушским орхустой в осетинской версии соответствует род *ахсартагата*.

В адыгских эпических текстах эпониму *Глалгла* соответствует нарт Элиг. Нарту *Клинда* же соответствует адыгский *Канж*, а *Шоа* соответствует его сын *Шауай*. Так же, как *Клинда*, *Канж* женится на дочери эмигена «великанши», и так же, как ингушский *Шоа*, питавшийся льдом, его адыгский прототип *Шауай* вскормлен льдом с вершины *Ошхамачо* [8, с. 391].

Приведенные примеры устойчивых соответствий между племенным эпонимом *Глалгла* и производным от него этнонимом *глалглай* и именами родоначальников основных нартских кланов различных национальных версий кавказского эпоса косвенно подтверждают эпическую природу происхождения этнонима *глалгла* и необходимость дальнейшей научной работы этого вопроса.

Примечания

1. Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904.
2. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. Москва, 1960.
3. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. Грозный, 1963.
4. Горепекин Ф. И. Труды. Санкт-Петербург, 2006.
5. Хайров Б. А. Шумеро-ингушские лексические связи. Магас, 2020.
6. Дега гЮз. Фрунзе, 1957.
7. Памятники народного творчества осетин. Т. I. Владикавказ, 1925.
8. Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик, 2013.

Гончарова Виктория Аркадьевна
goncharova.victoria79@gmail.com

Борисова Светлана Викторовна
borisova_sveta@list.ru

Краснодарский университет МВД России

АНТРОПОНИМЫ В НАИМЕНОВАНИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ТЕХНИКИ: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию антропонимов в наименованиях инновационной российской техники в контексте антропоцентрического подхода к языку. Рассматриваются функции личных имен в номинации технических объектов: меморативная (увекочивание памяти выдающихся личностей), апотропеическая (сакральная защита) и персонифицирующая. Материалом исследования послужили названия космической техники (робот «Федор», биопринтер «Органавт»), вооружений (комплекс «Искандер») и данные патентной документации. Анализ выявляет устойчивость традиционных практик в военной сфере, демонстрирующих преемственность дореволюционных и советских номинаций, и двойственную тенденцию в гражданской инновационной деятельности: стремление общества к антропоморфизации сложных устройств против прагматичного отказа разработчиков от личных имен в пользу функциональных цифро-буквенных обозначений. Делается вывод о проявлении антропоцентризма не только в прямых антропонимах, но и в широком распространении антропоморфной метафоры («умные» устройства, анатомические аналогии в нанотерминологии), что определяет перспективы дальнейшего изучения взаимодействия традиций и маркетинговых стратегий.

Ключевые слова: антропоним, хремотоним, меморативная функция, антропоцентрическая метафора, инновационная техника.

Goncharova V. A.

Borisova S. V.

Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ANTHROPONYMS IN THE NAMES OF INNOVATIVE TECHNOLOGY: TRADITIONS AND NEW NOMINATIVE STRATEGIES

Abstract. The article is devoted to the study of anthroponyms in the names of innovative Russian technology in the context of an anthropocentric approach to the language. The functions of personal names in the nomination

of technical objects are considered: memorative (perpetuation of the memory of outstanding personalities), apotropaic (sacred protection) and personifying. The research material included the names of space technology (the Fedor robot, the Organaut bioprinter), weapons (the Iskander complex), and patent documentation data. The analysis reveals the stability of traditional practices in the military sphere, demonstrating continuity with pre-revolutionary and Soviet nominations, and a dual trend in civilian innovation: society's desire to anthropomorphize complex devices against the pragmatic rejection of personal names by developers in favor of functional alphanumeric designations. The conclusion is drawn about the manifestation of anthropocentrism not only in direct anthroponyms, but also in the widespread use of anthropomorphic metaphors ("smart" devices, anatomical analogies in nanothermology), which determines the prospects for further study of the interaction of traditions and marketing strategies.

Keywords: anthroponym, chrematonym, memorative function, anthropocentric metaphor, innovative technique.

Развитие научно-технической сферы сопровождается постоянным появлением новых объектов, требующих именования. Наименования инновационной техники представляют собой особый пласт лексики, находящийся на пересечении терминологии и ономастики. Вопросы номинации технических объектов приобретают особую актуальность в связи с развитием антропоцентрического подхода в лингвистике, согласно которому «язык должен изучаться в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, практической деятельностью» [1, с. 385].

Антропонимы в названиях техники выполняют не только идентифицирующую функцию, но и несут меморативную нагрузку, закрепляя память о выдающихся личностях, а также выполняют апотропеическую функцию, что особенно характерно для военной техники [2, с. 47]. Цель настоящей статьи — выявить особенности функционирования антропонимов в наименованиях инновационной российской техники и проследить динамику номинативных стратегий.

Традиционно изучением имен собственных, закрепленных за предметами материального мира, занимается хрематонимика. В частности, Т. П. Романова обращает внимание на то, что в системе названий российского оружия сохраняются устойчивые принципы: меморативный (когда имя дается в честь исторического лица) и апотропеический, связанный с сакральными мотивами [2, с. 48]. Что касается научно-технической терминологии, то, по наблюдениям А. В. Раздуева, антропоцентрический взгляд на нее заставляет выделять те признаки, которые

сознание считает наиболее важными для номинации. Эпонимические термины, то есть образованные от имен собственных, занимают здесь заметное место, фиксируя авторство открытия. При этом подчеркивается, что антропоцентричность проявляется не только в эпонимии, но и в метафорических переносах, основанных на антропоморфном кодировании действительности [1, с. 388].

Особый интерес представляют случаи общественного обсуждения имен для инновационных технических устройств. Показательным примером является всероссийский конкурс на лучшее название для магнитного космического 3D-биопринтера, организованный лабораторией биотехнологических исследований «3D Bioprinting Solutions» и медицинской компанией «ИНВИТРО» при поддержке Госкорпорации «РОСКОСМОС» в 2017 году. В конкурсе, который назывался «Имя, которое услышат звезды», приняли участие более тысячи человек. Победителем стала Софья Соловова из Рязани, предложившая название «*Органавт*» (*Organaut*) — контаминация лексем «орган» и «навт» (от греч. *nautēs* — «мореплаватель»), что создает антропоморфный образ устройства как «путешественника за органами». Среди призеров были также антропоморфные названия «*Адам*» и «*Биокреатор*» [3].

Этот случай демонстрирует несколько важных тенденций. Во-первых, общественное сознание тяготеет к антропоморфизации сложных технических устройств, особенно тех, которые выполняют функции, близкие к функциям живых организмов (печать органов). Во-вторых, в названиях актуализируется мотив «путешественника», «первопроходца», что традиционно для космической тематики. В-третьих, сам факт публичного конкурса свидетельствует о понимании разработчиками важности ономастической составляющей для формирования образа инновационного продукта.

Иная ситуация сложилась с именованием российских космических роботов. Робот «*Федор*» (*FEDOR* — Final Experimental Demonstration Object Research) получил имя, которое одновременно является антропонимом и аббревиатурой. Однако, как сообщил исполнительный директор НПО «Андронидная техника» Евгений Дудоров, следующий робот может остаться без личного имени: «У нас он носит название *SAR* — система антропоморфная робототехническая. Нового имени мы не придумывали. Думаю, в итоге будет, возможно, цифро-буквенное обозначение» [4]. Это показательный

пример смены номинативной стратегии: от антропоморфного имени-аббревиатуры к функциональному описательному обозначению. Разработчик мотивирует это прагматическими соображениями, что отражает общую тенденцию к деперсонализации в определенных сегментах техники.

Наиболее устойчивые традиции использования антропонимов сохраняются в сфере номинации военной техники. Как отмечает Т. П. Романова, «в истории именовании российских кораблей прослеживается устойчивая традиция присвоения имен святых (апотропеическая функция), имен членов императорской фамилии, а в советский период — имен политических деятелей» [2, с. 50]. Современная практика номинации вооружений демонстрирует преемственность: мы встречаем названия в честь выдающихся полководцев (оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер» — в честь Александра Македонского, которого именовали на Востоке *Искандером*, зенитный ракетно-пушечный комплекс «Панцирь» — метафорическая номинация, также отсылающая к защитному вооружению).

Любопытны и такие примеры, как артиллерийские орудия «*Гиацинт*» или «*Тюльпан*». Формально это не антропонимы, но они встраиваются в давнюю «цветочную» традицию, за которой угадывается попытка эстетизировать оружие, а значит — тоже своего рода косвенная антропоморфизация через категорию прекрасного [2, с. 52].

Анализ патентной документации последних лет показывает активное использование антропоцентрической метафоры в названиях технических устройств. Например, патент на «Умный цилиндрический механизм» и его промышленный образец «Замочная личинка умная для удаленного управления доступом» [5] демонстрирует использование лексемы «умный», которая является антропоцентрической по своей сути, — она приписывает неодушевленному устройству когнитивные способности человека.

Если обратиться к патентной документации последних лет, нельзя не заметить активное использование метафор, отсылающих к человеческим качествам. Например, патент на так называемый «Умный цилиндрический механизм» и его вариант «Замочная личинка умная для удаленного управления доступом» [5] строится вокруг лексемы «умный». Сама по себе эта лексема антропоцентрична: она приписывает механическому устройству способность мыслить и принимать решения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что антропонимы в наименованиях инновационной российской техники выполняют меморативную, апотропеическую и персонифицирующую функции, причем наиболее устойчивы эти традиции в сфере военной техники, где прослеживается преемственность дореволюционных и советских номинативных практик. В то же время в сфере гражданской инновационной техники наблюдается двойственная тенденция: с одной стороны, общественное сознание тяготеет к антропоморфизации сложных устройств, что наглядно проявилось в ходе проведения конкурса на имя для космического биопринтера, с другой — разработчики все чаще отказываются от личных имен в пользу функциональных цифро-буквенных обозначений, руководствуясь прагматическими соображениями. Важно подчеркнуть, что антропоцентрический подход проявляется не только в прямом использовании антропонимов, но и в широком распространении антропоморфной метафоры в названиях технических устройств и их компонентов, примером чему служат многочисленные «умные» устройства, а также анатомические аналогии в нанотерминологии. В этой связи дальнейшее исследование антропонимов в наименованиях инновационной техники представляется перспективным в аспекте изучения взаимодействия традиционных ономастических практик с новыми номинативными стратегиями, обусловленными глобализацией и развитием маркетинговых подходов к именованию продуктов.

Примечания

1. Раздубев А. В. Антропоцентрический подход к номинации и этимологии научно-технических терминов (на материале англо- и русскоязычных терминов сферы нанотехнологий) // Когнитивные исследования языка / [гл. ред. серии Н. Н. Болдырев; отв. ред. вып. В. З. Демьянков]; М-во образования и науки РФ, РАН, Ин-т языкознания РАН, Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. Москва, 2017. Вып. XXIX. С. 384–391.

2. Романова Т. П. Традиции проприальной номинации российских вооружений // Актуальные проблемы лингвистики XXI века : сб. науч. ст. конф., посвящ. юбилею Людмилы Борисовны Карпенко, д-ра филол. наук, проф., Самара, 27–28 марта 2023 г. / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева (Самар. ун-т), Фак. филологии и журналистики, Каф. рус. яз. и массовой коммуникации; отв. ред. Н. А. Илюхина. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2023. С. 46–54.

3. Всероссийский конкурс на лучшее название для уникальной российской разработки — магнитного космического 3D-биопринтера // Пресс-служба ИНВИТРО. 6 декабря 2017. URL: https://www.invitro.ru/habarovsk/about/press_relizes/14259/ (дата обращения: 15.03.2026).

4. Новый российский космический робот может остаться без лично-го имени // Новости космонавтики. 27 июля 2020. URL: <https://novosti-kosmonavtiki.ru/news/75103/> (дата обращения: 15.03.2026).

5. Резидент Технопарка получил патенты в сфере умных вещей // ИД Новости Югры. 12 марта 2026. URL: <https://hantimansiysk.bezformata.com/listnews/patenti-v-sfere-umnih/157442058/> (дата обращения: 15.03.2026).

Гончарова Виктория Аркадьевна
goncharova.victoria79@gmail.com

Ефремова Виктория Геннадьевна
vik.efremov4@yandex.ru

Краснодарский университет МВД России

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ МОРСКОЙ ТЕХНИКИ РОССИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу принципов номинации морской техники в России, Великобритании и США. На основе историко-лингвистического подхода рассматриваются факторы, повлиявшие на формирование национальных традиций каронимики. Установлено, что российская система номинации восходит к петровским реформам и характеризуется преемственностью имен, использованием религиозной, географической и аллегорической символики, а в советский период — идеологически маркированных названий. Британская традиция отличается консерватизмом, опорой на монархические и историко-мифологические элементы, а также формализованной процедурой отбора названий. Американский подход демонстрирует прагматизм и четкую привязку названий к классам кораблей, включая практику именованья в честь здравствующих политических и военных деятелей. Выявлены универсальные черты (преемственность, связь с географией и историей) и национальные особенности каждой из трех морских держав. Материалом исследования послужили российские исторические и публицистические источники. Результаты могут быть использованы в курсах по истории флота, терминоведению и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: номинация, морская техника, каронимика, терминосистема, кораблестроение, сопоставительная лингвистика.

Goncharova V. A.

Efremova V. G.

Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

**PRINCIPLES OF NOMINATION
OF MARINE TECHNOLOGY IN RUSSIA,
THE UNITED KINGDOM, AND THE UNITED STATES**

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the principles of nomination of marine technology in Russia, the United Kingdom, and the United States. Based on a historical and linguistic approach, the article examines the factors that influenced the formation of national caronomic traditions. It is established that the Russian system of nomination dates back to Peter the Great's reforms and is characterized by the continuity of names, the use of religious, geographical, and allegorical symbolism, and, during the Soviet period, the use of ideologically marked names. The British tradition is characterized by its conservatism, reliance on monarchical and historical-mythological elements, and a formalized procedure for selecting names. The American approach demonstrates pragmatism and a clear connection between names and their meanings.

Keywords: nomination, marine engineering, caronomics, term system, shipbuilding, and comparative linguistics.

Номинация морской техники представляет собой сложный и многоаспектный процесс, отражающий не только технические характеристики объектов, но и культурно-исторические традиции, национальные особенности мышления, а также геополитические приоритеты государств. Изучение принципов номинации морской техники России, Великобритании и США позволяет выявить как общие закономерности, присущие морской терминологии в целом, так и особенности, обусловленные историческим развитием каждой страны. Формирование терминосистем морской техники в исследуемых странах происходило под влиянием различных исторических факторов.

Становление российской терминосистемы морской техники связано с именем Петра I, который законодательно закрепил, что выбор имен военных кораблей является исключительной прерогативой главы государства, и разработал систему правил именования судов.

В российской традиции сложилась следующая система номинации: линейные корабли и фрегаты получали названия

в честь мест, где русские войска и флот одерживали победы, городов и земель, а также святых. Корабли среднего класса именовались именами святых или аллегорическими названиями. Гребные и парусно-гребные суда, галеры носили названия птиц, рыб, зверей, а также рек. Важнейшим принципом, заложенным Петром I, стала преемственность корабельных названий, особенно тех, которые заслужили это право в боях. «Время — главный и самый страшный враг деревянных кораблей. Порой гниль в спокойное мирное время была более эффективна, чем огонь любого сражения. И корабли, естественно, умирали. Но имена не забывались, продолжали жить» [1]. Петровская практика передачи имен привела к образованию династий — цепочек «одноименцев». За все время существования русского флота наиболее часто повторялись названия: «Надежда» (22 раза), «Москва» (18), «Нарва» (14), «Меркурий» (11), «Выборг» (10).

В советский период система номинации претерпела изменения. Корабли получали названия, связанные с революционными деятелями («Троцкий», «Сталин», «Ленин»), мировыми революционными движениями («Парижская коммуна», «Профинтерн», «Карл Марк»), городами («Москва», «Севастополь», «Мурманск»), погодными явлениями («Смерть», «Дождь», «Шквал») [2]. Однако с конца XX — начала XXI века наблюдается возвращение к историческим традициям, возрождению имен, прославленных в сражениях прошлого.

Британская система номинации морской техники отличается консерватизмом и приверженностью традициям, что отражает особое положение Королевского военно-морского флота в истории страны. Как отмечает Е. Б. Кивилева, «наименования кораблей английского флота заимствуются из многочисленных источников, которые со временем менялись и меняются до сих пор» [3, с. 3]. Исторически сложилось, что линейные корабли получали имена в честь монархов (*King George V*, *Queen Elizabeth*), знаменитых адмиралов (*Nelson*, *Rodney*), а также названия, отражающие боевые качества (*Revenge*, *Resolution*, *Valiant*). Крейсера традиционно именовались группами: в честь колоний (*Crown Colony*), классических персонажей (*Dido*, *Hermione*), крупных городов (*Belfast*, *Edinburgh*) [3].

Особенностью британской каронимики является наличие формализованной процедуры выбора названий, в которой участвуют специализированные комитеты, а окончательное утверждение остается за монархом [4].

Британская традиция также известна использованием нестандартных названий. В составе флота в разное время служили корабли с именами, отражающими мифологических персонажей, явления природы, а в XIX–XX веках — даже этнонимы (эсминцы типа Tribal: *Zulu*, *Cossack*, *Sikh*). Как подчеркивает Е. Б. Кивилева, такие названия формируют уникальный пласт национальной ономастики и демонстрируют связь флотских традиций с культурным контекстом эпохи [3].

Важной культурной особенностью британского флота является традиция считать корабль существом женского рода и обращаться к нему «she». Эта традиция, связанная с представлением о корабле как о матери или богине-защитнице, имеет глубокие исторические корни и сохраняется до настоящего времени [4].

США при формировании своей терминосистемы морской техники в значительной степени опирались на британские традиции, но со временем выработали собственные подходы, отличающиеся прагматизмом и стремлением к унификации.

В ВМС США сложилась устойчивая классификация названий в зависимости от класса корабля. Согласно установленным правилам, «эсминцы и фрегаты традиционно получают имена прославленных американских военных моряков и морских пехотинцев. Крейсера носят названия крупных битв, в которых участвовал ВМФ США. Ядерные субмарины, вооруженные баллистическими ракетами, — штатов, дизельные подводные лодки — городов. Авианосцы, которые считаются квинтэссенцией морской мощи США, именуют в честь «особо значимых политических фигур Америки» [5].

Показательной чертой американского подхода является традиция называть корабли в честь еще здравствующих лиц. Уже в XVIII веке в честь первого президента Джорджа Вашингтона при его жизни было названо пять боевых кораблей. В новейшее время эта практика получила развитие: авианосец «*Рональд Рейган*» был спущен на воду в 2001 году, когда бывший президент был еще жив, а авианосцы «*Джимми Картер*» и «*Джордж Буш*» вошли в строй в 2004 и 2008 годах соответственно, при жизни этих политических деятелей [5].

Американская система номинации, как и британская, знает и нестандартные примеры. В годы Гражданской войны во флоте США служили корабли с названиями *Hunchback* (*Горбун*), *Midnight* (*Полночь*) и *Switzerland* (*Швейцария*).

Варианты названий отбираются руководителями штаба морских операций и отправляются на утверждение главнокомандующему ВМФ, который имеет право делать исключения [5].

Сопоставление принципов номинации морской техники в России, Великобритании и США позволяет сделать вывод о том, что они сформировались под влиянием исторических, географических, культурных и политических факторов. Российская традиция отличается преемственностью, восходящей к петровским реформам, и использованием широкого спектра тематических групп наименований. При этом в XX–XXI веках она претерпела существенные трансформации, связанные со сменой политического строя. Британская система характеризуется консерватизмом, приверженностью монархическим традициям и наличием формализованной процедуры отбора названий, что находит отражение в богатой истории каронимики. Американский подход демонстрирует прагматизм и стремление к унификации, что отражает общую направленность американской культуры на стандартизацию и систематизацию. При этом система сохраняет гибкость, допускает исключения и включает давнюю традицию именованя кораблей в честь живых лиц.

Примечания

1. Каронимика кораблей Российского Императорского флота (часть 1-я) // Пикабу. 2021. URL: <https://pikabu.ru/tag/История%20Корабль/hot> (дата обращения: 26.03.2026).
2. Адмирал флота Советского Союза Троцкий: как советская власть именовала корабли // Lenta.ru. 2016. 15 октября. URL: <https://tve24.ru/articles/2016/10/15/soviet/> (дата обращения: 26.03.2026).
3. Кивилева Е. Б. Динамический аспект каронимики как раздела ономастики // Научный электронный архив. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskiy-aspekt-karonimiki-kak-razdela-onomastiki> (дата обращения: 26.03.2026).
4. Богданов К. Атаманы из райцентра: какими быть именам нового флота России // Lenta.ru. 2017. 6 мая. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/05/06/shipname/> (дата обращения: 26.03.2026).
5. Имя на броне // Независимое военное обозрение. 2007. 20 апреля. URL: https://nvo.ng.ru/notes/2007-04-20/8_name.html (дата обращения: 26.03.2026).

Горбунов Георгий Вячеславович
gorbunovgeorgij120@gmail.com
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
ОСНОВЫ И КЛЮЧЕВЫЕ КАТЕГОРИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
«ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА» Ф. И. ТЮТЧЕВА)**

Аннотация. Предлагается функциональный подход к анализу ономастических единиц в литературном тексте. Особое внимание уделено роли имён собственных как функционального «острия» текста, которое обеспечивает воздействие на картину мира читателя [1]. Практическая иллюстрация — функциональный анализ стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза» [3, с. 61], где антропонимы Геба и Зевес выполняют образно-конститутивную и ценностно-регулятивную функции.

Ключевые слова: функциональный анализ текста, ономастический компонент; семантический сдвиг, семантическая «заусеница», антропонимы, регулятивность.

Gorbunov G. V.
Crimean Republican Institute
of Postgraduate Pedagogical Education

**FUNCTIONAL ANALYSIS OF ONOMASTIC UNITS
IN A LITERARY TEXT: FOUNDATIONS
AND KEY CATEGORIES (BASED ON THE POEM
“SPRING STORM” BY FYODOR TYUTCHEV)**

Abstract. The article proposes a functional approach to the analysis of onomastic units in a literary text. Special attention is given to the role of proper names as the functional “cutting edge” of the text, which ensures an impact on the reader’s worldview [1]. The practical illustration is a functional analysis of Fyodor Tyutchev’s poem “Spring Storm” [3, p. 61], where the anthroponyms Hebe and Zeus perform image-constitutive and value-regulative functions.

Keywords: functional text analysis, onomastic component, semantic shift, semantic “burr”, anthroponyms, regulativity.

Функциональный подход исходит из целенаправленной функции текста как инструмента воздействия на читателя. Текст это инструмент воздействия на картину мира партнера

по социальному взаимодействию. Основная, первичная функция текста — регулятивная: автор через произведение стремится донести своё миропонимание. Читатель конструирует смысл, опираясь на сравнение «обыденного» и авторского восприятия мира. Именно выявление противоречия между бытовым и авторским пониманием позволяет обнаружить в тексте новое «семантическое приращение», образующее ядро произведения.

Структура художественного произведения двучленна, где выделяется исходная часть — фрагмент текста, в котором доминирует «обыденное» понимание. В основной части расположено авторское отношение к предмету изображения. Такое разделение обуславливается внутренним конфликтом. Именно это противоречие («обыденное» против «авторского») и составляет стержень текста.

Конец «исходной» части обычно создаёт семантическую «заусеницу», которая готовит читателя к переходу в основную часть. А. Н. Рудяков вводит термин «семантическая заусеница» или «шероховатость» для обозначения этой точки разрыва: Сигналом для членения «исходной» и «основной» частей является смысловая «шероховатость», некая семантическая «заусеница» (термин А. Н. Рудякова) [1], «которая в идеале должна привлечь читателя и заставить его усомниться в том, что обыденное, привычное, «здравосмысленное» понимание чего-либо есть самое верное» [2, с. 9].

Таким образом, исходная и основная части текста фиксируют именно область обыденного знания и область авторского видения. Контраст между ними реализуется через особенности языковых средств.

Важнейшим элементом авторской картины мира является предмет изображения — объект или явление, осмысляемое автором через противопоставление «обыденного» и «авторского». С точки зрения функционального понимания здесь проявляется роль ономастических единиц. Имена собственные не просто называют, а функционально воздействуют на сознание читателя, выступая «остриём» текста [1]. Они активируют культурную память, создают дополнительные коннотации и обеспечивают семантический сдвиг от «данного» к «должному».

Обратимся к стихотворению Федора Тютчева «Весенняя гроза» [3, с. 61]. Здесь исходная часть представлена в первых трех строфах, где мы видим обыденное восприятие весенней грозы как природного явления. Автор использует такие слова, как «весенний, первый гром», «дождик брызнул, пыль летит»,

«поток проворный», «птичий гам». Читатель видит привычную майскую грозу. Здесь ещё нет авторской оценки, здесь кроется обыденное понимание природного явления. Далее мы встречаемся с семантической «заусеницей»: строка «Ты скажешь:» [3, с. 61], которая заставляет нас усомниться в обыденности увиденного и готовит к авторскому видению. Гроза перестаёт быть просто погодой и превращается в божественную игру:

*Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила* [3, с. 61].

Геба — древнегреческая богиня юности, дочь Зевса и Геры. Она была виночерпием на пирах богов, где разливала нектар. Орёл Зевса — его священная птица, символ власти. Обычно его изображают держащим в когтях молнию. Геба кормит орла — это её обычная «работа» на Олимпе. Вместо нектара в кубке здесь гром и молнии. Кубок здесь буквально «кипит» от грозы. «Смеясь, на землю пролила»: Геба смеётся и случайно проливает этот кубок с неба на землю. То есть вся гроза — это её весёлая шалость. Это и есть «остриё» текста, которое выполняет регулятивную функцию. Читатель получает «семантическое приращение»: гроза теперь воспринимается не как случайное явление, а как вечный, радостный, божественный акт [1].

Таким образом, ономастические единицы здесь — функциональное ядро текста. Они обеспечивают переход от «данного» к «должному» и формируют авторскую ценностную картину мира (гармония, вечная молодость природы, божественный смех в стихии).

Имя собственное может также входить в стержневой элемент текста. А все остальные слова в тексте, которые помогают этот элемент раскрыть, — это «средства словесной экспликации». Именно эти «средства» заставляют стержневой элемент менять свое значение.

Этот пример наглядно показывает, что ономастические единицы в художественном тексте могут выполнять роль ключевого «острия», обеспечивающего семантический сдвиг и воздействие на систему ценностей читателя. На примере «Весенней грозы» Федора Тютчева видно, как имена собственные Геба и Зевес превращают обыденное природное явление в носителя высокой авторской идеи. Такой подход открывает новые перспективы для ономастических исследований художественных

текстов, позволяя раскрывать не только номинативную, но и регулятивно-ценностную функцию имён собственных.

Примечания

1. Рудяков А. Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология. 2-е изд., стер. Москва : Флинта, 2013. 311 с.
2. Рудяков А. Н. Об основах и следствиях функциональной теории текста // Крымский гуманитарный вестник / отв. ред. А. Н. Рудяков; ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования». Симферополь : ИП Минакир И. Л., 2020. С. 5–10.
3. Тютчев Ф. И. Стихотворения / ред. А. Степанова. Санкт-Петербург : Азбука, 2024. 416 с.

Даутя Фатима Валерьевна

Абхазский государственный университет

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ФАКТОР ТРАНСЛЯЦИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ АБХАЗОВ

Аннотация. Исследуются процессы трансформации языкового сознания сельских билингвов в Республике Абхазия под влиянием русскоязычного цифрового контента. Автор анализирует феномен инверсии языковой субординации, при которой русский язык становится первичным когнитивным инструментом дошкольников. На основе полевых наблюдений описываются механизмы лексической и дискурсивной интерференции. Аргументируется необходимость внедрения транслингвальных практик в начальное образование для преодоления когнитивного разрыва у первоклассников.

Ключевые слова: языковое сознание, билингвизм, цифровая среда, интерференция, транслингвизм, абхазский язык, языковая картина мира.

Dautya F. V.

Abkhazian State University

PROPER NAME AS A TRANSLATION FACTOR THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF THE ABKHAZIAN

Abstract. The article examines the processes of transformation of the linguistic consciousness of rural bilinguals in the Republic of Abkhazia under the influence of Russian-language digital content. The author analyzes the phenomenon of inversion linguistic subordination, in which

Russian becomes the primary cognitive tool of preschoolers. Based on field observations, the mechanisms of lexical and discursive interference are described. The necessity of introducing translanguistic practices in primary education to overcome the cognitive gap in first-graders is argued.

Keywords: language consciousness, bilingualism, digital environment, interference, translanguism, Abkhaz language, language picture of the world.

Классическая теория языковых контактов, заложенная У. Вайнрайхом, рассматривает субординативный билингвизм как иерархическую систему, где единицы вторичного языка (L2) полностью подчинены понятийной сетке родного языка (L1) [1, с. 22]. В течение десятилетий сельская среда Абхазии выступала естественным регулятором, обеспечивающим стабильность абхазской языковой картины мира как фундамента сознания.

Однако современная ситуация характеризуется вмешательством фактора «цифровой социализации». Согласно исследованиям Д. Кристала, интернет-среда формирует особый тип коммуникативного поведения, где эмоциональная привлекательность и доступность контента доминируют над этнической традицией [3, с. 45]. В условиях тотального доступа к смартфонам русский язык перестает быть внешним «инструментом общения» и превращается во внутренний «инструмент мышления» для подрастающего поколения.

Главным аргументом в пользу трансформации сознания служит наблюдаемый сдвиг в иерархии когнитивных кодов. Если у старшего поколения сельских жителей абхазский язык обслуживал все сферы жизнедеятельности, то у современных дошкольников наблюдается инверсия.

Факторы трансформации:

— *Концептуальная лакунарность.* Дети усваивают новые понятия (технические устройства, игровые механики) исключительно через русский язык. В результате в абхазском языковом сознании образуются лакуны: понятия существуют, но не имеют лексического выражения на родном языке.

— *Семантическое замещение.* Происходит вытеснение национальных лексем даже в традиционных сферах. Использование слова «телефон» вместо «ател» подтверждает гипотезу о технологическом престиже языка-донора. Ребенок выбирает русское слово, так как ментальный образ предмета в его сознании неразрывно связан с русским звуковым кодом интернета.

Важным фактором трансформации является проникновение русских дискурсивных слов («короче», «в общем», «типа», «значит») в структуру абхазской фразы. Согласно теории матричного языка К. Майерс-Скоттон, включение таких элементов свидетельствует о том, что русский язык берет на себя роль «логического оператора» [7, с. 88]. Он задает ритм и логику высказывания, в то время как абхазская лексика заполняет лишь отдельные содержательные ниши. Это подтверждает формирование «гибридного сознания», где структурный скелет мысли становится русскоязычным.

Наиболее остро трансформация проявляется в момент поступления ребенка в национальную начальную школу. Здесь возникает феномен когнитивного вакуума.

— *Эмпирическая иллюстрация.* Ребенок-первоклассник может знать абхазское название животного или предмета, но все его характеристики и ассоциативные связи (сформированные через мультфильмы и игры) закреплены в сознании на русском языке. При попытке учителя вести урок на абхазском происходит «сбой кодирования»: ребенок тратит когнитивный ресурс не на освоение нового факта о мире, а на мучительный перевод уже имеющегося у него русского знания на абхазский код. Это превращает родной язык из инструмента познания в «барьер».

— *Транслингвизм как адаптивная стратегия.* В качестве решения проблемы предлагается переход к транслингвальной дидактике. По мнению О. Гарсии, билингвизм — это не два изолированных ящика с языками, а единый сложный репертуар ресурсов, который обучающийся использует для освоения реальности [2, с. 18].

Учитывая, что с 5-го класса обучение дисциплинам в Абхазии переходит на русский язык, использование элементов транслингвизма в начальной школе (сопоставление терминов, легализация гибридности на этапе объяснения сложных тем) представляется наиболее эффективным путем. Это позволит сохранить темп интеллектуального развития ребенка, не входя в конфликт с его актуальной когнитивной реальностью.

Трансформация языкового сознания сельских билингвов в Абхазии — это объективный процесс, обусловленный глобализацией. Современный сельский ребенок является «цифровым носителем», чей операционный код сознания стал транслингвальным. Научное признание этой гибридности —

единственный способ сохранить функциональность национального языка, не жертвуя качеством образования и когнитивным развитием будущего поколения.

Примечания

1. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1979. 263 с.
2. Garcia O., Wei L. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. London : Palgrave Macmillan, 2014. 177 p.
3. Кристал Д. Язык и интернет. Кембридж : Изд-во Кембриджского ун-та, 2006. 272 с.
4. Горошко О. И. Лингвистика интернета: становление и перспективы развития // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 2009. Т. 22 (61), № 1. С. 175–182.
5. Чирикба В. А. Развитие абхазского языка в условиях глобализации // Вестник Академии наук Абхазии. 2015. № 6. С. 34–42.
6. Аврамова Е. В. Языковое сознание билингва в условиях цифровой трансформации // Вопросы психолингвистики. 2020. № 4 (46). С. 12–25.
7. Майерс-Скоттон К. Социальные мотивации переключения кодов. Оксфорд : Кларендон Пресс, 1993. 230 с.

Есенова Тамара Саранговна
esenova_ts@mail.ru

Есенова Галина Борисовна
galinaesenova@gmail.com

Насакаева Данара
vip.nasakaeva@mail.ru

Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭТНОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматривается использование этнонимов в художественном тексте романа Н. Илишкиной «Улан Далай: степная сага». Анализ показал, что бытование этнонимов (*торгут, дервюд, бузав, эркетен*), а также русского слова *кость*, обозначающего важное для калмыков понятие *яси* ‘кость, род’, изложение калмыцкой культурной нормы через русские языковые средства формируют этнокультурный компонент русскоязычного художественного текста, обеспечивают его историко-культурную достоверность.

Ключевые слова: калмыки, этнокультурный компонент, русскоязычный художественный текст, «Улан Далай: степная сага», Н. Илишкина, этнонимы.

Esenova T. S.

Esenova G. B.

Nasakaeva D.

Kalmyk State University named
after B. B. Gorodovikov

FUNCTIONING OF ETHNONYMS IN FICTIONAL TEXTS

Abstract. The article examines the use of ethnonyms in the literary text of N. Ilishkina's novel "Ulan Dalai: A Steppe Saga." The analysis showed that the use of ethnonyms (torgut, dervyud, buzav, erketen), as well as the Russian word "kost," which refers to the important concept of "yasn" in Kalmyk, and the presentation of the Kalmyk cultural norm through Russian language means, form the ethnocultural component of the Russian-language literary text and ensure its historical and cultural authenticity.

Keywords: Kalmyks, ethnocultural component, Russian-language literary text, "Ulan Dalai: A Steppe Saga", N. Ilishkina, ethnonyms.

В лингвистике большое внимание уделяется изучению художественных текстов писателей-билингвов: Ч. Айтматова, О. Сулейманова, В. Набокова, А. М. Амур-Санана, А. Евтыха, Т. Керашева и др. Не вызывает сомнения то, что в связи с глобализацией, усилением межкультурных контактов и цифровизацией общества значение художественного билингвизма будет только возрастать. Следует отметить, что наряду с двуязычной литературой в настоящее время существует литература, авторы которой посвящают свое творчество этнокультуре народов, языком которых они не владеют. Такие тексты представляют собой интересный объект для исследования достоверности изображения национальной культуры, того, к каким средствам прибегают авторы для репрезентации картины мира другого этноса.

Нами проведен анализ функционирования калмыцких этнонимов в русскоязычном тексте романа «Улан Далай: степная сага» Натальи Илишкиной, опубликованного в 2024 г. В данном художественном тексте через судьбу трех поколений одной семьи прослеживается история калмыцкого народа

в XX в. В тексте романа калмыцкая этнокультурная специфика передается через комплекс маркеров: слова, обозначающие отсутствующие в русской культуре реалии, этнонимы, антропонимы, топонимы, устойчивые выражения, описания обрядов, праздников, бытовых, религиозных практик и др. — через средства русского языка.

Целью данной статьи является анализ репрезентации калмыцкой этнокультуры через этнонимы в рассматриваемом художественном тексте. Методы анализа: метод сплошной выборки для определения состава данной лексики и лингвокультурологический анализ выделенных единиц. Имена собственные входят в большую группу языковых единиц, формирующих этнокультурное содержание данного текста. В эту группу калмыцких этнокультурных маркеров входят этнонимы, калмыцкие личные имена, топонимы.

Слова, обозначающие этнические группы в составе калмыцкого народа, участвуют в формировании этнокультурного компонента рассматриваемого источника. В тексте встречаются обозначения калмыцких этнических групп (*торгуты* [2, с. 253], *дервюды* [2, с. 253]), название калмыцкого рода (*эркетени* [2, с. 21]), а также слово *бузавы* [2, с. 253], которое является обозначением донских калмыков [3, с. 116]. Употребляется лексема *кость*, эквивалент калмыцкого *яси* ‘кость, род’ [3, с. 711], обозначающего «своих» — важное для калмыков понятие — ‘люди одного корня’, ‘одной кости’, ‘одной крови’ [1, с. 302]. Дело в том, что калмыки должны знать свою родословную до седьмого колена. Герой представляет свои семь колен следующим образом: «Я — *Чолункин Баатр*, из касты ханских служивых-эркетеней из рода *Зюнгар*, второй сын *табуницика Агли*, внук *кузнеца Бааву*, что на морозе ломал подковы, правнук *Гончика*, что сражался в Крымской войне с турками, праправнук героя *Элу*, что погиб под Москвой в войне с французами, прапраправнук *Менке*, что ходил на поляков под генералом *Суворовым*. <...> Прапрапраправнук *Церена*, что дрался с персиянами султана *Махмуда*, прапрапрапраправнук *Замбо*, что *Аюка-хан* отправил на Дон по просьбе царя *Петра* для сражений с татарским мурзой *Чар-Асланом!*» [2, с. 21]. Данная презентация, построенная на русском языке, но по модели калмыцких формул-презентаций, вводит читателя в мир калмыков, где почитание предков, память о прошлом являются законом для потомков. В тексте отмечается, что национальная традиция, связанная

с родовой презентацией, жила в памяти людей в советское время: «*Очень хотелось Чагдару спросить, из какого именно он рода...*» [2, с. 253]. Однако в это время не принято было говорить о происхождении: «*Пора забыть про деление на рода, кости и улусы. Снять друг с друга ярлыки „бузавы“, „торгуты“, „дервюды“. Партия взяла курс на воспитание совершенно нового типа личности — советского человека!*» [2, с. 253]. Подобные эпизоды формируют национальную составляющую текста и его историческую достоверность.

В эпизоде о беременности Сокки встречается слово *балдыр* [2, с. 11], имеющее значение ‘полукровка, метис, помесь’ [3, с. 79]. У этой женщины должен родиться ребенок, отец которого неизвестен, реакция на это известие окружающих: «*„Бурханы послали“. Лишь бы не от родственника по кости — навлечет беду на весь род. Пусть лучше от проходящего солдата беленький балдыр родится*» [2, с. 11]. Ситуация оценивается по-калмыцки, проводится мысль о желательности инонационального происхождения ребенка и нежелательности кровосмешения со «своим». В приведенном фрагменте наблюдаем описательно-эспликативный способ репрезентации этнокультуры в русскоязычном художественном тексте: культурная норма не предъясняется через калмыцкую языковую формулу, а передается по-русски как правило поведения (желательно-нежелательно), как «содержание культурного знания». Итак, калмыцкие этнонимы, лексема *кость*, обозначающая важное для калмыков понятие *ясн* ‘род’, слово *балдыр*, а также изложение культурной нормы через русские языковые средства формируют калмыцкий национальный колорит текста.

Таким образом, анализ показал, что этнокультурный компонент художественного текста Н. Илишкиной «Улан Далай: степная сага» поддерживается благодаря употреблению, в частности, калмыцких этнонимов *торгут*, *дервюд*, названия калмыцкого рода *эркетени*, обозначающего донских калмыков слова *бузавы*, лексемы *кость*, эквивалента калмыцкого *ясн* ‘кость, род’, слова *балдыр*, а также формулы презентации родословной, принятой в калмыцкой культуре. Этническая культура в пространстве текста передается преимущественно эксплицитно. Перспективно выделение и описание всех средств, репрезентирующих в русскоязычном художественном тексте калмыцкую национальную картину мира.

Примечания

1. Есенова Т. С., Есенова Г. Б. Концепт ясн 'род' в калмыцком языке // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. URL: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.18>.
2. Илишкина Н. Улан Далай : степная сага. Москва : АСТ, 2024. 638 с.
3. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. Москва : Русский язык, 1977. 764 с.

Загертинов Рузиль Насимович

zagertdinov.ruzil@mail.ru

Набережночелнинский

государственный педагогический университет

СПОСОБЫ СЕМАНТИЗАЦИИ АНТРОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ЛАВР» Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА)

Аннотация. В языке современной русской литературы наблюдается активное игровое употребление антропонимов. Традиционно имена вводятся в произведение в соответствии с реальным ономастиконем, однако в художественном пространстве текста они преломляются в индивидуально-авторском сознании. В прозе Е. Г. Водолазкина особое значение приобретает переосмысление структуры и этимологии антропонимов, что реализуется через приемы этимологизации и изменения внутренней формы имен. В статье рассматриваются особенности функционирования этих приёмов на материале романа «Лавр». Анализ антропонимов Устин и Амвросий показывает, что их индивидуально-художественное значение в тексте соотносится с первоначальным этимологическим значением и одновременно получает дополнительную внутритекстовую мотивацию. Автор объясняет введение конкретных номинаций связью с именами близких герою персонажей — Устины и Амброджо, что формирует дополнительный уровень смысловой интерпретации имени, расширяет семантический потенциал антропонимов и позволяет выразить ключевые идеи произведения. Подобная стратегия использования имён собственных также соотносится с особенностями постмодернистского художественного дискурса.

Ключевые слова: антропоним, ономастическое пространство, этимологизация, внутренняя форма слова, семантика антропонима.

Zagertdinov R. N.

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

CHANGING THE INTERNAL FORM OF A WORD AS A WAY OF SEMANTICIZATION OF ANTHROPNYMS IN A FICTIONAL TEXT (BASED ON THE NOVEL “LAURUS” BY E. G. VODOLAZKIN)

Abstract. In the language of modern Russian literature, there is an active playful use of anthroponyms. Traditionally, names are introduced into a work in accordance with a real onomasticon, but in the artistic space of the text they are refracted in the individual author’s consciousness. In E. G. Vodolazkin’s prose, a rethinking of the structure and etymology of anthroponyms is of particular importance, which is realized through the techniques of etymologization and changing the internal form of names. The article discusses the features of the functioning of these techniques based on the novel “Laurus”. The analysis of the anthroponyms Ustin and Ambrose shows that their individual artistic meaning in the text correlates with the original etymological meaning and at the same time receives additional intra-textual motivation. The author explains the introduction of specific nominations by the connection with the names of characters close to the hero — Ustina and Ambrogio, which forms an additional level of semantic interpretation of the name, expands the semantic potential of anthroponyms and allows expressing the key ideas of the work. This strategy of using proper names also correlates with the peculiarities of postmodern artistic discourse.

Keywords: anthroponym, onomastic space, etymologization, internal form of the word, semantics of the anthroponym.

Изучение функционирования имен собственных в системе художественного текста представляется одним из актуальных направлений современной отечественной лингвистики. Данный интерес обусловлен тем, что, помимо основной номинативно-дифференцирующей функции, онимы в художественном стиле приобретают эстетическую гиперфункцию. А. И. Горшков определяет эстетическую функцию слова как «направленность формы словесного выражения не только на передачу того или иного содержания, но и на самоё себя, на собственное совершенство, которое позволяет в самом языке ощущать прекрасное» [1, с. 365]. Таким образом, имя собственное может приобретать новые, ранее не присущие ему качества.

Как правило, формирование ономастического пространства в художественном тексте обусловлено обращением автора к реальной ономастической системе того исторического периода, который становится предметом художественного изображения. Вместе с тем реальные имена в художественном стиле зачастую подвергаются индивидуальному, авторскому изменению. О. И. Фоякова определяет это явление как «взаимосвязь

диалектических категорий «общего» (языковое) — «отдельного» (речевое) и «особенного» (индивидуальное) в системе языка писателя» [2, с. 7], а Ю. А. Карпенко характеризует эту особенность как субъективное отражение объективного и осуществляемое писателем «игру» [3, с. 35]. Данная «игра» может происходить на разных языковых уровнях: фонетическом, семантическом, грамматическом, стилистическом.

Наиболее интересно это проявляется в языке современной отечественной прозы. Многие произведения современной русской литературы основаны на постмодернистском дискурсе, который характеризуется интертекстуальностью, деконструкцией, языковой игрой и обилием иронии. В этих произведениях довольно часто антропонимы подвергаются различным изменениям, трансформациям на разных уровнях с целью выражения определенной авторской идеи. В творчестве некоторых писателей такая игра с именем собственным часто становится структурообразующим принципом повествовательной манеры, характерной чертой идиостиля [4, с. 51]. Одним из таких писателей является Евгений Германович Водолазкин, в чьих романах имя собственное приобретает концептуальное значение и становится важным элементом художественной системы.

В последние годы наблюдается большой исследовательский интерес к анализу ономастического пространства произведений Е. Г. Водолазкина, в котором чаще всего рассматривается функционирование поэтонимов в семантическом, стилистическом, интертекстуальном аспектах. Многие исследователи подчеркивают, что антропонимы в произведениях Е. Г. Водолазкина часто подвергаются этимологизации, иными словами, определенное имя персонажа восстанавливает в своей семантической целостности связь с этимологом, который в результате этого в системе художественного текста выступает в качестве развернутой характеристики персонажа и выражения авторской идеи [5, с. 162]. Следует подчеркнуть, что в произведениях Е. Г. Водолазкина функционирование и семантический объем антропонимов не ограничивается лишь восстановлением и развитием их первичного значения, номинации героя часто создаются в соответствии с именами других персонажей, дополняя внутреннюю форму имени. Так, реальный антропоним преломляется в индивидуально-авторском словотворчестве и получает дополнительную мотивацию, причину введения и использования писателем именно этой номинации. С введением вторичной мотивации происходит и развитие индивидуально-художественного значения имени.

Наиболее ярко в творчестве Е. Г. Водолазкина данный прием проявляется в произведении «Лавр» при различных номинациях главного героя. При анализе антропонима Устин необходимо отметить, что он является лишь одной из номинаций главного героя романа «Лавр», помимо него, используются Арсений, Амвросий, Лавр, Рукинец, Врач. Множественность имен персонажа отражает традицию многоименности, характерную для антропонимической системы Древней Руси и значимую для понимания художественной концепции произведения. В семантике антропонимов, выбранных Е. Г. Водолазкиным, часто актуализируется первоначальное значение слова: имя Устин имеет латинское происхождение и в переводе означает «справедливый». Этимологическое значение связывается с развитием сюжета: Арсений принимает это имя в память о своей жене Устине, погибшей по его вине; он решает «пройти земной путь вместо нее» и искупить свой грех. Это стремление осмысливается как попытка восстановления нарушенной справедливости и объединения судеб героев, что раскрывает мотивацию автора при номинации героя именно этим именем. При этом интересно, что антропоним Устин прямо соотносится с именем Устина и вводится в повествование не изолированно, а в тесной связи с номинацией жены. Это свидетельствует о дополнительной внутритекстовой мотивации антропонима. С развитием внутренней формы углубляется семантический объем и художественное значение имени: эта номинация подчеркивает духовное единство с Устиной и отказ от прежней идентичности.

Следующее имя, Амвросий, похоже по своему употреблению и функционированию на антропоним Устин. В нем также реализуется исходное значение слова («бессмертный»), которое связывается с сюжетом произведения: имя дается герою при постриге в память друга Амброджо. Значение этимона раскрывает главную идею большинства романов Е. Г. Водолазкина — вневременности. Имя Амвросий открывает новый этап в жизни героя — путь к вечности через преодоление времени в циклической монастырской жизни: *«Помни, Амвросие, что повторения даны для преодоления времени и нашего спасения»* [7, с. 377]. Выбор номинации Амвросий можно рассматривать как результат контекстуального взаимодействия с именем друга главного героя Амброджо. Изменение внутренней формы имени осуществляется через фонетическое варьирование: автор предлагает русифицированный вариант Амвросий на основе иностранного Амброджо. Такая номинация включает

антропоним обратно в ономастическое пространство и хроно-топ Древней Руси и дополняет его семантику — новое имя как символ преемственности и вневременной памяти.

Таким образом, анализ примеров позволяет выявить особенности семантизации антропонимов в романе «Лавр». Номинации главного героя вводятся в текст не обособленно, а уже во взаимодействии с другими вариантами имен. Тем самым антропонимы получают дополнительную внутритекстовую мотивацию и становятся средством смысловой организации повествования. Подобная связь имен позволяет выразить важную для произведения идею: перенимая новые номинации, герой берет на себя ответственность прожить земной путь и за погибших близких, что и определяет нравственную направленность его духовного развития: «*Сколько же жизней ты будешь проживать отныне одновременно?*» [7, с. 374]. Подобное изменение внутренней формы антропонимов является ярким примером языковой игры, характерной для постмодернистского художественного дискурса.

Описанное нами явление подтверждает мысль В. А. Никонова, что имена собственные образуют в языке «особую подсистему, в которой и общезыковые законы преломляются специфически, и возникают свои закономерности, которых нет в языке вне ее» [8, с. 6]; в особенности в системе художественного текста, где поэтонимы приобретают наиболее яркую характеристику и семантическую насыщенность.

Примечания

1. Горшков А. И. Русская словесность и стилистический анализ произведений словесности. 2-е изд. Москва : Литературный институт им. А. М. Горького, 2023. 744 с.

2. Фоянкова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Ленинград : Ленинградский государственный университет, 1990. 104 с.

3. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.

4. Загертдинов Р. Н. Трансформация имени героя как средство создания авторского мифа // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2025. № 2. С. 44–53.

5. Касьяненко Н. Е. Онимная игра как средство создания иронии в романе Е. Г. Водолазкина «Оправдание острова» // In Nōminum Spatio (В пространстве имён). Горловка : Донецкий государственный педагогический университет, 2024. С. 154–168.

6. Водолазкин Е. Г. Лавр : роман. Москва : АСТ, 2020. 440 с.

7. Никонов В. А. Имя и общество. Москва : Наука, 1974. 278 с.

Калинкин Валерий Михайлович
kalinkin.valeriy@mail.ru
Донецкий государственный педагогический университет
им. В. Шаталова

ПАРОНИМИЧЕСКАЯ АТТРАКЦИЯ В ОПТИКЕ ПОЭТОНИМОЛОГИИ

Аннотация. Сравнительно недавно (в 70-е годы прошлого века) в стиховедческих работах при исследовании ритмомелодических свойств фольклорных (русская народная поэзия) и авторских (начиная с античности) текстов, стилистических приёмов (метрики, аллитераций, рифм и пр.) оформился и начал развиваться интерес к паронимазии. В языкознании возникшее тогда же направление всё ещё остаётся недостаточно исследованной областью лингвопоэтики и лингвостилистики, а поэтонимологическое (и шире — ономастическое) осмысление приёма паронимической аттракции фактически (если не учитывать отдельные наблюдения и случайные «пробы» освоения приёма в разного рода чат-коммуникациях в Интернете) ещё не начато. Однако творчество некоторых поэтов, особенно в 10–30-е годы XX века, буквально пронизано опытами сближения «сходнозвучных», но не связанных нитями родства слов. В последние десятилетия ушедшего и первые годы XXI века подобные приёмы образности стали распространяться и на прозу, и на пробы «реального словотворчества» за пределами языка художественной литературы. В статье представлены методологические основания исследования паронимической аттракции в поэтонимологии. С использованием аксиоматического фундамента и выстроенных на нём постулатов поэтонимологических исследований рассмотрена паронимическая аттракция проприального типа, структурно-семантические параметры речевых цепочек, в которых теоретически ожидаемо оформление аттракции как перлокутивного акта эстетического свойства. В качестве иллюстративного материала использованы: 1) известный случай словообразовательной неологии из эпиграмматического наследия А. С. Пушкина, 2) несколько примеров из творчества А. Вознесенского, регулярно «эксплуатировавшего» образные возможности неточных рифм, порождающих явление паронимической аттракции.

Ключевые слова: аттракция, паронимазия, поэтонимология, рифма, словообразование.

Kalinkin V. M.
V. Shatalov Donetsk State Pedagogical University

PARONOMASTIC ATTRACTION IN THE OPTICS OF POETONOMOLOGY

Abstract. Relatively recently (in the 70s of the last century), in versification studies, when researching the rhythmic and melodic properties of folklore (Russian folk poetry) and author's (starting from antiquity) texts,

stylistic devices (metrics, alliterations, rhymes, etc.), interest in paronomasia was formed and began to develop. In linguistics, the field that emerged at the same time remains an understudied area of linguopoetics and linguostylistics, and the poetonymic (and more broadly, onomastic) understanding of the technique of paronomasial attraction has not yet been initiated (except for occasional observations and random attempts to use the technique in various chat-based online communications). However, the works of some poets, especially those written in the 1910s and 1930s, are filled with experiments in bringing together words that sound similar but are not related. In the last decades of the 20th century and the first years of the 21st century, such figurative techniques became increasingly popular. However, the work of some poets, especially in the 1920s and 1930s, is literally permeated with experiments in bringing together words that sound similar but are not related. In the last decades of the 20th century and the first years of the 21st century, these techniques of imagery have also been applied to prose and to attempts at “real word creation” outside the realm of fiction. This paper presents the methodological foundations for studying paronomasia in poetic onomastics. Using the axiomatic foundation and the postulates of poetonymological research based on it, the article examines the paronymic attraction of the proprial type, the structural and semantic parameters of speech chains, in which the formation of attraction as a perlocutive act of an aesthetic nature is theoretically expected. As illustrative material, the article uses: 1) a well-known case of word-formation neology from the epigrammatic legacy of Alexander Pushkin, and 2) several examples from the works of A. Voznesensky, who regularly “exploited” the figurative possibilities of inaccurate rhymes that give rise to the phenomenon of paronomasial attraction.

Keywords: attraction, paronomasia, poetonymology, rhyme, word formation.

Проблема использования паронимов русскими писателями уже не нова ни для литературоведов, ни для лингвистов, но ещё далеко не раскрыта с окончательной убедительностью во всех аспектах функционирования и речевого воздействия на адресата (читателя) художественной литературы. Отсюда (даже в терминологии) различие мнений, связанных как с дефинициями, так и с зоной взаимодействия лексических единиц, порождающих эффект паронимии. Считается, что впервые её коснулся Р. Якобсон в статье «Лингвистика и поэтика», опубликованной в США в 1960 году и, позднее, в переводе И. А. Мельчука, в сборнике «Структурализм: „за“ и „против“» в 1975 году в СССР. Логика размышления о свойствах звуковой стороны стиха привела автора к рассуждениям сначала о рифме, но... не только с точки зрения звука: «Рифма обязательно влечет за собой семантическое сближение рифмующихся единиц

(„сотоварищей по рифме“, как их называет Гопкинс¹)» [1, с. 17], в конечном итоге признанной лишь частным проявлением фундаментальной особенности поэзии — параллелизма. «Эквивалентность в области звучания, спроецированная на последовательность в качестве конституирующего принципа, неизбежно влечет за собой семантическую эквивалентность, а на любом уровне языка любой компонент такой последовательности обязательно приводит к одному из двух коррелятивных сопоставлений, которые Гопкинс удачно определил как „сравнение на базе сходства“ и „сравнение на базе несходства“» [1, с. 18].

Сочетание *паронимическая аттракция* как терминованное введено в научный оборот В. П. Григорьевым [2]. В нём удачно соединились слова, с одной стороны, указывающие на свойства лингвального механизма, с другой — на риторическое средство воздействия на воспринимающее сознание. Развивая идеи Якобсона, учёный установил, что паронимическая аттракция может быть построена не только на принципе сближения, но и на принципе противопоставления паронимов. В. П. Григорьев определил *паронимическую аттракцию* как отношение между сходными в плане выражения разнокорневыми словами, реализуемое в конкретных текстах путём сближения паронимов в речевой цепи, благодаря чему возникают различные эффекты семантической близости или, наоборот, их противопоставленности.

Разнообразие средств и способов творческого переосмысления законов языка в области поэтонимобразования столь велико, что даже для того, чтобы упомянуть о каждом из них, понадобилось бы довольно много времени и места. Сложность задачи возрастает в связи с тем, что проблема использования любого языкового средства с изобразительной целью не является прерогативой исключительно лингвистики, а относится к области комплексного изучения роли языковых средств в создании художественного целого.

Науку о функционировании собственных имён в художественной литературе — поэтонимологию — не может не привлекать явление *паронимической аттракции*, прежде всего в поэтической речи, где, по-видимому, она зародилась в силу специфики литературных жанров, предполагающих версификацию (от лат. *versus* — стих и *facio* — делаю = ‘стихосложение’)

¹ Гопкинс Дж. М. — Gerard Manley Hopkins (1844–1889) — католический священник, признанный (после смерти) крупнейшим поэтом английского языка.

текста. Не исключая из рассмотрения и прозаические тексты, где стилистическая фигура паронимазии (или паронимасии) тоже встречается, отметим главное: для поэтонимологии актуальны только те случаи, в которых одним из компонентов, порождающих событие *паронимической аттракции*, является имя собственное в сочетании с неродственными или (условно-родственными) сходнозвучными словами. Не углубляясь в конкретику и детали, опираясь на аксиоматику поэтонимологии, обозначим структурно-семантические параметры речевых цепочек, которые, с точки зрения поэтики онимов, могут оказаться «благодатной почвой» для функционирования паронимической аттракции, содержащей (или намекающей) на онимные единицы, в свою очередь именующие предмет описания.

Аксиома контекста как широкого принципа, исходящая из того, что «никакой знак немислим в абсолютной смысловой пустоте и что даже самое примитивное свое значение он только и получает в том или ином, но тоже смысловом окружении» [3, с. 59], утверждает: адекватное объяснение поэтики онима возможно только с учетом фактора контекста. Контекст же, отвечая правилу *необходимости и достаточности*, может быть как минимальным, так и «растущим» вплоть до «широчайшего историко-культурного контекста» [3, с. 58].

Как показывают наблюдения, два обязательных компонента минимальной речевой цепочки, порождающей паронимическую аттракцию, могут быть представлены в ней по-разному. В «идеальном» варианте присутствуют оба компонента, и тогда её называют эксплицитной, в редуцированном, когда присутствует один компонент, — имплицитной, но для поэтонимологического исследования обязателен тот, который является паронимом и «отвечает» за осуществление аттракции. В случае, который назовём пока условно *паронимической аттракцией проприального типа*, обязательным является тот компонент, который тем или иным способом указывает на объект, обозначаемый именем собственным. Теоретически это может быть и поэтоним, и неологизм, образованный от известного онима, или отонимное образование, аллюзийно связанное с описываемым объектом. Совершенно очевидно, что наиболее подходящими для *паронимических игр* будут собственные имена двух разрядов: антропонимы и топонимы. Другие разряды тоже могут оказаться в сфере паронимазии, но, повторю, теоретически, наиболее частыми кандидатами будут трансонимизации от антропонимов или топонимов.

Иллюстративную часть доклада начну с классического примера — пушкинских эпиграмм, связавших воедино имя реального лица, Фаддея Венедиктовича Булгарина² с двумя прозвищами-парономазиями — *Авдей Флюгарин* и *Видок Фиглярин*. В силу хрестоматийности факта и обстоятельности многочисленных исследований этого сюжета литературного быта пушкинских времён, буду по возможности краток. В 1830 году Ф. В. Булгарин опубликовал роман «Димитрий Самозванец», в котором, по мнению А. С. Пушкина, были признаки плагиата: рукопись запрещённой цензурой к изданию «Комедии о царе Борисе и Гришке Отрепьеве» (опубликованной отдельной книгой в 1831 году трагедии под титлопоэтонимом «Борис Годунов»), переданная через Бенкендорфа на царскую цензуру, долгое время находилась в III Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, куда В. Ф. Булгарин как тайный агент политической полиции был вхож и, по мнению поэта, имел возможность ознакомиться с рукописью трагедии³.

Роман Булгарина был принят читающей публикой неоднозначно, а в «Литературной газете» № 14 того же 1830 года появилась отрицательная рецензия на него, написанная А. Дельвигом. Булгарин же решил, что автором анонимной рецензии был Пушкин, и ответил на неё фельетоном «Анекдот» («Северная пчела», 1830, № 30). Начался нешуточный обмен колкостями. В 1829 году Пушкин и его друзья узнали о связях Булгарина с III Отделением. В одной из двух эпиграмм 1830 года [4, 5], не публиковавшихся при жизни поэта, но ходивших в списках, А. С. Пушкин использовал оба прозвища, рифмующиеся с официальным⁴ именем и фамилией адресата:

² Ф. В. Булгарин (1789–1859), русский писатель, журналист, литературный критик и издатель, умудрившийся и послужить у Наполеона (стать даже кавалером ордена Почётного легиона Франции), и, после принятия российского гражданства, действительным статским советником, сторонником реакционной политики и агентом Третьего отделения. Был объектом множества эпиграмм, в том числе обсуждаемых пушкинских.

³ Трагедия была опубликована полностью только в 1831 году: «БОРИС ГОДУНОВ. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1831».

⁴ При рождении Булгарин носил имя *Jan Tadeusz Krzysztof Bulharyn* и был подданным Великого княжества Литовского Речи Посполитой, а полной фамилией по отцу была Скандербек-Булгар. В «Воспоминаниях» Булгарин настаивал на том, что предки его происходили из славянского племени булгар и переселились, вероятно, вследствие внутренних замешательств края на Русь Белую... предки мои, в древности, назывались «Скандербеками»... «Булгарин» было только прозвание, для означения прежнего отечества... (Ф. В. Булгарин, Воспоминания, ч. 1, СПб., 1846, с. 307–308). Вопрос о достоверности притязаний Булгарина на аристократическое происхождение, как и эпиграмматическую концовку стихотворения «Моя родословная»: / *Решил Фиглярин вдохновенный: / Я во дворянстве мещанин. / Что ж он в семье своей почтенной? / Он?.. он в Мещанской дворянин.* / — оставляем за пределами доклада.

*Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман [5, с. 245].*

Рифмующиеся с отсутствующим, но ясно прочитываемым личным именем адресата *Фаддей* (разговорная форма — *Фадей*), имя *Авдей* (с 4 одинаковыми звуками и совпадением ударного *á*) и фамилия *Булгарин*, прозвище *Флюгарин* (идеальная рифма — с семью совпадающими звуками и ударным *á*), никаких сомнений относительно «намёка» не оставляли. Фамилия, образованная от нем. *Flügel* — ‘крыло’, с закрепившимся в русском языке переносным значением «непостоянный человек, часто меняющий свои взгляды, решения» (Ср.: у Дала: *Флюгарка, человек непостоянный, не остойчивый, без убеждений или угодливый, льстивый) со «снайперской» точностью метили в автора «скучного романа». Что касается второго прозвища *Видок Фиглярин*, то оно «личным» именем связывало адресата эпиграммы с одиозной фигурой французского сыска⁵, а фамилией-паронимом одновременно «говорило» о характере персонажа и его польском (от *figlarz* — ‘шутник’, ‘кривляка’, ‘позёр’) происхождении.

Традиционная примета писательских дебатов, точнее, литературной борьбы в русской литературе — сатирические «проделки» с именами (с использованием языкового механизма паронимической аттракции) — не осталась без внимания поэтов иных времён. Приём, имеющий корни в русской поэзии XVIII–XIX веков, активно использовался в XX веке В. Хлебниковым и В. Маяковским, М. Цветаевой и Б. Пастернаком.

Особое место в кругу приверженцев приёма принадлежит А. Вознесенскому, часто применявшему своеобразную форму игры словообразовательными средствами. В предисловии к собранию его сочинений Эрнст Неизвестный отметил: «Выручает и помогает Андрею игра. Вознесенский ведет веселую и грозную игру со словом. Со словом-заклинанием, со словом-заговором. Ведет игру в пространственные, ритмические,

⁵ Видок — Эжен Франсуа Видок — французский преступник, ставший одним из первых частных детективов и «отцом» современных приёмов частного уголовного розыска. Помимо эпиграммы, Пушкин намекнул на «родство по призванию» Булгарина и французского сыщика в статье о записках Видока («Литературная газета», 1830, № 20 — см. т. 6)

звуковые — магические шарады. Игра эта отнюдь не бегство. Она — суть, возвращение к истокам. Воскрешение утраченной традиции поэтики податливого, пластичного, послушного, полного полунамеков, чудных недосказанностей и пророчеств русского языка» [7, с. 10]. Кроме прочего, речь идёт об использовании «неантропонимной» лексики для образования антропоэтонимов, которые можно отнести к типу ‘ἀπαξ εἰρημεῖον’ (употребленных только один раз для данного случая). Стихотворение «Портрет Хуциева⁶» [9, с. 318], открывающееся обращением: *Марлен Мартыныч, Марлен Монтирович, / Арестованыч Картиныч, /* — (есть еще *Марлен Мотивыч*), — завершается серией окказиональных поэтонимов: */ Мерлин Мартинивич, Политехничевич, Нечечевичевич*, ты всех простишь. Здесь часть поэтонимов словообразовательно прозрачна и понятна любому читателю: (паронимичное официальному отчеству *Монтирович* связано с глаголом «монтировать» (фильмы), *Арестованыч Картиныч* является прямым указанием на то, что цензура «арестовала картины» — художественные фильмы М. Хуциева⁷, Мерлин — паронимическое сближение имени Хуциева с именем кельтского сподвижника короля Артура волшебника Мерлина. Завершающие же стихотворение «отчества»-окказионализмы *Мартинивич, Политехничевич* и *Нечечевичевич*, несмотря на ясную связь со словами «мартини», «политехнический» и «чечевица», для определения их роли в содержательной структуре стихотворения требуют фоновых знаний⁸. В «Величавой открытке В. Боккову» целый ряд окказиональных антропоэтонимов включен в построенные по аналогичным моделям апеллятивные образования, что создает «плотный» ассоциативный текст: *Милый Виктор Федорович, / выйди Свитер Фертович, / Винтичек*

⁶ Марлен Мартынович Хуциев (1925–2019) — советский и российский кинорежиссёр, сценарист и педагог грузинского происхождения, народный артист СССР. Настоящая фамилия — *Хуцишвили* (груз. ზუციშვილი ხუციშვილი). Имя *Марлен* — акроним, образованный первыми слогами онимов ‘*Маркс*’ и ‘*Ленин*’.

⁷ Антропоэтоним *Арестованыч Картиныч* намекает на историю кинофильма «Застава Ильича», раскрытого в 1963 году Первым секретарем ЦК КПСС Никитой Хрущевым, два года переработавшегося и вышедшего под названием «Мне двадцать лет». Первоначальная версия под оригинальным названием была впервые показана только в 1988 году.

⁸ По поводу отчества *Нечечевичевич* в обсуждаемом стихотворении Ю. А. Карпенко заметил: «<...> «отчество» вобрало в себя уже не лексему <...>, а целый фразеологизм о чечевичной похлёбке, за которую кто-то продаёт своё первородство (как, по Библии, Исав продал его Иакову) <...> «Отчество» это любопытно не только своим смыслом и происхождением, но и фонетической структурой, как бы сплошь состоящей из суффиксов отчества» [8, с. 280].

Отверткович, / Вытри-слезы-Горькович, / Ветром Свирьстрой Тертович, / Вытегра Осетрович, / Акварель Офортovich, / Скворка Фьюить в Форткович, / соловей-работничек, / свистни сквознячком, / чтобы девки — навзничь, / мужички — ничком! [9, с. 311].

Литература «новой волны» вместе с поисками в области литературной формы принесла и новые подходы к использованию и конструированию собственных имен. В некотором смысле она — наследница «ономапоэтических игр» предшествующих этапов развития русской литературы. Часто словообразовательные и паронимические возможности языка для «сотворения» собственных имен эпатазирующе используются далёкими от задач художественной литературы интернет-коммуникантами.

По нашему мнению, дальнейшее изучение выразительных возможностей окказионального словообразования онимов позволит разработать эффективные приемы выявления и описания функций «деривативных» средств поэтики собственных имен в целом и станет предпосылкой для создания специального раздела нашей научной дисциплины, исследующего поэтику словообразования онимов в ключе паронимической аттракции.

Примечания

1. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» / пер. с англ. И. А. Мельчука. Москва, 1975.
2. Григорьев В. П. Паронимический “взрыв” в русской поэзии XX в., его последствия для поэтического языка и его теории // Поэтика слова. Москва : Наука, 1979. С. 251–283.
3. Лосев А. Ф. Аксиоматика знаковой теории языка // Знак. Символ. Миф. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 28–64.
4. Пушкин А. С. <На Булгарина>: («Не то беда, что ты поляк...») // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. Москва ; Ленинград : АН СССР, 1948. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. С. 215.
5. Пушкин А. С. Эпиграмма: (“Не то беда, Авдей Флюгарин...”) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. Москва ; Ленинград : АН СССР, 1948. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. С. 245.
6. Пушкин А. С. <О записках Видока> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. Москва ; Ленинград : АН СССР, 1949. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. С. 129–130.
7. Неизвестный Э. Ритмы, пространство, звуки // Андрей Вознесенский. Собрание сочинений в пяти томах. Москва : ВАГРИУС, 2000. Т. 1. С. 8–12.

8. Карпенко Ю. А. Игра в отчества // Карпенко Ю. О. Літературна ономастика : збірник статей. Одеса : Астропринт, 2008. С. 286–290. (Впервые опубликовано в ж. «Русская речь». 1992. № 2. С. 92–95).

9. Вознесенский А. А. Пять с плюсом : собрание сочинений. Т. 5+. Москва : Вартус, 2003. 415 с.

Каменева Валерия Юрьевна

Сегал Наталья Александровна
natasha-segal@mail.ru

Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ В РОМАНЕ М. С. СИМОНЬЯН «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО — В КОНЦЕ БУДЕТ ЦИФРА»

Аннотация. Статья посвящена установлению особенностей реализации антропонимов в романе М. С. Симоньян «В начале было Слово — в конце будет Цифра». Доказывается, что как существующие антропонимы, апеллирующие к Новому Завету, так и придуманные автором имена собственные имеют задачей не номинирование субъекта, а глубокое представление его ключевых характеристик. Антропонимы романа насыщаются определенными ценностными смыслами, приобретают в контексте определенную оценку и коннотацию и выходят далеко за границы имен собственных.

Ключевые слова: антропоним, прецедентный антропоним, художественный текст, роман М. С. Симоньян «В начале было Слово — в конце будет Цифра».

Kameneva Valeria Yurievna

Segal Natalia Alexandrovna

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

PRECEDENT ANTHROPONYMS IN M. S. SIMONYAN'S NOVEL "IN THE BEGINNING THERE WAS A WORD — IN THE END THERE WILL BE A NUMBER"

Abstract. The article is devoted to the establishment of the features of the implementation of anthroponyms in the novel by M. S. Simonyan "In the beginning there was a Word — in the end there will be a Number." It is proved that both the existing anthroponyms appealing to the New

Testament and the propernames invented by the author are aimed not at nominating the subject, but at providing a deep understanding of its key characteristics. The novel's anthroponyms are saturated with certain value meanings, acquire a certain assessment and connotation in the context, and go far beyond the boundaries of propernames.

Keywords: anthroponym, precedent anthroponym, literarytext, novel by M. S. Simonyan “In the beginning there was a Word — in the end there will be a Number.”

Современные социополитические реалии определяют тот факт, что XXI век представляет собой не только время технологического прорыва, но и эпоху, когда предметом споров и конфликтов становятся морально-этические ценности, мировоззренческие ориентиры, связанные с нравственным аспектом, религиозными и культурными приоритетами не только разных государств, но и каждой отдельной личности. Данный тезис определяет тот факт, что в современной литературе большое значение получают тексты, которые формируют у представителей разных поколений и культур правильные нравственные ориентиры и корректную систему ценностей. Как нам кажется, в полной мере этой задаче соответствует роман Маргариты Симоновны Симоньян «В начале было Слово — в конце будет Цифра». Целью предлагаемой статьи является анализ антропонимов романа, представляющих собой стержневые компоненты авторского замысла, приобретающие в контексте определенную оценку и коннотацию и выходящие далеко за границы имен собственных.

Роман вышел в свет совсем недавно, в середине 2025 года, однако за короткое время получил широкое признание и ряд значимых наград (он входит в топ-10 самых востребованных книг 2025 года по версии крупнейших книжных ритейлеров, в октябре получил звание «Книга месяца», занял первое место среди лучших книг 2025 года по версии издательства «АСТ», вошел в топ-3 лидеров продаж Московского дома книги. По информации на январь 2026 года, тираж романа достиг 100 тысяч экземпляров. Главный редактор «Литературной газеты», прозаик и поэт Максим Замшев справедливо подчеркнул, что современный читатель хочет не только развлекаться, но и размышлять, а в основе романа — именно размышления о тех вопросах, ответы на которые современное общество представляет неоднозначно. Так, в частности, искусственный интеллект в романе становится символом зла, а путь рационального упрощения жизни ведет к катастрофе:

«Сила в иррациональности. Иррациональность — это всегда добро и правда. А рациональность становится хорошим инструментом в руках зла» [1]. Развивая идею Максима Замшева, главный редактор ИА «Регnum» Марина Ахмедова приходит к выводу о том, что «роман поднимает ключевые вопросы о будущем человечества и удерживает внимание читателя благодаря живым и близким образам героев» [там же].

Не останавливаясь на неоднозначной оценке романа, предлагаемой критиками, писателями, богословами и иными представителями российского сообщества, обратимся к анализу имен тех самых «живых и близких образов героев», о которых писала Марина Ахмедова.

Название произведения «В начале было Слово — в конце будет Цифра» — отсылка на первую строчку первой главы «Откровения Иоанна Богослова»: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Откровение 1:1). Автор аллегорически показывает читателю изменения от божественного «Слова» к «цифровому миру», что подчеркивает тему конца человечества: «искусственное я» (ИЯ) как «новый бог».

Искусственное Я (ИЯ) — главный антагонист романа. С самого начала у читателя создается устойчивая ассоциация с сатаной: «ИЯ, к примеру, категорически откажется от приставки «без», не понимая, почему заслуженное и благородное слово «бес» должно так безобразно видоизменяться, если за ним вдруг окажется звонкая согласная» [3, с. 24]. История с чипированием за «шестьсот шестьдесят шесть» баллов из-за перевёрнутой таблички, которую решили не возвращать в исходное положение, потому что, по словам ИЯ, «так даже лучше» — прямая отсылка к символу антихриста: «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его — шестьсот шестьдесят шесть» (Откровение Иоанна 13:1, 17). Ближе к концу произведения мы узнаем настоящую личность ИЯ и его «любимое обличие»: «...вокруг извилистой ленты серверов раздвинутся валуны подклетки, из-под земли выдвинется бронированный панцирь, окутав ленту наноброней, и вся эта лента превратится в огромную сколопендру с семью богохульными головами, рогами и пастью дракона» [3, с. 443]. Этот образ перекликается с образом «ангела бездны» по имени Аваддон: «По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее — как лица человеческие; и волосы у ней — как волосы у женщин, а зубы

у ней были, как у львов. На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее — как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну; у ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала; власть же ее была — вредить людям пять месяцев. Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион» (Откровение от Иоанна 9:7–11).

Имя главного героя «Альфа Омега» — прямая отсылка к Богу как к «началу и концу». В тексте романа мы узнаем, что главный герой — аллюзия на Иисуса Христа. Альфа Омега часто говорит об энергии веры: «Нет. Это энергия веры! Если во что-то о-о-о-о-очень сильно верить, это реально материализуется» [3, с. 5]. Подобные тезисы коррелируют с Евангелиями от Марка и Матфея, где говорится, что с верой Божьей сбудется всё: «...истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (От Матфея 17,20); «...имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет» (От Марка 11,23).

Мария Магдалина является прообразом Машеньки. Их истории переплетаются: они следовали за Христом, присутствовали при его распятии и были первыми, кто увидел явление Воскрешения Иисуса Христа. Машенька: «Сорок дней обгоревшие лучины будут падать в поддон с талым снегом, и Машенька будет ходить за Альфа Омегой, удивляясь, как меняются черты его черты лица в тусклом свете церковных свечей...» [3, с. 360]. Мария Магдалина: «Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов» (от Марка 16:9).

Интересным для анализа представляется и образ Иуды, который неоднократно говорит о тридцати сребрениках, а также целует «богомерзкого Эдика». Позже он сам распинает Альфа Омегу, в подробностях вспоминая детали распятия Иисуса Христа: «И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа; там распяли Его и с Ним двух других, по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса» (От Иоанна 19:17); «И привели Его на место Голгофу, что значит: Лобное место. И давали Ему пить вино со смирною; но Он не принял. Распявшие Его делили одежды Его, бросая жребий,

кому что взять. Был час третий, и распяли Его» (от Марка 15:22–23). В данном случае, как нам кажется, Иуда — антропоним, имеющий особую характеристику. Это единственный антропоним, транслируемый в роман М. Симоньян из евангельского текста без изменений. На наш взгляд, данный факт определяется тем, что Иуда представляется как вневременной архетип предателя, который сохраняется независимо от эпох.

Таким образом, можно заключить, что в структуре и содержании романа антропонимы играют важную роль, являясь ключом к пониманию авторского замысла. Комплексный анализ антропонимов, реализованных в романе М. С. Симоньян «В начале было Слово — в конце будет Цифра», не только позволит установить интертекстуальные связи между современным текстом и текстом Священного Писания, но и даст возможность проследить особенности трансформации евангельских сюжетов в актуальной художественной литературе.

Примечания

1. Коновалова Е. Почему так популярен роман Маргариты Симоньян // Российская газета. 14.12.2025. URL: https://rg.ru/2025/12/14/pochemu-tak-populiaren-roman-margarity-simonian.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F. (дата обращения: 29.01.2026).

2. Святое Евангелие на русском языке. Москва : Синтагма, 2023. 416 с.

3. Симоньян М. В начале было Слово — в конце будет Цифра. Москва : АСТ, 2025. 410 с.

Карпов Кирилл Станиславович

kirillkarpovprogramm@gmail.com

СП № 2 имени Вадима Лемеша

ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА «КОЗЛИНОЙ ПЕСНИ» КОНСТАНТИНА ВАГИНОВА

Аннотация. Рассматривается деление на группы прецедентных имен из романа К. Вагинова «Козлиная песнь». Рассмотрены основные пять функций, которые они выполняют в тексте. В итоге прецедентные имена выполняют оценочную функцию, контраст строится на оппозиции «культура» и «варварство», противопоставлении персонажей нового времени и ностальгии по «высокому».

Ключевые слова: антропонимы, Вагинов, ономастика, прецедент, прецедентные имена.

Karpov K. S.

Secondary School № 2 named after Vadim Lemesh

**FUNCTIONS OF PRECEDENT NAMES
IN THE STRUCTURE OF THE FICTIONAL
WORLD OF “THE GOAT SONG”
BY KONSTANTIN VAGINOV**

Abstract. This article examines the categorization of proper nouns from K. Vaginov’s novel “The Goat’s Song” and discusses the five main functions they serve in the text.

Keywords: proper names, Vaginov, onomastics, precedent, precedent names.

Начало двадцатого века было переломным: мир пережил самые разные потрясения — Первую мировую и Гражданскую войны, последовавший голод, приход новой власти и волны эмиграции из страны. Каждый давал свою оценку всем этим событиям, К. Вагинов же выбрал прецедентные имена как одно из средств в своем романе, чтобы показать, как меняется мир, его окружающий.

Актуальность работы заключается в том, что прецедентные имена являются инструментом культурной памяти и ценностной оценки в литературе, и исследование их функций в романе «Козлиная песнь» поможет дать более широкое представление как об интеллигенции того времени, так и об ее отношении к меняющемуся миру.

Объектом данного исследования является художественный мир романа Константина Вагинова «Козлиная песнь». Предметом являются прецедентные имена и их функции в данном тексте.

Цель исследования: выявить основные функции прецедентных имен и их проявление в тексте.

Методология: структурно-семиотический анализ в сочетании с теорией прецедентности В. В. Красных.

В романе Константина Вагинова встречается большое количество имен собственных. Всего в произведении 65 прецедентных имен. Они несут не просто отсылку к какой-либо личности, а создают контрасты, дополняют образы героев, выделяют их на фоне других людей.

Их можно разделить по характеру прецедентности, что занимает важное место в трудах В. В. Красных:

1. Глобально прецедентные феномены в преимуществе, так как основные действующие лица в романе являются интеллигенцией и для них это одно из обязательных знаний (*Дон Жуан, Афродита, Орфей, Фекла*).

2. Национально прецедентных имен мало в произведении (*Василий Темный, К. Леонтьев, К. Краевич*).

3. Социумно-прецедентные не представлены в тексте.

Эти имена можно разделить на 4 основные группы по референтной отнесенности:

1. Мифологические, легендарные герои — *Адам, Ева, Венера, Гелиос, Иисус, Орфей* и т. д.

2. Литературные герои — *Вергилий, Дон Жуан, Дракула, Онегин, Манон Леско, Нат-Пинкертон* и т. д.

3. Имена реальных исторических личностей — *Александр Македонский, Вильгельм II, Екатерина II, Клеопатра, Колумб* и т. д.

4. Имена реальных деятелей искусства — *Боттичелли, Гоголь, Гораций, Данте, Шекспир, Эдгар По, Мейерхольд* и т. д.

Получается довольно большой охват от самых давних времен до времени жизни автора, что позволяет лучше понять произведение.

Главные функции прецедентных имен в романе:

1. Свертывание культурного текста.

2. Оценочная.

3. Культурная идентификация.

4. Контрастивная.

5. Ностальгическая.

Первая реализуется в замене прецедентным именем развернутого описания ситуации или идеи. Например: «...вздыхает *Троицын* о великой любви *Дон Жуана*» или «Хотел он быть главою всех сумасшедших, быть *Орфеем* для сумасшедших». В том числе это показано при помощи таких персонажей, как *Асфоделиев*. Асфодель — это растение, которое покрывало луга Аида, символ забвения, в данном контексте — старого мира, и *Свечин* — догорающая свеча.

Вторая функция прецедентного имени заключается в устойчивой культурной оценке (негативной либо позитивной), которую перенимает герой или ситуация в тексте: «...*Марья Петровна* не *Лаура*, но ведь и я не *Петрарка*».

Культурная идентификация очень важна для главных героев, ведь они относят себя к исчезающей интеллигенции, это «осколки серебряного века», все вокруг меняется и для главных героев, это способ выделить своих, у кого: «*В шкафах помещались великолепные книги, которые можно было встретить в любом интеллигентном семействе:... граф Дракула, бесчисленный Немирович-Данченко, иностранные беллетристы...*» или «*На стенах были развешаны портреты французских поэтов, приколоты гравюры, изображавшие Манон Леско, Офелию, блудного сына*».

Неразрывно с этим связана ностальгическая функция: кроме выделения «своих», нужно показать, кто «чужие», разделение «низкого» и «высокого». По мнению героев Тептелкина и Агафонова, мир становится «варварским», а точнее, «жалким подражанием», и вся культура уходит в небытие. Особенно это заметно в момент распространения в обществе идей Освальда Шпенглера о цикличности культуры, в частности, ее упадка в настоящее время. Сами же герои постоянно испытывают «ощущение разлагающейся оболочки, сгнивающих семян среди уже возносящихся ростков». То есть «варварское» уже в любом случае взяло верх, победило: «Победители всегда чернят побежденных... Превратят нас в чертей».

Последняя функция — ностальгическая — выражается в представлении героев о прошлом как о временах великой культуры. Большое количество упоминаний личностей из Древней Греции и Рима: *Платона, Лонга, Горация, Цицерона*. Из эпохи Возрождения здесь представлены *Данте, Фрактор, Боттичелли, Шекспир*. Писатели и поэты 18–20 веков: *Парни, Пушкин, Гоголь, Гёте, Немирович-Данченко, Крыжановская, В.А.Голике*. Исходя из этого, мы можем судить об объеме их знаний и более широком взгляде на окружающий мир.

Таким образом, прецедентные имена выполняют оценочную функцию, контраст строится на оппозиции «культура» и «варварство», противопоставлении персонажей новому времени и ностальгии по «высокому». Следуя Ю. М. Лотману, мы рассматриваем прецедентное имя как структурный элемент художественного мира, участвующий в организации, в первую очередь, ценностных оппозиций. А теория прецедентности В. В. Красных позволяет описать механизм свертывания культурного текста в имени в данном произведении.

Примечания

1. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. — Москва: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
2. Вагинов К. К. Козлиная песнь / К. К. Вагинов. — Москва: Эксмо, 2024. — 576 с.
3. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2007. — 207 с.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва: Эксмо, 2023. — 448 с.

Кичикова Надежда Андреевна

esperes@list.ru

Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЭРГОНИМИКОНА КАЛМЫКИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть эргонимикон Калмыкии — одного из национальных регионов Российской Федерации. Исследуемый материал позволил сделать следующий вывод: современный калмыцкий эргонимикон формируется в полилингвальной среде, его яркой составляющей является национальный компонент. В основе эргонимической системы разного типа лексика, вербализующая концепты, отражающие картину мира народов, проживающих на данной территории.

Ключевые слова: этнический компонент, эргоним, эргонимикон, антропоним, концепт, картина мира.

Kichikova N. A.

Kalmyk State University

ETNO-LINGUISTIC SPECIFICITY OF THE KALMYK URBANONYMY

Abstract. The article attempts to examine the ergonymic system of Kalmykia, one of the national regions of the Russian Federation. Based on the research material, the following conclusion can be made: the modern Kalmyk ergonymic system is formed in a multilingual environment, and its national component is a prominent feature. The ergonymic system is based on various types of vocabulary that verbalize concepts that reflect the worldview of the peoples living in this territory.

Keywords: ethnic component, ergonym, ergonymicon, anthroponym, concept, worldview.

Неотъемлемой составляющей языкового облика любого населенного пункта являются эргонимы (наименования деловых объединений людей, коммерческих предприятий, объектов культуры и спорта), транслирующие определенную, социально детерминированную информацию в функциональных своих проявлениях, которые необходимо изучать во всем их многообразии. Несмотря на наличие ряда работ по частным проблемам эргонимии РК, а также на наличие комплексного анализа эргонимов многих городов России, эргонимикон Калмыкии еще недостаточно изучен как многоаспектная самостоятельная микросистема с присущей ей спецификой этнокультурного характера. Этим и обусловлен выбор темы исследования.

Эргонимикон Калмыкии — одного из полиэтнических регионов Российской Федерации — отличает особый национальный колорит, что является неотъемлемой составляющей языковых/речевых региональных проявлений. В республике действуют два государственных языка: русский и калмыцкий, функции которых регулируются законодательством. Языковой облик городов, других населенных пунктов РК немислим без этой самобытной его части — одной из существенных характеристик эргонимикона республики, создающей его особый колорит.

В калмыцком национальном сознании, как и в любом другом, присутствуют культурно значимые понятия. Прежде всего именно к ним апеллируют номинаторы / неймеры, творчески подходу к процессу создания эргонима. Это вербализованные концептуальные понятия. Так, калмыки — это кочевники, поэтому концепт **Степь** ментально детерминирован.

Наш регион двуязычный, поэтому используется как калмыцкая, так и русская лексика, например: *теег, степь, теегин, степной* и др. производные от слова *степь* формы: продмаг *Теег (Степь)*, книжный магазин *Теегин герл (Свет в степи)*, мебельный магазин *Степь*, магазин мебели и интерьера *Степные огни* +, ТЦ *Степной пассаж*, КФХ *Степнянка*, МКДОУ «*Детсад Степнячок*».

В эргонимической системе Калмыкии частотны наименования этнонимического происхождения. Так, древнее название калмыков — *ойраты* — в национальном сознании апеллирует к истории народа, периодам могущества, государственности, так же, как и понятие *улана зала — красная*

кисточка из шелковых нитей на мужском головном уборе, знак национального отличия ойратов (калмыков) от других монгольских этносов: спорткомплекс *Ойрат-Арена*; спортклуб *Ойрат* (п. Яшкуль); сеть салонов связи *Ойрат*; банкетный зал *Ойрат*; кафе *Ойрат*; магазин сувениров *Улана зала*; ООО *Улан залата* (производство и доставка продуктов питания и др.).

Степная флора и фауна тоже нашли отражение в местном эргонимиконе. Это уникальный степной тюльпан — *бамб цецг*, ставший визитной карточкой республики, символ красоты родной степи (ресторан *Тюльпан*; кафе *Тюльпан*; хостел *Тюльпан*; магазин сувениров *Бамб цецг*); священный лотос — *бадм цецг*, сакральный символ буддизма и чистоты (ТЦ *Белый Лотос*, отель *Белый Лотос Сити*); степная трава *полынь* — *зултурган*, символ самого калмыцкого народа, например: ООО *Зултурган* (см.: А. Б. Бадмаев «Зултурган — трава степная»); стремительный обитатель заповедной зоны калмыцких степей *сайгак* (Центр охраны дикой природы *Сайгак*, МБУ ДО детский лагерь *Сайгачонок*), а также выносливый *верблюды* (ООО Бодхн (верблюжонок) и др.).

К лексемам, связанным с актуализацией коннотации сила, *стойкость*, можно отнести баатр — *богатырь*, *багатур* (монг., др.-тюрк.) — герой храбрый воин: у монгольских и тюркских народов почетный титул за воинские заслуги — Субэдэй-багатур, Далай-батыр (спортивный центр *Багатур*, ООО *Батыр*), а также *аю* (*медведь*), зверь мощный и бесстрашный (фитнес-клуб *Аю* (медведь)).

Отражен в эрконимиконе Республики Калмыкия и известный призыв *уралан* (вперед), от которого, по одной из версий, произошло русское междометие «ура», например: стадион *Уралан*, развлекательный центр *Уралан*, кинотеатр *Уралан*.

Активно используется лексема *алтн* (золото, золотой) и как существительное, и как прилагательное, например: продмаг *Алтн* (от антропонима), банкетный зал *Алтн герел* (золотой свет), ресторан *Алтн Лу* (золотой дракон), магазин буддийской атрибутики *Алтн шаһа* (золотая чаша), салон-мастерская *Алтн һар* (золотые руки).

К эргонимам религиозного содержания можно отнести следующие: ООО похоронный дом *Буйн* (добродетель, заслуга), благотворительный фонд *Буйн*, буддийский магазин *Седкл* (*душа*) и др.

Большую группу эргонимов составляют трансантропонимы, то есть личные имена, перешедшие в эргонимы: магазин *Алтн* (золотой), ТЦ *Баурта* (радостная), магазин *Булһн* (соболя), магазин одежды *Даян* (*созерцание*); ресторан *Даяна*; кафе *Заяна* (судьба), магазин *Нюдля* (красивые глаза), универсам *Кермен* (белка), магазин *Өлзэтэ* (счастливая) и др.

Как правило, в основе антропонимических эргонимов — имена членов семьи или владельцев объектов: *Анир*, *Бадма* — сыновья, *Saglr*, *Даяна*, *Заяна* — дочери. Есть названия на латинице — *Амыркхан* (магазин брендовой одежды от Веры Мордеевой), *Амырхан* — имя ее бабушки).

Встречаются чисто национальные названия, транслирующие позитивный смысл через:

1) **национальные стереотипы**: магазин сувениров *Кишигтя белег* (*счастливый подарок*); магазин стройматериалов *Сян гер* (*хороший дом*); продмаг *Тоста* (от тосн — масло: букв. *масляный, с маслом*, здесь в зн. «сытый»); кафе *Хамдан* (*вместе*);

2) **экзотические образы животных**: ТЦ *Зан* (*слон*); ООО ИТ-консультант *Аю*;

3) **национальные блюда**: ресторан *Кюр*; сауна *Кюр*; кафе *Джомба* (калмыцкий молочный чай); кафе *Махан* (букв.: мясо, здесь: название блюда, состоящего из отваренного крупными кусками мяса);

4) **образы эпических героев, персонажей, реалий из народного героического эпоса «Джангар»**: кафе *Джангар* (герой одноименного эпоса); автошкола *Аранзал* (легендарный по силе конь Джангара); МОО *Алтн Чееж* (мудрец, ясновидец из эпоса «Джангар»); магазин одежды *Хонгр* (*Хонгр* — Алый лев, богатырь из окружения Джангара); этнохотон *Страна Бумба* (сказочная страна благоденствия).

Что касается последней группы, то обращение к так называемым прецедентным именам (ПИ) не случайно. Прецедентное имя — это индивидуальное имя: оно связано или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, то есть значимых в данной национальной культуре, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная [1, с. 137]. Такое имя — сложный знак: при его упоминании происходит отсылка воспринимающего не к собственно денотату этого имени, а к набору его дифференциальных признаков, позволяющих отличать данное лицо от других. Так, *Джангар*, *Хонгр* — это сила, храбрость, мужество,

ум, стойкость; *Алти Чееж* — мудрость, справедливость, красноречие; *Аранзал* — стремительность, сила, верность; *Страна Бумба* — мечта народа о счастливой жизни и т.д.

Эргонимы на русском языке, но с национальным компонентом, отражающим образ жизни народа, этническую специфику, местоположение, значимость рек, озер и пр., также привносят свой колорит в языковой облик региона: отель *Азия*, фирма такси *Азия*, этнокафе *Кочевник* (трасса *Элиста-Арзгир*), кафе *Калмычка*, гостиница *Элиста*, ООО *Каспий*.

Эмпроним *ГерДа* (магазин домашнего текстиля, аксессуаров для волос) представляется нам результатом языковой игры: калм. *гер* — дом + утвердительный коммуникатив *да*, кроме того, это имя девочки, сказочного персонажа («Снежная королева» Г. Х. Андерсена). Привлекает внимание игра с разноразмерным шрифтом.

Прецедентные образы, безусловно-яркий национально-культурный компонент современного калмыцкого эргонимикона. Аккумулируя коллективный опыт народа, они являются национальным стереотипом восприятия и понимания действительности. Они всегда мотивированы: это, как правило, аргумент в пользу интенций говорящего, своего рода риторический прием. Обращение номинаторов к общепринятым и культурно ценным в народе понятиям, концептам, образам, именам является вполне обоснованным: они отражают жизненную, культурно-историческую доминанту народа, имеют сверхличностный характер, преломляясь через призму национальной культуры, создавая индивидуальную картину мира этноса.

В эргонимиконе республики присутствуют и эргонимы, в основе которых иноязычные антропонимы: ресторан *Кан* (корейская кухня), названный по фамилии владельцев (букв.: *кан* — река), и ресторан-чайхана *Тамерлан*, названная по имени тюрко-монгольского военачальника-завоевателя.

Итак, современный калмыцкий эргонимикон формируется в полилингвальной среде, поэтому его яркой составляющей является национальный компонент. В его основе разного типа лексика, вербализующая концепты, связанные с местом проживания народа, окружающей его флорой и фауной, культурно-исторические и нравственные понятия, отражающие картину мира этноса, а также национальные антропонимы.

Примечания

1. Драпалюк А. Прецедентные имена реальных личностей в современной русской и немецкой прессе // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2011. Вып. 11. С. 130–140.

2. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. Москва : Русский язык, 1977. 768 с.

Копоть Лилия Владимировна

kopot79@mail.ru

Адыгейский государственный университет

ПРОЗВИЩЕ КАК ЛЕКСИЧЕСКИЙ ИДЕНТИФИКАТОР ГЕНДЕРА РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ-ЖЕНЩИН В СМИ

Аннотация. Цель исследования — языковое конструирование образа политика-женщины в СМИ. Выявлены лексические маркеры, участвующие в конструировании гендера в политическом дискурсе. Определены лексические идентификаторы пола, материнства, физических данных, гендерных метафор. Установлено, что лексические идентификаторы прозвищ чаще всего апеллируют к мужским образам или мужским чертам характера, что, в свою очередь, маскулинизирует имидж политика-женщины. Делается вывод о том, что функционирование прозвищ как лексических идентификаторов гендера позволяет создать как положительный образ субъекта политической деятельности, так и отрицательный, поскольку во всем мире «нормативный» политик — это политик маскулинного типа, мужчина.

Ключевые слова: прозвище, лексический идентификатор, гендер, политик-женщина, политический дискурс.

Kopot L. V.

Adyghe State University

NICKNAME AS A LEXICAL IDENTIFIER OF GENDER FOR FEMALE POLITICIANS IN RUSSIA'S MEDIA

Abstract. The research aims to examine the linguistic construction of the image of a female politician in the media. Lexical markers involved in constructing gender in political discourse have been identified. Lexical identifiers of gender, motherhood, physical attributes, and gender metaphors have been determined. It has been established that lexical identifiers of nicknames most often appeal to male images or masculine traits, which, in turn, masculinizes the image of a female politician. It is

concluded that the functioning of nicknames as lexical identifiers of gender allows creating both a positive and negative image of a political actor, since worldwide, the “normative” politician is a masculine type, a man.

Keywords: nickname, lexical identifier, gender, female politician, political discourse.

В настоящее время субъектами политической коммуникации в России все чаще становятся женщины. Исторически политический дискурс андроцентричен. Соответственно, андроцентричность политического дискурса предусматривает определенный тип поведения независимо от гендера субъекта политической коммуникации, что, в свою очередь, обуславливает маскулинизацию женского коммуникативного поведения женщины-политика с целью достижения политических задач.

В этой связи является актуальным проследить языковое конструирование гендера в политическом дискурсе на примере прозвищных номинаций как лексических идентификаторов гендера женщины-политика в СМИ. Стереотипное представление граждан об идеальном политике в русской лингвокультуре связано с образом мужчины. Женщина-политик — это отклонение от нормы, образца. Соответственно, ее образ закрепляется семиотически на вербальном уровне при помощи лексических маркеров пола, внешности, материнства в политико-медийном дискурсе. На примере публикаций (статьи о политиках, выступления аналитиков, дающих оценку их деятельности, комментарии коллег, беседы в прямом эфире, разговоры в радиоэфире) в российской прессе в процессе языкового конструирования образа женщины-политика в СМИ были выявлены прозвищные номинации как лексические идентификаторы гендера. Подобные единицы, как установлено в процессе анализа, гендерно и этнокультурно обусловлены. Например, *серый кардинал* (Э. Набиуллина); *мама Смольного*, *Валентина III*, *Маргарет Тэтчер*, *железная леди* (В. Матвиенко), *мадам Арбидол* (Т. Голикова); *Няша* (Наталья Поклонская), *блондинка в шоколаде*, *русская Пэрис Хилтон*, *Снежная королева* (Ксения Собчак). Рассмотрим примеры.

Э. Набиуллина известна как генератор идей для экономических программ, в МЭРТ получила прозвище «серого кардинала» Грефа [penta.ru., 31.01.2022]. Фразеологический оборот, употребляющийся в значении «умный, дальновидный человек, чаще всего в политике, официально не занимающий соответствующих должностей, но фактически единовластно принимающий решение в этой сфере, скрывающийся за официально

действующей кандидатурой», гендерно маркирован. Подобное устойчивое выражение характеризует Э. Набиуллину как политика маскулинного типа: умного, хитрого, решительного. Выражение известно с 17 века, появилось благодаря французскому кардиналу Ришелье, имевшему колоссальное влияние на короля Людовика XIII. В данном примере Э. Набиуллина сравнивается с Г. Грефом, что уподобляет ее референтному лицу, делает носителем его «мужских» качеств — эффективности, харизматичности, которые репрезентируются в образе Э. Набиуллиной.

В прямом эфире программы «В круге света» ведущий С. Сорокина иронизирует в беседе с депутатом Госдумы С. Журовой относительно того, что В. Матвиенко — третий человек в стране, отвечая: *«Понимаю, уже название: Валентина III, все замечательно. Но у меня ощущение, что все-таки это почетная отставка»* [29.06.2011]. Так, после ухода с поста губернатора В. Матвиенко назначили спикером Совета Федерации, что свидетельствует о высоком политическом статусе. Обращение *Валентина III* актуализирует имплицитную информацию относительно крупнейшего политического деятеля российской монархии *Екатерины II*, прославившейся силой характера, политической смелостью, решительностью, интеллектом, что, безусловно, маскулинизирует образ В. Матвиенко. Однако с учетом всех обстоятельств в данном контексте наблюдается отрицательная оценочность образа политика, связанная с ограничением реальных возможностей субъекта политической коммуникации и отсутствием принятия самостоятельных решений в новой, формально почетной должности.

В годы руководства Минздравсоцразвитием Татьяна Голикова получила прозвище «Мадам Арбидол» [infox.ru 14.05.2018]. Данное прозвище министра здравоохранения связано с продвижением ею на российском рынке препарата «Арбидол». Номинация имплицитно референцирует к мужчине (включает лексему *мадам* — обращение к замужней женщине в Европе), способствуя феминизации образа. Данная номинация создает негативную оценочность, поскольку официально проводилась проверка относительно коррупционного скандала, связанного с действиями «Фармстандарт», сведения не подтвердились, однако имя запомнилось.

Проблемы «маме Смольного», как ее называют за глаза подчиненные, создает и собственный сын [The New Times,

04.07.2011]. В. Матвиенко многие годы была губернатором Санкт-Петербурга, а Смольный являлся ее резиденцией. Феминизация имени политика в данном случае создает отрицательную оценочность в составе гендерной оппозиции *мама — сын*. Неявно обыгран известный стереотип о всепоглощающем материнском инстинкте, который заставляет женщину идти на все, вплоть до преступления, во имя ребенка. В статье идет речь о многочисленных нарушениях со стороны губернатора, связанных со строительством в Санкт-Петербурге и деятельностью компании «ВТБ Девелопмент» Сергея Матвиенко.

Няшу определили в заместители Примакову. Назначение многозначительное. Главное, ослепительно-белый мидовский мундир, который так шел Поклонской, остался при ней. Она еще в нем покрасуется [Версия, № 5, 07–13.02.2022]. Наталья Поклонская, экс-прокурор Крыма, — очень красивая женщина, что не раз отмечали как российские, так и зарубежные СМИ. Она стала популярна в японских соцсетях. У поклонников аниме появилось множество нарисованных портретов Поклонской. Данное прозвище происходит из анимэ-жаргона, где *Няша* — нечто милое, приятное, красивое. В данной номинации наблюдаем и элемент языковой игры, заключающийся в стяжении имени собственного *Наташа* в уменьшительно-ласкательном варианте. Подобный оним в контексте создает отрицательную оценочность применительно к женщине-политику, способствуя феминизации ее образа в медийно-политическом дискурсе, приводя к понижению ее статуса как политика. Указание на главное в ее назначении — наличие красивого мундира, который ей явно к лицу, и разговорная лексема *покрасоваться* формируют пейоративную оценку и служат актуализации известного стереотипа, согласно которому для женщины главное — ее внешность, одежда.

Следующие примеры прозвищных номинаций относятся к известному, эпатажному журналисту К. А. Собчак, не являющемуся политиком, однако в 2018 году выдвигавшему свою кандидатуру на пост Президента РФ.

«Я знаю, что я противоречивая фигура. Я журналист, блондинка в шоколаде, дочь реформатора, член координационного совета российской оппозиции», — писала К. Собчак в предвыборном письме [Ведомости, 18.10.2017]. Прозвище появилось благодаря реалити-шоу «Блондинка в шоколаде» на «МузТВ», в котором Ксения Собчак принимала непосредственное

участие. Название, в свою очередь, заимствовано из американской кинокомедии 2006 года «Блондинка в шоколаде» с участием Пэрис Хилтон, в российском прокате ее роль озвучила К. А. Собчак. *В том же материале не преминули отметить и то, что слава пришла к ней вместе с клише «русская Пэрис Хилтон», от которого она усердно отрещивается последние несколько лет* [Woman.ru., 09.02.2018].

Таким образом, языковое конструирование образа женщины-политика осуществляется, в том числе, при помощи прозвищных номинаций, позволяющих создать как положительный образ субъекта политической деятельности (чаще всего посредством апеллирования к мужским образам или мужским чертам характера, что, в свою очередь, маскулинизирует имидж женщины-политика), так и отрицательный (посредством фиминизации образа, понижающей статус женщины-политика).

Примечания

1. Фельде О. В. Лик постсоветской России в зеркале прозвищ // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 6. С. 25–28.

2. Татьяна Голикова. Биография. URL: <http://infox.ru> (дата обращения: 21.03.26).

3. Ксения Собчак объявила об участии в выборах президента России. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/30/736005-sobchak-viborah-prezidenta> (дата обращения: 18.10.2017).

4. Э. Набиуллина. URL: <http://lenta.ru>. (дата обращения: 31.01.2022).

5. В круге света. Программа Светланы Сорокиной, проект радиостанции «Эхо Москвы» и телеканалов «Домашний» и RTVi. URL: <https://staroetv.su/programs/v-kruge-sveta?ysclid=mnztc0cjl795748618> (дата обращения: 29.06.2011).

6. Анна Пушкарская. За сосули перед Отечеством // Коммерсантъ. Власть. — № 26. С. 22.

7. Няшу определили в заместители Примакову // Версия. 2022. 07–13 февр. (№ 5).

8. Светская львица и гламурная дива: почему Собчак не рада тому, как ее воспринимают в США. URL: <https://web.archive.org/> (дата обращения: 09.02.2018).

Лукина Ирина Петровна
irinnasemenova@yandex.ru

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

К ВОПРОСУ О ЧУВАШСКИХ ЭТНОТОПОНИМАХ И АНТРОПОТОПОНИМАХ

Аннотация. Рассматриваются чувашские географические названия, образованные от этнонимов выра́с «русский», тутар «татарин, татарский», çarmās «мари, марийский», пушкăрт «башкир, башкирский», мишер «мишарь, мишарский», мăкшă «мокша-мордва, мокшанский», ирçе «эрзя-мордва, эрзянский», ар «удмурт, удмуртский», мучар, моچار «мадьяр, мадьярский», а также от личных имен исконно тюркского, арабо-персидского, татарского, исконно чувашского происхождения. Исследование выполнено на материале полевых записей автора (экспедиции в Моргаушский и Ядринский районы Чувашии, 2023 г.), архивных данных, а также словарей Н. И. Ашмарина, М. Р. Федотова, С. Я. Черных. В качестве примеров приводятся названия, употребляющиеся на территории Чувашского Поволжья. Автор приходит к выводу, что в этнотопонимах и антропотопонимах нашли отражение многовековые межэтнические связи и историческое развитие личных имен чувашского народа.

Ключевые слова: чувашская топонимия, этнотопонимы, антропотопонимы, ойконимы, языковые контакты.

Lukina I. P.

Chuvash State Institute of Humanities Sciences

ON THE QUESTION ABOUT CHUVASH ETHNOTOPONYMS AND ANTHROTOPONYMS

Abstract. The Chuvash geographical names formed from the ethnonyms vyrās “Russian”, tutar “Tatar, Tatar”, çarmās “Mari, Mari”, pushkart “Bashkir, Bashkir”, misher “Mishar, Mishar”, măkshă “Moksha-Mordovian, Moksha”, irçe are considered “Erzya-Mordva, Erzyan”, ar “Udmurt, Udmurt”, muchar, mochar “Magyar, Magyar”, as well as from personal names of original Turkic, Arab-Persian, Tatar, original Chuvash origin. The study was carried out on the basis of the author’s field notes (expeditions to the Morgaushsky and Yadrinsky regions of Chuvashia, 2023), archival data, as well as dictionaries by N. I. Ashmarina, M. R. Fedotova, and S. Ya. Chernykh. Examples are given of names used in the Chuvash Volga region. The author concludes that ethnotoponyms and anthropotoponyms reflect centuries-old interethnic ties and the historical development of personal names among the Chuvash people.

Keywords: Chuvash toponymy, ethnotoponyms, anthropotoponyms, oikonyms, language contacts.

Одним из главных компонентов тюркской географической номенклатуры населенных мест оказывается название народа, племени, рода или других этнических подразделений [1, с. 172].

В названиях чувашских населенных пунктов прежде всего выделяется и легко идентифицируется группа этнонимов, отражающих реальное окружение современных носителей чувашского языка и многовековые контакты в прошлом, таких, как *вырӑс* «русский», *тутар* «татарин, татарский», *ҫармӑс* «мари, марийский», *пушкӑрт* «башкир, башкирский», *мишер* «мишарь, мишарский», *мӑкшӑ* «мокша-мордва, мокшанский», *ирҫе* «эрзя-мордва, эрзянский», *ар* «удмурт, удмуртский», *муҫар*, *мочар*, *мушар*, *машар* «мадьяр, мадьярский». Например, *Вырӑс Сурӑм* (с. Русская Сорма), *Вырӑс урӑмӗ* (улицы в д. Байсубино), *Мӑн Тутаркас* (д. Большие Татаркасы), *Пушкӑрт* (с. Малое Карачкино), *Мишер* (д. Мижары), *Кивӗ Мӑкшӑел* (с. Старое Мокшино), *Анатри Ирҫе* (д. Нижние Ирзеи), *Арккаси* (д. Аркасы), *Анат Мучар* (д. Нижние Мочары) и другие.

Компонент *ҫармӑс*, например, входит в состав более десяти ойконимов, при этом во всех этих населенных пунктах ныне проживают чувашаи. Данные топонимы свидетельствуют об этнических процессах миграции или ассимиляции, имевших место очень давно, по-видимому, еще в болгарскую эпоху [2, с. 153; 3, с. 133–134]. При этом компоненты-этнонимы встречаются как в названиях населенных пунктов, так и в названиях небольших географических объектов, например: *Ирҫе Ҫармӑс* — Малые Кармалы, *Туҫи Ҫармӑс* — Тузи-Сярмус, *Чӑваш Зармӑс* — Кубня и т.д., ср.: *Ҫармӑҫ вӑрманӗ*, букв. ‘марийский лес’ (пример записан нами в 2023 г. в д. Нижние Бурнаши Ядринского м.о. и в д. Токшики Моргаушского м.о., в последней именуется также *Шереккей вӑрманӗ*).

Сохранилось предание о происхождении чувашского названия д. Малое Карачкино Ядринского м.о. от этнонима пушкӑрт «башкир»: *Ваттисем каланӑ тӑрӑх, ӗлӗк-авал хальхи Пушкӑрт ялӗ вырӗнӗнче хура вӑрман кашласа ларнӑ. Монгол-тутарсем хӗсӗрленипе пирӗн несӗлсем Атӑлӑн сылтӑм енчи вӑрманла вырӑнсене куҫса килнӗ. Сӑр тӑрӑхне те зак майпах чӑвашсем куҫса килнӗ. Ку шӑпах 1450 ҫулсемпе пӗр килнӗ. Яла пуҫарса яраканнисем малтанах хальхи казенный ҫурт вырӑнӗнче хӑйсен хуҫалӑхне вырнаҫтарнӑ. Ку вырӑн хальхи Пушкӑрт ялӗнчен ҫухрӑм зурӑ кантӑралла вырнаҫнӑ. Ҫак вырӑнти патшалӑх вӑрманне тытса тӑракан вӑрман хуҫи (помещикӗ)*

пушкӑрт (башкирец) сынни пулнӑ тесе шантараççӗ архив материалӗсем. Пушкӑрт сыннинчен ял ячӗ те тухса кайнӑ теме пулатӑ [4] (Перевод: По словам старожилков, в давние времена на месте нынешней башкирской деревни шумел Черный лес. Под притеснениями монголо-татар наши потомки переселились в лесистые места правого берега Волги. Таким же способом переселялись чуваши и в Сурский край. Это как раз совпало с 1450 годами. Первоначально основатели села разместили свое хозяйство на месте нынешнего казенного дома. Это место находилось примерно в полутора верстах к югу от современной башкирской деревни. Архивные материалы свидетельствуют, что лесовладелец (помещик), владевший государственным лесом в этой местности, был выходцем из башкир (башкирец). Можно сказать, что от башкир пошло и название села). Согласно другой легенде, название села происходит от выражения *пошӑ карта*, букв. 'опустевший двор'. Однако на наш взгляд, последнее объяснение близко к народной этимологии.

Антропонимы широко представлены в чувашских географических названиях. Согласно Э. М. Мурзаеву, «топонимия всех трех тюркоязычных республик бассейна Волги — Татарской, Чувашской и Башкирской — пестрит антропонимами» [1, с. 196]. Влиянием ислама объясняют проникновение арабизмов и иранизмов в дохристианский антропонимикон и топонимию Волжской Булгарии. В целом «в тюркской антропонимии следует видеть три языковых пласта. Один из них — исконно тюркский, второй, более поздний, — арабско-персидский (мусульманский), в недрах которого сформировались многие современные географические названия, чему особенно способствовало распространение ислама в Поволжье, Средней Азии и Казахстане, на Кавказе, а за рубежом — в Китае и Турции. Третий пласт — смешанный (тюркский, арабско-персидский и русский)» [1, с. 195]. По мнению Э. М. Мурзаева, антропонимы второго, мусульманского, и третьего, смешанного пластов, ныне стали также тюркскими, как, например, считаются русскими географические названия: Александровка, Петровка, Васильевка, Николаев, Павловск (Ленинградская обл.), Иваново, Ефремов (Тульская обл.), хотя все они восходят к греческому [1, с. 195].

Личные имена арабо-персидского (мусульманского) пласта распространены в современной башкирской, татарской и чувашской антропонимии, встречаются они и в географических названиях. Например, *Альших* (оф. Альшихово; тат. Алших Элших, Элшӑех) — *чувашско-татарское село в Альшиховском*

сельском поселении Буинского р-на Татарстана. Отантропонимный ойконим: «некогда яз. и. м., теперь назв. дер. Альшиховой, Рунгинской вол., Буинск. у. *Алших*, то же, что Алшик. Согласно преданию, приведенному В. Д. Димитриевым, образовано потомками чуваша Алшика, выселившимися сюда вместе с братьями из д. Рунга Цивильского уезда Казанской губернии, где наблюдается чередование к // х [5, с. 182; 6, с. 41, 7, с. 149]. Официальный вариант образован с помощью топоформанта *-ово*.

Айдарово (тат. Айдар) — татарская дер. Новоковалинской вол. Цивильского у. Исключена 29.11.1921, перечислена в Тугаевскую вол. Свияжского кант. ТАССР. Отантропонимный ойконим, ср. чув. яз. имя *Айтар*, тат., башк. *Айдар* < араб. м.и. *Хайдар* (حيدري) «лев» (حيدري) [6, с. 38; 8, с. 83], *-ово* — русский топоформант.

Антропонимы мусульманского пласта в современном чувашском языке могут быть заимствованиями из татарского:

Например, *Абдуган сырми* — овраг в Батыревском м.о., расположен в 4 км от пос. Ясная Поляна. Отантропонимный ороним. «Рассказывают, что в течение долгого времени татарин по имени Абдуган корчевал пни и продавал древесный уголь (в качестве топлива) кузнецам округи, там же и жил. Поэтому этот овраг получил название от имени Абдугана. *Абдугани* (*Абд аль Гани*) — это мужское личное татарское имя, возникшее под влиянием исламской религии. *Абд* — «раб, слуга, служитель»; *Гани* — одно из множества имен Всевышнего — раб Божий» [9].

Кӓпас (оф. Кубасы) — чувашская деревня Юнгин. тер. отд. Моргауш. м.о. Вероятно, отантропонимный ойконим *Кӓпас*, ср. заимствованное из татарского языка муж. личн. имя *Кубеш*, то же, что и *Кубас*, ср. также мар. антропонимы *Кубас*, *Кубаш* [10, с. 239].

В словаре М. Р. Федотова, в частности, указаны следующие чувашские наименования, которые следует отнести к исконно тюркским:

Аппак, назв. деревни в Спас. у., Казан. губ; деревни Ставропольск. у. Самар. губ. Чӓваш Аппакӓ, Апаково, чув. дер. Ставроп. у. Самарск. губ.; ср. мар. м. и. Аяук/ Апык. См. тюрк. Аба «отец; предок; ст. брат; супруг, муж»; тюрк. м. и. Аба, компонент составного имени, «отец» [5, с. 295; 6, с. 42; 10, с. 34, 67].

Ителмес, и. м. Сител (Цив.); Ит < др.-тюрк. *it*, «собака» + элмес < др.-тюрк. *aimas*; *al-* «брать, взять, приним ать» +

-мас — афф. отрицательного причастия настоящего и будущего времени. Следовательно, Ителмес — имя — оберег ребенка, на которого не будет покушаться даже собака [6, с. 58].

Лискав, яз. и. м. Т.-И.-Шем., Ст. Чек., Рекеев // Название села Лыскова (на Волге) = Лыскав, назв. с. Лыскова (на Волге). Сред. Юм. [6, с. 66].

Таким образом, этнотопонимы и антропотопонимы являются важнейшим пластом топонимической лексики, отражают многовековую историю межэтнического взаимодействия и эволюцию антропонимикона чувашского народа. Дальнейшее изучение этих пластов требует углубленного этимологического анализа.

Примечания

1. Мурзаев Э. М. Тюркские географические названия. Москва : Вост. лит., 1996. 252 с.

2. Скворцов М. И. Этнические названия в чувашской топонимии и антропонимии — I // Вопросы чувашской лексикологии, лексикографии и перевода = Чăваш лексикологийĕн, лексикографийĕн тата куçару ёзĕн ыйтăвĕсем. Чебоксары : ЧГИГН, 2013.

3. Федотов М. Р. Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии // Советское финно-угроведение. 1970. VI. 2. С. 127–135.

4. Рошканова Н., Горбунова М., Ванюшева Т. К. Етёрне районĕнчи Пушкăрт тăрăхĕнчи топонимсем // EXCELSIOR — 2012. Выражаем искреннюю благодарность авторам за предоставленный материал.

5. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. I. Казань, 1928. 335 с.

6. Федотов М. Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1998. 148 с.

7. Дмитриев В. Д. Чувашские исторические предания = Чăвашсен аваллăх халапĕсем : очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. 3-е изд., доп. Чебоксары : Чувашское книжное изд-во, 2017. 383 с.

8. Населенные пункты Чувашской Республики. 1917–2019 годы : справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2020. С. 83.

9. Исаев Ю. Н. О происхождении названий некоторых мест юга Чувашии (На примере фольклорных и литературных источников) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России : материалы XV Всерос. науч. конф., проводимой в рамках IV Всемирного курултая башкир и посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Ф. Г. Хисамитдиновой, 19–21 ноября 2015 года. Уфа, 2015. С. 106–110.

10. Черных С. Я. Словарь марийских личных имен : около 16120 имен. Марий ен лум-влак мутер. Йошкар-Ола : МарГУ, 1995. 623 с.

Лучинская Елена Николаевна
bekketsam@yandex.ru
Кубанский государственный университет

ИМЯ КАК ТЕКСТ ГОТОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена имени как важному текстообразующему компоненту постмодернистского дискурса. В статье показано, что имя, используемое в текстах постмодернизма, выступает как текст готовой культуры, выполняя функцию лингвокультурного кода. Распознавание имени известного персонажа, названия романа, топонима, реалии культуры и пр. способствует успешной интерпретации сложных многослойных текстов постмодернизма, в процессе которой читатель подключает имеющиеся в его сознании единицы когнитивной базы. Имя в исследовании понимается как определяющий символ, обладающий множественными смыслами открытого постмодернистского произведения. Использование имени как знака культуры в постмодернистских текстах обусловлено интенцией автора показать значимость культурного наследия, которое необходимо интерпретировать читателю. В произведениях авторов постмодернизма имя становится аллюзией на собственный жизненный опыт, зафиксированный в индивидуальной когнитивной базе. Вместе с тем имя в романе обуславливает подключение собственных кодов читателя для понимания и реинтерпретации художественных смыслов постмодернистского текста. В процессе чтения у читателя появляется возможность соединить свой горизонт с горизонтом автора, вступить в диалог текстов, персонажей, автора. Исследование символики имени в постмодернистском дискурсе требует дальнейшего исследования для разработки методик и способов прочтения сложных текстов современности.

Ключевые слова: постмодернистский дискурс, имя, код культуры, герменевтический подход, интерпретация, культурная память.

Luchinskaya E. N.
Kuban state university

THE NAME AS A TEXT OF READY-MADE CULTURE IN POSTMODERNIST DISCOURSE

Abstract. The article focuses on the name as an important text-forming component of postmodern discourse. The article shows that the name used in postmodern texts acts as a text of a ready-made culture, performing the function of a linguistic and cultural code. Recognizing the name of a famous character, the title of a novel, a toponym, a cultural reality, etc. contributes to the successful interpretation of complex, multi-layered postmodern texts, in which the reader connects the cognitive units in their mind. In the study, the name is also understood as a defining symbol with

multiple meanings in an open postmodern work. The use of the name as a cultural sign in postmodern texts is driven by the author's intention to highlight the significance of cultural heritage, which must be interpreted by the reader. In the works of postmodern authors, a name becomes an allusion to the author's own life experience, which is recorded in the individual's cognitive database. At the same time, the name in the novel triggers the reader's own codes to understand and reinterpret the artistic meanings of the postmodern text. In the process of reading, the reader has the opportunity to connect their horizon with the author's horizon, and to engage in a dialogue with the texts, characters, and the author. The study of the symbolism of the name in postmodern discourse requires further research to develop methods and approaches for reading complex contemporary texts.

Keywords: postmodern discourse, name, cultural code, hermeneutic approach, interpretation, cultural memory.

Современные произведения постмодернизма считаются репрезентативными с той точки зрения, что они основаны на аллюзиях, известных просвещенному человеку (герои, события, цитаты), т.е. на культурной памяти человечества. Читатель, обладающий определенным общим культурным тезаурусом, быстро определит знаки, поданные ему автором. Для этого читатель в своем стремлении понять произведение должен подключать не только свои коды, но и реконструировать тот риторический и идеологический универсум, ту коммуникативную ситуацию, в которой было создано произведение. Именно так можно отыскивать ключи, приближаясь к исходному коду, восстанавливаемому в процессе интерпретации контекста.

«Слова внутри текста», т.е. ключевые (символические) слова имеют больше, чем один смысл. Проблема слова, его множественной интерпретации, получает дополнительную значимость. Автору или комментатору приходится направлять восприятие языковой личности читателя в нужный вектор возможного понимания. С помощью ключевых слов автор ведет интертекстуальную игру, целью которой является узнавание «готовых текстов культуры», или слов-в-культуре. Зачастую роль ключевых слов выполняют имена собственные (топонимы, антропонимы), символы ушедшей эпохи, энциклопедия человеческого знания, и в постоянном изменении слов-символов можно усмотреть традицию передачи этнического опыта путем кодирования информации через язык, что мы наблюдаем в современной постмодернистской литературе.

В качестве исследовательской гипотезы выдвигается положение о том, что для интерпретации имени в постмодернистских

художественных текстах необходимо находить и «прочитать» схематизированные коды, заложенные автором, что значительно повышает уровень понимания художественного текста. Мы полагаем, что имена становятся репрезентантами авторского сознания. Словесные образы (микрореконтекстуальные приращения смысла) и окказиональные символы представляют смысловые доминанты при выходе слова на уровень текста в целом [3].

Роман В. Набокова «Просвечивающие предметы» можно считать отражением авторского сознания в заключенных скрытых смыслах текста. Авторефлексия как прием нарратива требует от автора обращения к самому себе или к читателю с помощью упоминания разных языков и культурных кодов, включения иронических подтекстов, а также использования игры с собственными смыслами, заложенными в повествовании. В процессе чтения происходит восполнение когнитивных лагун как в языке читателя, так и в его индивидуально-когнитивной системе: читатель, являясь связующим звеном между автором и текстом, соотносит свою когнитивную систему с ИКС автора, через которые преломляются широкие социокультурные условия протекания текстовой деятельности. А при совпадении основных тезаурусных центров неизбежны расхождения на уровне синонимов, символов, концептов, ассоциативного комплекса и др. [2; 164].

В текстах В. Набокова имя выполняет различные функции (реферативную, эмотивную и пр.), но основной функцией, на наш взгляд, можно считать эстетическую, которая и обуславливает привлечение различных кодов в художественных произведениях. Освоение и объяснение текста осуществляется через его истолкование и комментарий; они направлены на преодоление культурной дистанции читателя от чуждого ему текста [2; 165].

Отметим, что использование имен как лингвокультурных реалий в речи персонажей позволяет представить образ эрудированного и образованного героя за скрытыми авторскими смыслами. Особую значимость в произведениях В. Набокова имеют личные имена, активно участвующие в процессе смыслопостроения и позволяющие писателю четко охарактеризовать персонажа, определить его место в художественном тексте и выразить собственное отношение. При этом отметим их скрытую семантику, поскольку личные имена персонажей в текстах произведений служат особым кодом для читателя:

они демонстрируют авторское знание и переживание своего прошлого опыта. Именно поэтому замысел включает авторские предпочтения в выборе имен персонажей, хронотопа и сюжета. Смысловый потенциал имён в произведении оказывается порой таким значительным, что можно говорить о процессе символизации имени. Отличительной особенностью авторского идиостиля является широкое использование имён-загадок, которые нередко кодируются средствами английского, французского, немецкого и других языков, что способствует сокрытию смысла. Приведем примеры имен и фамилий персонажей с шахматной семантикой в произведениях В. Набокова.

Найт (от англ. яз. knight — рыцарь, конь — шахматная фигура), *Бишоп* (от англ. яз. — bishop — епископ, слон — шахматная фигура), *Туровец* (от тура — шахматная фигура), *Шварц* (от нем. яз. — shwarz — черный — о шахматах), *Белов* (от рус. яз. — белый — о шахматах).

Другие имена в романе аллюзивны и эксплицитны благодаря языковой форме: Нина Речная, Уайльд, «Кровавый Ванька», Персон, Ромео и др. Также имплицитным является именное словосочетание «Адам фон Либриков», но при дешифровке становится понятно, что оно представляет анаграмму имени Владимир Набоков и знаком присутствия автора в тексте произведения.

Отличительной особенностью идиостиля В. Набокова является широкое использование прецедентных и «говорящих» имён, причём последние вербализуются средствами других языков, что способствует сокрытию смысла. Так, в текстах встречаются: *Анакреон* (миф.) — древнегреческий лирик; *Деянира* — героиня др.-греческого мифа, *Алехин* — русский гроссмейстер, *Шекспир*, *Наполеон*, *Джон Донн* и др.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в текстах проанализированных произведений В. Набокова наблюдается соединение элементов разных культур с опорой на энциклопедические знания самого автора, что свидетельствует о поликодовости художественного произведения, которая значительно усложняет понимание для неподготовленного читателя. Именно бесконечность самого языка позволяет найти ответ на вопрос или разгадать загадку, заданную читателю самим автором. Для правильного прочтения нельзя упустить из виду упомянутую множественность кодов, обратное же означает ограничение действия самого художественного дискурса. Проблема изучения имени как кода культуры в художественном тексте

остаётся актуальным и перспективным в современной когнитивной лингвистике и филологической герменевтике.

Примечания

1. Облачко И. Ю. Основы анализа скрытых смыслов в художественном тексте // Актуальные проблемы гуманитарного знания. Барнаул, 2004. С. 182–187.

2. Лучинская Е. Н. Постмодернистский дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации : монография. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2002. 196 с.

3. Набоков В. Просвечивающие предметы : романы / пер. с англ. А. Горянина, А. Долинина, М. Мейлаха. Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус, 2017. 352 с.

Ляшева Марина Николаевна

marina-lyasheva@mail.ru

Южный федеральный университет

РОЛЬ АНТРОПОНИМОВ В ТЕКСТАХ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛОВ)

Аннотация. Постоянные изменения современной интернет-коммуникации и обилие виртуальных текстов создают большую конкуренцию, что влияет на жанр и стиль текстов, а также на выбор языковых единиц. В статье предпринимается попытка рассмотреть особенности использования имен собственных в новостных сообщениях социальных сетей. Описываются семантико-стилистические особенности антропонимов, а также функции, которые они выполняют в таких текстах.

Ключевые слова: оним, антропоним, новость, интернет-коммуникация, социальные сети.

Lyasheva M. N.

Southern Federal University

THE ROLE OF ANTHROPONYMS IN THE TEXTS OF NON-OFFICIAL NEWS REPORTS (BASED ON TELEGRAM CHANNELS)

Abstract. The constant changes in modern internet communication and the abundance of virtual texts create a lot of competition, which affects the genre and style of texts, as well as the choice of linguistic units. This article attempts to explore the features of using proper names in social

media news posts. It describes the semantic and stylistic characteristics of anthroponyms, as well as the functions they perform in such texts.

Keywords: onym, anthroponym, news, Internet communication, social networks.

События общественно-политической жизни напрямую влияют на пользовательский выбор потребляемой информации в глобальной сети. Современный человек теперь ищет в Интернете не только необходимую информацию и развлечение, но и сведения о происходящем. Отсюда растет востребованность новостей как медийного жанра. Многие виртуальные платформы, предназначенные изначально для межличностной коммуникации, теперь выступают агрегаторами новостей. Однако информационный контент в социальных сетях и мессенджерах следует отличать от традиционного жанра, поэтому логичнее, на наш взгляд, использовать применительно к ним словосочетание «новостное сообщение».

Публицистические тексты социальных сетей прошли определенную трансформацию, отойдя не только от газетных и телевизионных новостей, но и от официальных сетевых изданий. Исследователи связывают это с переходом от классического информирования к коммуницированию [1, с. 12]. Этим текстам присуща выраженная субъективность, которая, на наш взгляд, связана с особенностями интернет-текстов в целом. Они подразумевают прагматическую, интерактивную и рефлексирующую диалогичность [2, с. 125]. Их проявлением является и усиление авторской позиции [3, с. 52], маркеры которой присутствуют во всем тексте, но отчетливо проявляются в его конце. Концовка выполняет разные функции — от придания оценочности описанному до создания большей привлекательности за счет усиления комического эффекта. Такой широкий функционал влияет на подбор языковых единиц, вследствие чего в этой части усиливается обращение к личным именам.

Кроме того, новостные сообщения испытывают влияние со стороны интернет-текстов других жанров, прежде всего мемов. Одним из популярных мемов русскоязычного интернет-пространства стал креолизованный текст с вопросом «Как тебе такое, Илон Маск?», в котором осмеянию подвергались нелепые российские изобретения. Рассмотрим теперь его цитирование в новостном сообщении одного из телеграм-каналов (прим.: во всех примерах сохранены авторские орфография и пунктуация).

У нас есть Cybertruck дома. Очень необычную Газель обнаружили на улицах Перми.

Как тебе такое, Илон Маск? https://t.me/smi_rf_moskva/36561

Использование имени гражданина США (прим.: Илон Маск — американский инженер и предприниматель) подразумевает противостояние «Россия — западные страны», что актуализирует дихотомию «свой-чужой» в сообщении. И хотя в первичном тексте этим высмеивали что-то глупое и нелепое, в последующих упоминаниях авторы нередко подчеркивают так смекалку и изобретательность русского народа.

Интертекстуальность виртуальной коммуникации строится не только на отсылках к интернет-феноменам (мемам и пр.), но и на громких событиях современности, которые освещались как в СМИ, так и в различных новостных каналах в мессенджерах. В конце 2025 года широко обсуждался случай продажи квартиры Ларисой Долиной. После этого антропоним стал часто фигурировать в сообщениях, не касающихся напрямую певицы. Так, в примере ниже апелляция к имени артистки обусловлена описанием похожей ситуации. Однако таким обращением автор не метафорически характеризует случившееся, а больше стремится развлечь читателя.

 Френдли фаер: две московские пенсионерки воют из-за квартиры якобы проданной под влиянием мошенников <...>

Две бабушки до сих пор бегут по судам.

А квартира в итоге достанется Долиной https://t.me/smi_rf_moskva/36355

Сенсационные ситуации влекут за собой частотность упоминания личного имени, которым в массовой коммуникации обозначают сходные явления. При этом его перехода в разряд нарицательных не происходит. Антропоним не приобретает новые лексико-грамматические признаки. Отчасти это можно объяснить ускорившимся ритмом жизни и быстрой сменой инфоповодов.

Не менее употребимы интертекстемы из литературы, а именно в заключительной части используются имена известных книжных персонажей. Их роль достаточно разнообразна, но чаще авторы прибегают к ним для создания юмористического эффекта. В примере ниже это подтверждается также использованием эмоджикона.

В Яндекс Погоде появились блинные зонты! Такие можно расставить на карте осадков. Ну и люди спасибо скажут за адекватные отзывы об осадках.

Мерри Поплинс наелась блинов и не может взлететь 😊
<https://t.me/lider/20015>

Антропонимы, не являющиеся прецедентными именами, используют также в неспецифической для них функции — усиления проявления признака. Показателен для этого следующий пример.

В Россию к грядущим лютым морозам завезли дизайнерские меховые трусы с принтом гепарда. Это новинка от бренда Martine Rose, появившаяся на CDEK.Shopping. Труселя сделаны из искусственного меха, хотя просят как за настоящий — 16,5 тысяч рублей. Больше за эксклюзив и «дерзкий принт».

 нужно торопиться, пока их не купил Валерий Леонтьев
<https://t.me/lider/19616>

Последняя фраза в тексте — одна из форм проявления диалогичности, выполняющая функцию призыва к действию. Для ее реализации автор упоминает российского певца, известного экстравагантными предпочтениями в выборе сценического костюма.

Исследователи отмечают, что современное коммуникативное пространство — это благодатное поле для проявления креативной функции языка, где она реализуется наиболее полно [4, с. 77]. В новостных сообщениях довольно часты лингвокреатемы, образованные на базе имен собственных. Они придают тексту экспрессивность и делают его привлекательным для читателя.

В Барнауле запретили лизать лёд на Оби! Даже если вы — Шаман. Даже если очень хочется. Хотя табличку установили не МЧС, а городской паблик для прикола и рекламы.

Ярослав Лизулин задал рекламный тренд одним движением языка 🗣️ <https://t.me/lider/20016>

Фамилия певца — Дронов, однако в Сети его называют по фамилии супруги Екатерины Мизулиной. Лингвокреатема образуется за счет приема контаминации — соединении фамилии и глагола «лизать», отсылающего к описанному.

Не менее интересным представляется следующий пример.

Пенсионерки призывают соседей открывать домовые чаты в мессенджере Max. Одна беда: его английское название они не признают, и поэтому прозвали госсмессенджер... Максимом.

максим телегович 😊 <https://t.me/lider/17194>

Здесь посредством языковой игры происходит трансформация двух антропонимов: название мессенджера изменяют до личного имени, добавляя также отчество, образованное от жаргонного наименования Telegram («телега»). Неологизм не только веселит читателя, но и намекает на схожесть двух платформ.

Проанализировав новостные сообщения, созданные внутри социальных сетей для виртуального читателя, можно обнаружить, что использование имен собственных в них довольно частотно, не всегда касается персонажа из основного текста, но, как правило, обусловлено тематикой. Появляясь в конце текста, они приобретают дополнительные функции. В частности, благодаря им авторы пытаются увеличить привлекательность текста (создание юмористического эффекта) или выразить свое отношение к происходящему.

Примечания

1. Соломин В. Е. Карев Н. А. Общественно-политические телеграм-каналы «Репортер» и «Лентач» как новые медиа // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 1. С. 11–17.

2. Клушина Н. И. Иванова М. В. Трансформация медийных жанров в коммуникативном пространстве Интернета // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 121–129.

3. Максимова А. М. Трансформация жанра информационной заметки в новостных telegram-каналах // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7, № 2. С. 49–54.

4. Лингвокреативное пространство интернет-коммуникации : колл. монография / М. В. Иванова, Н. И. Клушина, С. Ф. Барышева [и др.] ; под ред. М. В. Ивановой, Н. И. Клушиной. Москва : ФЛИНТА, 2025. 236 с.

Магомедов Магомед Низамудинович
mnizam@rambler

Дагестанский государственный университет

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АБУБАКАРА АЙМАКИНСКОГО

Аннотация. В статье рассматривается проблема функционирования собственных имён в поэтических произведениях аварского поэта XVIII

века Абубакара Аймакинского (1711–1797). Актуальность темы определяется тем, что изучение ономастических единиц в аварской поэзии даёт представление об истории, культуре и языке народа и выступает ключом к пониманию его национально-культурного своеобразия. Она обусловлена также необходимостью проведения лингвистического анализа поэтонимов. Абубакархаджи из Аймаки (Гаймакиса Абубакар) в народе прославился как автор известных поэтических произведений, хотя его знали и он входил в круг популярных богословов-законоведов Дагестана. Он написал проповеди, наставления, в которых в доступной форме объяснялись основные каноны мусульманской веры. Им был создан целый цикл проповедей, состоящий из тринадцати произведений, в которых в поэтической форме излагаются основы ислама и этикет мусульманина. Произведения он сочинял на своём родном диалекте. Чтобы они были доступны и понятны более широкому кругу людей и стали более поэтичными, поэт Али-Гаджи из Инхо турки Абубакара Аймакинского переложил на аварский литературный язык.

Ключевые слова: оним, поэтоним, аварская поэзия, Абубакар Аймакинский.

Mahomedov M. N.
Dagestan State University

ON THE FUNCTIONING OF ONOMASTIC UNITS IN THE POETRY OF ABUBAKAR AYMAKINSKI

Abstract. This article examines the problem of preserving the nature of names in the poetry of the 18th-century Avar poet Abubakar Aimakinsky (1711–1797). The relevance of this topic lies in the fact that studying mastic units in Avar poetry provides insight into the history, culture, and language of the people and is key to understanding their national and cultural identity. It is also driven by the need to conduct a linguistic analysis of poetonyms. Abubakarkhadzhi from Aymaki (Glaymakis Abubakar) became popularly known as the author of well-known poetic works, although he was also known as one of Dagestan's popular theologians and legal scholars. He wrote sermons and instructions that explained the fundamental canons of the Muslim faith in an accessible form. He created a whole cycle of sermons, consisting of thirteen works, expounding the fundamentals of Islam and Muslim etiquette in poetic form. He composed these works in his native dialect. To make them more accessible and understandable to a wider audience and to make them more poetic, the poet Ali-Gadzhi from Inkho adapted the works of Abubakar Aymakinsky into the Avar literary language.

Keywords: onym, poetonym, Avar poetry, Abubakar Aymakinsky.

Собственные имена художественных произведений представляют несомненный интерес для ономастологов. «Изучение литературного ономастикона и сегодня является одной из актуальных проблем» [1, с. 38]. «Любое собственное имя имеет

свою историю, которая уходит в глубину веков» [2, с. 4]. Исследователи отмечают, что писатели «максимально используют свойства бытующих в речевой практике собственных имен, служащих основой для создания стилистически эффективных в контексте художественного произведения функций литературных онимов» [3, с. 3].

Литература народов Дагестана, которая имеет богатые традиции, ещё не стала объектом комплексного исследования её неординарного ономастикона. Проблема функционирования ономастических единиц в дагестанской художественной литературе мало изучена [4, с. 174].

На сегодняшний день отсутствуют комплексные исследования по детальному и ширококомаштабному исследованию поэтонимов в аварской поэзии, хотя отдельные позиции фрагментарно освещались. В данном исследовании нами предпринимается попытка осветить проблему функционирования ономастических единиц в творчестве аварского поэта XVIII века Абубакара Аймакинского (1711–1797).

Абубакархаджи из Аймаки (ГАймакиса Абубакар) остался в истории и в народе прославился как автор известных поэтических произведений, хотя его знали и он входил в круг популярных богословов-законоведов Дагестана. Им были написаны проповеди и наставления, в которых в доступной форме объяснялись основные каноны мусульманской веры. Абубакар Аймакинский создал целый цикл проповедей, состоящий из тринадцати произведений, где в поэтической форме излагаются основы ислама и этикет мусульманина. Произведения он сочинял на своём родном диалекте. Чтобы они были доступны и понятны более широкому кругу людей и стали более поэтичными, поэт Али-Гаджи из Инхо турки Абубакара Аймакинского переложил на аварский литературный язык.

К сожалению, о его жизненном и творческом пути до нас дошло мало сведений. Корни его ведут в с. Буцра Аварского ханства, откуда были родом его предки. Для духовного роста Абубакара как личности и учёного предки переселились в с. Аймаки. Из-за семейных обстоятельств он уже в возрасте в 1766 году переселился в с. Аракани.

В 1790 г. Абубакар Аймакинский, видя, что в людях ослабеваает вера, что они не богобоязненны, слабо выполняют предписания и установки ислама, падают моральные, нравственные, этические устои общества, собрал в Араканах известных ученых-теологов Аварии, выступил перед ними с речью

о снижении моральных устоев общества, о необходимости приступить к активной просветительской работе своих сограждан [5, с. 11]. В результате появился ряд проповедей, наставлений, поучений, турки, созданные учеными-богословами.

Анализу подвергаются пять стихотворений поэта, опубликованных в книге «Антология дагестанской поэзии XVIII — начала XX века» [5, с. 11–16]. У двух произведений имеются обозначенные библионимы: «*Раче дуца ниж къватлуре*» «Выведи нас отсюда», «*Нахъа глемер пашманлгила*» «Иначе потом пожалеешь». Оба названия трёхсловные. Их можно рассмотреть как синтаксическое целое.

У трёх произведений Абубакара Аймакинского нет названий. Как правило, в таких случаях как название принято фиксировать первую строку. Таким образом, можно выделить три следующих библионима: «*Эбел-эмен рази гъаре, вацал, яцал глатид гъаре...*» (Обрадуй родителей, обласкай братьев, сестер); «*Тлаглат Аллагъасе гъабе, нилъ рижарав халикъгиму...*» («Молись Аллаху, он — Господь, создавший нас...»); «*Рачла инин нилъ хлежалде, тлад бугеб жо тлобитлизе...*» («Давайте совершим мы хадж, выполним свой долг»).

В стихотворении «*Раче дуца ниж къватлуре*» («Выведи нас отсюда») не зафиксированы онимы: *Мажгиталги члунтун ругин, / Годеклаби глуцлун ругин, / Глорцаразул балагъ бугин, / Раче дуца ниж къватлуре.* («Заброшены мечети, Годеканы устроены, Беда от сытых, Выведи нас отсюда»).

Также собственные имена отсутствуют в стихотворении «*Нахъа глемер пашманлгила*» («Иначе потом пожалеешь»): *Рукъалда мун къварилгуге, / Мадугъалихъ хлал квешлгуге, / Мискинчи дуй хлакъгирлгуге, / Нахъа глемер пашманлгила* («Не будь сердитым дома, / Будь добр с соседями, / Не унижай бедняка, / Иначе потом пожалеешь»). *Эбел-инсуй хилиплгуге, / Гъалмагъасдехун квешлгуге, / Дуге мун клодолгуге, / Нахъа глемер пашманлгила* («Будь предан родителям, / Будь верным в дружбе, / Не гордись собою, / Иначе потом пожалеешь»).

В анализируемых произведениях Абубакара Аймакинского ономастическая единица отмечена только один раз — в стихотворении «*Тлаглат Аллагъасе гъабе, нилъ рижарав халикъгиму...*» («Молись Аллаху, он — Господь, создавший нас...»): *Тлаглат Аллагъасе гъабе, нилъ рижарав халикъгиму. / Амру-нагью къабул гъабе, къудраталгул Аллагъиму. / Гъечелгуса нилъ рижарав, ракъалдасан рижун тарав, / Лъималдаса сурат лъурав къудраталгул Аллагъиму* («Молись Аллаху,

он — Господь, создавший нас, Выполни приказы, пожелания его, он — всемогущий *Аллах*. Он создал нас из небытия, вылепил из глины, Водой обмыл наш облик, он — всемогущий *Аллах*»). «*Аллагъ* самое великое имя Бога, указывающее на Его божественную сущность. Этим именем больше никого не нарекают. Но компонент «аллагъ» встречается в составе ССИ, заимствованных из арабского языка. Например: *Валигуллагъ, Глябдуллагъ, Забихлуллагъ* и др.» [6, с. 10].

Таким образом, ономастикон рассмотренных произведений Абубакара Аймакинского свидетельствует о жанрово-стилистическом своеобразии произведений аварского поэта.

Примечания

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. — Москва: Гослитиздат, 1959.

2. Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А. П. Непокупный. Москва, 1986. 254 с.

3. Бардакова В. В. Специфика литературной ономастики детской художественной прозы : автореф. дис. ... канд филол. наук. Москва, 2000. 24 с.

4. Багомедов М. Р. Онимы в даргинской художественной // Антология поэтонимологической мысли. Донецк : Юго-Восток, 2008. Т. 1. С. 174–182.

5. Антология дагестанской поэзии XVIII — начала XX века. Махачкала: АЛЕФ, 2021. 416 с.

6. Багомедов М. Р. Словарь даргинских личных имен. Махачкала : ДГУ, 2006. 169 с.

Магомедова Тамара Ибрагимовна

slovakia68@mail.ru

Дагестанский государственный университет

АББРЕВИАТУРЫ-ОНИМЫ В РУССКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Цель исследования — раскрыть функциональные особенности аббревиатур-онимов в русском юридическом дискурсе. В статье отражен комплексный анализ терминологических аббревиатур-онимов, позволивший выявить и описать наиболее частотные группы в русскоязычном коммуникативном пространстве права, определить их функционально-семантическое и структурное своеобразие. В результате установлено,

что понимание функционирования аббревиатур-онимов требует учета как интралингвистических, так и экстралингвистических факторов. Данный факт позволил применить к аббревиатурам дискурсивный принцип анализа. Обладая предельной компрессивностью, терминологические аббревиатуры-онимы инициального типа (буквенные) в дискурсивном пространстве права превращаются в метатекстовые элементы, выполняя функцию дискурсивного маркера. В целом аббревиатура-оним в русскоязычном коммуникативном пространстве права полифункциональна: с одной стороны, она индивидуализирует объект, с другой — стороны унифицирует информацию о нем, выступая и как эффективный инструмент языка, и как маркер профессиональной и социокультурной информации об объекте права.

Ключевые слова: оним, аббревиатура, юридический дискурс, функциональность.

Magomedova T. I.
Dagestan State University

ABBREVIATIONS-ONYMS IN RUSSIAN LEGAL DISCOURSE: FUNCTIONAL ASPECT

Abstract. The purpose of this study is to uncover the functional characteristics of abbreviated onyms in Russian legal discourse. This article presents a comprehensive analysis of terminological abbreviated onyms, which allowed us to identify and describe the most frequent groups in the Russian-language legal discourse and determine their functional, semantic, and structural characteristics. It was established that understanding the functioning of abbreviated onyms requires consideration of both intralinguistic and extralinguistic factors. This fact allowed us to apply the discursive principle of analysis to abbreviations. Possessing extreme compressibility, terminological abbreviated onyms of the initial type (letter) in the legal discourse transform into metatextual elements, functioning as discursive markers. In general, the abbreviated onym in the Russian-language legal communicative space is multifunctional: on the one hand, it individualizes an object, on the other, it unifies information about it, serving both as an effective linguistic tool and as a marker of professional and sociocultural information about the legal object.

Keywords: onym, abbreviation, legal discourse, functionality.

Активное использование аббревиатур в современном коммуникативном пространстве национальных языков связано прежде всего с их широкой полифункциональностью, которая обусловлена как интралингвистическим, так и экстралингвистическим функционалом. Собственно лингвистический функционал аббревиатур наполнен языковой экономией, реализацией деривационного потенциала, расширением

словарного запаса, когезивными связями в тексте, стилистической реализацией и т.д. Экстралингвистический функционал аббревиатур подчинен прагматическим, психологическим, историческим, национальным, социокультурным факторам. В целом полифункциональность аббревиатур подчинена принципу компрессии на всех языковых и внеязыковых уровнях.

По существу, приведенные интра- и экстралингвистические позиции позволяют применить к аббревиатурам дискурсивный принцип анализа их функциональности. Ономастическое пространство различных типов дискурса активно привлекает внимание исследователей. Большинство из них сосредоточено на проблемах перевода аббревиатур-онимов в определенном типе дискурса [1; 2]; другие исследователи разрабатывают классификации аббревиатур в отдельных языках и проводят сравнительный анализ их видов в разных дискурсах [3; 4; 5; 6; 7].

Сфера юридического дискурса является, на наш взгляд, наиболее привлекательной для понимания особенностей функционирования аббревиатур-онимов, которые в языке права наделены предельной компрессией. Дискурсивный подход к анализу языка права дает возможность установить причинные связи между юридически ориентированной коммуникацией и эффективностью функционирования аббревиатур-онимов в правовом контексте [8].

В первую очередь аббревиатуры-онимы в юридическом дискурсе играют роль самого эффективного средства обобщения объемной собственно правовой и иной информации, ее интеграции и экстраполяции. Именно языковая компрессия позволяет оптимально реализовать коммуникативную функцию языка права, обеспечивая точность, лаконичность, скорость передачи информации, экономию времени и пространства, профессиональную маркировку элементов общения. «Аббревиатуры представляют собой своего рода «код», который трансформирует общение в профессиональный диалог» [9, с. 2].

Аббревиатуры-термины права представляют собой корреляты полных терминологических сочетаний, обладающих предельной устойчивостью, высокой частотностью и конвенциональностью, что в совокупности обеспечивает ониму максимально активную метатекстовую функциональность в юридическом дискурсе.

В рамках исследовательского материала, извлеченного из терминологического потенциала русского юридического дискурса,

преобладают аббревиатуры-онимы инициального типа (буквенные) [3]. Среди них можно выделить наиболее частотные функционально-семантические группы: 1) обозначения органов высшей государственной и муниципальной власти (ГД РФ — Государственная Дума Российской Федерации; ВС РФ — Верховный суд Российской Федерации; АСС РФ — Арбитражный суд субъекта РФ; ФССП РФ — Федеральная служба судебных приставов РФ); 2) обозначения источников права, правовых актов (ФЗ — Федеральный закон; СПП — Собрание постановлений Правительства; ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации; АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации; САПП РФ — Собрание актов Президента и Правительства РФ); 3) обозначения юрисдикций, правоохранительных учреждений, отделов (ВК — воспитательная колония; ГТУ — Главное тюремное управление; ВОХР — военизированная охрана; ГИБДД — Государственная инспекция безопасности дорожного движения; ГУБНОН — Главное управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков); 4) обозначения правовых мер и действий, процессуального статуса (ИР — исполнительные работы; ОРД — оперативно-розыскная деятельность; УДО — условно-досрочное освобождение; ГЛППС — группа лиц по предварительному сговору); 5) обозначения международных организаций (СБ ООН — Совет безопасности ООН; ВКТ — Всемирная Конфедерация Труда; АТЭС — Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество; МТМП — Международный трибунал по морскому праву; БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР).

В структурном соотношении преобладают двухбуквенные аббревиатуры (ФЗ — Федеральный закон), составные двухбуквенные (ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации), позволяющие оптимальным образом номинировать объект права. Трехбуквенные аббревиатуры (ФКЗ — Федеральный конституционный закон), составные трехбуквенные (ГПК — Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации) также распространены и позволяют расширить информацию об объекте номинации. Аббревиатуры, состоящие из четырех, пяти, шести букв встречаются реже, так как отражают узкоспециализированные правовые объекты.

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что понимание функционирования аббревиатур-онимов требует учета как интралингвистических, так и экстралингвистических

факторов. Данный факт позволил применить к аббревиатурам дискурсивный принцип анализа их функциональности. Обладая предельной компрессивностью, терминологические аббревиатуры-онимы инициального типа (буквенные) в дискурсивном пространстве права превращаются в метатекстовые элементы, выполняя функцию дискурсивных маркеров.

В целом аббревиатура-оним в русскоязычном коммуникативном пространстве права полифункциональна: с одной стороны, она индивидуализирует объект, с другой стороны, унифицирует информацию о нем, выступая и как эффективный инструмент языка, и как маркер профессиональной и социокультурной информации об объекте права.

Примечания

1. Паневчик В. В. Деловое письмо : практ. пособие. 2-е изд. Минск : Амалфея, 2015. 160 с.

2. Chovanec M. Skratky ako odraz sociokultúrnych procesov (rusko-slovenské porovnanie) : Monographia. Prešov : Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2015. 157 s.

3. Хованец М. Krátky tematický slovník skratiek súčasnej ruštiny = Краткий тематический словарь сокращений современного русского языка. Prešov : FF PU, 2013. 190 s.

4. Маркова Т. С. Виды и функции аббревиатур-онимов в различных дискурсах (на материале современного немецкого языка) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 1 (36). С. 184–194.

5. Голубева Т. С. О влиянии английских аббревиатур-заимствований на структуру немецких сокращений в языке профессионального общения // Materials of the VI international research and practice conference. Vol. II. December 27–28. Munich, Germany, 2013. P. 97–100.

6. Белякова О. В. Компрессивное словообразование в англоязычном юридическом дискурсе: структурно-семантические характеристики языковых единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 3.

7. Мазнева Ю. А. Аббревиатурованные юридические термины: структурно-семантический, системно-функциональный и когнитивно-дискурсивный аспекты (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2011. 28 с.

8. Магомедова Т. И. Лингвистический аспект юридического дискурса // Актуальные вопросы теории дискурса : сборник научных статей. Словения, Прешов, 2013. С. 263–269.

9. Александрова Т. А. Лингвокультурологический потенциал аббревиатур в юридическом дискурсе (на материале английского языка) // Филологический аспект. 2024. № 01 (105). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/lingvokulturologicheskij-potentsial-abbreviatur-v-yuridicheskom-diskurse-na-materiale-anglijskogo-yazyka.html> (дата обращения: 08.03.2026).

10. Хованец М. Особенности произношения русских инициальных аббревиатур словаками // Культура русской речи в условиях многоязычия: материалы II Международной научно-практической конференции. Махачкала : ДГУ, 2015. С. 281–283.

Мазепина Вера Григорьевна
Адыгейский государственный университет

АНГЛИЙСКАЯ ЛЕКСИКА В ЭРГОНИМИИ КРАСНОДАРА: ТЕНДЕНЦИИ ГИБРИДИЗАЦИИ И НОМИНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

Аннотация. Исследуется эргонимикон города как отражение актуальных языковых тенденций и хранитель культурного кода горожан. Описаны англоязычные заимствования, способные не только обогащать и трансформировать, но и вытеснять исконные культурные смыслы. Изучение региональной эргонимии опирается на детальный анализ функциональной нагрузки отдельных типов гибридации и учитывает лингвистические и культурно-исторические аспекты городской номинации.

Ключевые слова: эргоним, гибридация, культурный код, трансформация, федеральный закон.

Mazepina V. G.
Adyghe State University

ENGLISH VOCABULARY IN ERGONOMY OF KRASNODAR: HYBRIDIZATION TRENDS AND NOMINATIVE STRATEGIES

Abstract. The ergonymicon of the city is studied as a reflection of current linguistic trends and the keeper of the cultural code of the citizens. English-language borrowings are described, which can not only enrich and transform, but also displace the original cultural meanings. The study of regional ergonymy is based on a detailed analysis of the functional load of individual types of hybridization and takes into account the linguistic and cultural-historical aspects of urban nomination.

Keywords: ergonym, hybridization, cultural code, transformation, federal law.

Термин «эргоним», введенный выдающимся российским филологом и языковедом Н. В. Подольской, впервые был

представлен в 1978 году в её фундаментальном труде «Словарь русской ономастической терминологии». Этот словарь, являющийся первым советским толковым словарем в области ономастики, определяет эргоним *«как собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка»* [1, с. 166].

Эргонимы относятся к разряду периферийных онимов и функционируют в городском пространстве как собственные наименования коммерческих, производственных и культурно-досуговых объектов. В их число входят названия торговых точек, фабрик, заводов, спортивных комплексов, рынков, кинотеатров, предприятий общественного питания и др. Как подчеркивала основатель Майкопской ономастической школы профессор Р. Ю. Намитокова: *«...обращение к реальному употреблению языковых единиц в речи может проявляться и в выборе наименования. В том, как это наименование оформлено и представлено, проявляется языковая культура людей, причастных к открытию данного учреждения.»* [2, с. 187]. Это наблюдение расширяет взгляд на эргонимию, показывая, что она не сводится только к набору номинативных приёмов, а становится средой, где автор через свою языковую культуру транслирует картину мира и воздействует на того, кому эти названия адресованы. В полной мере это относится и к эргонимикону Краснодара, где языковой вкус современных предпринимателей выражается в активном использовании англоязычных заимствований, которые становятся инструментом не только маркетинга, но и способом формирования нового городского лексикона.

Актуальность статьи продиктована нарастающим объёмом заимствованной лексики и её компонентов, активно используемых при формировании современных эргонимов кубанской столицы. Этот процесс приводит к существенным изменениям в городском культурном ландшафте, превращая его в лингвистический феномен. Исконно русские онимы, которые служили маркером самоидентичности и определяли повседневный уклад горожан, уходят в историю, постепенно уступая место новым названиям.

Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ставший предметом широкого общественного внимания, дополнительно подтверждает важность изучения

данного ономастического процесса. Документ дополняет Закон РФ «О защите прав потребителей» статьей 10.1, часть 1 которой закрепляет: *«Информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей, должна быть выполнена на русском языке как государственном языке Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством субъектов Российской Федерации, может быть выполнена на государственных языках республик и (или) иных языках народов Российской Федерации»* [3, ст. 10.1, ч. 1]. При этом согласно части 4 той же статьи, *«положения настоящей статьи не применяются к фирменным наименованиям, товарным знакам и знакам обслуживания»* [3, ст. 10.1, ч. 4]. Таким образом, законодатель сознательно выводит сферу коммерческой номинации за рамки обязательного использования исключительно русского языка. Формально это исключает из области регулирования значительный пласт гибридных и транслитерированных наименований, широко представленных в городском пространстве. Однако именно это исключение делает их исследование особенно актуальным, так как массовая регистрация гибридных и иноязычных наименований в качестве товарных знаков — прямое доказательство их востребованности у номинаторов и адресатов. Освобождая товарные знаки из-под действия языковых норм, закон не отменяет, а лишь подтверждает сложившуюся языковую закономерность, которая требует научного описания. Так, парадоксальным образом регулирование вывесок актуализирует изучение современных номинативных процессов.

Материалом исследования послужили эргонимы Краснодара, собранные в 2025–2026 гг. методом сплошной выборки. В качестве источников использовались база данных 2ГИС (для официально зарегистрированных номинаций) и полевой метод (визуальная фиксация вывесок, отсутствующих в электронных картографических сервисах, но реально функционирующих в городской среде).

Эргонимы краснодарских коммерческих объектов содержат значительный объём социально-культурной информации, формируя у потребителей определённые ассоциации. Для достижения коммуникативного отклика авторы номинаций применяют разнообразные лингвистические тактики, среди которых особое место занимают методы языковой модификации. Как отмечает И. Н. Пономаренко, *«в современные городские имена собственные включены уже не только экзотизмы, но и компьютерные*

знаки, иноязычные графемы, их создание сопровождается многоаспектной трансформацией» [4, с. 85]. На материале Краснодар, собранном в ходе настоящего исследования, можно проследить, как эти процессы реализуются в конкретных номинациях. Исследование фиксирует устойчивую тенденцию: основой для новых коммерческих названий в Краснодаре всё чаще выступают английские заимствования. Среди англицизмов, регулярно воспроизводящихся в составе краснодарских эргонимов, выделяются следующие тематические группы лексем:

— номинации, обозначающие типы заведений и форматы обслуживания: *bar* (бар), *shop* (магазин), *market* (рынок), *cafe* (кафе), *house* (дом), *food* (еда);

— номинации, апеллирующие к целевой аудитории: *boy* (мальчик), *baby* (малыш), *kids* (дети), *master* (мастер), *barber* (парикмахер), *lady* (леди), *man* (мужчина), *queen* (королева), *she* (она);

— номинации, репрезентирующие абстрактные понятия и создающие эмоциональный фон: *love* (любовь), *live* (живой), *gold* (золото), *star* (звезда), *fitness* (фитнес), *city* (город), *games* (игры), *one* (один), *the* (определённый артикль).

Несмотря на высокую степень ассимиляции подобных англицизмов и отсутствие выраженного семантического конфликта между языками, их использование в эргонимии неизбежно сужает круг адресатов, оставляя за пределами смыслового восприятия ту часть потребителей, для которой английский язык является «чужим». В поле зрения исследования попадает также такая распространенная форма, используемая для номинаций краснодарских эргонимов, как передача русскоязычных наименований средствами латиницы. Следуя подходу Е. С. Самсоновой, целесообразно разграничивать понятия транслитерация и транслитерированные реверсивы [5, с. 36].

Под транслитерацией понимается побуквенная передача слова средствами другого алфавита. Транслитерированные реверсивы — это частный случай транслитерации. К ним относятся такие номинации, в которых исходное русское слово легко и однозначно восстанавливается носителем языка при обратном прочтении. К транслитерированным реверсивам в краснодарском эргонимиконе можно отнести: «*Sobranie*» (Собрание), «*Golovorez*» (Головорез), «*Resnichki 585*» (Реснички), «*Sovenok*» (Совёнок), «*Mindal*» (Миндаль), «*Napilim*» (Напилим), «*Teplo*» (Тепло), «*Borodach*» (Бородач), «*Usach*» (Усач), «*Egoistka*» (Эгоистка), «*Tradicii*» (Традиции), «*Zubr*»

(Зубр), «*Myata*» (Мята), «*Familia*» (Фамилия), «*Vetka*» (Ветка), «*Rolik-23*» (Ролик), «*Ruchka*» (Ручка), «*Grimarka*» (Гримёрка), «*Kinza 2.0*» (Кинза). В тех случаях, когда латинская графика затрудняет восстановление русской основы или вызывает множественные прочтения, мы имеем дело с транслитерацией без статуса реверсива. Например, краснодарский эргоним «*Coloboque*» при обратном прочтении может быть интерпретирован как «Колобок», однако сочетание *oqe* нестандартно для русской транслитерации и привносит несвойственный исходному слову английский графический оттенок. Эргоним «*Comod*» допускает два прочтения — «*комод*» (при чтении «с» как [k]) и «*сомод*» (при «с» как [s]), что также нарушает требование однозначности. Множественное прочтение можно увидеть и в таких городских эргонимах, как «*Namesti*» и «*dushevoi*». В первом случае эргоним может быть воспроизведен как «намести» или «на месте», что делает его семантически непрозрачным для носителя русского языка, а во втором случае написание «*dushevoi*» может быть интерпретировано и как «душевой», и как «душево́й», и даже вызывать отдалённые ассоциации с лексемой «душевный». Отсутствие единственно возможного восстановления не позволяет отнести данные эргонимы к реверсивам. В подобных примерах нерегулируемая передача русских наименований латиницей размывает их денотативное значение и создаёт межъязыковую путаницу. И транслитерированные реверсивы, и обычная транслитерация, не обладая собственным значением в английском языке, существуют лишь как графическая оболочка русского слова на латинице. Однако если транслитерированные реверсивы хотя бы прозрачно отсылают к исходной русской основе, то в случаях с бесконтрольной транслитерацией эргонимов, не являющихся реверсивами, латинский код превращается в семантически опустошённую последовательность знаков.

Как отмечают в своих работах Е. С. Самсонова [5, с. 35–36], В. А. Крыжановская [6, с. 76–77] и С. А. Питина [7, с. 60], одной из ведущих стратегий современного нейминга является гибридизация, а также входящая в нее графогибридизация. Развивая идеи Т. В. Поповой о гибридном характере новообразований в русском словообразовании [8, с. 42], эти исследователи применяют их к анализу городского эргонимикона. В Краснодаре такие процессы реализуются в основном через **лексическую гибридизацию**: соединение русских и английских лексем в составе одного наименования, где английский элемент выступает

в оригинальном написании и несёт прагматическую нагрузку. К числу таких номинаций относятся: «МясоLove», «The Кухня», «ГорPark», «The Печь», «SkyАвто», «Крошка mini», «СушиWok», «Grand шаурма», «Хумус grill», «Лаки Live», «Табак House», «New Бюро», «Шаверма Bar», «Краны Premium», «SuperКарандаш», «Шаурма Chilli», «Карануз Land», а также номинации с префиксоидом Pro: «Pro Хинкали», «Pro Люля», «ProОчки», «ProТалант», «Pro-табак». В структуре таких гибридных эргонимов русскоязычный компонент, как правило, выполняет идентифицирующую функцию, непосредственно указывая на профиль объекта («мясо», «кухня»). Иноязычный же элемент несёт прагматическую нагрузку. Он транслирует статус, современность, эмоциональную окраску. Таким образом, престижная и эмоциональная составляющие коммерческого наименования закрепляются за англицизмом, тогда как русская основа сводится к роли указателя на товар или услугу.

Отдельную категорию гибридизации в эргонимии образуют номинации, в которых русская лексема представлена не кириллицей, а транслитерацией (реверсивом). В этом случае обе части эргонима могут быть записаны латиницей, однако их языковая природа различна: одна часть восходит к русскому слову, а другая — к английскому. Примером такого гибрида в Краснодаре служит эргоним «Kistochki nails», где реверсив *Kistochki* (от рус. «кисточки») связывается с англицизмом *nails* (от англ. «ногти»). Аналогичный прием выявляется и в эргонимах «Strekoza-kids» и «Katalizator-group». Гибридизация с реверсивным компонентом в данных эргонимах ведёт к усложнению номинативных процессов: латинская графика выступает как универсальный код, объединяющий элементы разного языкового происхождения.

Еще одну разновидность гибридизации в краснодарских эргонимах образуют номинации, в которых функцию соединительного элемента выполняет иноязычный графический символ «&» (амперсанд), объединяющий русские или освоенные лексемы. В Краснодаре эта модель представлена эргонимами: «Суши&Имбирь», «Мясо&Рыба», «Лаванда&Трюфель», «Красное&Белое», «Декор&Плитка», «Патрик&Мари», «Шипы&Розы», «Массаж&Спа», «Мясник&Zina», «Сели&Поели», «Овощи&Фрукты».

В составе краснодарского эргонимикона выявлена также гибридизация, основанная на соединении русского слова, записанного латиницей, с русским словом в кириллице. Эта модель

представлена номинацией «*Rodina южной кухни*», где транслитерированное *Rodina* сочетается с кириллической частью «южной кухни». Таким образом, во всех рассмотренных гибридных эргонимах прослеживается устойчивая тенденция: русский язык выполняет преимущественно информационную функцию, тогда как эмоционально-экспрессивная нагрузка закрепляется за англицизмами. Это приводит к вытеснению названий, в которых культурная самобытность выражается средствами родного языка.

Для придания современного звучания и приближения к западным трендам в некоторых эргонимах Краснодара наблюдается феномен графической гибридации. Как отмечает Т. В. Попова, подобные единицы квалифицируются как новообразования, где «*легко соседствуют элементы, оформленные с помощью графических средств разных языков*» [8, с. 42]. Данный приём заключается в замене одной-двух кириллических графем на визуально схожие латинские буквы (или наоборот). Примеры краснодарских эргонимов в этом ключе: «*Вместе Мы сила*», «*Zaryad*», «*Вектор*», «*Паровоз*», «*Matrëshka*», «*MaCar*», «*Небеса туть*», «*Зажигалка*». Подобная форма записи вызывает когнитивный диссонанс, моделируя межкультурный диалог и одновременно размывая графические системы обоих языков.

Наиболее ярко принцип графической гибридации как инструмента языковой игры раскрывается в тех случаях, когда замена графемы сопровождается семантической контаминацией, которая вызывает коммуникативный отклик адресата. Особого внимания заслуживает эргоним «*StoLovая Ци-Борици*». Замена кириллических «л» и «в» на латинские «L» и «v» превращает слово «*столовая*» в графический гибрид, который прочитывается сразу в двух аспектах: нейтральном (обозначение заведения) и эмоциональном (отсылка к английскому *love*). Так рождаются имплицитные смыслы («место, где любят», «любимое место»). Встроенный англицизм считывается лишь при условии графической и семантической прозрачности. Латинская графема должна быть узнаваема, а актуализируемое ею значение — доступно и понятно массовому адресату. В противном случае ожидаемый коммуникативный отклик может не возникнуть.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что эргонимическое пространство Краснодара является репрезентативной моделью общероссийских тенденций в сфере коммерческой номинации. Англоязычные заимствования, транслитерация

и графическая гибридизация составляют сегодня один из основных инструментов, которые используются при создании краснодарских эргонимов. Русский язык в этой системе всё чаще уступает англицизмам и латинской графике, которые выполняют роль носителей престижа, современности и эмоциональной выразительности.

Законодательное регулирование вывесок, вводящее приоритет русского языка, но сохраняющее исключения для товарных знаков, не отменяет, а **упорядочивает** сложившуюся тенденцию. Массовая регистрация гибридных и иноязычных наименований в качестве товарных знаков — убедительное свидетельство их востребованности и одновременно дополнительный аргумент в пользу необходимости их системного научного описания.

Как отмечают И. Н. Пономаренко и З. К. Беданоква, *«язык вывески современного города — мощный канал, через который идет массированное вторжение слов и понятий, стоящих за ними, в лексикон современной языковой личности, своеобразно влияя на общественное сознание»* [9, с. 80]. Тем самым эргонимия Краснодара фиксирует точку напряжения между современными тенденциями и сохранением культурной идентичности. Системное изучение динамики городского номинативного пространства необходимо для выработки рекомендаций, которые позволят сохранить культурную самобытность региона в условиях глобализации. Эргонимикон города — это не только отражение актуальных языковых тенденций, но и хранитель культурного кода горожан, в котором запечатлены история, традиции и ценностные ориентиры местного населения. Англоязычные заимствования, внедряясь в эту систему, способны не только обогащать, но и трансформировать, а в ряде случаев и вытеснять исконные культурные смыслы. Дальнейшее изучение региональной эргонимии, опирающееся на расширение эмпирической базы и более детальный анализ функциональной нагрузки отдельных типов гибридизации, должно учитывать не только лингвистические, но и культурно-исторические аспекты городской номинации. Только комплексный подход позволит сохранить баланс между актуальными номинативными тенденциями и культурной самобытностью.

Примечания

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. Москва : Наука, 1978. 198 с.

2. Намитокова Р. Ю., Гриценко Н. И., Нефляшева И. А. Язык современного города (презентация программы социодialeктологической практики студентов 2 курса: специализация : филологическое обеспечение журналистики и документоведения) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. : Филология и искусствоведение. 2006. Вып. 1. С. 185–188.

3. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 168-ФЗ: [принят Государственной Думой 17 июня 2025 года : одобрен Советом Федерации 18 июня 2025 года] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240035> (дата обращения: 17.02.2026).

4. Пономаренко И. Н. Эргонимикон Краснодара : от номинации к коммуникации // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 82–92. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(1).82-92.

5. Самсонова Е. С. Стратификация графика-фонетических иноязычных средств в эргонимии (на материале номинаций г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 34–37.

6. Крыжановская В. А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Краснодар, 2017. 241 с.

7. Питина С. А. Гибридизация в эргонимии (на материале названий кафе и ресторанов) / С. А. Питина // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 1 (411). С. 60–64.

8. Попова Т. В. Новые явления в русском словообразовании конца XX — начала XXI веков // Филологический класс. 2004. № 12. С. 42–47. EDN PEYWSB.

9. Пономаренко И. Н., Беданоква З. К. К вопросу о семантике имен собственного // Вестник Адыгейского государственного университета. 2018. Вып. 4 (227). С. 76–82.

Медведева Марина Сергеевна

`med8744@yandex.ru`

Ростовский юридический институт

Министерства внутренних дел Российской Федерации

ОШИБКИ И НЕУДАЧНЫЕ ПРИМЕРЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ

Аннотация. Данная статья посвящена основным ошибкам и неудачным примерам при переводе имен собственных. Актуальность статьи обусловлена тем, что в условиях интенсификации межкультурных отношений растёт спрос на специалистов, качественно владеющих иностранными языками. С появлением такой науки, как ономастика, стал

в значительной мере проявляться интерес к изучению имён собственных и их переводу. Среди множества имён собственных наибольшую трудность для переводчика представляют аллюзивные имена, в которых зашифрован некий смысл, понятный представителям той культуры, в которой они создаются.

Ключевые слова: имя собственное, перевод, прозвище, транскрипция, транслитерация.

Medvedeva M. S.

The Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation

MISTAKES AND FLAWED EXAMPLES IN THE TRANSLATION OF PROPER NAMES

Abstract. This article is devoted to the main mistakes and flawed examples of translation of proper names. The topicality of this article is stipulated by the fact that in the conditions of intensification of intercultural relations there is a growing demand for specialists with high quality knowledge of foreign languages. With the appearance of such science as onomastic, the interest in the study of proper names and their translation began to appear to a great extent. Among the variety of proper names the most difficult for the translator are allusive names, which encrypted a certain meaning understandable to the representatives of the culture in which they are created.

Keywords: proper name, translation, nickname, transcription, transliteration.

Прозвища и имена собственные являются неотъемлемой частью словарного состава любого языка: они отражают культуру страны, к которой принадлежат, и заключают в себе определенный смысл. Случается, что в результате перевода имена собственные, свойственные одной культуре, становятся абсолютно неузнаваемыми в другой [1, с. 35].

Задачей переводчика является не просто перевести имя собственное с одного языка на другой, а донести до реципиента весь смысл, который это имя в себе заключает. Особую сложность представляют те случаи, когда переводчик имеет дело не с простыми именами собственными и прозвищами, а с аллюзивными.

Перевод имён собственных является очень важным аспектом в работе переводчика. Многие считают, что нет ничего проще перевода имён собственных, но на самом деле это весьма сложная задача, а результат довольно часто оказывается спорным и порой может привести к судебным искам. Известно

множество неудачных примеров перевода имён собственных; мы рассмотрим некоторые из них [2, с. 77].

Хотя имя собственное должно служить идентификатором предмета / человека в любой ситуации и в любом языковом коллективе, в подавляющем большинстве случаев оно обладает национально-языковой принадлежностью, которую необходимо принимать во внимание в процессе перевода, но это происходит не всегда. Например, во время спортивных соревнований, где перечисляются имена спортсменов из разных стран, китайские имена, порой, переводятся следующим образом: *Lin Tang* — *Лин Танг*, вместо правильного варианта *Линь Тан*; *Chen Jian* — *Чен Джуан*, вместо правильного варианта *Чжэнь Цзянь*.

Как-то в эфире «Эха Москвы» прозвучала фраза «*Римский отец Жан-Поль номер два...*», — начал ведущий и запнулся. Таким образом переводчик попытался перевести имя *Pope John Paul II*, не зная или позабыв о том, что по-русски его принято называть *papa римский Иоанн Павел Второй*.

Стоит отметить, что существует множество исторически сложившихся ошибок, которые уже стали нормой из-за невозможности их исправить, так как они являются частью языка и истории [3, с. 144]. К таковым относятся:

1. Название американского штата *Texas* — *Texas*, который следовало бы перевести транскрипцией (*Тэксес*), либо транслитерацией (*Тексас*), но это невозможно, ведь уже существует исторически сложившаяся форма перевода.

2. Названия корейских и японских корпораций: *Toshiba* — *Тошиба* (правильный вариант с точки зрения транскрипции — *Тосиба*), *Hitachi* — *Хитачи* (правильный вариант с точки зрения транскрипции — *Хитатуми*), *Samsung* — *Самсунг*, в то время как правильным вариантом с точки зрения транскрипции является *Самсон*.

Ошибки в переводе имён собственных встречаются также и в рекламе. Например, известная компания *General Motors* потерпела фиаско, когда пыталась вывести свой автомобиль *Chevrolet Nova* на рынки Латинской Америки. Производители и не задумались о том, что название *Nova* созвучно с испанским «*No va*», что в переводе означает «*не движется*».

Очень интересными с точки зрения перевода являются имена собственные и прозвища, встречающиеся в компьютерных играх. Так, например, в вымышленной вселенной *Warcraft* проживают люди, орки, эльфы, драконы, дренеи, и прочие существа, обладающие необычными именами:

1. *Sylvanas Windrunner* — a member of the prominent Windrunner family of the high elves. В русскоязычной версии игры данное имя переведено следующим образом — *Сильвана Ветрокрылая*, но ведь runner переводится как «бегун», и, создавая данное имя, автор не зря связал его со словом «бегать». На наш взгляд, в данном случае наиболее уместным было бы перевести его как «*Сильвана Бегущая по Ветру*»; таким образом, имя эльфийки было бы намного ближе ассоциативно к оригиналу, предложенному автором.

2. *Teron Gorefiend* — the first of the necromantic terrors known as death knights. Русскоязычный аналог данного имени далёк от оригинала — Терон Кровожад, и посредством подобного перевода не совсем раскрывается весь смысл, который хотел передать создатель этого персонажа, ведь *fiend* переводится как «*дьявол, демон, злодей*». Именно поэтому более приближенным к оригиналу был бы вариант перевода «*Терон Демон Крови*».

3. *Finnall Goldensword* — the daughter of the high elf Kilnar Goldensword of Dalaran and an unknown human. В процессе перевода имени этой эльфийки переводчики решили прибегнуть к приёмам транскрипции и транслитерации: *Финнал Голденсворд*. С помощью подобного перевода на русский язык имя девушки звучит довольно мужеподобно, ведь в русском языке женские имена, как правило, заканчиваются на гласные буквы. Более того, переводчики не передали значения ни слову *golden*, ни слову *sword*. В данном случае более благозвучным и подходящим именем для перевода на русский язык было бы *Финнала Золотой Меч*.

Подводя итоги, стоит отметить, что от правильного перевода имен собственных зависит, возникнут ли у реципиента межкультурные пробелы или нет. Адекватное понимание текстов, в которых содержатся имена собственные, свидетельствует о полном или частичном совпадении фоновых знаний отправителя и реципиента сообщения. Если же имя собственное остаётся не до конца раскрытым получателем, это может свидетельствовать об узкоспециализированной направленности данного имени и о том, что данный текст предназначен для ограниченной аудитории.

В свою очередь, прозвищами являются неофициальные экспрессивно-образные и эмоционально-оценочные имена, которые употребляются в дополнение к антропониму либо вместо него. Одни прозвища называют какую-то определенную

особенность, черту внешности или характера человека, другие же могут быть никоим образом не связаны с этим и допускать различные толкования.

Примечания

1. Андреева Л. Н. Лингвистическая природа и стилистические функции «значащих» имен (антономасии) : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1965. 194 с.

2. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. Заимствование и передача имён собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. Москва : Р. Валент, 2001. 133 с.

3. Медведева М. С. Имплицитность при переводе онимов // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д. Л. Проказина. Барнаул, 2022. С. 143–144.

Мозговой Владимир Иванович

mowi48@mail.ru

Донецкий государственный университет

ОНИМОСФЕРА КАК ОБЪЕКТ ОНОМАСТИКИ. СПЕЦИФИКА РУССКОЙ ГРАФИКИ

Аннотация. Главная проблема современной ономастики состоит в абстрактности ее предмета, который считают своим историки и географы, лингвисты и литературоведы, органы государственного управления и политики. Последние исторически сложившиеся формы именования, связанные с сохранением власти собственника и судьбы собственности, подменяют политической целесообразностью. Понятие «ономастика и норма» становится проблематичным. Принципиально изменить акценты в ономастике может формирование нового понимания ее объекта, связанного с онимосферой. Главным смыслом для нее является не имя собственное как один из разрядов имен существительных, а система восприятий онимного денотата, который может иметь разные формы своей референтной оценки, но не допускающих разрушения правового, художественного и речевого осмысления онимного пространства. Соответственно, в ономастике взамен топонимики, гидронимики, антропонимики и т.п. целесообразно выделить три самостоятельных раздела, связанных с поэтонимологией, коннотонимией и проприноменологией.

Обобщающую роль среди них приобретает проприноменология, изучающая способы и нормы графической передачи разных разрядов онимной лексики в разных проприальных культурах на основе устоявшихся в социуме принципов права, закрепляющих социальную, художественную

и культурно-историческую ценность любого имени собственного. В данном случае речь будет идти об онимной лексике, функционирующей в русском языке, обладающем уникальным разнообразием передачи смысла при помощи варьирования ударения; многозначности прописной буквы, букв «е» — «э», «е» — «йе», «и» — «ы» — «йи», «ё» — «йо» — «ьо», «я» — «йя»; своеобразия кавычек, мягкого, твердого знаков, апострофа и аббревиатур.

Ключевые слова: онимосфера, проприноменология, поэтонимология, коннотонимия, русская графика.

Mozgovoy V. I.

Donetsk State University (Donetsk, DPR)

ONIMOSPHERE AS AN OBJECT OF ONOMASTICS. SPECIFICITY OF RUSSIAN GRAPHICS

Abstract. The main problem of modern onomastics is the abstract nature of its subject, which is considered by historians and geographers, linguists and literary scholars, as well as government agencies and politicians. The latter substitutes the historically established form of naming, associated with the preservation of the owner's power and the fate of property, with political expediency. The concept of "onomastics and norm" becomes problematic. The formation of a new understanding of its object, related to the onymosphere, can fundamentally change the emphasis in onomastics. The main meaning for it is not a proper name as one of the categories of nouns, but a system of perceptions of the onymous denotate, which can have different forms of its referential assessment, but does not allow for the destruction of the legal, artistic, and speech comprehension of the onymous space. Accordingly, in onomastics, instead of toponymy, hydronymy, anthroponymy, etc., it is advisable to distinguish three independent sections related to poetonymy, connotonymy and proprinomenology.

Proprinomenology acquires a generalizing role among them, studying the methods and norms of graphic transmission of different categories of onymic vocabulary in different proper cultures on the basis of established social principles of law that enshrine the social, artistic and cultural-historical value of any proper name. In this case, we will discuss the onymic vocabulary functioning in the Russian language, which has a unique diversity of meaning transmission through stress variations; the polysemy of the capital letter, the letters "е" — "э", "е" — "йе", "и" — "ы" — "йи", "ё" — "йо" — "ьо", "я" — "йя"; the unique features of quotation marks, soft and hard signs, apostrophes, and abbreviations.

Keywords: onimosfera, proprinomenology, poetonymology, connotonymy, Russian graphics.

Об ономастике как науке в современном ее понимании можно говорить со второй половины XX века, когда она, обособившись как отдельный раздел в языкознании, сформировала

научные школы, утвердила понятийный аппарат и закрепи-лась институционально. Это, однако, не означает, что до этого никто не был знаком с онимной лексикой. Она стала употре-бляться уже с начальной социализацией человека, стремяще-гося утвердить свое право на принадлежащую ему собствен-ность. Не случайно слово *оним* (от греч. *ὄνυμα* — «имя, назва-ние») было связано со значением «имеющий власть», «узакон-ненный», «имеющий право», «могущественный», «главный», «важнейший», а понятие *ономастика* (от др.-греч. *ὀνομαστική, onomastiké*) ассоциировалось с «искусством давать имена».

В этом древнем понимании онимных процессов содержа-лось скрытое предупреждение для современного поколения о проблемности целей у разных социальных групп:

1) семейных институтов, которые стремятся сберечь свое право на имя;

2) административных структур, закрепляющих в именах политику правящего класса;

3) научно-образовательных учреждений, владеющих «ис-кусством давать имена», но добровольно ограничивших себя «искусством нейтрального описания», чтобы не затронуть элиту, диктующую нормы функционирования СИ.

Это предупреждение приобрело неожиданную реальность на постсоветском пространстве, где СИ стало ассоциироваться с властью, а номинативный процесс, связанный с культурой именования, превратился в «культуру подчинения» бюрократии. Чего стоят, например, принципиальные трансформации одного наименования в течение сравнительно короткого промежутка времени: *Донецкий государственный университет* (форма собственности) > *Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»* (выдвинут «националь-ный» учредитель) > *Державний вищий навчальний заклад «Донецький національний університет імені Василя Стуса»* (противопоставление «русского вуза» в Донецке «украинско-му» в Виннице) > *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донец-кий национальный университет»* > *Федеральное государ-ственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»*.

Ономастике все сложнее оценивать непредсказуемое появ-ление объектов, объединенных в постоянно увеличивающееся количество новых разрядов СИ: *алконимов, антропонимов,*

ойконимов, пелагонимов, табаконимов, топонимов, фитонимов, хрононимов, эргонимов, этнонимов и т.д., и т.п.

Между тем для большинства потребителей «онимной продукции» важны не денотаты (*город Москва, река Москва, гастроном «Москва», конфеты «Москва», микрорайон «Град Московский»*), а их восприятие, отраженное в огромном количестве референтных оценок (*Василий Иванович Чапаев, милый Вася, кот Васька, сыночек Васютка* и др.).

Определение СИ в качестве объекта ономастики все чаще ставит перед учеными проблему объективности установленных неизвестно кем норм, которые они должны выполнять, но не могут принять и понять. Настало время изменить объект, связанный с огромным количеством вновь и вновь появляющихся СИ, на общую для них *онимосферу*, под которой следует понимать восприятие человеком предметов и явлений сотворенной, освоенной, осмысленной и присвоенной им *ноосферы* (термин В. И. Вернадского, см. [1]).

При таком подходе классы собственных имен сокращаются до трех:

1. *Коннотонимы*, учение о которых разработал Е. С. Отин и которое стало основой для *коннотонимии*, опирающейся на речевое осмысление онимных единиц [2];

2. *Поэтонимы*, ставшие основой теории В. М. Калинкина о *поэтонимологии*, опирающейся на художественное восприятие онимных единиц, представляющих непреходящую культурную ценность [3; 4];

3. *Пропринимы*, связанные с теорией *пропринименологии*, объединившей все направления ономастики идеей официальной нормативности, способной закрепить социальную, историческую и художественную ценность номинаций в национальном языке и праве [5].

Заявленная как ведущая для СИ роль графических норм иллюстрируется в рамках этой статьи фактами экспертизы проблемных употреблений:

1. Роль прописной буквы в установлении статуса СИ

В ономастике выделяется два главных подхода к статусу СИ.

Традиционная ономастика определяет СИ как «...слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [6, с. 473].

В пропринименологии СИ не слово и не имя существительное, а «...многокомпонентный лексикографический знак,

выделяющий единично-уникальные предметы и явления созданного, осмысленного, освоенного и присвоенного человеком мира» [7, с. 116], что предполагает новый взгляд на структуру онаима, в которую входят:

- а) осознанный номинатором *объект*;
- б) явный или домысленный *денотат*;
- в) зафиксированный прописной буквой *референт*, указывающий на единичную уникальность объекта.

Общим в этих подходах является утверждение, что смысл СИ — выделение единично-уникальных объектов из ряда подобных. В русской графике это напрямую связано с прописной буквой, которая, в отличие от заглавной, указывает на единичную уникальность собственника имени:

— в словосочетании *профессор Виктор Михайлович Ша-клеин* денотат (*профессор* — имя нарицательное, которое записывается строчными буквами, а референт (*Виктор Михайлович Шаклеин*) выделяется написанием каждого слова с прописной буквы;

— словосочетание *Луганская Народная Республика* связано с одним референтным значением, поэтому все слова пишутся с прописной буквы;

— *Президент Российской Федерации* — один, поэтому все слова являются референтом СИ и пишутся с прописной буквы, но *президентов компаний* много, поэтому они считаются нарицательными именами;

— *Министерство образования и науки* (факт единичности зафиксирован прописной буквой), но *министр образования* (как и *министр финансов, министр угольной промышленности* и т.д.);

— *генерал Антонов* (генералов много, *Антонов* — один), но *улица Генерала Антонова* (речь идет уже не о генерале, а улице, в названии которой два слова, поэтому все они выделяются как СИ).

— *Чистые пруды* — каскад водоемов в Москве, но «*Чистые Пруды*» — парк и т.п.

Итак, в отличие от европейских языков, где прописная буква выделяет существительные, в русском языке она выполняет правовую функцию, что предполагает знание норм ее графической презентации:

А. Двухкомпонентное название, отвечающие на один вопрос, пишется через дефис и выделяется прописной буквой (*гостиница* какая? — *Донбасс-палас*), а не *гостиница* «*Донбасс*

Палас» (тогда слово *Донбасс* отвечает на вопрос *что?*, а слово *Палас* — на вопрос *какой?*).

Б. В двойных СИ склоняются обе части: *Донецкий государственный университет экономики и торговли имени Тугана-Барановского* (как и *Мусина-Пушкина*, *Голенищева-Кутузова*, *Белгорода-Днестровского* и т. п.), а не закрепленная официально форма *Туган-Барановского*.

2. Определение онимной метафоричности и роль кавычек

Кавычки — востребованный, но наиболее «опасный» для судеб проприетивных знаков, поскольку он использует ассоциативные коннотации, не всегда осознанные номинатором. Реальность именуемого объекта может теряться в этом случае в псевдособственных именах:

А. Коннотативных, которые оцениваются субъективно:

- Грузовые автоперевозки «*Ез Дун*» (Крым);
- закусочная «*Von Appetit*» (г. Донецк);
- мороженое «*Лю-Блю*».

Б. Названиях, имеющих лексическое значение, которые не могут считаться СИ: кафедра теоретической механики (а не *Кафедра «Теоретической механики»*); факультет *техносферной безопасности* (а не *Факультет «Техносферная безопасность»*) и т.п.

В. Ложных номинациях, которые не являются правовыми:

1) если реальное СИ подвергается деонимизации: *Донецкий государственный университет* ≠ *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»*;

2) если в структуре названия появляются несколько денотатов: *Государственное профессиональное образовательное учреждение «Докучаевский техникум» Государственной организации высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Тугана-Барановского»* (рекомендуемый вариант: *Докучаевский техникум Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Тугана-Барановского*).

3. Установление норм для синонимичных онимных конструкций

А. Коннотативные СИ, утратившие смысл или родовую принадлежность, не склоняются: *Южный автовокзал*, на *Южном автовокзале* (П. п. передает информацию о направлении

движения автобусов), но автовокзал «Южный» — на автовокзале «Южный» (И.п. и кавычки указывают на то, что первичная информация о направлении движения автобусов утрачена); Орлу Ивану (м.р. + м.р), но Орел Наталье (м.р. + ж.р.); от города Тореза (м.р. + м.р.), но от станции Торез (ж.р. + м.р.); на реке Москве (ж.р. + ж.р.), но в городе Москва (м.р. + ж.р.) и т.п.

4. Установление норм онимной мемориализации

Мемориализация улиц, площадей, памятников, имеющих региональную, государственную или мировую известность, должна закрепляться законом о невозможности переименований и спецификой грамматических форм передачи их правового смысла:

а) с помощью исключительно родительного или дательного падежа и несклоняемости (*по бульвару кого? Шахтостроителей; к памятнику кому? Погибшим шахтерам; площадь, от площади какой? Конституции*);

б) ситуативного перевода на все языки, например:

— *бульвар Шахтостроителей* — укр. *бульвар Шахтобудівельників*;

— *памятник Погибшим шахтерам* — укр. *пам'ятник Загиблим шахтарям*.

Таким образом, в современном онимном пространстве под предлогом уточнения «правовой» информации об СИ происходит эскалация их графического обезличивания (см. об этом: [8]).

Попытка внедрения оригинальной нормативности при употреблении букв и буквосочетаний «е», «э», «ё», «йе», «йо», «йя» «ьо» не учитывает их смысл, базирующийся в кириллическом письме на противопоставлении «свой — чужой»:

а) буква «е» — «родная», а «э» — оборотное», т.е. ее зеркальное отражение, используемое для фиксации нетипичного для русского языка произношения «э» в начале слова и после гласного (*Элизабет, Ноэль, Хемингуэй, Элеонора*); при этом в других случаях используется «е», если речь идет об освоенных русским языком реалиях (*центр, карате, Белла*), а «э», если она фиксирует реалии, которых в русской культуре нет (*пэр, сэр*);

б) буква «ё» хоть с умлаутом («ё»), хоть без него («е») употребляется всегда в ударном положении, передавая звучание то «ьо» *тёплый*, то «йо» *подъём*, поэтому борьба за «чистоту нормы» (только «ё́» или только «е́») не имеет смысла:

русский человек оперирует звучанием, а не буквами — они для него в любой якобы нормативной ситуации абстракция;

в) буквосочетание «ьо» употребляется в СИ романского происхождения (*Мальорка, Большой Каньон*), а буквосочетания «йо», «йе» «йи», «йя» — германского, греческого, чешского или украинского (*Гейер, Йиглава, Йоргольський, Майя, Їжакевич*) и т.п.

Тотальное непонимание графических принципов формирования норм в ономастике увеличивает риск ошибок и требует определенной переориентации ономастики с описательной на учебно-образовательную, контролирующую, экспертную и предписывающую (см.: [9; 10]).

Примечания

1. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. Москва : Наука, 1991. 271 с.

2. Отин Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 55–72.

3. Калинин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология: 1 // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Филологические науки и культурология. 2016. Т. 2, № 4 (8). С. 18–27.

4. Калинин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология: 2 // Неофилология. Сер.: Филологические науки и культурология. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2017. Т. 3, № 1 (9). С. 10–17.

5. Мозговой В. И. Социально-правовой статус имени собственного : дис. ... д-ра филол. наук. : 10.02.01, 10.02.19. Донецк, 2021. 430 с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва : Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

7. Мозговой В. И. Соответствие денотата и референта объекту номинации как условие гармоничности социальных отношений // Донецкие чтения 2024 : образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Междунар. науч. конф., Донецк, 15–17 октября 2024 г. Т. 4: Филологические науки. Ч. 1 / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк : ДонГУ, 2024. С. 115–118.

8. Мозговой В. И. Скрытая номинация и кризис в ономастике // Ономастика Поволжья : материалы XXII Междунар. науч. конф., Саратов, 26–29 октября 2024 г. / ред. кол.: Н. И. Данилина, В. И. Супрун. Саратов : Саратов. гос. мед. ун-т. Саратов, 2024. С. 50–56.

9. Мозговой В. И. Прозрачность номинаций как стартовый критерий экспертизы государственно-правовых актов // Подготовка экспертов гуманитарных специальностей в современных реалиях : сб. науч. работ по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Москва, 17–18 октября 2024 года / ред. кол.: С. В. Ионова, П. О. Катышев, И. В. Огорелков. Москва : Государственный институт русского языка, 2025. С. 246–257.

10. Мозговой В. И. Специфика лингвистической экспертизы онимной лексики в условиях цифровизации // Актуальные вопросы лингво-экспертной деятельности. Из опыта работы ГЛЭДИС : коллективная монография / Г. Н. Трофимова, М. В. Батюшкина, М. А. Венгранович [и др.] ; Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. Москва : РУДН, 2025. С. 83–115.

Москвин Павел Михайлович

pavelmoskvn@yandex.ru

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ ОТОНИМНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Процесс формирования негативной оценочности в современных интернет-СМИ неразрывно связан с личными именами. Авторы медиатекстов выражают собственную позицию за счет трансформации разнообразных номинаций, вследствие чего имена приобретают отрицательную оценку, которая становится средством воздействия на аудиторию. Целью данной статьи является анализ средств формирования негативной оценочности в новообразованиях от личных имен. Объектом исследования являются новообразования, выражающие негативную оценку, в текстах публикаций новостных Telegram-каналов за период с 01.07.2025 по 31.01.2026.

Ключевые слова: интернет-СМИ, медийный дискурс, имя собственное, негативная оценочность, словообразование.

Moskvin P. M.

National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod

NEGATIVE EVALUATION OF AUTONOMOUS NEOPLASMS IN MEDIA DISCOURSE

Abstract. The process of forming a negative assessment in modern Internet media is inextricably linked with personal names. The authors of media texts express their own position through the transformation of various nominations, as a result of which the names acquire a negative assessment, which becomes a means of influencing the audience. The purpose of this article is to analyze the means of forming a negative assessment of neoplasms from personal names. The object of the study is new formations that express a negative assessment in the texts of publications of Telegram news channels for the period 01.07.2025 — 31.01.2026.

Keywords: Internet media, political discourse, proper name, negative evaluation, word formation.

Начало XXI века характеризуется «динамичным развитием традиционных СМИ — печати, радио, телевидения» [1, с. 9], а также появлением совершенно нового типа информационного пространства, связанным с технологическим прогрессом на рубеже XX и XXI столетий: интернет-СМИ. В процессе развития средств массовой информации наблюдается изменение их сущностных характеристик: снижение значимости информационной функции и повышение значимости функции воздействия. Ученые отмечают, что «в СМИ функция воздействия, убеждения начинает вытеснять остальные языковые функции, и средства массовой информации превращаются в средства массового воздействия» [2, с. 11]. Убеждение читателя в правильности авторской позиции становится основной целью СМИ, в особенности — частных, что объясняется наличием в них более сильной авторской позиции, а также отсутствием должной редактур.

Одной из форм воздействия в публицистическом тексте является оценочность. Как отмечают ученые, «в медиадискурсе преобладает негативная оценка в силу специфики функционирования современных средств массовой информации, ориентированных на критику и полемику и остро реагирующих на негативные тенденции в обществе» [3, с. 4]. Такая негативная оценочность может появляться при трансформации личных имен. В качестве материала данного исследования использовались 20 текстов публикаций четырех новостных Telegram-каналов за период 01.07.2025 — 31.01.2026. По способам образования выделенные отонимные новообразования можно дифференцировать на несколько групп.

Одну из групп образуют номинации *Геббельс-ТВ* и *АлкоДимон*, в которых личные и фамильные имена служат основой для создания сложных слов, одна из частей которых (реже — обе части) имеет негативную семантику и коннотацию. Так, в слове *АлкоДимон* усеченная основа *Алко-* указывает на конкретный недостаток лица: пристрастие к алкоголю. Вторая часть слова *-Димон* также имеет негативную коннотацию: сокращенная форма имени известного российского политика Дмитрия Медведева используется с целью снижения его социального статуса. Такое сложное слово, как *Геббельс-ТВ*, в отличие от предыдущего, не используется для называния

личностей, однако в его основе лежит фамильное имя. *Гельбельс-ТВ* — номинация, образованная путем сложения слов, может называть различные российские СМИ с целью указания на схожесть их пропагандистской деятельности с деятельностью одиозного немецкого политика времен Второй мировой войны.

Данные примеры наиболее ярко реализуют такой механизм воздействия, как приклеивание ярлыков, т.е. «использование слов негативной окраски с целью дискредитировать идеи, планы, личности, вызвать чувство предубеждения, страха, ненависти, не прибегая к объективной оценке или анализу» [4, с. 42]. Силу такого воздействия описывает Н. И. Клушина: «негативная номинация — это и есть публицистический ярлык, «конденсирующий» в себе отрицательный эмоциональный заряд, оказывающий мощное воздействие на восприятие читателя» [5, с. 63].

Новообразования в медиатекстах также создаются путем контаминации. Например, номинация *Чебурнет*, образованная путем сложения усеченных основ двух слов (начало слова *Чебурашка* и финаль слова *интернет*), представляет собой социальную оценку современных реалий. В основе лежит личное имя персонажа Э. Успенского. Непонятный статус Чебурашки («недозверь») подвиг авторов текста на оценку Рунета как неполноценного интернета.

Также частотны случаи создания новообразований по существующей словообразовательной модели с целью выражения негативной оценки: *Бобросян*, *Чертосян* — номинации российской журналистки, образованные по образцу фамилии *Симоньян*; *Помётых* — номинация российского журналиста, образованная по модели разговорного варианта отчества *Рудольфыч*. Негативный эффект в данных примерах создается за счет производящих лексем с оттенком неодобрения: *бобер*, *черт*, *помет*.

Негативная оценочность также может создаваться путем использования созвучных с фамильными именами и отчествами слов с отрицательной семантикой и коннотацией. В примере *Хлопков* *Гладков* используется такой прием языковой игры, как преднамеренное зачеркивание, т.е. «намеренное самоисправление, при котором автор одновременно высказывает две точки зрения и ранжирует их: одна как бы главнее, правильнее и лучше другой» [6, с. 63]. В данном случае *Гладков*

([Глаткóф]) — приемлемая для СМИ, стандартная номинация, *Хлопков* ([Хлaпкóф]) — ироничная номинация, цель использования которой заключается в высмеивании высокого уровня эвфемизации речи политиков, которые употребляют лексему *хлопок* вместо лексем *взрыв*, *выстрел*.

Для формирования негативной оценки может использоваться такой прием, как языковая игра, основанная на столкновении омоформ: *Над территорией Новгородской области сбиты восемь дронов*, *заявил врио главы региона Дронов* (изображение: два Человека-паука, указывающие пальцами друг на друга). В данном примере обыгрывается схожесть звучания лексемы *дронов* (мн. ч., род. п.) и лексемы *Дронов* (ед. ч., им. п.). Формальное сходство в звучании двух слов объясняется сопровождающим текст кадром из эпизода мультсериала «Человек-паук», на котором два Человека-паука указывают пальцами друг на друга. Согласно сюжету эпизода, один из героев — одетый в костюм Человека-паука актер, ворующий произведения искусства. Костюм Человека-паука — маска, символ справедливости и безопасности, за которой прячется преступник, похититель произведений искусства. В примере с омоформами *дронов* и *Дронов* фамилия политика представляется как та самая маска, за которой стоит некое зло. Цель указания на схожесть в звучании фамилии политика и одной из современных реалий заключается в высмеивании маски политика, имитирующей эффект безопасности.

Языковая игра, основанная на перестановке букв, также может быть способом создания негативной оценочности. Так, в новообразовании *Микола Баксов* происходит замена русского варианта личного имени *Николай* украинским и перестановка букв *к* и *с* в фамилии *Басков*. Производящим словом для новой номинации *Баксов* является жаргонное слово *баксы* в значении «доллары США» [7, с. 55]. Целью использования такой номинации, появившейся после одного из выступлений певца на Украине, на территории которой с 2022 года проводится Специальная военная операция, является желание высмеять продажность артистов российской эстрады и указать на отсутствие у них ценностных ориентиров, соотносимых со временем и политической обстановкой в стране.

Подводя итог, следует отметить, что процесс формирования негативной оценочности в современных интернет-СМИ неразрывно связан с личными именами. Авторы текстов выражают собственную позицию за счет таких способов трансформации

разнообразных номинаций, как создание сложных слов на базе личных и фамильных имен (*Геббельс-ТВ, АлкоДимон*), контаминация личных имен с другими лексемами (*Чебурнет*), создание номинативных новообразований по существующей словообразовательной модели (*Бобросян, Чертосян, Помётых*), перестановка букв в именах (*Микола Баксов*), а также использование омоформ (*дронов — Дронов*) и созвучных с фамильными именами слов с отрицательной семантикой и коннотацией (*Жлопков Гладков*). Вследствие этого личные и фамильные имена приобретают отрицательную оценку, появление которой вполне закономерно и обусловлено высоким уровнем дискуссионности и критичности СМИ. Субъективная оценка в новых номинациях становится средством воздействия на аудиторию, внушения отрицательной точки зрения и убеждения в ее правдивости.

Примечания

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ : современная английская медиаречь : учеб. пособие. Москва : Флинта, 2014. 264 с.

2. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. Москва : Флинта, 2009. 296 с.

3. Куликова В. А. Словообразовательные средства выражения негативной оценки (на материале новообразований в заголовках электронных СМИ XXI в.) : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2020. 278 с.

4. Булгакова Н. Е. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 42–47.

5. Клушина Н. И. Стратегия именования в воздействующей речи // Вестник МГУ. Сер. 10: Журналистика. 2006. № 5. С. 49–65.

6. Пиперски А. Ч., Сомин А. А. Преднамеренное зачеркивание в интернете и его аналоги в различных коммуникативных средах // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2014. № 3. С. 63–69.

7. Большой толковый словарь русского языка. / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. 1536 с.

Мутаева Светлана Рамазановна

laura180288@yandex.ru

Дагестанский научно-исследовательский институт
педагогики им. А. А. Тахо-Годи

ЗООТОПОНИМЫ ЛАКСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена анализу зоотопонимов лакского языка. Подвергаются структурно-семантическому анализу зоотопонимы, мотивированные названиями диких и домашних животных, птиц, грызунов, пресмыкающихся и насекомых.

Ключевые слова: топонимика, топонимическая система, зоотопонимы, топономинация, микротопонимы.

Mutaeva S. R.

Dagestan Scientific Research Institute of Pedagogy
named after A. A. Takho-Godi

ZOETOPONYMS OF THE LAK LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the analysis of zoetoponyms of the Lak language. Zoetoponyms motivated by the names of wild and domestic animals and birds, rodents, reptiles, and insects are subjected to structural and semantic analysis.

Keywords: toponymy, toponymic system, zoetoponyms, toponomination, microtoponyms.

Топонимическая лексика является одним из древних и стабильных пластов лексики в языке, поэтому ее исследование всегда актуально. Актуальность изучения такой лексики связана ещё и с тем, что из-за урбанизации населения данные названия выходят из употребления и безвозвратно уходят из языка.

В. А. Никонов отмечает: «Каждое географическое название — история, выраженная средствами языка» [1, с. 26]. Пласт топонимов, отражающих природные явления — один из самых распространенных на Земле. Среди данной категории наиболее значительными являются топонимы, отражающие рельеф (оронимические), воды (гидронимические), растительность (фитотопонимы) и животный мир (зоотопонимы).

Зоотопоним — географическое название, образованное от названия животного. «При семантической классификации топонимов, отражающих природные особенности местности,

учитывают также зоотопонимы, дающие информацию о животном мире конкретного региона. Такие топонимации достаточно информативны, поскольку они дают возможность получить дополнительные сведения об ареале распространения и обитания диких животных в прошлом, а также о роли животноводства в хозяйстве конкретного региона» [2].

Рассматривая зоотопонимы, лингвисты выделяют три подхода в определении сущности зоотопонимов. В первую очередь, зоотопонимы, по мнению ученых, включают региональные особенности фауны.

М. Г. Цинкобурова считает, что зоотопонимы — топонимы, дающие информацию о животном мире конкретного региона [3, с. 63]; А. М. Сазыкин и А. А. Глушко определяют зоотопонимы как единицы, которые отражают своеобразие фауны территории [4, с. 100].

С. Н. Басик придерживается точки зрения о том, что зоотопонимы содержат сведения, отражающие распространение в данной местности различных видов животных в прошлом [5, с. 52].

Зоотопонимы лакского языка ранее не становились предметом исследования, в данной статье сделана первая попытка их анализа.

Материалом исследования послужили топонимические названия лакского языка, образованные от названий животных, собранные автором, а также отраженные в работе С. М. Хайдакова [6, с. 346–396].

Структурно-семантический анализ зоотопонимов лакского языка позволяет сделать вывод о том, что они состоят из перцептивного и апеллятивного элементов. При этом апеллятивным элементом, как правило, является имя существительное *ratl* «ручей», *баклу* «холм», *бархл* «хребет», *уртту* «трава», *сун* «солнечный склон», *гъан* «теневогой склон» и др., а перцептив включает в себя разнообразную семантику, мотив номинации, например: указание на внешнее сходство — *Ттуккул бурхлалиялу* «местность в форме спины осла», *Аьнакбачлиял* «место в форме куриной лапки», растительность — *Гъаттара урттуралу* «место пастбищ скота», назначение данных пастбищ — *Ятту битай рахл* «лощина, где содержат овец», *Бюрчурдибаклу* «холм телят», *Оьллаар* «коровья равнина» и др.

Зоотопонимы, мотивированные названиями диких животных и злых духов: *Бурицлil ratl* «ущелье волка» (с. Уллучара),

Бурклара хлалу «кабанья роща» (с. Вихли), *Шяйтланнул ламу* «чёртов мост» (с. Унчукатль), *Шяйтлантра ратл* «ущелье чертей» (с. Куркли), *Цушаялу* «местность медведя» (с. Куркли), *Цушалу* «местность под медведем» (с. Кули), *Буридил ххуллу* «волчья дорога» (с. Турчи), *Бюрххул аьнтту* «ложбины зайцев» (с. Хути), *Махъ цуша* «задний медведь» (с. Хайхи), *Цуша* «медведь» (с. Хайхи), *Бурчланнил ратл* «ущелье кабанов» (с. Цовкра I) и др.

Зоотопонимы, мотивированные названиями домашних животных: *Кьунхэрауртту* «трава для телят» (с. Вихли), *Ницал кьанну* «лужайки быков» (с. Багикла), *Ттукракьунтти-ял* «местность ослиных валунов» (с. Бурши), *Ттукракилллу* «сёдла осла» (с. Бурши), *Ницазанниал* «место стоянки быков» (с. Балхар), *Ницаурттиял* «пастбище быков» (с. Балхар), *Ссибиххял* «место, где режут ярку» (с. Балхар), *Ччитур ратл* «ущелье кошки» (с. Балхар), *Оьллауртти* «коровье пастбище» (с. Вачи), *Дучрагьан* «лошадиный склон» (с. Вилтах), *Кьункуллувалу* «пастбище для телят» (с. Вилтах), *Гьаттара урттуралу* «место пастбищ скота» (с. Вихли), *Гадлул марцахьалу* «пастбище для козлят» (с. Вихли), *Ттуккул бурхлалиялу* «местность в форме спины осла» (с. Вихли), *Дучрауртту* «пастбище для лошадей» (с. Вихли), (с. Ури), (с. Кумух), *Ккаччи бутай мурулу* «скала, с которой бросают собаку» (с. Кумух), подобное место есть и в другом селе — *Ккаччибуту* «место, откуда бросают собаку» (с. Хури), *Ккаччихгьу* «собачье поле» (с. Хайхи) — *Оьллаар* «коровья равнина» (с. Кумух), *Оьлил кьулла* «коровий бассейн» (с. Чуртах), *Оьллаламу* «коровий мост» (с. Кумух), *Ттукрацин* «ослиная вода» (с. Кумух), *Ницаурттувалу* «пастбище быков» (с. Гуйми), *Кьяцал мащи* «хутор козла» (с. Кумух), *Ницал кьан* «лужайка быка» (с. Табахлу) *Ницаоьнтри* «ложбинки быка» (с. Чуртах), *Ттукку бацулу* «место стоянки осла» (с. Табахлу), *Ттукку скуру бигьай баклу* «холм, на котором валяется осёл» (с. Аракул), *Цьурттазан* «стоянка коз» (с. Аракул), *Ттуккул ламу* «ослиный мост» (с. Кули), *Ттуккул ламул ратл* «ущелье моста осла» (с. Кули), *Ттукку ххуллу* «дорога осла» (с. Кули), *Ятту битай рахл* «лощина, где содержат овец» (с. Кули), *Ккаччибякгьу* «местность, где замерзает собака» (с. Кукни), *Бюрчурдибаклу* «холм телят» (с. Убра), *Цлуку биххай бял* «пруд, возле которого режут козу» (с. Хути), *Оьлда сун* «склон коров» (с. Хосрех), *Ссирунди рахл* «лощина ярк» (с. Хосрех), *Лув Цьурттазан* «нижнее пастбище коз» (с. Бурши) и др.

Наличие в топонимической системе лакского языка большого количества зоотопонимов, мотивированных названиями домашних животных, говорит о важной роли домашних животных в укладе жизни носителей лакского языка, т.е. основным видом деятельности народа являлось животноводство. Анализ фактического материала показывает, что большая часть зоотопонимов мотивирована названиями домашних животных.

В топонимической системе лакского языка определенное количество зоотопонимов происходит от названий домашних птиц: *Аьнакбачиял* «место в форме куриной лапки» (с. Балхар), *Ажартравалу* «местность, где много петухов» (с. Вилтах), *Аьнакли битай ар* «равнина, в которую пускают курицу» (с. Кули) и др.

Значительное место занимают названия, мотивированные названиями диких птиц: *Исул ратл* «ущелье совы» (с. Балхар), *Члемуллаял* «место, где много птиц» (с. Балхар), *Къакъунтра ар* «равнина куропадок» (с. Вачи), *Ччиккул баклу* «кукушкин холм» (с. Вихли), *Ччиккувалу* «местность, где много кукушек» (с. Кумух), *Ччикку гъан* «кукушкин склон» (с. Шалиб), *Ччиккулубалу* «местность, где много кукушек» (с. Шүни), *Хъатлумаи* «нос вороны» (с. Кули), *Къакъунттаялу* «местность куропадок» (с. Куркли), *Къакъунтра ар* «равнина куропадок» (с. Кая), *Ису ар* «равнина совы» (с. Кукни), *Исул мачл* «луг совы» (с. Кукни), *Исул баклу* «холм совы» (с. Шара), *Исул члюй* «башня совы» (с. Хайхи), *Члемултраар* «равнина птиц» (с. Кулушац), (с. Чуртах), *Ссиянтлу ар* «равнина пёночки» (с. Сумбатль), *Исувалу* «местность совы» (с. Халаки), (с. Хурхи), *Къакъунтрацин* «вода куропадок» (с. Халаки), *Барзуялу* «местность орлов» (с. Хурхи) и др.

Анализ материала показывает, что самыми частотными названиями, которые стали основой для образования зоотопонимов, мотивированных названиями диких птиц, являются *ису* «сова», *къахъну* «куропатка», *ччикку* «кукушка».

Говоря о топонимах, Л. В. Камедина отмечает: «Осваивая место, человек преобразует его, исходя из норм своего языка и культуры; он организует свое место символически, немой ландшафт приобщает к культуре» [7, с. 140].

По названиям грызунов: *Кллухал* «местность, где много мышей» (с. Балхар), *Клуллаар* «равнина мышей» (с. Камахал), *Клуллагъан* «склон мышей» (с. Лахир), *Клуллараatl* «ущелье,

где много мышей» (с. Шара), *Клулувалу* «местность, где много мышей» (с. Шара) и др.

По названиям пресмыкающихся: *Оьрбатлал бачлиял* «место в форме лягушачих лапок» (с. Балхар), *Хъацл къур* «пашни, где много саранчи» (с. Гуйми), *Шатлул маз* «язык змеи» (с. Табахлу), *Оьрбатлара* «местность лягушек» (с. Кули), *Шатрабаклу* «холм змей» (с. Куркли), *Аьнкляялу* «местность ежей» (с. Хайхи) и др.

По названиям насекомых: *Шулгъал баклу* «холм, где много насекомых» (с. Кули), *Няклул гъан* «склон стрекозы» (с. Палисма), *Зимизирттал ар* «равнина мух» (с. Ханар), *Найрдабалу* (с. Вихли) «место пчёл», *Найрдалу* «местность, где много пчёл» (с. Табахлу), *Къакъаратл* «ущелье букашек» (с. Цовкра I) и др.

Исходя из вышеизложенного, анализ зоотопонимов лакского языка позволяет сделать вывод, что в нем представлено достаточное количество образований, имеющих фаунистическую семантику. В топонимической системе лакского языка имеется большое количество зоотопонимов, мотивированных названиями домашних животных, констатирующих тот факт, что домашние животные играли огромную роль в жизнедеятельности лакского народа.

Таким образом, топонимический материал обладает огромным культуроведческим потенциалом, а топонимическая система отражает историко-социальные, языковые и этнокультурные особенности этноса. Топонимические названия являются отражением истории нации, в них зафиксированы различные периоды развития языка, культуры народа и позволяют воссоздать картину мира этноса, отношение его членов к природе, окружающему миру.

Примечания

1. Никонов В. А. Введение в топонимику. Москва : Наука, 1965. 175 с.
2. Алехина А. Р., Татарникова И. В. Русско-английские зоотопонимы в контексте топонимической ситуации в штате Аляска. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/russko-anglijskie-zootoponimy-v-kontekste-toponimicheskoj-situatsii-v-shtate-alyaska.html> (дата обращения: 29.10.2025).
3. Цинкобурова М. Г. Об особенностях анализа зоотопонимов как информационной базы для выяснения зоогеографии исторического прошлого региона (на примере зоотопонимов Ленинградской области). URL: <https://www.researchgate.net/publication/303383648> (дата обращения: 29.10.2025).

4. Сазыкин А. М., Глушко А. А. К вопросу о классификации топонимов Приморского края // Краеведение в Приморском крае : материалы науч.-практ. конф. Уссурийск, 2012. С. 101–110.

5. Басик С. Н. Общая топонимика. Минск : БГУ, 2008. 168 с.

6. Хайдаков С. М. Лакско-русский словарь. Москва, 1962. 424 с.

7. Камедина Л. В. Забайкальский текст в русской культуре // Ученые записки Заб ГУ. 2014. № 4 (57). С. 139–145.

Список сокращений: с. — село.

Насимзода Шабнам Махсуд
shabnam.nasimzoda@mail.ru
БГПУ им. М. Акмуллы

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ РУССКИХ И ТАДЖИКСКИХ ПОСЛОВИЦ: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Аннотация. В статье исследуются историко-культурные предпосылки формирования русских и таджикских пословиц, их диахроническая эволюция и семантические параллели. На материале классических фольклорных сборников и литературных источников выполняется сравнительно-семантический анализ ключевых тематических групп (труд, семья, справедливость, природа). Методологическая основа — сравнительно-исторический подход, семантическое картирование и этнолингвистический анализ. Установлено, что при различной историко-религиозной матрице обе традиции демонстрируют общие когнитивные схемы и образные решения, а также культурно-специфические доминанты.

Ключевые слова: поговорка, семантика, диахрония, этнолингвистический анализ, семья, труд, пословицы, культура.

Nasimzoda Sh. M.
M. Akmulla BSPU

HISTORICAL AND CULTURAL ORIGINS OF RUSSIAN AND TAJIK PROVERBS: WAYS FORMATIONS AND SEMANTIC PARALLELS

Abstract. The article explores the historical and cultural background of the formation of Russian and Tajik proverbs, their diachronic evolution, and semantic parallels. Based on classical folklore collections and literary sources, a comparative semantic analysis of key thematic groups (work, family, justice, and nature) is performed. The methodological framework

includes a comparative historical approach, semantic mapping, and ethnolinguistic analysis. It has been established that, despite their different historical and religious matrices, both traditions exhibit common cognitive patterns and imaginative solutions, as well as culturally specific dominants.

Keywords: paremia, semantics, diachrony, ethnolinguistic analysis, family, work, proverbs, culture.

В условиях глобализации и активного межкультурного взаимодействия исследование фольклорного наследия приобретает не только историко-научное, но и практическое значение: паремии (пословицы и поговорки) функционируют в качестве языковых маркеров коллективного опыта и образуют фундамент культурной памяти. Пословица в концентрированном виде сохраняет модель мышления поколения, коммуникативные поведенческие установки и систему ценностей, что делает её ключевым объектом для этнолингвистики, культурологии и сравнительной фольклористики.

Объектом является феномен паремии в русской и таджикской традициях; предметом — историко-культурные истоки их становления и семантические параллели, возникающие в ходе исторического развития и межкультурных контактов.

Цель исследования — выявить общие и специфические аспекты формирования русских и таджикских пословиц и проследить пути их семантического сближения и различия. Задачи:

- 1) реконструировать ключевые исторические этапы формирования пословиц в каждой традиции;
- 2) определить источниковые и культурные факторы, влияющие на содержание и форму;
- 3) провести сравнительный семантический анализ типовых тематик;
- 4) выделить универсальные и локальные механизмы паремийного творчества.

Применены сравнительно-исторический метод для диакронической реконструкции, семантический анализ и семантическое картирование для выявления смысловых полей, этимологический и контекстуальный анализ для изучения заимствований и функционирования в речевой практике. Этнолингвистический подход позволяет включать интерпретации носителей и учитывать прагматику употребления.

Основу корпуса составляют классические и региональные сборники пословиц (В. И. Даль, И. М. Снегирёв; современные

каталоги таджикских пословиц, издания под названием «Фарханг»), фольклорные архивные записи, литературные тексты (эпиграфика, средневековая поэзия Рудаки и проч.), а также исторические документы, освещающие общественно-экономические и религиозные преобразования.

Пословицы — концентрированное выражение народного опыта, отражающее мировоззрение и историческую память этноса; сравнительный анализ русских и таджикских паремий выявляет как универсальные механизмы фольклорного творчества, так и культурные особенности, обусловленные историко-религиозной и социоэкономической матрицей. В паремиологии пословица определяется как краткое, устойчивое высказывание, отличающееся дидактической направленностью, нормативной семантикой и формульной устойчивостью. Поговорка, как правило, носит описательный характер и выполняет стилистическую / риторическую функцию; афоризм чаще авторского происхождения и характерен для письменной традиции. К основным признакам паремии относятся: формульность (устойчивость фразеологической оболочки), нормативность (совет, мораль), лаконичность и ритмическая / фонетическая организованность. В культуре пословицы выполняют три группы функций:

— *когнитивную* (типизация жизненного опыта и формирование устойчивых схем познания);

— *аксиологическую* (закрепление и передача ценностей, моральных норм);

— *коммуникативную* (регуляция поведения и коммуникации (аргументация, критика, наставление)).

Источники для анализа включают устные записи, классические сборники и письменные тексты, где паремии фиксируются в диалогах, притчах, стихах. В качестве методов используются:

— *семантическое картирование* — построение полей значений и выявление центров семантики;

— *этимологический и лексико-фразеологический разбор* — установление происхождения компонентов пословиц, заимствований, семантических сдвигов;

— *контекстуальный анализ* — исследование прагматики употребления;

— *корпусный анализ* (рекомендуется для дальнейших исследований) — количественная оценка тематики и частотности.

Для сопоставления используются подходы культурной семантики (определение культурно значимых концептов), когнитивной лингвистики (метафорические конструкции, различные схемы) и исторической лингвистики (диахроническая реконструкция). Важна также междисциплинарность: вовлечение историков, антропологов и религиоведов облегчает интерпретацию источников.

Ранняя русская паремия формировалась в условиях аграрно-натуральной экономики и сильного присутствия анимистических и языческих верований. Пословицы о погоде, урожае, животноводстве и природе отражали практические знания о сезонных циклах и ритуальные предписания (например, запреты на определённые работы в ритуально значимые дни). Народная космология (линейно-циклическое представление о времени, связь человека с природой) породила метафоры, ориентированные на природные явления.

Социальная фрагментация, усиление локальной власти, междоусобные конфликты и интеграция торговых маршрутов породили пословицы, фиксирующие политическую осторожность, родовую лояльность и коммерческую практику. Многие паремии этого периода отражают прагматику выживания в условиях нестабильности: предостережения, советы и моральные оценки действий.

Централизация власти, рост монархических институтов и возрастание влияния православной церкви усилили морально-религиозные мотивы в устной традиции. Пословицы приобретают элементы христианской этики, при этом сохраняется народная прагматика: «Не в силе Бог, а в правде». Этот пример — синтез религиозной морали с социальным идеалом справедливости. Тематика семьи, долга и верности укрепляется.

Европейская культура и просветительские идеи повлияли на формирование новых социальных норм; при этом масштабная фиксация пословиц в литературных и фольклорных изданиях обеспечила их консервацию и распространение. Пословицы того времени часто отражают смешение бытовых и моральных доминант. Социальная модернизация породила пословицы о труде, честности, воспитании, но основной пласт народных формул сохранил связи с традиционными источниками.

Пословица «Береги платье снову, а честь смолоду» сочетает бытовую (одежда как образ бережливости) и нравственную

(честь) семантику; в семантическом поле при этом фиксируется ценность репутации и общественного статуса. Анализ структуры показывает императивный характер и нормативную направленность. Среди главных факторов — аграрный уклад, природно-климатические условия (сев/уборка, «радость» и «печаль» урожая), религиозные представления (православие, календарные обряды), социальная организация (род/соседство) и контакты с соседними народами (заимствования, торговля). Эти элементы формируют образную систему (природа, домашние предметы, животные) и тематический приоритет (труд, семья, мораль).

Территории Средней Азии — исторические центры Согдианы и Бактрии — являлись важными пунктами торговых путей и культурных обменов. Торговая практика и караванная этика нашли отражение в пословицах о честности купца, риске в дороге и умении вести дело. Зороастрийские мотивы (чистота, огонь, космологические дуальности) дали специфические метафоры и аксиологию.

Ислам привнёс новые нормативно-этические установки, кораническая и хадисная стилистика повлияла на общественные пословицы, интегрируя идею судьбы (къдър), доверия к Богу и духовной ответственности. В то же время персидская литературная традиция (поэты и мыслители) обогатила образную палитру: изящные метафоры, притчи и параллели из поэзии вошли в устную речь, делая пословицы более «литературно» окрашенными.

Урбанизация, ремесленничество и международная торговля усилили городские мотивы: мастерство, честность в ремесле, уважение к знанию и учителю. Географическая позиция региона как узла Шёлкового пути обусловила постоянный обмен мотивами и формулой с южными и восточными традициями (Индия, Китай, Ближний Восток).

Идеологические изменения и модернизация трансформировали часть традиционных паремий: новые пословицы появлялись под влиянием советской пропаганды (труд, коллективизм), тогда как многие архаические формы сохранялись в быту и региональных диалектах. Советский корпус собранного фольклора позволил зафиксировать и систематизировать таджикскую паремиологию для дальнейшего анализа.

Семантический анализ пословицы «Камень, брошенный вверх, на твою же голову упадёт» демонстрирует синкретизм: переносы мотива справедливого воздаяния (аналог кармы)

могут интерпретироваться в рамках иранской философии морали, исламского учения о воздаянии и практического бытового опыта. Структурно формула носит предостерегающий и нравственно-регулятивный характер. В таджикской традиции сильные позиции занимает литературная и религиозная парадигма: персидская поэзия и исламский канон формируют лексику и метафорическую сетку. Одновременно торговые, ремесленные и городские практики создают тематический акцент на честности, мастерстве и социальном успехе.

Для сопоставительного анализа выделены три основных критерия: тематическое (сопоставление тематических полей), образное (сопоставление метафор и символов) и синтаксическое (структурные модели пословиц). В обеих традициях доминируют:

— труд и мастерство (ценность труда, необходимость усилий);

— семья и родственные связи (верность, уважение к старшим, брак);

— справедливость и закон (карма, воздаяние, наказание за проступок);

— природа и судьба (символика природных явлений как метафор состояния человека).

Общие образы включают зооморфные метафоры (лиса как символ хитрости; волк как символ опасности), природные символы (гора, река, солнце), предметные метафоры (камень, хлеб, путь). Однако оттенки значений различаются: в русских пословицах природа часто выполняет роль зеркала судьбы, в таджикских — природные образы часто сочетаются с городскими /ремесленными (например, «печь», «горн», «ковш») и религиозными коннотациями.

Антитеза, параллелизм и императив — общие формы. Например, антитеза: «Мал золотник, да дорог» и «Катра катра окибат дарё шавад» (Капля мала, но по капле — море), оба выражают идею ценности малых, но значимых вещей. Например, императив: «Не рой другому яму» и «Чохкан зери чох» (Не делай другому зла, ибо вернётся к тебе), нормативная предписательность. В пословицах «Друг познаётся в беде» и «Сангро дар кух месанчанд, дустро дар гам» — (Камень проверяется в горне, друг — в беде) присутствует образ испытания для определения качества дружбы; разница в деталях образа (горн / испытание металла у таджиков; прямое указание,

на беду, у русских) отражает локальные практики: ремесленную культуру у таджиков и бытовую/социальную среду у русских.

Слово и ответственность: «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь» и «Забон калиди диласту, шамшери болои сар» (Язык — ключ к сердцу, но и меч над головой). Обе формулы предостерегают от легкомысленного говорения; таджикская добавляет более полярную оценку: слово может и лечить, и ранить; выражение, близкое к риторике персидской поэзии.

Труд: «Без труда не выловишь и рыбку из пруда» и «Хар ки корад, хамон медаравад» (Кто не сеет, тот не жнёт). Тематика универсальна; различие в предметной картине (рыбалка / сельское хозяйство / зерновой цикл) отражает экономическую практику и региональную специализацию. Совпадения объясняются:

- универсальными когнитивными схемами (например, метафора «жизнь как путь», принцип причина — следствие);
- общим набором жизненных задач (выживание, репродукция, взаимопомощь);
- историческими контактами (торговля по Шёлковому пути, миграции, культурные заимствования), которые обеспечивали обмен мотивами и формулами;
- параллельными процессами символизации и нормотворчества, когда разные сообщества решают аналогичные социальные проблемы схожими образными средствами.

Таким образом, русская и таджикская паремиялогия формировались во многом под воздействием различных историко-культурных факторов: славянские языческие представления и аграрный характер формировали русскую картину мира, а в таджикской традиции сказались древнеиранские (зороастрийские), исламско-персидские и городские ремесленные влияния. Несмотря на это, обе традиции демонстрируют значительную перекрываемость тематических полей и общность когнитивных стратегий выражения народного опыта. Культурно-специфические черты в русских паремиях это: яркая природная символика, акцент на коллективизме, аграрные мотивы, сильная роль народных календарных обрядов. В таджикских паремиях сильны религиозно-философские мотивы (ислам, персидская этика), явно выраженная городская и ремесленная тематика, богатство литературно-поэтических метафор.

Сравнительное исследование русских и таджикских пословиц выявляет сложную картину взаимопереплетения универсального человеческого опыта и локальных культурных наслоений. Паремии служат зеркалом бытовой мудрости и важнейшим ресурсом для понимания историко-культурных установок народов. Дальнейшая цифровая и полевозаписная работа позволит углубить количественные и качественные представления о семантике паремий и их роли в современной коммуникации.

Примечания

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. Москва : Художественная литература, 1984.
2. Снегирёв И. М. Русские пословицы и поговорки. URL: https://rusinst.su/docs/books/I.M.Snegirev-Russkie_narodnye_posloviцы_i_pritchki.pdf?ysclid=mmrhp2bm1a91804068.
3. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Москва : Наука, 1979.
4. Фирдауси А. Фарханг (Словарь пословиц). Душанбе : Ирфон, 2005.
5. Муллочон Фозилов. Фарханги замбурмасал, макол ва афаришмхои тоҷикию форси / чилди III. Душанбе : Нашри Камол, 2014.
6. Степанов Ю. С. Паремия и народная мудрость: теория и практика изучения. Москва, 1998.
7. Смирнова И. В. Фольклор Средней Азии: историко-культурный аспект. Москва, 2003.
8. Barthes R. (или аналог в области семиотики) — работы по знаковым системам культуры (для методологии семантического анализа).
9. Современные каталоги таджикского фольклора: региональные сборники XX–XXI вв. (архивы АН РТ, фонды фольклорных экспедиций).
10. Статьи и монографии по культурной семантике и когнитивной лингвистике (Lakoff, Turner) — для теоретического обоснования метафорических схем. URL: https://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_2022_2/01.pdf.
11. Плотникова А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1011/1/umk_2005_005.pdf.

Николаев Егор Револьевич
1953307@mail.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ЭВОЛЮЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ АНТРОПОКОМПОНЕНТА *KUO* (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ Э. К. ПЕКАРСКОГО, 1959)

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантической эволюции архаичного компонента *куо* в якутском языке на материале «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского. Отмечается, что, утратив самостоятельное значение в современной речи, данная лексема сохраняется в качестве устойчивого постномена в именах персонажей героического эпоса олонхо. Анализируются этимологические версии происхождения слова, рассматриваемого как в контексте монгольских (бурят-монг. *gö̆*, калм. *gḍ*), так и тюркских (алт. *коо*) параллелей. В результате сплошной выборки из словаря выявлено более 20 составных имен, содержащих компонент *куо*. Проведена классификация антропонимов по типам персонажей: божества и духи (мифонимы), эпические красавицы, шаманки (удаганки), женщины племени абаасы, а также зафиксированы единичные случаи номинации предметов и мужских персонажей. Установлено, что в структуре формульных эпических имен компонент *куо* подвергается десемантизации, утрачивая прямое значение «красавица» и превращаясь в функциональный маркер женского пола, сближаясь по роли с титулами *хотун* («госпожа») или *удабан* («шаманка»). Выявлены основные функции компонента как характеристики персонажа: космологический маркер, маркер свойства и сакральный эпитет. В выводах формулируется путь семантического развития компонента («красивая» → социальный знак → «красивая»), а также фиксируется появление новообразований в современном якутском именнике.

Ключевые слова: антропокомпонент *куо*, словарь Э. К. Пекарского, эпические имена.

Nikolaev E. R.

Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EVOLUTION OF THE ANTHROPOCENTRIC COMPONENT OF *KUO* (BASED ON E. K. PEKARSKY'S DICTIONARY, 1959)

Abstract. The article is devoted to the study of the semantic evolution of the archaic component of the *kuo* in the Yakut language based on the material of the Dictionary of the Yakut Language by E. K. Pekarsky. It is noted that, having lost its independent meaning in modern speech, this lexeme remains as a stable postnomen in the names of the characters of the

heroic epic *olonkho*. The etymological versions of the origin of the word, considered both in the context of Mongolian (Buryat-goe, Kalm. *gō*) and Turkic (alt. *koo*) parallels, are analyzed. As a result of a continuous sample from the dictionary, more than 20 compound names containing the *kuo* component were identified. The classification of anthroponyms by types of characters is carried out: deities and spirits (mythonyms), epic beauties, shamanesses (*udaganki*), women of the *Abaasy* tribe, and isolated cases of the nomination of objects and a male character are recorded. It has been established that in the structure of formulaic epic names, the *kuo* component undergoes desemantization, losing the direct meaning of «beauty» and turning into a functional marker of the female sex, approaching the role of the titles *khotun* («mistress») or *udagan* («shaman»). The main functions of the component as character characteristics are revealed: a cosmological marker, a property marker, and a sacred epithet. The conclusions formulate the way of the semantic development of the component («beautiful» → social sign → «beautiful»), and also record the appearance of neoplasms in the modern Yakut nomenclature.

Keywords: *kuo*'s anthropocomponent, E. K. Pekarsky's dictionary, epic names.

Морфологически значимая единица, входящая в состав имени собственного — компонент имени — имеется практически во всех антропонимических системах народов России (например, форманты в адыгском ономастиконе (*гуацэ, хъан* «женщина»; *фыжь* «белая», *маф* «счастливая» и т.д.) [1, с. 33]). В якутском антропонимиконе также существуют слова, которые служат компонентом (формантом) имен. Так, слово *куо*, являясь одним из архаизмов якутского языка, утратило самостоятельное значение в повседневной речи, но сохранилось как устойчивый компонент в именах персонажей эпоса олонхо. Значительный вклад в исследование эпических антропокомпонентов внесла Н. И. Филиппова. Согласно ее описанию, в олонхо *куо* функционирует как постномен — постоянный эпитет или приставка к именам молодых героинь (преимущественно сестер богатырей или их невест) со значением «красавица». *Куо* не встречается в именах пожилых женщин или девушек-богатырок [2, с. 48–50]. В мужских именах этот постномен зафиксирован лишь однажды — в образе проказливого героя бытовой сказки *Сис Куо* [3, с. 301–302].

Если семантика *куо* представляется достаточно прозрачной, то его этимология и происхождение остаются невыясненными. В словаре Э. К. Пекарского приводятся значения: 1) прекрасный, с оттенком игривости; 2) красавица; неженка

[4, с. 1220]. Слово считается монголизмом [5, с. 71] и возводится к бурят-монгольскому наследию: *гоё* «нарядный, красивый, чудесный, великолепноый, прекрасный» [6, с. 213]; *го*, бур. «красивый, нарядный, элегантный», перен. «церемонный» [7, с. 28]; калм. *гō* «красивый, хороший» [8]. Однако параллели обнаруживаются и в тюркских языках, например: алт. *коо* «стройный; статный; изящный», *коо сынду кыс* «стройная, статная девушка» [9, с. 351].

В словаре Э. К. Пекарского [10] нами выявлено более 20 имен мифологических и сказочных (эпических) персонажей, содержащих компонент *куо*.

В мифонимах *куо* присутствует в именах, обозначающих различных духов и божеств: *Илбис кыыһа* (*кыргыз кыыһа*) *эбир кутурук куо Холбоньой*, *ытык кымылыын*, *тишл тилинъэх*, *лабаа тохтуган*, *торбо түүрэй* (имя женщины, кою, представлены в якутских героических сказаниях божества войны): от прил. *илбис* «кровожадный»; *Ньаха Харахсын Ньырылын хотун куо / Куо Чэмчэй ньаадьы* (дух основного дома, возросший под столбом юрты, завесившийся из семи вшингъ): *ньыкаа* «маленькая; избалованная, капризная», от *харах* «глаз» (в значении «приглядывающая»; *Хаппаччылаан Хаачылаан куо* (самая младшая из 8 дочерей *Үрүҥ айыы тойона*; дочь *Хара Хаана*): от *хаппахчы* «чулан; кладовка; комната девушки»; *Ытык Чыыбыстаан куо* (женское имя: вестник нечистых духов): *ытык* «священный».

В Словаре под «сказочными» именами даются имена персонажей эпоса олонхо, поскольку в дореволюционное время эпос олонхо обозначался как «сказка». Главным образом, *куо* прикрепляется к именам эпических красавиц, а также удаганок (шаманок) и персонажей абаасы (женщина злой дух): *Нуоруллаан-куо*, *Күн Күөгэлэ Ытык Нуоруллаан куо*, *Нууруллаан куо* (удаганка; сказочная девушка), *Нураллаан-Нухаллаан куо*: возможно, от глаг. *нуурал* «спокойная, тихая»; *Айдырыкы куо*: от глаг. *ай-* «творить; создавать»; *Айталыын*, *Айталыын куо* (ласкательное имя девушки в сказках; имя сказочной шаманки): от глаг. *ай-* «творить; создавать»; *Аналдьыма Мэнэлдьымиэ куо*: возможно, от глаг. *ангай-* «раскрыть (рот)»; *Бэйбэлдын куо*: от глаг. *бэйбэй-* «быть, казаться низкорослым, коротконогим»; *Солко Миндэр куо*: от *солко* «шелк»; *Сыркыабалаан куо*: этимология не выяснена; *Туйаарыма куо*, *Ытык Туйаарыма куо удабан* (удаганка): от глаг. *туйаар* «петь с переливами, щебетать, заливаться»; *Тиллэх*

Кэлдьи Тэлбистэй куо; Тэлбистэй куо: возможно, от глаг. *тэлбиннээ* ‘ходить, шататься без дела, шляться’; *Уйантыма куо*: от прил. *уйан* ‘мягкая; ранимая’; *Үрүн Үүкэйдээн* (*Үөкэйдээн*), *Үргэл кыыһа Үүкэйдээни куо* (букв. Дочь Плеяд); *Хаскыйдаан* (*Кыскыйдаан*) *куо* (букв. Свистящая красавица); *Ытык Ымыйалан куо*: *ытык* ‘священный’, возможно, от глаг. *ымый-* ‘гнить, тлеть от сырости, тепла, преть’ или *ымыа* ‘круговая кумысная чаша’; *Ытык Тыгыластай куо* (имя абаасы-девки): *ытык* ‘священный’, от прил. *тыгылай* ‘беззаботно-весёлый, энергичный’.

В словаре также зафиксированы имена волшебных предметов (вещей) — *Тимир дүрбү куо куйах ытык Дылбынса* (имя шаманского щита в сказке), а также бытовое женское имя с компонентом *куо* — *Сэгэйээн, Сэгэйээн куо* (от *сэгэй-* ‘ходить лёгкой непринуждённой походкой’).

Большинство имен, как и полагается, являются много-составными и содержат многословные эпитеты, значения которых раскрываются только в контексте. Перед нами классические типы формульных антропонимов эпоса, в которых *куо* проявляется как десемантизированный компонент. Первоначально *куо* выступало в качестве прилагательного или эпитета со значением «красивая» или «изящная». В представленных именах *куо* утрачивает это значение и становится маркером женского пола. Полагаем, что в эпических антропоформулах *куо* функционально сближается с титулярными компонентами *хотун* «госпожа», *удабан* «шаманка». Таким образом, в данном случае семантика *куо* аксиологически нейтральна: он прикрепляется к любому женскому имени с различными значениями. Возможно, что компонент *куо* опосредованно указывает на красоту женщины в архаичном понимании — как атрибут власти или сакральной силы. В этом случае пропускает социальная функция имени, при этом сохраняется его основная номинативная задача — обозначение того или иного социального статуса. Функционально *куо* выполняет роль характеристики персонажа: космологический маркер (*Кун Күөгэлэ, Үргэл кыыһа* — имена небесных божеств или духов); маркер действия или свойства (*Хаскыйдаан, Уйантыма*); маркер сакрального эпитета (*ытык* «священный»).

Компонент *куо* отсутствует в имяобразовании обычных женщин, то есть в профанном мире он не фигурирует. Однако можно отметить, что в современном якутском именнике

данная ипостась *куо* нарушилась или получила новое развитие: появились новообразования, например, *Нарыйаана-Куо* (букв. «Нежная-Куо»), *Ньургуйаана-Куо* (букв. «Лучшая-Куо») и т.д.

Таким образом, компонент *куо*, являясь результатом тюрко-монгольского языкового симбиоза, прошел путь развития семантики: *красивая* → *социальный знак* → *красивая*. Это позволяет предполагать, что первичная семантика сохраняется, хотя этимология (мотивирующее значение) остается не до конца раскрытой.

Примечания

1. Намитокова Р. Ю., Нефляшева И. А. В мире имен собственных. Лингвистические беседы. Майкоп : АГУ, 2016. 292 с.
2. Филиппова Н. И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика. Якутск, 2016. 104 с.
3. Якутские сказки / сост. Г. У. Эргис, отв. ред. Л. Н. Харитонов. 2-е изд. Дьокуускай: Бичик, 1994. 388 с.
4. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. Ленинград : АН СССР, 1959. Т. I. 1278 стлб.
5. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. Москва : Наука, 1980. 115 с.
6. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Т. I: А-Н. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2010. 636 с.
7. Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина Э. В. Этимологический словарь монгольских языков. Т. II: G-P / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред.: Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Москва : ИВ РАН, 2016. 232 с.
8. Базы данных СтарЛинг: *go* 'красивый, хороший'. URL: <https://clsk.ru/3SAqGL> (дата обращения: 01.03.2026).
9. Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». ГорноАлтайск, 2018. 936 с.
10. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. Ленинград : АН СССР, 1959. Т. I. 1278 стлб.; Т. II. 2010 стлб.; Т. III. 3858 стлб.

Новиков Александр Николаевич
agunovikov@yandex.ru
Адыгейский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ И СТРУКТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ЭПОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов грамматической и морфемной адаптации эпонимов (терминов, образованных от имен собственных) в русском языке XVIII века. Данный период характеризуется активным формированием национальной научной терминологии, что сопровождалось интенсивными языковыми контактами и заимствованиями из западноевропейских языков. На основе анализа историко-лингвистических источников в статье рассматриваются основные механизмы адаптации эпонимической лексики: освоение грамматических категорий рода, числа и падежа, а также словообразовательные процессы, включая аффиксацию и словосложение. Особое внимание уделяется появлению и функционированию лексических вариантов и слов-дублетов.

Ключевые слова: русский язык XVIII века, заимствования, эпонимы, историческая лексикология, грамматическая адаптация, морфемная адаптация.

Novikov A. N.
Adygeya State University

FEATURES OF GRAMMATICAL AND STRUCTURAL ADAPTATION OF EPONYMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 18TH CENTURY

Abstract. The article is devoted to the study of the processes of grammatical and morphemic adaptation of eponyms (terms derived from proper names) in the Russian language of the 18th century. This period was characterized by the active formation of national scientific terminology, which was accompanied by intensive language contacts and borrowings from Western European languages. Based on the analysis of historical and linguistic sources, the article examines the main mechanisms of adaptation of eponymic vocabulary: the acquisition of grammatical categories of gender, number, and case, as well as word-formation processes, including affixation and compounding. Special attention is paid to the emergence and functioning of lexical variants and doublets.

Keywords: 18th-century Russian, borrowings, eponyms, historical lexicology, grammatical adaptation, and morpheme adaptation.

XVIII век занимает особое место в истории русского литературного языка. Это время кардинальных преобразований в общественной, научной и культурной жизни России, которые нашли непосредственное отражение в языке. Как справедливо отмечают исследователи, «отличительной особенностью языка русской науки XVIII — начала XIX в. является многоименность, т.е. каждое научное понятие имело, как правило, несколько обозначений, было терминовано несколькими способами» [1, с. 3]. Этот период становления терминологических систем характеризуется активным поиском наиболее адекватных способов номинации научных понятий.

Одним из значимых источников пополнения терминологической лексики в эту эпоху стали эпонимы — термины, образованные от личных имен и фамилий ученых, изобретателей, первооткрывателей. Актуальность их изучения обусловлена не только высокой продуктивностью данной модели терминообразования, но и тем, что процессы адаптации эпонимов отражают общие закономерности освоения иноязычной лексики в русском языке XVIII века. Как отмечается в современных исследованиях, «термины, образованные на основе личных имен или фамилий, называются по-разному: фамильярные, или эпонимические, деантропонимические образования и т.д. Они представляют собой достаточно большое и самостоятельное образование специальной лексики с открытыми границами для пополнения отраслевой терминологии новыми номинативными единицами» [2].

Цель настоящего исследования — выявить и описать основные механизмы грамматической и морфемной адаптации эпонимов в русском языке XVIII века, а также определить роль этих процессов в формировании национальной научной терминологии.

Грамматическая адаптация заимствованных эпонимов начиналась с определения их родовой принадлежности, что было связано с необходимостью согласования с прилагательными, местоимениями и глагольными формами. В XVIII веке этот процесс отличался вариативностью и не всегда был единообразным.

Основным фактором, определявшим род эпонима, выступала формальная аналогия с существующими в русском языке моделями. Мужской род присваивался эпонимам, оканчивающимся на твердый согласный (например, *Линней*, *Бернулли*, *Эйлер*), что соответствовало модели склонения существительных

мужского рода. Эпонимы, оканчивающиеся на -а, -я, чаще всего приобретали женский род (например, имя собственное *Лавуазье* в некоторых контекстах могло осмысляться как существительное женского рода, хотя в современном языке закрепилось как несклоняемое мужского рода).

Однако в XVIII веке наблюдалась значительная вариативность. Как отмечает Л. Л. Кутина, «явление широко развитой синонимии в области научной терминологии характеризует начальный этап существования терминологических систем, период их становления» [3, с. 3]. Эта синонимия распространялась и на грамматические формы: один и тот же эпоним мог употребляться в разных родах у разных авторов или даже в одном тексте.

Освоение эпонимов включало также их добавление в систему падежного склонения. В зависимости от степени адаптации можно выделить два основных типа:

1. **Полностью склоняемые эпонимы**, которые приобретали русские падежные окончания (*Линнея, Линнею, Линнеем*). Это характерно для эпонимов, оканчивающихся на твердый согласный, которые легко вписывались в модель второго склонения.

2. **Несклоняемые эпонимы**, сохранявшие неизменяемую форму во всех падежах. К этой группе относились эпонимы, оканчивающиеся на гласный или имеющие нехарактерную для русской морфологии структуру (например, имя собственное *Декарт* в некоторых контекстах могло колебаться между склоняемым и несклоняемым вариантами).

Исследования, посвященные морфологии русского языка XVIII века, показывают, что в этот период происходили значительные изменения в системе склонения. В частности, как отмечается в работах по исторической морфологии, «консерватизм проявляется прежде всего в сильно стандартизированных текстах, таких как официальная переписка, в то время как фонетическое написание, отражающее аканье и диалектно обусловленный синкретизм различных падежей, наблюдается главным образом в частных письмах» [3].

Морфемная адаптация эпонимов включала их в систему русского словообразования. Как отмечается в современных исследованиях, «эпонимические имена, появляющиеся в терминосистемах разных наук (философии, физики, химии, медицины, геологии), показали, что все они представляют структурные типы имен: непроеизводные слова, аффиксальные

производные, сложные слова, а также компонентные наименования» [2, с. 35].

В русском языке XVIII века можно выделить несколько основных способов образования эпонимов.

Непроизводные эпонимы представляли собой прямое заимствование фамилии ученого без добавления словообразовательных элементов. К этому типу относятся такие единицы, как *Гаусс*, *Кельвин*, *Беккерель*. В XVIII веке этот способ был особенно продуктивен на начальном этапе заимствования.

Аффиксальные производные образовывались путем добавления к основе эпонима русских или адаптированных словообразовательных аффиксов. Наиболее продуктивными были: 1) суффикс -и(е) для образования названий научных направлений, методов или единиц: *ньютонианство* (от *Ньютон*), *линнеевский* (от *Линней*). Как отмечает О. И. Дмитриева, в XVIII веке «процессы глагольной неологизации и словообразовательной вариативности» [4] были особенно активны, что отражало динамику языковой системы; 2) суффиксы прилагательных -ов-, -ев-, -ск- для образования относительных прилагательных: *евклидов*, *пифагоров*, *ньютонский*, *лайбницева*. Эти формы позволяли создавать терминологические сочетания типа *евклидова геометрия*, *пифагорова теорема*.

Сложные слова (компози́ты) образовывались путем соединения основы эпонима с другими терминологическими элементами. В XVIII веке этот способ был менее продуктивен, чем в последующие периоды, однако уже встречались такие образования, как *гальвано-фарадизация*, *ампер-вольт-ватт-метр* [3, с. 76].

XVIII век характеризовался значительной словообразовательной вариативностью. Одно и то же понятие могло обозначаться несколькими способами: *ньютонова механика* и *механика Ньютона*; *картезианство* и *декартова философия*. Как отмечается в исследованиях, «в русской научной литературе исследуемого периода употреблялись множественные термины; проходило большей частью немало времени, пока шел процесс отбора из этого множества термина, становящегося общепринятым» [2, с. 110].

В этом отношении показателен пример со словом *вокзал*. Английское *Vauxhall* [воксхóл] — салон мадам Вокс — восходит к названию увеселительных садов и в русском языке XIX века окончательно закрепилось в форме *вокзал* под влиянием привычных грамматических форм (ср.: зала / зал, вокзал). Однако во второй половине XVIII века, когда и стали появляться

увеселительные сады для прогулок, концертов и фейерверков в России, их называли английским словом *воксал*. Между тем, «Словарь русского языка XVIII века» фиксирует словообразовательные дублиеты *воксал / ваксал / фоксал / факсал* и *воксгал / фоксгал*. Представляет также интерес закрепление в текстах написания слова с прописной / строчной буквы: *Здѣлать прожект Факсалу содержащему пространства сорок сажень в диаметр / В вечеру были в ваксаль, которой аллеями и выгодным мѣстоположением дѣлает наипрекрасной сад*. [4]. Причиной появления подобных дублиетов усматриваем в одновременном заимствовании через разные каналы (книжный / разговорный стиль).

Эта вариативность отражала как поиск наиболее адекватных словообразовательных моделей, так и влияние различных языков-источников (латинского, немецкого, французского). Как подчеркивают исследователи, в XVIII веке «ученые начали дифференцировать значение корневых и аффиксальных морфем», а М. В. Ломоносов «сравнивал словообразовательные возможности разных языков и пришел к выводу о богатстве словообразовательных ресурсов русского языка» [5, с. 71].

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы о грамматической и морфемной адаптации эпонимов в русском языке XVIII века.

Процесс адаптации эпонимов проходил в контексте активного формирования русской научной терминологии, что характеризовалось множественностью наименований и вариативностью грамматических и словообразовательных форм.

Грамматическая адаптация включала освоение категорий рода, числа и падежа. Определяющим фактором выступала формальная аналогия с существующими русскими моделями склонения, однако наблюдалась значительная вариативность, отражавшая переходный характер языковой системы XVIII века.

Морфемная адаптация осуществлялась через включение эпонимов в систему русского словообразования. Основными способами образования эпонимических терминов были производное заимствование, аффиксальное образование (суффиксы -и(е), -ов-, -ев-, -ск- и др.) и словосложение, причем первый способ характеризовался преобладанием аффиксальных образований.

Словообразовательная вариативность эпонимов отражала как поиск наиболее адекватных моделей терминообразования, так и влияние различных языков-источников. Эта вариативность была преодолена лишь в процессе дальнейшего развития терминологических систем в XIX веке.

Примечания

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: языковые контакты и заимствования / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Ленинград : Наука, 1972. 432 с.
2. Итунина А. Л. Проблемы терминоведения в работах отечественных ученых и переводчиков XVIII — первой четверти XIX века // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 126. С. 3.
3. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). Москва ; Ленинград : Наука, 1964. С. 3.
4. Словарь русского языка XVIII века // АН СССР, Ин-т рус. яз. ; [редкол.: Ю. С. Сорокин и др.]. Ленинград : Наука, 1984-
5. Конончук И. Я. К проблеме морфологической адаптации заимствованной лексики в русском языке XVIII в. (на материале писем А. В. Суворова) // Язык и культура : сборник статей XVIII междунар. науч. конф. Томск, 2005. С. 70–79.

Павлова Наталья Александровна

pavlova.natalia1@mail.ru

Кубанский государственный университет

АНТОНОМАЗИЯ И АЛЛЮЗИЯ КАК СПОСОБ МЕТАФОРИЗАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН

Аннотация. В статье рассматривается концептуализация прецедентных имен как сложных знаков, функционирующих в текстах не столько для обозначения конкретного денотата, сколько для апелляции к набору его дифференциальных признаков. Антономазия и аллюзия выступают как способ употребления метафорического значения имени собственного и прецедентных имен в контекстах.

Ключевые слова: прецедентное имя, имя собственное, метафора, антономазия, аллюзия.

Pavlova N. A.

Kuban State University

ANTONOMASY AND ALLUSION AS A WAY OF METAPHORIZING PRECEDENT NAMES

Abstract. This article examines the conceptualization of precedent names as complex signs that function in texts not so much to designate a specific denotation as to appeal to a set of its distinctive features. Antonomasia and allusion serve as a way to utilize the metaphorical meaning of proper names and precedent names in contexts.

Keywords: precedent name, proper name, metaphor, antonomasia, allusion.

В СМИ активно используются имена собственные для номинации в метафорическом, переносном значении лиц, которые в той или иной степени ассоциируются с оригинальным носителем соответствующего антропонима. Подобный метафорический перенос позволяет провести параллели между деятельностью, мировоззрением и личностными или внешними характеристиками соответствующих субъектов различной деятельности, служит средством выражения авторской позиции по отношению к этим лицам и обеспечивает значимое эмоциональное воздействие на адресата текста [1, с. 36].

Прецедентное имя (ПИ) — индивидуальное имя, связанное либо с широко известным текстом, как правило относящимся к прецедентным текстам, либо с прецедентной ситуацией; это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ. [2, с. 83]. Прецедентное имя состоит как из одного слова (*Пушкин, Суворов*), так и из словосочетания, обозначающего одно понятие (*Ледовое побоище*). В. В. Красных рассматривает прецедентное имя как вербальную реализацию прецедентного феномена (лингвокогнитивный феномен), ПИ функционирует как символ в определенных контекстах.

Дифференциальные признаки ПИ как некие характеристики, отличающие данный предмет или явление от ему подобных, представляют собой сложную систему характеристик. На данный момент невозможно определить и привести исчерпывающий набор элементов, образующих дифференциальные признаки прецедентных имен. Тем не менее представляется целесообразным выделение как минимум нескольких групп характеристик, определяющих денотативный аспект указанных имен. Дифференциальные признаки

прецедентного имени могут охватывать характеристики референта в двух аспектах: по его характерным чертам (*Казанова, Обломов*) и по внешности (*Дюймовочка, Аполлон*).

Е. А. Нахимова в монографии «Прецедентные имена в массовой коммуникации» выделила одиннадцать подходов к изучению образного использования имени собственного в современной лингвистике. Рассмотрим подробнее второй подход — «Классическая и обновляющаяся риторика», в рамках которого представлена метафоризация имени собственного посредством риторического тропа (антономазии) и риторической фигуры (аллюзии) [1, с. 38].

В «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило в словарной статье описывает два значения антономазии: 1) «Одна из разновидностей метонимии, основанная на замене имени собственного нарицательным и наоборот; например *«ловеласов обветшала слава»*; 2) обозначение лица или объекта словом, имеющим отвлеченное значение качества; напр. *«Всевышний»* вл. *«Бог»* [3, с. 39].

Среди прочих лексических средств антономазия наиболее близка к метафоре и метонимии, поскольку базис её отношения может носить как метонимический, так и метафорический характер. Выделяют два типа антономазии: использование имени собственного в значении нарицательного и использование нарицательных существительных или их частей в качестве имени собственного [4, с. 124].

Рассмотрим примеры антономазии в контекстах их употребления: *«Если же всё-таки сомневаетесь по этому поводу, то вспомните хотя бы свою первую реакцию, когда слышите об очередном экстремальном походе путешественников типа Фёдора Конюхова»* [5]. В контексте имя собственное выражает предметно-логическое значение, свойственное именам нарицательным. Федор Конюхов стал собирательным образом экстремального путешественника, странствующего по всему миру, его имя вызывает у реципиента ряд устойчивых ассоциаций.

В повести Нины Дашевской «Скрипка неизвестного мастера»: *«Да вы у меня прямо шерлоки холмсы! — усмехнулся Михаил Соломонович. Я думаю, всё было проще: кто-то обронил слово, а потом привязалось»* [5]. В контексте имя собственное Шерлок Холмс приобретает не только предметно-логическое значение, но и грамматически выражает признаки имени нарицательного.

Антропоним, используемый в контексте в переносном значении, может трактоваться как вид аллюзии. Такое использование антропонима предполагает проведение параллели между анализируемым феноменом и устойчивым когнитивным конструктом, зафиксированным в культурном дискурсе, таким как литературный, исторический или мифологический прототип. Важно, что при аллюзии не цитируется конкретный текст и не воспроизводится его значительная часть, а «намеки» осуществляется только на содержательном уровне.

Т. В. Жеребило в «Словаре лингвистических терминов» трактует термин аллюзия как «стилистическая фигура, выражение, намек посредством сходно звучащего слова или упоминания общеизвестного факта» [3, с. 36]. Исследователь в словарной статье указывает следующие виды аллюзии:

- «1) литературные цитаты — реминисценции;
- 2) трансформация высказываний ученых, деятелей культуры, политиков и др. выдающихся людей;
- 3) библеизмы (факты, имена, фразы из Библии или Евангелия);
- 4) цитаты из популярных песен, в том числе и трансформированные;
- 5) трансформированные названия фильмов и цитаты из них;
- 6) видоизмененные крылатые выражения;
- 7) названия произведений искусства, измененные применительно к контексту» [3, с. 36].

И. Р. Гальперин в книге «Текст как объект лингвистического исследования» охарактеризовал аллюзию как «литературный акт ссылки на любой ранее существовавший текст, предусматривающий наличие фоновых знаний об этом у читателя, и вызывающий у него соответствующие ассоциации» [6, с. 100].

Аллюзия — трехсторонняя единица, ведь она включает в себе сразу несколько характеристик: она часть нового текста, при этом часть старого текста и сигнал присутствия прецедентного текста. Следовательно, аллюзия — это намек, реализуемый при помощи отсылки к общеизвестному фактическому событию, прецедентному имени или ситуации. В рамках данной концептуализации метафорический антропоним может рассматриваться как частный случай аллюзии.

Опираясь на современное состояние общества и интерес к политике даже среди обывателей, к предложенной классификации следует добавить политический дискурс как сферу

активного применения аллюзий. Этот стилистический прием позволяет сформировать нужные составителям текста ассоциации у широкой аудитории, только намекая на некоторые факты, не называя их при этом. Например, в СМИ встречаются следующие наименования президента США: «архитектор MAGA», «изоляционист» и т.д. Аллюзия как средство метафоризации имени собственного позволяет усилить эмоциональное влияние на реципиента и убедительность речи. При этом в некоторых контекстах имя Дональд Трамп стало в СМИ нарицательным: политиков, которые имеют меньший вес на политической арене, но чьи взгляды схожи с мировоззрением президента США, часто именуют «клонами» республиканца или «мини-Трампами».

Рассмотрим пример использования религиозной аллюзии в заголовке статьи, посвященной напряженным политическим отношениям между Ираном и ЕС на портале РИА Новости: «*Поцелуй Иуды: эта отвратительная ложь быстро погубит Россию*» [7]. Поцелуй Иуды — прецедентная ситуация, отсылающая читателя к эпизоду Евангелия и ставшая символом предательства под видом дружбы и лицемерия, а прецедентное имя Иуда — символом предателя. Библейскую отсылку следует трактовать иносказательно, так как в самом тексте статьи подчеркивается мотив предательства, заложенный автором текста еще в заголовке: «... а между строчек горящими буквами начало проступать слово „предательство“» [7].

Таким образом, прецедентное имя — сложный символ, состоящий из одного слова или выражения и выполняющий роль вербальной реализации прецедентного феномена. В рамках лингвистики выделяют разные методы метафоризации имен собственных, к ним относятся риторические тропы, такие как антономазия и аллюзия. Именам собственным присущи как предметно-логические, так и эмоционально-образные функции, что позволяет использовать их для создания образных и многослойных смыслов. Использование прецедентных имен и аллюзий позволяет подчеркнуть образность, культурные и исторические контексты, а также придает текстам многогранность. Политическая сфера оказывает активное влияние на сознание широкой аудитории: в этой сфере метафоризация имен собственных — отражение разных взглядов, способ манипулирования сознанием и реакция на изменения в обществе.

Примечания

1. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» ; Ин-т социального образования. Екатеринбург, 2007. 207 с.

2. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: [сб. ст.] / [отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов]. Москва : Макс Пресс, 1997. С. 82–103.

3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2005. 376 с.

4. Каграманов К. Р. Явление антономасии в языке и речи (на материале англоязычной прессы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 521. С. 122–130.

5. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.01.2025)

6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : КомКнига, 2006. 144 с.

7. РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20260202/iran-2071562002.html> (дата обращения: 09.01.2025)

Петешова Ольга Викторовна

opeteshova@kantiana.ru

Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта

КВАНТИТАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ УРБАНОНИМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВЕТОНИМОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Сравнивается система урбанонимов-советонимов Калининградской области как результат сплошных переименований с усредненной квантитативной моделью системы урбанонимов Центральной России, отражающих реалии советской жизни. Лингвостатистический анализ по абсолютным и относительным семантическим параметрам позволяет сделать вывод о сходных тенденциях в номинативной деятельности на территории обоих рассмотренных регионов.

Ключевые слова: топоним, урбаноним, советоним, переименование, Калининградская область, лингвостатистика, квантитативная лингвистика.

Peteshova O. V.

Immanuel Kant Baltic Federal University

QUANTITATIVE MODELING OF URBANONYMY (BASED ON URBANONYMS WITH SOVIET-RELATED COMPONENTS OF KALININGRAD REGION)

Abstract. The article compares the system of urbanonyms with Soviet-related components of the Kaliningrad region formed during the large-scale renaming of urban features with an averaged quantitative model of the urbanonymic units of the Central Federal District that reflect the concepts bound to Soviet-life phenomena. Linguistic and statistical analysis based on absolute and relative semantic parameters has revealed similar trends in naming in the territory of both regions under examination.

Keywords: toponym, urbanonym, urbanonyms with Soviet-related components, renaming, Kaliningrad region, linguostatistics, quantitative linguistics.

Практика внедрения топонимов, несущих идеологию государства, началась в Российской империи в конце XVIII века с колонизацией Новороссии и образованием новых городов в период правления Екатерины Второй. Довольно четко соответствующая политика прослеживается со второй половины XIX века в связи с социальными трансформациями на всей территории страны, о чем свидетельствует, например, переименование Санкт-Петербурга в Петроград, ставшее частью антинемецкой кампании во время Первой мировой войны. После революции 1917 года влияние идеологии на ономастику становится системным и плановым. С этого времени онимная политика осуществляется на основе идей общественной собственности на средства производства и классового подхода к оценке исторических явлений. При именовании населенных пунктов и городских объектов местные власти были обязаны придерживаться стратегии нетерпимости к церкви, царю и дворянской элите [1, с. 54].

Топонимические единицы, отражающие советскую идеологию, чаще всего называют советизмами [2]. Тем не менее, учитывая тот факт, что в лингвистике советизмами нередко считают не только имена собственные, но и вообще любые лексические единицы, либо вошедшие в словарный состав русского языка в послереволюционный период и обозначающие реалии советской жизни, либо уже существующие слова, изменившие свое значение или стилистическую окраску в послереволюционный период [3, с. 76], мы, вслед за С. А. Поповым, предпочитаем для именовании подобных топонимических единиц термин «советоним» [4, с. 59]. Ономаст подразделяет все советонимы

на мемориальные названия (*пос. Покрышкино, пос. Ульяновка*) и абстрактно-идеологические топонимы, причем последние, с нашей точки зрения, можно дополнительно разделить на следующие группы:

— номинации, отражающие релевантные символы советского государства (*пос. Красное, пос. Знаменка*);

— номинации, основанные на специфическом осмыслении условий жизни в СССР и теряющие связь с новой идеологией вне контекста своего функционирования (*пос. Изобильное, пос. Трудовой*);

— топонимы, увековечивающие характерные для советского государства объединения рабочих, крестьян и молодежи (*пос. Совхозное, пос. Пролетарское*);

— топонимы, подчеркивающие новизну советского образа жизни (*пос. Новый Мир*);

— номинации, утверждающие особые ценности советского человека (*пос. Братское, пос. Дружба*).

Примеры, указанные в скобках, касаются исключительно ойконимов, однако возможно выделение аналогичных групп единиц, принадлежащих и к другим классам топонимов, в частности, к классу урбанонимов, рассмотрению которых посвящена настоящая статья. Ранее проведенные исследования урбанонимов-советонимов показали, что они отличаются высокой степенью повторяемости и составляют около 30 процентов всех урбанонимов в системах названий городских объектов, сложившихся в поселках городского типа, и больше тяготеют к использованию в городах и бывших городах [5, с. 210].

В Калининградской области (далее — КО), где урбанонимическая система сформировалась в середине 40-х годов XX века как итог разового сплошного переименования улиц после включения территорий бывшей Северо-Восточной Пруссии в состав СССР, перед авторами искусственных номинаций изначально стояла задача превращения бывших нацистских земель в «символ торжества советского образа жизни». Специалисты утверждают, что местная советизация связывала образование устойчивого социума с привнесением советских названий, мунументов, стандартов жизни и мировоззрения [6, с. 136].

Для проверки степени реальной советизации региона по сравнению с другими областями РСФСР мы предлагаем отталкиваться от идеи количественного моделирования калининградской урбанонимии по семантическим параметрам,

выводимым из вышеприведенной классификации советонимов, с последующим сопоставлением результатов с количественной моделью усредненной урбанонимической системы Центрального федерального округа (далее — ЦФО), откуда прибыла в КО основная масса переселенцев [7, с. 31], принимавших непосредственное участие в отборе новых топонимов при региональных реноминациях. При построении модели урбанонимии ЦФО, в свою очередь, использовались методы лингвостатистики по алгоритму, изложенному в работе Б. Н. Головина [8].

Согласно этому алгоритму, средние показатели по Центральной России можно рассчитать, базируясь не на всем урбанонимическом материале региона, а лишь на 10 выборках из этого материала (в нашем случае в каждой из 10 произвольно взятых областей — Белгородской, Брянской, Воронежской, Калужской, Курской, Липецкой, Орловской, Смоленской, Тамбовской и Тульской — брались по 1000 произвольных урбанонимов [9]). После вычисления средних выборочных частот по каждому из 17 семантических параметров нами рассчитывалась вероятная ошибка в определении средней частоты, делающая возможным установление интервала, в пределах которого должна колебаться действительная средняя частота. В завершение лингвостатистического анализа выяснялась величина так называемого «хи-квадрат критерия», на основании которого зафиксированные колебания частот квалифицировались либо как статистически незакономерные (что позволяло исключать соответствующий семантический параметр из дальнейшего рассмотрения), либо как статистически закономерные и типичные для использования советонимов в ЦФО. В последнем случае количественное сопоставление с урбанонимами-советонимами КО, выборка которых общим объемом в 1000 единиц формировалась преимущественно из доступных архивных источников (например, [10]), представляется правым и целесообразным.

Анализ показал, что из 17 семантических параметров, данные по 10 из которых рассчитывались в абсолютных единицах, а по 7 — в процентах по отношению к общему количеству советонимов области (далее — ОКС), 7 параметров являются статистически закономерными. В эту группу параметров включаются как параметры, вычисленные в абсолютных единицах (их 2), так и относительные параметры (оставшиеся 5). Их можно подразделить на три неравновеликие подгруппы:

А. Параметры, по которым фиксируется полное количественное совпадение между КО и ЦФО (2).

Здесь относят следующие показатели:

1. Доля урбанонимов, увековечивающих то или иное событие в истории СССР, в ОКС.

В КО, где представлены, например, урбанонимы *ул. Первомайская*, *площадь Победы*, *ул. Октябрьская*, такая доля равна 12%, в то время как в среднем по ЦФО по итогам лингвостатистического анализа она варьируется в пределах от 8 до 12% (при последовательной реализации в отдельных выборках в объеме 6% — 11% — 14% — 7% — 8% — 12% — 7% — 12% — 9% — 11%; например, *ул. 12 лет Октября* в Брянске, *ул. 1 Мая* в Смоленске, *площадь Первомайская* в Тамбове).

2. Доля урбанонимов, восходящих к обозначениям символов советского строя, в ОКС.

Если в КО с ее советонимами типа нескольких *ул. Красных* и *ул. Краснознаменских* имеет место показатель 7%, то анализ 10 выборок по ЦФО, включающих урбанонимы *ул. Знаменская* в Брянске, *ул. Краснознаменная* в Воронеже, *проезд Красный* в Калуге (2% — 10% — 3% — 6% — 8% — 6% — 3% — 5% — 6% — 3%), продемонстрировал факт варьирования действительной средней в интервале 3,4% — 7%.

Б. Параметры, по которым КО уступает Центральной России (4). К этой подгруппе принадлежат следующие показатели:

1. Доля посвящений выдающимся деятелям СССР в ОКС (в частности, *ул. Горького*, *ул. Калинина*, *ул. Свердлова* в КО, а в ЦФО — *ул. Бабушкина* в Брянске, *ул. Николая Островского* в Калуге, *ул. Володарского* в Курске). В КО насчитывается 60% урбанонимов такого рода, что несколько меньше средних показателей по ЦФО (от 63% до 71%; конкретно по изученным выборкам доли распределяются так: 74%, 63%, 74%, 65%, 64%, 70%, 72%, 67%, 53%, 68%).

2. Доля названий, основанных на переосмыслении условий жизни в Советском Союзе, в ОКС (всего 0,01% в КО при 0,8–2,8% в ЦФО). К этой группе относятся урбанонимы: *ул. Труда*, *ул. Трудовая* (КО), *переулок Трудовой* (Орел), *ул. Урожайная* (Смоленск), *ул. Ударная* (Тамбов).

3. Абсолютное число названий, отражающих новизну советского образа жизни. В обеих сравниваемых урбанонимических системах оно является крайне низким, но в КО, с ее 0 единицами, оно однозначно выходит за характерные для ЦФО

пределы от 0,24 до 0,95 единиц (примеры — урбанонимы Центральной России: *ул.Новый Быт* в Воронеже, *переулок Новая Заря* в Туле).

4. Абсолютное количество урбанонимов, закрепляющих ключевые ценности советского народа. В КО обнаружено 4 названия улиц с подходящей семантикой (*ул.Правды*, *ул.Мира*, *ул.Свободная* и другие), а в ЦФО может быть в среднем от 7 до 11 урбанонимов данной подгруппы (*ул.Дружбы* в Белгороде, *ул.Согласия* в Орле, *переулок Свободный* в Липецке и другие).

В. Единственный параметр, по которому КО превосходит Центральную Россию — доля советонимов, восходящих к названиям типичных для Советского Союза объединений людей, в ОКС. Примерами подобных урбанонимов являются номинации *ул.Пролетарская*, *ул.Пионерская*, *ул.Колхозная* в КО, где имеется 19% соответствующих советонимов, и наименования *ул.Комсомольская* в Белгороде, *ул.Народная* в Курске и *ул.Совхозная* в Липецке, где данная доля находится в пределах от 9% до 16%.

При этом все количественные расхождения по параметрам из групп 2–3 являются совершенно незначительными. Соответственно, на фоне квантитативной модели усредненной урбанонимической системы ЦФО, построенной на основе применения методов лингвостатистики, нельзя говорить о более ярко выраженной советизации КО после сплошных переименований географических объектов в 40-х годах XX века.

Что касается статистически незакономерных параметров, по которым строились квантитативные модели сравниваемых урбанонимических систем, то основной причиной их исключения стало превышение величины (хи-квадрат) критерия, вызванное существенными отклонениями средних частот в отдельных выборках, которые свидетельствуют об уникальности урбанонимических систем отдельных рассмотренных областей в том или ином отношении. Например, при среднем абсолютном количестве советонимов, равном 258, в Липецкой области их насчитывается 328, а в Тульской области — 300. Аналогичным образом в Липецкой области присутствует 40 урбанонимов, увековечивающих значимые события советской истории, а в Тамбовской области представлено 103 абстрактно-идеологических советонима при соответствующих средних показателях по ЦФО, составляющих 25 и 59 соответственно.

Если абстрагироваться от тезиса о статистической незакономерности данных 10 семантических параметров, то невозможно не обратить внимание на то обстоятельство, что по семи из них КО однозначно лидирует в количественном плане, причем по параметрам «абсолютное число урбанонимов, восходящих к обозначениям символов советского строя» и «абсолютное число урбанонимов, восходящих к названиям типичных для Советского Союза объединений людей» разница между двумя системами оказывается довольно ощутимой (в первом случае — 21 в КО против 13 в ЦФО, во втором — 57 в КО против 31 в ЦФО). Вероятно, именно по этой причине сторонние наблюдатели воспринимают урбанонимическую систему КО вне рамок лингвостатистики как более советизированную по сравнению с урбанонимией Центральной России.

Однако грамотный подход к квантитативному анализу характеризуемого языкового материала позволяет сделать два других вывода.

— Во-первых, очевидно, что при формировании различных частей системы урбанонимов-советонимов ЦФО во многих, хотя и не во всех возможных семантических аспектах, действуют похожие номинативные тенденции, допускающие полноправное рассмотрение этого региона как единого урбанонимического пространства с позиций лингвистической статистики.

— Во-вторых, незначительность отклонений между количественными показателями, описывающими названия улиц в КО и ЦФО, указывает на сходства в номинативной деятельности, протекающей в двух регионах с принципиально различными условиями внедрения урбанонимов в целом и при советизации этих регионов в частности.

Примечания

1. Мозговой В. И. Уроки идеологизации онимного пространства // Ономастика Поволжья. Оренбург : Оренбургский государственный педагогический университет, 2021. С. 53–56.

2. Пивень А. В. Советизмы в номинациях линейных адресных объектов города // Новые горизонты русистики. 2021. № 13. С. 79–83.

3. Кармелаева Д. Г. Советизмы: функционирование и перевод // Контентус. 2016. № 4. С. 75–80.

4. Попов С. А. Экстралингвистическое воздействие на процессы топонимической номинации // Ономастика Поволжья. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2021. С. 57–63.

5. Соловьев А. Н. Советские символические названия в урбанистике поселков городского типа Смоленской области // Смоленский медицинский альманах. 2022. № 4. С. 207–210.

6. Вендина О. И., Гриценко А. А. От нарративов к монументам: символическая трансформация культурного ландшафта Калининградской области // Журнал фронтирных исследований. 2024. Т. 9, № 2. С. 134–171.

7. Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни : из истории переселенческих колхозов Калининградской области 1946–1953 гг. Москва : Политическая энциклопедия, 2015. 263 с.

8. Головин Б. Н. Язык и статистика. Москва : Просвещение, 1971. 190 с.

9. ККГ — Карты крупных городов по регионам России. URL: <https://city-address.ru> (дата обращения: 20.07.2025 г.).

10. МП — Материалы о переименовании улиц, площадей и парков города Калининграда // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. 310. Оп. 7. Д. 1. Л. 1–32.

Пономаренко Ирина Николаевна
irnik20@mail.ru

Кубанский государственный университет

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В ЭРГОНИМИКОНЕ КРАСНОДАРА

Аннотация. Анализируются новые тенденции создания эргонимов как индивидуальных и социально маркированных единиц языка города. Усложнение формы эргонима и его прецедентное соотнесение с известным символом, именем, брендом стали привычным явлением. Людический принцип современной постмодернистской культуры отражен в креативном нейминге, который призван обеспечить успешное продвижение товаров и услуг на рынке. Одно из его новых решений — появление эргонимов-амбинимов.

Ключевые слова: имя собственное, язык города, нейминг, эргоним, палиндром, амбиним.

Ponomarenko I. N.
Kuban State University

TRADITIONAL AND NEW IN THE ERGONYMICON OF KRASNODAR

Abstract. New trends in the creation of ergonyms as individual and socially labeled units of the city language are analyzed. The complexity of

the ergonym form and its precedent correlation with a well-known symbol, name, brand has become a common phenomenon. The human principle of contemporary postmodern culture is reflected in creative naming, which is designed to ensure the successful promotion of goods and services on the market. One of its new solutions is the emergence of ergonyms-ambonyms.

Keywords: Proper name, city language, naming, ergonym, palindrome, ambinym.

Исследование имен собственных в отечественной лингвистике (А. А. Реформатский, В. Д. Бондалетов, О. И. Фонякова, А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, В. И. Супрун, Р. Ю. Намиотова и др.) имеет давнюю традицию. Однако изучение эргонимов как вида имен собственных по-прежнему остается важным направлением актуальной лингвистики в сфере изучения языка города (работы Т. В. Шмелевой, И. В. Крюковой, Е. Н. Ремчуковой, О. В. Врублевской, В. А. Крыжановской и др.).

Эпоха абсолютизации сферы потребления как парадигмы современного социального этапа предполагает наличие все расширяющегося списка предлагаемых товаров и услуг, снабженных новыми именами. Привлечение внимания потенциальных покупателей — условие продвижения бизнеса, напрямую связанное с успешной рекламной деятельностью, к сфере которой относится нейминг.

Известно, что имя — продукт развития языка. Актуальные номинативные единицы являются элементами языковой модели мира. Эпоха и уровень знаний человечества накладывают свой отпечаток на имя [1, с. 5]. Скучные названия «Продукты», «Одежда», «Цветы» и мн. др., которые ассоциировались с бюрократическим новоязом, ушли в прошлое. Отмечается активное желание создавать новые городские имена с включение креативных компонентов. Эффективная коммуникация эпохи постмодернизма отдает предпочтение оригинальным единицам.

Как носители языка, мы не можем не отмечать частотность и высокий темп появления в эргонимическом пространстве наших городов запоминающихся названий. Право создания имен городских объектов принадлежит чаще всего их владельцам, хотя те часто прибегают к услугам копирайтеров, в силу чего исследование городского эргонимикона позволяет делать выводы о лингвистических предпочтениях, уровне фоновых знаний и языковых вкусах наших соотечественников.

Эргонимы, которые являются единицами лексической системы языка, имеют закономерный набор характеристик —

денотативных, сигнификативных и структурных. Однако, являясь именами собственными, данные лексемы имеют в семантической системе языка особый статус. Если для апеллятива важна связь с понятием, то у онима связь с сигнификатом может быть ослабленной или даже полностью отсутствующей. Хотя следует отметить, что наблюдается процесс «семантизации» имен собственных, связанный с ономастическим бумом последних десятилетий: «пополнение такого класса имен собственных, как эргонимы, меняет академический взгляд на онимы в целом» [2, с. 80].

Поскольку основная функция данных единиц — именование единичных предметов, ведущей следует признать их связь с денотатом, что позволяет им выполнять не только указательную, но и информативную функцию. Это и сближает их с рекламным слоганом: за счет расширения функционального потенциала номинативная, указательная и идентифицирующая функции дополняются информационной, социальной, эмоционально-воздействующей и социокультурной.

Так, в современном нейминге важна значимость эмоционально-оценочных компонентов. Реализация экстралингвистического и интралингвистического потенциала эргонимов как особого рода лексем связана с факультативным для апеллятивов аспектом значения — коннотативным.

Чаще всего коннотативный аспект значения новых номенов соотносится со сферой экстралингвистических и оценочных характеристик, которые выражены в элементах экспрессии, аллюзии, паронимии и языковой игры.

Анализ массива эргонимов Краснодара показал, что язык города — пространство традиционных названий с явной денотативной связью, выполняющих указательную и информативную функции: магазин «*Продукты 24/7*», «*Товары для детей*», «*Канцтовары*», пекарня «*Царевы пироги*», кондитерская «*Ваниль*», пекарня «*Пышка*», цветы «*Флора*» и мн. др. Профиль услуг объекта легко устанавливается через семантическую связь входящих в тематическую группу слов: парикмахерская «*Красотка*», мясной ресторан «*Скотина*», кафе «*Сели и поели*», столовая «*Тарелка*», торговая сеть «*Каравай Кубани*», кухонная студия «*Вилка*», автомастерская «*Прямые руки*», зоотовары «*Мокрый нос*» и мн. др. Следует заметить, что сразу установить направление деятельности получается не всегда: в городе есть не только салон красоты «*Геометрия*» и стоматология «*Симметрия*»,

пирожковая «*Жажда вкуса*» и пекарня «*Вдохновение*», но и стоматологическая клиника «*Pikasso*», кафе-кухня *1 S*, духи на распив «*Три ежа*» и даже стрип-бар «*Естествознание*».

Таким образом, факультативное даже для апеллятивов коннотативное значение для большинства городских имен собственных становится традиционным. Часто именно этот компонент определяет рекламную успешность и конкурентоспособность городского объекта. «Несмотря на то, что чаще всего графическое оформление названий не выделяет их смысловые доминанты, оно обеспечивает возможность для нескольких взаимодополняющих прочтений названия, создает прецедентный образ, чем влияет на оценку и восприятие эргонима [3, с. 181].

В сознании носителя языка вспыхивает гамма ассоциаций, порожденных графической трансформацией, параномазийным обыгрыванием слова, включением прецедентных феноменов: гирос «*Эль Греко*», мягкая мебель «*Сэнсей Сафо*», сыроварня «*Луи Бидон*», кафе-столовая столовая «*Жан Плов Лагман*» и др. Все популярнее становится использование элементов параномазии: детская одежда «*Киднс прикидс*», пекарня «*Мадам Пышкина*», кафе «*Папин Сибиряк*», неорюмочная «*Наливайка*», пивная «*Пивбуль*» и др.

Коммуникативная успешность этого вида онимов напрямую связана с использованием фоновых знаний, прецедентно соотносящихся с известным именем, брендом, культурным символом. Подобный эргоним как поликодовый знак в высшей степени индивидуален и всегда социально маркирован. Обладая высокой коммуникативной толерантностью и лингвокультурной спецификой, он функционирует в речи и закрепляется в знаковом коде языка города.

Усиление аттрактивного воздействия на потенциального потребителя оказывают креативные эргонимы. По нашим наблюдениям, новым аспектом расширения городского эргонимикона стало использование в названиях палиндромов. «Как показывает обзор литературы, в современных исследованиях палиндромия рассматривается преимущественно с позиций литературоведения, при этом практически неопианным остается креативный потенциал палиндромов, который видится нам как особая симметричная форма, содержательно соотносенная со скрытыми смыслами» [4, с. 145]. Палиндром в эргонимиконе представляет собой уникальный языковой знак, имеющий особую симметричную организацию на визуальном

уровне и транслирующий эстетику гармонии, красоты и порядка. В актуальном лингвокультурном пространстве палиндромы могут выступать как имена собственные. Например, известная певица «Ани Лорак» на самом деле «Каролина». Вспомним, известный эргоним-палиндром советского периода «Дом мод».

В эргонимиконе Краснодара из палиндромов преимущественно представлены амбинимы — слова, которые читаются одинаково с обеих сторон. Причем подобные палиндромы могут быть оформлены как латиницей: парикмахерская «LEVEL», магазин «ANIKINA», молодежная одежда «OYUO», строительная компания «AVA», так и кириллицей: клиника «КМК», офтальмология «ОКО».

Инновационное использование амбинимов очень созвучно постмодернистскому контексту нашего времени. Такие номинативные единицы останавливают взгляд, а значит, привлекают внимание, усиливая аттрактивный эффект. Людический принцип современной культуры нашел выражение в усложнении формы эргонимов нового типа.

Таким образом, множество эргонимических единиц города можно описать как специфическую подсистему лексики, формирующуюся под воздействием целого ряда экстралингвистических и лингвистических факторов. Лингвокультурная информация, игра со смыслами, оригинальная форма закономерно делают современные коммерческие имена привлекательными для лингвистического анализа.

В заключение отметим, что эргонимический ландшафт Краснодара — это не только фрагмент актуальной языковой картины мира, но и уникальная мультикультурная модель, маркер онимических предпочтений и определенный показатель вкуса коллективной языковой личности третьего десятилетия XXI века.

Примечания

1. Суперанская А. В. Имя и эпоха // Историческая ономастика. Москва, 1974. С. 4–34.
2. Пономаренко И. Н., Беданоква З. К. К вопросу о семантике имени собственного // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2018. Вып. 4 (227). С. 76–83.
3. Крыжановская В. А. Современная эргонимия: основные приемы графической игры // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2016. № 3. С. 179–181.
4. Пономаренко И. Н., Сегал Н. А. Универсальный принцип симметрии в объектах лингвистики. Симферополь : АРИАЛ, 2023. 200 с.

Попов Сергей Александрович
spo@bk.ru
Воронежский государственный университет

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ВОРОНЕЖА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ

Аннотация. Рассматривается роль топонимической системы города Воронежа в формировании его привлекательного образа для туристов. Анализируется семантика и прагматика ключевых урбанонимов, их связь с историческими событиями и личностями. Особое внимание уделяется проблеме диссонанса между историческими названиями и их современным восприятием, а также вопросам включения топонимов в туристические маршруты и медийный дискурс. На материале внутригородских объектов Воронежа выявляются основные стратегии использования онимов для конструирования локального бренда и предлагаются практические рекомендации по оптимизации топонимического ландшафта в туристических целях. Автор приходит к выводу, что топонимический ландшафт является не просто фоном, а активным семиотическим ресурсом, требующим продуманной политики номинирования и презентации.

Ключевые слова: топонимический ландшафт, урбанонимика, Воронеж, туристический бренд, городское пространство, лингвокраеведение, прецедентные имена.

Popov S. A.
Voronezh State University

THE TOPONYMIC LANDSCAPE OF VORONEZH AS A TOOL FOR FORMING THE TERRITORY'S TOURIST BRAND

Abstract. The article examines the role of the toponymic system of the city of Voronezh in shaping its attractive image for tourists. The semantics and pragmatics of key urbanonyms, their connection with historical events and personalities are analyzed. Special attention is paid to the problem of dissonance between historical names and their modern perception, as well as the issues of including toponyms in tourist routes and media discourse. Based on the material of Voronezh intracity objects, the main strategies for using onyms to construct a local brand are identified, and practical recommendations for optimizing the toponymic landscape for tourist purposes are proposed. The author concludes that the toponymic landscape is not just a background but an active semiotic resource that requires a thoughtful policy of nomination and presentation.

Keywords: toponymic landscape, urbanonymy, Voronezh, tourist brand, urban space, linguistic local history, precedent names.

Топонимическая система современного города представляет собой сложный семиотический комплекс, в котором переплетаются историческая память, идеологические установки, языковые процессы и повседневные практики горожан. В последние десятилетия в рамках урбанистических исследований и регионального маркетинга все более отчетливо осознается потенциал городских имен как ресурса для формирования привлекательного имиджа территории. Для Воронежа, позиционирующего себя как «колыбель русского флота», «город воинской славы» и крупный культурный центр Черноземья, проблема эффективного использования топонимического капитала приобретает особую значимость в контексте развития внутреннего туризма.

Цель настоящей работы — проанализировать, каким образом элементы топонимического ландшафта Воронежа участвуют в создании туристического бренда города, выявить существующие проблемы и наметить пути их решения. Материалом исследования послужили названия внутригородских объектов (улиц, площадей, мостов, районов), официальные туристические путеводители, материалы городских СМИ и данные навигационных сервисов.

Функционирование топонима в современном городском пространстве не ограничивается адресной (локативной) функцией. Как справедливо отмечают Е. О. Опарина и М. Б. Раренко, урбанонимы «выступают для жителей города в качестве определенного кода культуры, формирующего «свое» пространство» [1, с. 209]. Для туриста, попадающего в незнакомый город, названия выступают первичными маркерами, задающими систему координат и формирующими первое впечатление. В этом смысле топонимический ландшафт работает как текст, который необходимо уметь «читать».

Ядро туристического бренда Воронежа сегодня составляют несколько ключевых топонимов, обладающих высоким семиотическим потенциалом. Безусловным лидером является *Адмиралтейская площадь*. Хотя историческое Адмиралтейство не сохранилось, само название активизирует в сознании доминантный для города «морской код», отсылая к деятельности Петра I и строительству первого регулярного военно-морского флота. Установленная на площади ростральная колонна и расположенный рядом Успенский адмиралтейский храм создают целостный ансамбль, где имя выполняет функцию интегратора исторического нарратива.

Не менее важен оним *Кольцовский сквер*. Названный в честь поэта А. В. Кольцова, он является примером успешной мемориализации, связывающей городское пространство с именами деятелей культуры. Брендная сущность этого места усилена наличием памятника поэту и фонтаном, что превращает сквер в обязательную точку туристического маршрута и узнаваемый символ города.

Особого внимания заслуживают так называемые «народные» топонимы, которые активно функционируют в неофициальном дискурсе, но редко используются в официальных туристических материалах. Например, «*Чижовка*» (Чижовский плацдарм) — место ожесточенных боев в годы Великой Отечественной войны. Для жителей народное название бывшей Чижовской слободы обладает огромной эмоциональной нагрузкой, связанной с памятью о павших. Однако в туристических проспектах этот топоним часто редуцируется до формального «мемориальный комплекс на Чижовском плацдарме», теряя свою аутентичность и живую связь с городским фольклором.

Однако ряд решений вызывает вопросы с точки зрения брендинга. Например, название *площадь Ленина* для главной площади города десемантизировано для молодого поколения и иностранных туристов. Оно не дает никакой отсылки к локальной идентичности, в отличие от, скажем, возвращения исторического названия «Конная площадь» или придания ей имени, связанного с воронежской историей (например, «Площадь Петра Великого», хотя этот оним уже закреплен за другим объектом). Тотальная унификация названий в советский период привела к утрате уникального топонимического слоя, отражавшего реалии дореволюционного города.

Анализ современных туристических путеводителей по Воронежу показывает, что топонимы в них выполняют структурирующую функцию, но их потенциал раскрыт не полностью. Как правило, название лишь упоминается как привязка к месту, но редко становится предметом отдельного экскурсионного рассказа.

Для эффективного использования топонимического ландшафта в формировании туристического бренда Воронежа можно предложить следующие меры:

1. Разработка лингвокраеведческих экскурсионных маршрутов. Например, маршрут «По следам Петра» (Адмиралтейская площадь — Петровский сквер — остров Петровский) или маршрут «Воронеж купеческий» (улица Большая Девицкая —

улица Сакко и Ванцетти /бывш. Купеческая/ — улица Карла Маркса /бывш. Малая Девицкая/).

2. Визуализация истории названий. Установка информационных щитов (табличек) с краткой историей происхождения названия улицы или площади. Особенно это актуально для мест, где исторический смысл утрачен.

3. Включение «народной» топонимии в официальный оборот. Использование в путеводителях и на картах пояснений: «Чижовский плацдарм (в народе — Чижовка)». Это сократит разрыв между официальным и обыденным восприятием города и добавит живого колорита.

4. Актуализация забытых исторических названий. При создании новых туристических объектов или арт-пространств можно использовать исторические имена местности.

Таким образом, топонимический ландшафт Воронежа обладает значительным, но пока недостаточно реализованным потенциалом для формирования туристического бренда. Ключевые исторические названия успешно работают на идентичность, выполняя мемориальную и символическую функции. Однако наличие десемантизированных советских названий на ключевых городских доминантах, а также слабая включенность микротопонимии и историко-лингвистического комментария в экскурсионные практики снижают эффективность использования этого ресурса. Продуманная топонимическая политика, направленная на выявление, сохранение и актуализацию историко-культурного потенциала городских имен, способна значительно усилить привлекательность Воронежа как туристического центра, превратив рядовые адресные указатели в увлекательный путеводитель по истории и культуре края.

Примечания

1. Опарина Е. О., Раренко М. Б. Городские топонимы как социокультурный фактор и как инструмент региональной идентичности // Россия и современный мир. 2024. № 4 (125). С. 205–221.

Рацибурская Лариса Викторовна

racib@yandex.ru

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В МЕДИЙНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

Аннотация. Антропоцентрическая парадигма современного гуманитарного знания обусловила возможность новых подходов и к словообразовательным процессам в разных видах дискурса, и в частности в медийном дискурсе. Усиление личностного начала в современных медийных текстах проявляется, кроме прочего, в активизации отонимного словообразования. Отонимные новообразования различаются по степени стандартности их словообразовательной структуры. К стандартным новообразованиям относятся неударные, соответствующие узואальным словообразовательным типам и моделям (с суффиксами *-(из)аци(я)*, *-изм*, *-щин(а)* и др.). К нестандартным новообразованиям относятся неударные, созданные с отклонением от условий словообразовательных типов (с префиксами *анти-*, *пост-*, *пере-*, *недо-* и др.), а также созданные неударными способами (чересступенное словообразование, контаминация) и по окказиональным моделям (графическое словообразование). Степень экспрессивности отонимных новообразований возрастает по мере возрастания степени нестандартности их структуры.

Ключевые слова: массмедиа, словообразовательные процессы, новообразования, онимы.

Ratsiburskaya L. V.

National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod

PROPER NAMES IN MEDIA WORD-FORMATION PROCESSES

Abstract. The anthropocentric paradigm of modern humanitarian knowledge has led to the possibility of new approaches to word-formation processes in different types of discourse, and in particular in media discourse. The strengthening of the personal principle in modern media texts is manifested, among other things, in the activation of otonymic word formation. Otonymous neoplasms differ in the degree of standardization of their word-formation structure. The standard neoplasms include non-derivatives corresponding to the usual word-formation types and models (with the suffixes *-(from)aci(I)*, *-ism*, *-schin(a)*, etc.). Non-standard neoplasms include non-derivatives created with deviations from the conditions of word-formation types (with prefixes *anti-*, *post-*, *over-*, *under-*, etc.), as well as those created in non-usual ways (excessive word formation, contamination) and according to occasional models (graphic

word formation). The degree of expressiveness of otonymous neoplasms increases with increasing degree of non-standardness of their structure.

Keywords: mass media, word-formation processes, neoplasms, onyms.

Характерное для XX века структурно-семантическое направление в исследовании новообразований [1] в XXI веке обогатилось новыми научными парадигмами. Антропоцентрическая парадигма современного гуманитарного знания обусловила возможность новых подходов к словообразовательным процессам и, в частности, к медийному новообразованию.

Отмечаемое учеными усиление личностного начала в современных медийных текстах проявляется в разных аспектах, в частности, в вовлечении в словообразовательные процессы разных видов онимов. Так, в медийных текстах широко представлены новообразования на базе имен собственных, и прежде всего антропонимов и топонимов.

Отонимные новообразования имеют различную словообразовательную структуру, которая по-разному соотносится со словообразовательным стандартом. Новообразования по своей структуре могут быть стандартными и нестандартными. Стандартные новообразования, или новообразования типовой структуры, соответствуют узуальным словообразовательным типам и моделям. Нестандартные новообразования созданы с отклонением от условий словообразовательных типов и моделей, а также по неузуальным, окказиональным моделям.

Имена собственные активно используются в некоторых суффиксальных узуальных моделях. Так, антропонимы и топонимы регулярно включаются в модели с суффиксами отвлеченной семантики *-(из)аци(я)*, *-изм* в новообразованиях, называющих общественно-политические, идеологические направления, течения: *Байден шутит про финляндизацию НАТО* (Россия-1, 13.07.2023); *Как будет происходить трампизация Европы* (НТВ, 14.02.2026); *Классический киссинджеризм, политика балансирования* (Вести ФМ, 19.08.2022); *Обыкновенный шольцизм* (1-й канал, 04.04.2023). В результате возникают новообразования стандартной словообразовательной структуры.

Синонимичный рассмотренным суффикс *-щин(а)*, присоединяясь к основам личных имен собственных, образует неодериваты с негативной оценкой: *В девяностые годы он был против солженицынщины* (радио «Комсомольская правда», 11.12.2023). *Это такая хлестаковщина вкупе с маниловщиной*

и прочей Остапобендеровшиной (1-й канал, 11.02.2025). В результате создается сложное новообразование на базе имени и фамилии *Остап Бендер*, что свидетельствует о некотором отклонении от словообразовательного стандарта.

Активно функционируют личные имена собственные в качестве производящих в новообразованиях на *-мания*, *-фобия*: *Его хозяин Хорхи Мас назвал то, что происходило в последние дни, «Месси-манией»* (Коммерсантъ, 20.06.2023) — о заключении контракта известного футболиста Лионеля Месси с «Интер Майями»; *Появился даже термин «поттеромания», который описывал, как подростки многих стран подражали героям этих книг буквально во всех жизненных аспектах* (Аргументы и факты, 23.09.2025); *Но именно «Гостя из будущего» буквально запустила в стране алисоманию (ещё не связанную с группой «Алиса») — в Селезневу-Гусеву влюбились все мальчики-подростки* (Аргументы и факты, 29.11.2025); *После выхода фильма началась настоящая стриженомания* (1-й канал, 10.02.2025) — об известном артисте Олеге Стриженове; *У них была иваномания* (1-й канал, 27.12.2025) — о группе «Иванушки International»; *Клаусофобия* (Версия, 22.04.2024) — о состоянии здоровья президента Давосского форума Клауса Шваба.

Отонимные новообразования активно создаются также с помощью суффиксоидов *-люб*, *-фил*, *-фоб*: *Наша экспертная поляна разделяется на несколько фракций: трамполюбов, или трампофилов, трампоскептиков и трампобов* (1-й канал, 26.02.2025).

Наряду с новообразованиями стандартной структуры в медийных текстах представлены также отонимные новообразования с различными нарушениями словообразовательного стандарта.

Имена собственные могут выступать в качестве исходных слов словообразовательной цепочки: *<США хотят> вернуть Кубу к докастровским временам* (1-й канал, 18.02.2026) — *Кастро* — *кастровский — докастровский. В данном случае наблюдается неузуальное чересступенное словообразование с пропуском ступени прилагательного.

Словообразовательные ограничения в сочетаемости морфем могут нарушаться при сочетании производящих основ от имен собственных с некоторыми суффиксами. Так, основы прилагательных с суффиксом *-ск(ий)* не могут сочетаться с другими суффиксами. Но в новообразовании британскость

на базе прилагательного *британский* от топонима *Британия* основа производящего прилагательного на *-ск(ий)* сочетается с суффиксом *-ость* с семантикой отвлеченного признака: ***Британскость*** *проявляется не только в британских флагах...* (Пятница, 23.02.2026).

Производные на базе имен собственных нередко появляются в результате именной префиксации с отклонением от условий словообразовательных типов. Так, префикс *-анти* со значением отрицания, противоположности может участвовать в создании новообразований на базе личных имен собственных: «***Анти-Чубайс***» (Версия, 06.03.2023) — заголовок статьи о незаконно приватизированной собственности, которую пытаются вернуть государству; *Появились даже признаки проблемы «отцов и детей»: зумеры немного **анти-Базаровы** нашего времени, беззубые нигилисты, отвергающие протест* (Российская газета, 29.08.2025). Префикс *-анти* может сочетаться и с топонимами: *Студия позиционировала себя как «**анти-Голливуд**», стала популярна у леваков и на всех мировых фестивалях устраивала живописные уличные демонстрации с живыми скелетами и размалеванными кровью лицами* (Российская газета, 04.09.2025); *В бассейне Печоры предполагалось из реки Ижмы (в Республике Коми) сделать «**анти-Ижму**»: использовать ее как канал, чтобы соединить реки Северную Кельтму с Южной тоже каналом — серией взрывов* (Российская газета, 10.12.2025).

С личными именами собственными сочетаются и другие префиксы, в частности префикс *post-* временной семантики: «***ПостКейдж***» (Версия, 06.05.2022) — заголовок статьи об известном актере Николасе Кейдже, который играет героя с идентичным именем. К нестандартным новообразованиям относятся также отонимные дериваты с префиксами *пере-* с семантикой избыточности и *недо-* с семантикой недостаточности: *Теперь у нас две звезды: **переВалерия** и **недоПригожин*** (НТВ, 19.12.2025).

Имена собственные нередко обыгрываются в процессах графического словообразования, результаты которых демонстрируют более высокую степень нестандартности структуры.

Так, при капитализации в составе узуального слова прописными буквами могут выделяться топонимы и антропонимы: ***ПроБОРовавшиеся***. *Сможет ли губернатор Игорь Руденя навести порядок с границами заповедного Клетинского бора?* (Версия, 13.06.2023); ***АСТАНА*** *вितесь!* (<https://versia.ru>) —

Астана + остановитесь — о вмешательстве международных корпораций в нефтегазовую промышленность Казахстана. В последнем случае наблюдается формальное изменение узувального слова.

В некоторых случаях прописными буквами выделяется начальная графема топонима: *ДосвиДания* (<https://versia.ru>) — *до свидания* + *Дания*; *ПерезаГрузия* (<https://versia.ru>) — *перезагрузить* + *Грузия* — с усечением финали исходного глагола.

В некоторых графодериватах обыгрываются имена мифологических персонажей в составе прецедентных фразеологизмов: *ТИСИЗов труд. Экс-замглавы Росприроднадзора Олег Митволь в очередной раз обнулil строительство Красноярского метро ... О возобновлении строительства заговорили в 2018 году, тогда же в спешном порядке начались работы по реорганизации акционерного общества КрасноярскТИСИЗ (треста инженерно-строительных изысканий)* (Версия, 11.06.2022). В исходном *сизифов (труд)* выделяется аббревиатура *ТИСИЗ* с перестановкой графем.

При дефисации дефис разбивает узувальное слово на части, актуализируя их в качестве самостоятельных слов, одно из которых — личное имя собственное: *Мара-фон. Перед премьерой «Девушки с татуировкой дракона» наш лос-анджелесский корреспондент Галя Галкина поболтала с Руни Мара: девушкой, которая обошла Скарлетт Йоханссон, Кристен Стюарт и Натали Портман в борьбе за роль в главном фильме января (Elle Girl. 2012. Январь).*

В контаминированных дериватах может использоваться цветное выделение. В заголовке *ГУД БАЙДЕН, ТРАМП. Сможет ли новый президент выгнать из Белого дома старого?* (Московский комсомолец, 11–18.11.2020) цветом выделяется транслитерированная английская формула этикетного прощания *good bye*, что символизирует и прощание с бывшим президентом Трампом, и приход к власти нового президента Байдена.

Как показывает анализ, новообразования на базе имен собственных характеризуются различным отношением к словообразовательному стандарту: от соответствия узувальным словообразовательным типам и моделям (новообразования с суффиксами *-(из)аци(я)*, *-изм* и др.) до отклонений от условий словообразовательных типов (префиксальные новообразования) и крайней степени нестандартности (графические

новообразования). Степень экспрессивности отонимных новообразований возрастает по мере возрастания степени нестандартности их структуры.

Примечания

1. Намитокова Р. Ю. Авторские новообразования: словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону, 1986. 156 с.

Сагиндикова Зульфия Мурзабиевна
dochstepi@mail.ru

Дагестанский государственный университет

АНТРОПОКОМПОНЕНТ АРУЬВ / АЬРУЬВ «КРАСИВЫЙ» В НОГАЙСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию антропокомпонента *аруьв / аьруьв* «красивый» в системе ногайских личных имен. В ней дана классификация сложносоставных имен с данным антропокомпонентом и анализ его семантических и функциональных характеристик. В статье рассматриваются модели именосложения, где аруьв выступает как в позиции определяемого, так и в позиции определяющего слова (например, *Аруьвхан, Аруьвжан, Атаруьв, Танзаруьв*). Выявлено, что компонент не только обозначает физическую красоту, но и приобретает эгические смыслы («благородный», «чистый», «светлый»), а также выполняет благожелательную и защитную функцию. Делается вывод, что аруьв является важным маркером этнокультурного мировоззрения ногайцев, отражая синтез эстетического, нравственного и социального идеалов.

Ключевые слова: антропоним, ногайский язык, антропокомпонент, лингвокультурология, ногайский язык.

Sagindikova Z. M.
Dagestan State University

ANTHROPOCOMPONENT ARUV / ARUV “BEAUTIFUL” IN NOGAI PERSONAL NAMES

Abstract. The article is devoted to the study of the anthropocomponent *aruv / aruv* “beautiful” in the system of Nogai personal names. It provides a classification of compound names with this anthropocomponent and an analysis of its semantic and functional characteristics. The article examines the models of name composition, where aruv appears both in

the position of the defined and in the position of the defining word (for example, *Aruvkhan, Aruvzhan, Ataruv, Tanaruv*). It is revealed that the component not only denotes physical beauty, but also acquires ethical meanings (“noble”, “pure”, “bright”), and also performs a benevolent and protective function. It is concluded that *aruv* is an important marker of the ethno-cultural worldview of the Nogais, reflecting the synthesis of aesthetic, moral, and social ideals.

Keywords: anthroponym, Nogai language, anthropocomponent, linguocultural.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного описания антропокомпонентного фонда ногайского языка, выявления роли эстетической оценки в процессе имянаращения. Изучение компонента *арувь / аьрувь* позволяет не только реконструировать фрагмент языковой картины мира ногайцев, но и проследить динамику антропонимических моделей.

Предметом исследования являются семантические и функциональные характеристики антропокомпонента *арувь / аьрувь* «красивая», его сочетаемость с другими антропоосновами и место в структуре сложносоставных ногайских имен.

Цель исследования — выявить и классифицировать ногайские личные имена, содержащие компонент *арувь / аьрувь*, а также определить его роль в формировании антропонимической семантики.

Для достижения цели поставлены следующие *задачи*: а) установить круг ногайских личных имен с данным компонентом на основе доступных лексикографических источников; б) описать модели именосложения с участием данного антропокомпонента и проанализировать семантические оттенки компонента *арувь / аьрувь* в личных именах; в) выявить гендерные и социальные особенности употребления имен с компонентом «красивый».

Материалом для работы послужили записи ногайских имен, извлеченные из словарей личных имен ногайцев (1; 2).

В системе тюркской антропонимии значительный пласт составляют имена, образованные с помощью компонентов, выражающих позитивные физические и нравственные качества. Одним из таких продуктивных и семантически насыщенных элементов является основа *арувь / аьрувь* со значением «красивый», «прекрасный», «чистый». Её вариативность (*арив, арув, арувь, аьрувь*) обусловлена диалектными особенностями различных тюркских языков.

Исходное значение компонента — «физически красивый, прекрасный». Однако в составе антропонимов это значение, как правило, углубляется и приобретает этическую окраску, сближаясь с концептами «благородный», «чистый (нравственно)», «светлый». Таким образом, лексема функционирует на стыке эстетического и этического идеалов, что характерно для многих традиционных культур. Эта синкретичность ярко проявляется в именах, где компонент сочетается с титульной или социально значимой лексикой (например, *Аруьвхан* — «красивый/благородный хан», *Аруьвбике* — «красивая/благородная княгиня/госпожа»). В таких именах пожелание внешней привлекательности неразрывно связано с пожеланием высокого социального статуса и моральных добродетелей. Компонент *аруьв* выступает как качественный эпитет, модифицирующий семантику социального статуса, привнося значение «истинный, достойный, одухотворённый».

Использование компонентов *-хан* и *-бике* указывает на трансляцию аристократического этоса в более широкие слои общества. Имя *Аруьвхан* моделирует образ идеального правителя, чей статус легитимирован не только происхождением, но и личными сакральными качествами (*аруьв*). *Аруьвбике* конструирует гендерный идеал женщины, сочетающей красоту, благородство и высокое социальное положение.

В качестве определяемого слова антропокомпонент занимает первую позицию, определяя последующий, часто абстрактный или сакральный элемент. Например: *Аруьвжан* (*аруьв* + *жан* «душа») — «красивая/прекрасная душа». Имя подчёркивает внутреннюю, духовную красоту. Имя *Аруьвжан* отражает глубокую связь внешнего и внутреннего. «Красивая душа» — это высшая похвала в этике. *Аруьвзат* также говорит о красоте как о сущностном, глубинном качестве человека: *Аруьвзат* (*аруьв* + *зат* «сущность, существо, порода») — букв. «прекрасная сущность», «красивая (по породе)». Может означать «красивая (сама по себе)». Имя *Аруьвзат* (где *зат* — вещь, сущность, порода) раскрывает важную для кавказской культуры идею внутренней, сущностной красоты, сокрытой в «породе» человека. *Аруьвжан* актуализирует заимствованный (персидско-суфийский) концепт «души» (*жан*), интегрируя его в местную этико-эстетическую парадигму.

В качестве определяющего слова компонент занимает вторую позицию, уточняя и облагораживая значение первого

компонента. Данная модель является наиболее распространённой и продуктивной. Имя *Атаруьв* (букв. отец красивый) может трактоваться как «красота отца», то есть ребенок, являющийся воплощением достоинств своего отца, его продолжение и украшение. Это имя подчеркивает ценность преемственности и семейной чести.

Имя *Танзаруьв* (*танз* «рассвет, заря» + *аруьв*) «красивый, как заря» вписывает носителя в космический порядок, сравнивает его с самым прекрасным и чистым явлением природы, символизирующим начало, надежду и обновление. Антропоним *Танзаруьв* построен на основе архетипической метафоры, отождествляющей красоту человека с самым возвышенным и чистым явлением природы. Это имя вписывает индивида в космический порядок, наделяя его признаками света, новизны и божественного дара. *Танзаруьв* содержит яркую природно-поэтическую метафору, связывая новорождённого с символами света, обновления и надежды.

Антропоним *Мензларуьв* (*мензли* «с родинкой» + *аруьв*) «красивый(ая) с родинкой» — отражает архаический пласт народной антропологии, где физические особенности (родимые пятна, менал) трактуются как знаки судьбы, избранности или особого дара. Красота здесь предопределена и отмечена визуальным знаком. Имя *Мензларуьв* воплощает уникальную особенность народной приметы, согласно которой родинка нередко воспринималась как символ особой судьбы, счастья и красоты.

Широкое использование компонента *аруьв* в ногайской антропонимии свидетельствует о глубокой укоренённости в данной культурной традиции культа красоты, понимаемой комплексно, как гармонии внешнего облика, внутреннего мира и социального достоинства. Имена, образованные с его помощью, выполняют не только номинативную, но и ярко выраженную благопожелательную функцию. Они являются вербальным оберегом, программирующим судьбу ребёнка в соответствии с высокими эстетическими и этическими идеалами общности.

Таким образом, антропокомпонент *арив / аруьв / аьруьв* представляет собой важный маркер этнокультурного мировоззрения тюркских народов, в системе имён отражающий синтез физического, морального и социального в концепте «красоты».

Примечания

1. Булгарова М. А. Ногай байыр атлары. Черкесск : Карашай-Шеркеш республикалык китап баспасы, 2016. 253 с.
2. Гаджихмедов Н. Э. Личные имена кумыков: традиции именная речь, происхождение, семантика и грамматика. Махачкала, 2008. 260 с.
3. Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа / отв. ред. проф. Р. Ю. Намитокова. Москва : ФЛИНТА : Наука, 2012. 584 с.

Сегал Наталья Александровна
natasha-segal@mail.ru
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ОРОНИМА *ОЛИМП* В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ TELEGRAM-КАНАЛОВ 2020–2025 гг.)

Аннотация. Статья посвящена исследованию прецедентного оронима *Олимп* как единицы современного медиапространства. На материале telegram-каналов 2020–2025 гг. доказывается изменение денотативного содержания исследуемой единицы при отражении актуальных социополитических и культурных событий. Подчеркивается, что при сохранении интегральных компонентов ‘власть’, ‘могущество’, ‘сила’ при реализации данной единицы в публицистике наблюдается появление новых коннотативных компонентов, формирующих значимый фрагмент медийного поля и лежащих в основе ассоциирования *Олимпа* с определенными субъектами и объектами современной политики, экономики, социальной сферы, сферы культуры и спорта.

Ключевые слова: медиатекст, медиадискурс, прецедентная единица, ороним, коннотация, Олимп.

Segal N. A.
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

EVOLUTION OF THE PRECEDENT ORONYM *OLIMP* IN THE MODERN MEDIA SPACE (BASED ON TELEGRAM CHANNELS 2020–2025)

Abstract. The article is devoted to the study of the precedent oronym *Olimp* as a unit of the modern media space. Based on the material of Telegram channels from 2020 to 2025, the article proves that the denotative

content of the studied unit changes when reflecting current socio-political and cultural events. It is emphasized that while maintaining the integral components of 'power', 'might', and 'strength', the emergence of new connotative components in journalism is observed, forming a significant fragment of the media field and underlying the association of *Olympus* with certain subjects and objects of modern politics, economics, social sphere, culture, and sports.

Keywords: media text, media discourse, precedent unit, oronym, connotation, Olympus.

Эпоха трансформаций и военно-политических потрясений, наблюдаемых на современной мировой арене, определяет значительные изменения медийного поля, все более насыщаемого языковыми единицами образной системы. «Метафорический взрыв» [1], характерный для актуальной публицистики, не только делает медийные тексты более яркими и запоминающимися, но и устанавливает определенные рамки языкового манипулирования, определяя те смыслы, которые необходимо донести массового адресата. Проведенный анализ актуального медиапространства показал, что одной из ключевых единиц, лежащих в основе моделирования медийных текстов, является ороним *Олимп*, ставший сегодня символом власти, могущества, силы и в значительной степени расширивший свой коннотативно-прагматический потенциал.

В мифологических преданиях *Олимп* определяется как священное место, где обитали главные боги древнегреческого пантеона, при этом показательным представляется тот факт, что для простых смертных вершина горы считалась недоступной. Кроме того, в Древней Греции *Олимп* символизировал не только божественную силу, но и идею порядка. Так, древнегреческий *Олимп* можно описать как модель идеального государства, в которой вся структура подчиняется четкой иерархии [2; 3].

В современном медиаполе при сохранении ядерных денотативных компонентов значения исследуемой языковой единицы происходит расширение спектра коннотативных смыслов, обусловленных контекстом. Так, языковая единица *Олимп* перестает быть универсалией, зачастую теряет локативный компонент и расширяет свои синтагматические возможности, сочетаясь с различными группами адъективов. Обратим внимание на наиболее частотные.

1. Адъективы, апеллирующие к определенным государствам или национальностям: *Европейцы горят страстным*

желанием «пнуть» фон дер Ляйен с европейского Олимпа. Но надо понимать, что в этом скандале глава ЕК — лишь вершина айсберга (Царьград, 27.06.2025); Все же знают, что на американском олимпе обитают исключительно «голуби мира». По крайней мере, так себя пытаются позиционировать спикеры из Вашингтона (Соловьев.live, 05.11.2022).

2. **Адъективы, определяющие современную политическую сферу:** В результате на политическом партийном олимпе России сейчас сложный расклад (Ваши новости, 26.10.2024); Десятки, если не сотни экспертов по всему миру заявили, что дни Трюдо на политическом олимпе сочтены (Царьград, 23.09.2023); Начинается правительственная чехарда: кто слетит с министерского олимпа (Царьград, 09.02.2024).

3. **Адъективы, характерные для сферы культуры и искусства:** На творческом Олимпе зажглась новая звезда — инструментальный коллектив «СансаРА» под руководством Эльвиса Абибуллаева (Крымфорум, 13.10.2023); Несмотря на намеки журналистов, Ярослав Дронов так и не ответил, появилась ли на горизонте девушка, у которой бы получилось заинтересовать одного из самых перспективных женихов российского музыкального Олимпа (Крымфорум, 13.10.2023).

4. **Адъективы, входящие в спортивную сферу:** На Урале любят и уважают хоккей. Уверен, регион продолжит системную работу по развитию и поддержке этого спорта и на хоккейном Олимпе засияют новые имена талантливых уральских спортсменов! (Соловьев.live, 30.08.2025); Благодаря Галицкому сегодня «Краснодар» находится на вершине футбольного олимпа (Краснодар, 18.11.2025).

Интересным представляется тот факт, что в современных медиатекстах *Олимп* не является вершиной, данной определенному субъекту по умолчанию. В актуальной публицистике *Олимп* представляет собой цель, достижение которой становится весьма желательным и предполагает необходимость активных действий либо самого субъекта (*Продажный шоу-бизнес: сколько стоит совесть российских звёзд и к чему они готовы за помощь в первых шагах на пути к Олимпу?* (Царьград, 04.07.2020)), либо тех лиц, которые заинтересованы в его восхождении (*Брежнев был сыном своего времени, прошедшим вместе со страной, которую защищал с оружием в руках и которую беззаветно любил, долгий путь. Да, система,*

вырастившая его и вознёсшая на политический Олимп, не без его участия забуксовала, увязла и встала. Но ведь не просто так (Комиссар, 19.12.2024)).

Показательной представляется и идея о нестабильности нахождения на **Олимпе**: присутствие субъекта на вершине предполагает постоянную работу, а некорректно сделанные шаги грозят утратой достигнутого: *Популярность и деньги в прошлом. И к Лободе приходит осознание. Она призналась, что «ушла с того Олимпа, на который пришла с большим трудом»* (Царьград, 29.06.2023); *По поводу Урганта Ларсен высказалась так: «Мне было очень грустно, что Ваня так выступил — он был настолько любим и обласкан здесь. Он был на коне, на троне, на Олимпе, с которого скатился по своей же вине. В таких экстремальных ситуациях в людях проявляется то, что в них преобладает* (Царьград, 23.02.2024).

При реализации в контекстах языковая единица **Олимп** приобретает и новые грамматические характеристики. Так, зачастую в медиатекстах данная лексема пишется со строчной буквы, что характеризует ее как имя нарицательное; фиксируется в форме множественного числа («*провинциальные покорители и покорительницы олимпов*» (Захар Прилепин, 18.06.2020)). Показательными представляются и лексико-грамматические особенности данной языковой единицы, которая становится основой для новых слов: *Интересно, а кто-нибудь ведет дневник своего восхождения на политолимп?* (ТАСС, 17.10.2020); *Киркорова обложили со всех сторон. Почти загнали за флажки. После того как «король российского поп-олимпа» отметился на «голой вечеринке», на него обрушился шквал общественного негодования* (Царьград, 28.09.2023).

Таким образом, можно заключить, что в современном медиапространстве наблюдается актуализация переносного значения языковых единиц, апеллирующих к известным массовому адресату образам. Прецедентным ороним **Олимп**, глубоко и полно вошедший в русскую культурную традицию, является одной из центральных языковых единиц образной системы, формирующих новые значения и оттенки значений, транслирующих новые смыслы и идеи. Комплексный анализ таких единиц позволит описать фрагмент медийной картины мира, представленный словами и конструкциями в их вторичном значении и проанализировать особенности языкового манипулирования в цифровую эпоху.

Примечания

1. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.
2. Корш М. Краткий словарь мифологии и древностей. Москва : Директ-Медиа, 2014. 374 с.
3. Словарь греческой мифологии / сост. И. С. Пигулевская. Москва : Центрполиграф, 2008. 255 с.

Семёнова Наталья Владимировна
nvsemenova@mail.ru
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГОРОДСКИХ СМЫСЛОВ: НАЗВАНИЯ МОСТОВ ПЕТЕРБУРГА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Аннотация. Статья посвящена лингводидактическому потенциалу гефиронимов Санкт-Петербурга, который может быть актуализован в практике преподавания РКИ через обращение к аутентичным городским текстам. Гефиронимы рассматриваются как элементы «петербургского текста» (по В. Н. Топорову), аккумулирующие историко-культурную информацию, мифологию и городской фольклор. В статье обосновываются критерии отбора топонимического материала для разных уровней владения РКИ: доступность внутренней формы, лингвострановедческая ценность, частотность, контрастивность и функциональность. Автор предлагает лингвометодическую типологию гефиронимов, включающую четыре группы: названия с прозрачной внутренней формой, зооморфы и антропоморфы, эмотивы и «мемориалы». Для каждой группы определены соответствующие методические приемы. Разработана поэтапная система работы и представлены образцы упражнений, адаптированных под разные уровни владения языком.

Ключевые слова: гефиронимы, петербургский текст, лингводидактика, методика преподавания РКИ.

Semenova N. V.
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

INTERPRETATION OF URBAN MEANINGS: OF ST. PETERSBURG'S BRIDGES IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. This article explores the linguodidactic potential of St. Petersburg's *gefironyms* (bridge names), which can be realized in the practice of teaching Russian as a foreign language through engagement with authentic urban texts. *Gefironyms* are considered as elements of the "St. Petersburg text" (a concept introduced by V. N. Toporov), accumulating historical and cultural information, mythology, and urban folklore. The article substantiates the criteria for selecting toponymic material for different levels of Russian language proficiency: transparency of the internal form, linguistic and cultural value, frequency, contrastive nature, and functionality. The author proposes a linguo-methodological typology of *gefironyms*, which includes four groups: names with a transparent internal form, zoomorphs and anthropomorphs, emotives, and "memorials." For each group, corresponding methodological techniques are identified. A stage-by-stage system of work has been developed, and samples of exercises adapted to different language proficiency levels are presented.

Keywords: *gefironyms*, St. Petersburg text, linguodidactics, methods of teaching Russian as a foreign language (RFL), urban text, toponymy, linguistic and cultural studies.

Современная лингводидактика рассматривает процесс обучения русскому языку как иностранному (РКИ) не только как формирование языковой компетенции, но и как «диалог культур», в ходе которого у инофона формируется вторичная языковая личность, способная адекватно воспринимать и интерпретировать иноязычную картину мира [1]. В этом плане особо актуальным является обращение к лингвокультурологическому материалу, который дает возможность иностранному студенту погрузиться в живую речевую среду и одновременно знакомит его с историей, культурой и менталитетом носителей языка.

Одним из богатейших источников такого материала является городской текст, в частности — топонимика Санкт-Петербурга. Город на Неве традиционно рассматривается в русистике как уникальный семиотический феномен — «петербургский текст», обладающий устойчивыми смысловыми доминантами и культурными кодами [2]. В структуре этого текста особое место занимают *gefironимы* — названия мостов. Как известно, в Санкт-Петербурге около 800 мостов, причем только 342 моста находятся в самом городе, а остальные расположены в пригородах. В этом плане стоит вспомнить, что мосты — разводные — это еще и символ Петербурга. Кроме того, сам город издавна называли не только «окном», но и «мостом» в Европу. Будучи не просто адресными ориентирами, названия мостов аккумулируют в себе историческую

память, мифологию, литературные аллюзии и бытовые легенды, становясь, по меткому выражению исследователей, «свернутыми текстами», требующими расшифровки.

Гефиронимы Санкт-Петербурга как единица обучения в иноязычной аудитории обладают многоаспектным лингводидактическим потенциалом: фонетический аспект (отработка трудных звуков, ударения: *Анічков, Египетский, Поцелуев*); лексический аспект (тематические группы: животные, архитектура, учреждения, эмоции, профессии, звания, сословия, этнонимы); грамматический аспект (тренировка предложного падежа: *на Дворцовом мосту*; родительного: *у Аніčkова мостá*; согласования); словообразовательный аспект (анализ суффиксов: -н-, -ов-, -ск-); лингвокультурологический аспект (названия как «свернутые тексты», содержащие историю, мифологию, символы).

На наш взгляд, принципы отбора гефиронимов для учебных целей таковы: доступность (прозрачная внутренняя форма: например, по антропонимической модели — *Александровский, Борисов, Макаровский, Александра Невского*; по должностям и званиям — *Дворянский, Атаманский, Казачий, Кадетский* и др.); страноведческая ценность (насыщенность культурным фоном: *Российский, Эрмитажный, Холерный, Старообрядческий, Трясучий (Висячий мост)* и др.); частотность и туристическая значимость (*Дворцовый, Аничков, Троицкий, Петергофский* и др.); контрастивность (учет родной культуры инофонов); функциональность (отработка в реальных речевых ситуациях).

В основу учебной типологии гефиронимов может быть положен не только семантический признак, но и способ декодирования культурной информации, определяющий выбор методических приемов. Это: 1) гефиронимы с прозрачной внутренней формой, выполняющие ориентирующую функцию: *Садовый, Прачечный, Поселковый, Декабристов* и др. Данные гефиронимы можно использовать для развития языковой догадки, расширения лексического запаса, отработки грамматических конструкций места; 2) гефиронимы-зооморфы и антропоморфы, выполняющие символическую функцию: *Львиный, Банковский* (львы, грифоны), *Египетский* (сфинксы), *Аничков* (кони). Объяснение этих гефиронимов позволяет вводить зоометафору, развивает образное мышление, стимулирует описание и сравнение; 3) гефиронимы-эмотивы, выполняющие ассоциативно-эмоциональную функцию: *Поцелуев,*

«цветные» мосты через Мойку — *Красный, Синий, Зеленый, Желтый*. Названия подобных мостов позволяет провести на занятиях с инофонами работу с городскими легендами, эмоционально-окрашенной лексикой, а также организовать ролевые игры; 4) гефиронимы-«мемориалы», выполняющие историко-культурную функцию: мост *Ломоносова*, мост *Белинского*, *Гренадерский*, *Петровский*, мост *Ахмата Кадырова* и др. Изучая данные названия, можно провести анализ и/или переименований, дискуссии, организовать проектные работы. Отметим, что названия многих мостов сочетают признаки разных типов (например, *Аничков* — и «мемориал», и зооним), что позволяет использовать их для проведения комплексных заданий на разных этапах занятия.

Этапы методической работы с гефиронимами в иноязычной аудитории:

1. Подготовительно-ознакомительный. Цель: фонетическое и графическое усвоение, привязка к карте, тренировка простейших грамматических конструкций.

2. Интерпретационно-аналитический. Цель: раскрытие культурного фона (лингвокультурный комментарий), развитие языковой догадки, сравнение с родной культурой, выражение эмоциональной оценки.

3. Продуктивно-творческий. Цель: активизация в связной речи, проектная деятельность, дискуссии.

Естественно, что для инофонов с разным уровнем владения РКИ занятия на основе языкового материала гефиронимов могут быть организованы по-разному. Приведем небольшие примеры.

Уровень А2: 1) фонетическая разминка: повторение названий с ударением; 2) соотнесение фото и названия; 3) грамматика: вставьте предлог *на* или *у* (*Мы встретились ... Дворцовый мост*); 4) словообразование: образуйте прилагательное (*банк* → ... *мост*). Уровень В1: 1) чтение легенды о Поцелуевом мосте, ответы на вопросы; 2) описание скульптур Львиного моста (какие они?); 3) диалог-расспрос: «*Ты был на Поцелуевом мосту? Говорят, если поцеловаться...*»; 4) сравнение: есть ли в вашей стране мосты с похожими названиями? Уровень В2: 1) дискуссия о переименованиях (мост *Белинского* — *Симоновский*); 2) мини-проект «*Экскурсия по мостам*» (3–5 минут); 3) эссе «*Какой мост отражает мой характер?*»; 4) ролевая игра «*Заседание топонимической комиссии*». Инофонам этого уровня владения русским языком можно предложить

небольшой учебный модуль «*Мосты рассказывают истории*». Занятие 1: Мосты-ориентиры (*Конюшенный, Почтамтский*). Лексика «Город», предложный падеж. Занятие 2: Мосты и их хранители (*Львиный, Банковский, Египетский*). Описание скульптур, сравнение символов. Занятие 3: Легенды (*Поцелуев мост, Холерный мост*). Аудирование, ролевые диалоги. Занятие 4: Итоговый проект — презентация одного моста.

Гефиронимы Петербурга обладают значительным лингводидактическим потенциалом и могут эффективно использоваться в практике преподавания РКИ для формирования лингвокультурологической компетенции. Предложенная типология и поэтапная система упражнений позволяют адаптировать топонимический материал к разным уровням владения языком и интегрировать его в темы «Город» и «Культура».

Примечания

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Рус. яз., 1990. 246 с.

2. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : избр. тр. / ред. Н. Г. Николаюк. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2003. 612 с.

Тикаев Гусейн Гаджибрагимович

tikaev@mail.ru

Узбекский государственный университет мировых языков

Тикаева (Иниева) Зайнаб Джанаевна

zainab.inieva@yandex.ru

Заведующая экскурсионным отделом ГБУ РД

«Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи»

К ВОПРОСУ О СОБСТВЕННЫХ ИМЕНАХ КУБАЧИНЦЕВ КАК ПАМЯТНИКЕ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ В РЕГИОНЕ

Аннотация. В статье исследуются собственные имена жителей Кубачи как историко-культурный источник, позволяющий реконструировать процессы религиозных преобразований, языковых взаимодействий и социальных трансформаций в Дагестане. Рассматриваются антропнимы, топонимы и родовые обозначения, формировавшиеся под воздействием местных кавказских традиций, исламской культуры, иранских

и тюркских политико-административных влияний, а также русской государственной практики фиксации имен. Показано, что ономастическая система выступает устойчивым носителем исторической памяти и отражает длительные межэтнические контакты региона.

Ключевые слова: ономастика, антропонимия, топонимия, Кубачи, Дагестан, языковые контакты.

Tikaev G. G.

Uzbekistan State World Languages University

Tikaeva (Inieva) Z. D.

Head of the Excursion Department in State Budgetary Institution
of the Republic of Dagestan

“A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan”

PROPER NAMES OF THE KUBACHI PEOPLE AS A SOURCE OF HISTORICAL, CULTURAL AND INTERETHNIC CONTACTS IN THE REGION

Abstract. This article examines the proper names of the Kubachi people as a historical and cultural source that allows us to reconstruct the processes of religious transformations, linguistic interactions, and social change in Dagestan. Anthroponyms, toponyms, and family names that were formed under the influence of local Caucasian traditions, Islamic culture, Iranian and Turkic political and administrative influences, and Russian state practice of recording names. It demonstrates that the onomastic system serves as a stable carrier of historical memory and reflects the region's long-standing interethnic contacts.

Keywords: onomastics, anthroponymy, toponymy, Kubachi, Dagestan, linguistic contacts.

Система собственных имен представляет собой один из наиболее устойчивых компонентов языковой и культурной традиции. В именах закрепляются сведения о религиозных ориентациях общества, социальном устройстве, внешних культурных связях и исторических миграционных процессах. Именно поэтому изучение ономастики позволяет выявлять факты исторического развития, которые не всегда находят отражение в письменных источниках. Особенно значимы такие исследования для многоязычных регионов с длительной историей культурных контактов [1, с. 36–42]. Дагестан относится к числу именно таких территорий. Его этническая мозаичность, интенсивные торговые связи и включённость в различные цивилизационные пространства обусловили сложное формирование местных именосистем.

Цель настоящей работы — выявить информативный потенциал собственных имен кубачинцев и показать их значение для историко-культурной реконструкции межэтнических взаимодействий региона. Для достижения цели решаются следующие задачи:

- определить основные исторические слои антропонимии;
- проанализировать топонимические данные;
- рассмотреть родовые именованья;
- выявить признаки межъязыковых контактов в системе имен.

1. Методологические основы исследования

В рамках ономастических исследований имя собственное рассматривается как особая языковая единица, тесно связанная с социальным опытом и культурной памятью коллектива. В отличие от общеязыковой лексики, имена часто сохраняют архаичные фонетические формы, древние словообразовательные модели и следы прежних этнокультурных связей. Современный научный подход трактует ономастику как область, находящуюся на пересечении лингвистики, истории, этнологии и культурологии. Анализ имен позволяет фиксировать процессы языкового взаимодействия, религиозные изменения и особенности социальной организации традиционных обществ.

2. Исторические условия формирования именованной системы

Формирование ономастики Кубачи происходило в условиях длительного взаимодействия различных культурных и политических факторов. В данном обзоре из-за ограничения допустимого объема текста публикации практически невозможно дать полную характеристику имен собственных как о памятнике истории, культуре и контактах в регионе. Среди факторов можно выделить:

- древние кавказские традиции;
- распространение ислама;
- контакты с иранским миром;
- влияние тюркских политических образований;
- административную интеграцию в российское государство.

Важную роль в межрегиональных контактах играл *Дербент* — один из ключевых торговых и стратегических центров Кавказа. Исторические события, связанные с этим городом, оказали влияние и на именованную систему соседних территорий. Старожилы такого средневекового дагестанского

государственного образования как Зирихгеран (ныне — Кубачи), например, известного еще с V века н.э. как мирового центра производства холодного оружия и ювелирных изделий, до недавнего времени хорошо помнили имена мусульманских правителей Дагестана, таких, как *Абу Муслим*, *Шахбали*. В популярной дагестанской летописи «*Дербенд-наме*», которая считается наиболее ценным и важным историческим источником, повествующим об истории средневекового дагестанского города *Дербента*, а также других дагестанских городов и прилегающих к ним областей, об *Абу Муслиме* говорилось, что в *Кумухе* он построил много мечетей. Править *Кумухом*, впрочем так же, как и всем *Дагестаном*, он поручил сыну *Абдуллы* по имени *Шахбали* [2, с. 83]. Имя правителя *Дагестана* данного периода *Шахбали* иногда переводчиками (или переписчиками) по ошибке давалось еще в другом варианте — *Шахвали*. Именно таким именем — *Шахвали* в начале XX века был наречен один из жителей *Кубачи*, происходивший от известного рода *Мунгиевых*. Историю взаимоотношений *Кубачи* и *Дербента* отражает также топоним «*Чулила*» — так кубачинцы называли и до сих пор называют этот известный древний город. Отличительной особенностью кубачинской версии исторической хроники «*Дербенд-наме*» является то, что, имея схожее со всеми остальными хрониками на 15 языках мира содержание и сюжет, в тексте нет ни одного упоминания наименования города *Дербента*. Вместо него употреблено только местное название *Чули*, которое до сих пор бытует в лексиконе кубачинцев. С давних времен у некоторых горских народов *Дагестана* *Дербент* назывался по-своему: у даргинцев — *Чулли*, у кубачинцев — *Чули*, у аварцев — *Чор*, у лакцев — *Чурул*, у табасаранцев — *Цалик* [3, с. 347]. Историческая традиция *Зирихгерана* [4, с. 128] (средневекового государственного образования, центром которого было селение *Кубачи*) также нашла отражение в антропонимии и топонимии местного населения.

3. Антропонимия как отражение культурных процессов

3.1. Исламский антропонимический слой

Распространение ислама оказало определяющее влияние на формирование личных имен [5, с. 101–120]. Среди кубачинцев широко употреблялись имена арабского происхождения: *Мухаммад*, *Али*, *Хасан*, *Фатима*, *Абдулла*, *Зейнаб*. Одновременно фиксируются локальные фонетические варианты:

Магомед, Мумед, Абдула, Мяммадал. Такие трансформации демонстрируют адаптацию заимствованных имен к фонологическим особенностям местного языка. Особую ценность представляют арабоязычные письма кубачинского происхождения XVII — начала XX века, хранящиеся в фондах *Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург)*. В них зафиксированы имена местных правителей, старшин и представителей известных родов, что позволяет сегодня нам реконструировать генеалогические связи отдельных семей [6, с. 90–112]. Это, например, род *Амировых, Мисрихановых, Алихановых, Акаевых, Абакаровых (род Акзкэ), Канаевых, Куртаевых, Магомедовых (Чакъвамяммаевых), Имимаевых* и др. [7, с. 24–25].

3.2. Иранские и арабские элементы

В антропонимии и терминологии фиксируются титульные элементы хан, бек, шах, отражающие политические контакты с ирано-тюркским миром. Особенностью наличия персидских элементов в кубачинском языке является то, что до сегодняшнего дня сохранилось много персидских заимствований бытового характера и ремесла. Это такие слова и обороты в кубачинском языке как, например, — «*шагир*» درگش (ученик, подмастерье), «*джан*» ناج — (душа, дух, жизнь), «*нишан*» نشان (знак, метка, пометка), «*миска*» — رگسم (медник, лудильщик), «*пиргер*» — راگرپ (циркуль), «*пите*» — پتوب (медная трубка, тигель, горнило), «*танакар*» или «*денекар*» — راکمناد (филигранщик), «*камар*» — ركم (ремень, пояс, кушак), «*камха*» — اخمک (шелк одного цвета), «*савда*» — ادوس (торговля, сделка), «*дараэ*», или «*кзанават дараэ*», или «*кзанагуз дараэ*» — دىاراد (вид шелковой ткани, шелковая полосатая материя), «*калхана*» — ناخراک (в значении — вид шелковой ткани фабричного производства), «*зулмукар*» — راکم لظ (насилник, притеснитель, тиран, деспот), «*чарасунне*» — ونازاراه (сесть на корточках) [8, с. 207]. Значительный пласт персидских заимствований сохранился в бытовой и ремесленной [9, с. 22–35] лексике кубачинского языка, включая обозначения профессий, инструментов, тканей и торговых операций.

В кубачинском языке имеется большое количество слов арабского происхождения. Встречающееся в кубачинской хронике «*Дербенд-наме*» слово *харж*, которое означает и «налоги», и «расходы, траты», сегодня стало использоваться только в одном значении — «расходы, траты» (дорожные, карманные). Некоторые же заимствованные арабские слова в кубачинском

языке сегодня трансформировались, стали звучать по-другому и у них немного изменился смысл. Так, например, слово *мунаджджим* (астролог, звездочет), стало звучать как «*муначчин*» и получило измененное значение — «болтун», «всезнайка». Есть в кубачинском языке слова, сохранившие свои исконные значения, но немного изменившиеся в произношении или имеющие оба варианта — и старый, и современный. К таким словам относится глагол *хлисăббăкь*, который мы встречаем в кубачинской летописи; он переводится как «считать, подсчитать». Сегодня, сохраняя такое же значение, это слово имеет и другой вариант — *хлясиббăкь*. На наш взгляд, интересен факт, что в тексте летописи лишь один раз встречается слово *гъабьхги* «воевать, драться» помимо часто употребляемого в тот период глагола *дйгъ дăкь*. Вышедшее сегодня из употребления, оно полностью заменено словом, получившим смысловую трансформацию — *хлябгьлихи*, а слово *гъабьхгьли* уже не используется. В разные периоды истории развития кубачинского языка такие трансформации, вероятно, происходили часто. Например, слово *сагъре* [10, с. 200], имевшее в позднем средневековье своё основное употребительное значение — «чёрная кожа» (особый вид шагреновой кожи, используемой ремесленниками для декоративного оформления поверхности кинжалов), сегодня получило распространение и в другом значении: «грязь, пленка грязи» (на руках). Характеризуя специфику кубачинского языка в хронике «Дербенд-наме», следует отметить, что наблюдаются незначительные отличия старых слов от употребляемых сегодня, и это позволяет нам реконструировать процессы культурных преобразований в маленьком социуме. Приведём пример: слово «*махля*», которое часто встречается в хронике и означает городской квартал, сегодня используется в варианте «*махляра*». Это свидетельство того, что в кубачинском языке, так же, как и в других дагестанских языках, происходили небольшие трансформации и искажения произношения, связанные с советским периодом истории Дагестана [11, с. 13].

3.3. Автохтонный кавказский слой

Несмотря на сильные внешние влияния, в именосистеме сохраняются локальные формы древнего происхождения. Часть таких имен фиксируется на надгробных памятниках XIV–XV веков, а некоторые бытовали ещё в недавнее время

[12, с. 90–112]. Но некоторые имена собственные, например, *Ргялпя*, *Бгялбгя*, *Муме*, *Хлиннат*, *Ливинд*, *Эди-мгьямгя*, *Шихум*, *Акише*, *Шахвале*, *Къанā*, *Аккутта* до недавнего времени бытовали среди кубачинцев [13, с. 219]. Этот пласт представляет особую ценность для реконструкции древних культурных слоев [14, с. 36–42].

4. Топонимия как исторический источник

Топонимические данные позволяют проследить процессы расселения, политической организации и хозяйственного освоения территории. Топонимия региона является важным свидетельством исторических процессов. Упомянутое выше средневековое государственное образование Зирихгеран стало нам известно из персидских источников VI века. Если мы знаем, что, помимо аула *Кубачи*, в него входило еще 7 населенных пунктов: *Амузги*, *Сулевкент*, *Шири*, *Анчибачи*, *Кубасана*, *Дацамаже* и *Дешиже*, то можно с уверенностью сказать, что некоторые из них в отдельности существовали ещё в более ранний период времени — т.е. до прихода *Сасанидов* в *Дажестан*. Вполне можно предположить, что именно аул *Кубачи* существовал намного раньше единой независимой области *Зирихгеран* [15, с. 13]. Ряд населённых пунктов, входивших в область *Зирихгеран*, вероятно, существовал ещё до её политического оформления, что свидетельствует о глубокой древности местной топонимии. Название города **Дербент** восходит к персидскому *Darband* — «закрытые ворота» (или «Ворота ворот»), что отражает его стратегическую оборонительную функцию. Многие гидронимы и орографические названия сохраняют древние языковые формы и используются для реконструкции ареалов расселения народов.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что система собственных имен кубачинцев представляет собой важный источник историко-культурной информации. Антропонимия фиксирует религиозные преобразования и культурные контакты, топонимия сохраняет древние языковые пласты, а родовые именованья отражают социальную организацию традиционного общества. Таким образом, ономастику Кубачи можно рассматривать как устойчивый носитель исторической памяти и эффективный инструмент реконструкции межэтнических взаимодействий на Кавказе.

Примечания

1. Гамзатов Г. Г. Языки Дагестана. Махачкала, 2000. 220 с.
2. Тикаев Г. Г. Дербенд-наме. История Дербента и Дагестана на кубачинском языке : науч. изд. / отв. ред. Г. М.-Р. Оразаев ; предисл., перелож. кубачинского арабграфического текста на кириллицу, пер. на рус. яз. и коммент. Г. Г. Тикаева. Махачкала : ДГУ, 2021. 141 с.
3. «Дербенд-наме» на языках народов Дагестана : тексты и комментарии / под общ. ред. Г. М.-Р. Оразаева ; сост. Д. М. Маламагомедов. Махачкала : МавраевЪ, 2012. 347 с.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва : Наука, 1973. 366 с.
5. Агларов М. А. Этническая история Дагестана. Махачкала, 1998. 312 с.
6. Шихсаидов А. Р. Арабская эпиграфика Дагестана. Махачкала, 1984.
7. Тикаев Г. Г. Кубачинская версия хроники «Дербенд-наме» и ее место среди переводов на другие языки мира. Махачкала : Алеф, 2024. 234 с. : ил.
8. Там же.
9. Веймарн Б. В. Искусство Кубачи. Москва, 1959. С. 22–35.
10. Тикаев Г. Г. Арабский язык — язык межкультурной коммуникации с соседними регионами в истории одной из дагестанских народностей — кубачинцев // Казембековские чтения : материалы Междунар. науч.-образ. конф., Махачкала, 26–27 февраля 2019 г. / отв. ред. А. М. Абдулатипова ; ДГИ ; СПбГУ. Махачкала : Даг. гуманитар. ин-т, 2019. 200 с.
11. Тикаев Г. Г. Кубачинская версия хроники «Дербенд-наме» и ее место среди переводов на другие языки мира. Махачкала : Алеф, 2024. 234 с. : ил.
12. Шихсаидов А. Р. Арабская эпиграфика Дагестана. Махачкала, 1984.
13. Тикаев Г. Г. Кубачинская версия хроники «Дербенд-наме» и ее место среди переводов на другие языки мира. Махачкала, изд-во Алеф, 2024. 234 с. : ил.
14. Гамзатов Г. Г. Языки Дагестана. Махачкала, 2000. 220 с.
15. Тикаев Г. Г. Кубачинская версия хроники «Дербенд-наме» и ее место среди переводов на другие языки мира. Махачкала : Алеф, 2024. 234 с. : ил.

Туова Тамара Гиссовна
tamaratuova@yandex.ru

Адыгейский государственный университет

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В АДЫГЕЕ

Аннотация. Рассматриваются возможности использования гидронимов в туристическом кластере Республики Адыгея. Каждое название связано с интересными легендами, которые раскрывают семантику и этимологию гидронима. Для развития туризма и привлечения их на туристические объекты гидам необходимо знать больше содержательных описаний достопримечательностей, в частности, горных рек, живописных озер, захватывающих водопадов. Поэтому понимание происхождения таких топонимов объясняется по-разному, что делает исследование с этой точки зрения актуальным.

Ключевые слова: топонимы, гидронимы, этимология и семантика, туристический кластер, легенды.

Tuova T. G.
Adyghe State University

TOPONYMIC NAMES OF WATER BODIES AND THEIR INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN ADYGEA

Abstract. This article examines the potential use of hydronyms in the tourism sector of the Republic of Adyghea. Each name is associated with interesting legends that reveal the semantics and etymology of the hydronym. To develop tourism and attract visitors to tourist sites, guides need more meaningful descriptions of attractions, particularly mountain rivers, picturesque lakes, and fascinating waterfalls. Therefore, the origins of such toponyms are explained in various ways, making this research relevant.

Keywords: toponyms, hydronyms, etymology and semantics, tourist cluster, legends.

Туристический кластер в Адыгее — новое и перспективное направление. Для развития туризма в республике есть много достопримечательностей, которые интересны туристам. Среди них — красивые горные ландшафты, порожистые реки, водопады. Если мы еще будем останавливаться на раскрытии происхождения их названий и интересных легенд, связанных с ними, естественно, это привлечет больше внимания и интерес к таким объектам. Вот почему подготовка гидов важна

в этой отрасли со знанием географии, истории и лингвистических основ топонимов.

Республика Адыгея — один из живописных уголков Российской Федерации, расположенный в центральной части Северо-Западного Кавказа в бассейнах рек Кубани, Лабы и Белой. Формирование водных ресурсов зависит от природных условий, а их размещение — от климатических условий и характера рельефа местности.

Адыгея славится уникальными водными объектами, сочетающими активный отдых и оздоровление: термальные источники (пос. Тульский, Даховская), живописные водопады (Руфабго, Мишоко), горные озера (Псенодах, Хуко) и реки (Белая, Пшиш) для рафтинга. Популярны экскурсии в Хаджохскую теснину и Гранитный каньон.

Река Белая имеет древнее адыгское название «*Шъхъэгущэ*» из нартского эпоса «Богиня гор». Топоним состоит из двух слов «*шъхъэ*» — *голова*, «*гуащэ*» — *княгиня, хозяйка*. По легенде, в верховьях реки жил богатый князь со своей дочерью. Но князь не мог выдать свою красавицу дочь замуж. Однажды он устроил состязание удалых джигитов, самого ловкого князь прочил в женихи. Но никто из джигитов не понравился ей. Однако, ее сердце завоевал пастух. Разгневанный отец приказал слугам зашить влюбленных в кожаный мешок и бросить в реку, но они тихо бросили нож в мешок. Наконец мешок зацепился за корягу и пристал к берегу, пастух разрезал мешок, и влюбленные вышли на берег. Вокруг рос дремучий лес, они сделали шалаш и стали в нем жить. Дочь князя приручила лесных оленей и доила их, а пастух ловил рыбу. Однажды на лесную стоянку забрели незнакомцы, искавшие оленьё молоко для умирающего князя. Неприятель сказал, что князь в бреду часто вспоминает непокорную дочь, тогда княжеская дочь подоила лесных оленей, и отправились они все вместе к князю. Обрадовался князь, увидев дочь живой и невредимой, и благословил их брак. Остались молодые жить в отцовском доме. В этой легенде дочь князя выступает под именем княгини оленей «*Шъхъэгущэ*». Более точный перевод обозначает «покровитель оленей», то есть «*шъхъэ*» — *олень*, «*гуащэ*» — *покровитель*.

Русское название Белая объясняется тоже легендой (... некогда жил в этих местах абадзехский князь, который из военного похода пленил красавицу — грузинку по имени Бэлла. Но гордая красавица не покорилась князю, заколола его

кинжалом и бросилась бежать. Однако впереди путь преграждала грозная река, тогда красавица бросилась с высокой скалы в кипящие воды Шъхьагуаще. Сомкнулись над ее головой воды реки. Так река получила свое второе имя — Бэлла, которое позже сменилось созвучным — Белая.

Хаджохская теснина (Каменноостский каньон) — уникальный природный объект на реке Белой. Здесь русло сжимается белыми 40-метровыми скалами, поросшими густым лесом. Протяженность ущелья в речной долине составляет 400 метров, ширина — от 2 до 7 метров. Стремительные воды в этом месте создают характерный громкий шум, за что местные жители называют его «Шум».

Согласно одной из легенд, сотни лет назад бушующие потоки реки Белой использовались в качестве испытания на верность. Женщин, которых подозревали в неверности, сталкивали в воду, чтобы, выплыв, они могли подтвердить свою невиновность. В 19 веке именно так проверял своих жен местный правитель Мухаммад-Амин. В наши дни это место называется Судилищем, или Троном Амина. Располагается Хаджохская теснина в юго-западной части поселка Каменноостский в Майкопском районе. Именно здесь берет свое начало большинство увлекательных маршрутов для туристов, изучающих историю и культуру Адыгеи.

Река Большой Руфабго. Гидроним с адыгского означает «Сырыфыбг» — «белокурый холм», другое значение «гуфабгъу» — «девять сердец рядом», на реке девять водопадов, является левым притоком реки Белой.

Легенда о водопадах Руфабго рассказывает о злом великане-колдуне Руфабго, похищавшем скот, девушек, и храбром юноше Хаджохе. С помощью мудреца Мезмая Хаджох одолел великана, вырвал его сердце и бросил в ущелье, где оно окаменело, образовав водопад «Сердце Руфабго», а злой дух превратился в бурный ручей. Весенние ливни размывают окрестную глину, и вода приобретает красноватый оттенок, местные жители говорят, что это кровоточит алчное сердце великана Руфабго.

Водопады Адыгеи являются популярными экскурсионными объектами, среди них водопады реки Мишоко (экстрим-парк). Гидроним реки происходит от адыгского «*Мышь-экъо*», что означает «медвежья долина», либо «*мышкло*» — «желудь». Название происходит от того, что в старые времена в ущелье водилось много бурых медведей, которые лакомились

желудями. Река является притоком реки Белой. Она знаменита своим глубоким ущельем с 70-метровыми скалами, каскадом из более чем 10 водопадов, древними гrotами и пещерами [1, с. 78].

В Адыгее очень красивые высокогорные озера: Псенодах (на плато Лаго-Наки), Хуко (у горы Тхач).

Озеро Псенодах ледниково-карстового происхождения, в форме полумесяца, с очень чистой водой. Название гидронима происходит от адыгского «Псынэдах»: «псынэ» — «колодец, источник, родник», «дахэ» — «красивый, прекрасный».

По мнению В. Н. Ковешникова, местность в районе озера была местом выпаса скота, а озеро служило водопоем в засушливое время, и его называли источником, или родником, что с кабардинского языка значит «псынэ». А пастбища у озера, видимо, принадлежали человеку по имени или прозвищу Дахъо. От сочетания слова «псынэ» и имени «Дахъо», возникло название «источник Дахъо» [2].

Озеро Хуко — одно из самых удивительных и малозаметных горных озер Кавказа, расположенное на высоте 1744 метров в пределах Кавказского биосферного заповедника, являющегося объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Значение гидронима связано с адыгейскими мифами и историей региона. Один из переводов «Хыкъо» означает «хы» — море, «къо» — сын, что связано с легендами о его связи с Черным морем через подземные каналы. Другой вариант перевода «толстый дельфин», который может отражать форму озера или его символическое значение. Оба варианта подчеркивают культурную и духовную важность озера для местных жителей [3].

В этом районе были обнаружены дольмены и курганы, свидетельствующие о том, что эти земли считались священными для народов, которые использовали каменные сооружения для религиозных ритуалов и погребальных церемоний. Особую ценность представляют наскальные рисунки. Одним из них является изображение рыбы, выбитое на восточном склоне котловины. Этот вопрос интересен, ведь в озере не живет рыба, и подобные изображения являются редкостью.

Таким образом, туризм в Адыгее в перспективе своего развития будет нуждаться в подготовке гидов (и путешественников), которые должны будут владеть знаниями не только о географическом местоположении водных объектов, но и о топонимическом материале, этимологии и семантике, которые станут интересным дополнением при их описании.

Примечания

1. Туова Т. Г., Мельникова Т. Н., Теучеж Ф. Д. Республика Адыгея. Водные ресурсы : монография. Майкоп : АГУ, 2021. 120 с.
2. Ковешников Н. В. Очерки по топонимике Кубани. Краснодар, 2006. 252 с.
3. Ворошилов В. И. Топонимы Российского Черноморья. История. Этнография в географических названиях. Сочи, 2005. 263 с.

Узунова Нарисат Башировна

narisat.bashirovna@bk.ru

Дагестанский гуманитарный институт

ПАРЕМИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА — КУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АРАБСКОГО НАРОДА И ИСТОЧНИК СТРАНОВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Аннотация. В статье говорится о паремиях в арабском языке — пословицах и поговорках, крылатых выражениях, в которых аккумулируются многовековой опыт народа и отражающие его ценностные ориентиры. Арабские паремии формировались на протяжении веков под влиянием кочевой культуры, ислама, племенных отношений и устной традиции. Они выполняют не только коммуникативную, но и воспитательную функцию.

Ключевые слова: арабский язык, паремии, фразеологические соответствия, сопоставительный анализ, речевая ситуация, синонимы.

Uzunova N. B.

Dagestan Humanitarian Institute

PAREMIA OF THE ARAB LANGUAGE IS A CULTURAL COMPONENT OF THE ARAB PEOPLE AND A SOURCE OF COUNTRY-SPECIFIC KNOWLEDGE

Abstract. The article discusses proverbs and sayings, catchphrases that accumulate centuries-old experience of the people and reflect their value orientations. Arabic proverbs have been formed over the centuries under the influence of nomadic culture, Islam, tribal relations, and oral tradition. They perform not only a communicative, but also an educational function.

Keywords: Arabic language, proverbs, phraseological correspondences, comparative analysis, speech situation, synonyms.

Арабский язык как язык с глубокой историко-культурной традицией обладает богатым паремимологическим фондом, который может быть эффективно использован в образовательном процессе для формирования коммуникативной, межкультурной, социокультурной компетенций у учащихся.

Пословицы и поговорки — бесценный материал не только для филолога, но и для этнографа, историка, писателя, философа, а также для каждого, кто пытается почувствовать дух народа, язык которого он изучает. Пословицы и поговорки вобрали в себя мудрость, накопленную веками; опыт десятков поколений. Им свойственны афористическая сжатость и точность суждений о самых различных сторонах жизни человека.

Изучение пословиц и поговорок во время занятий способствует лучшему овладению языком, расширению лингвистических знаний о предмете и о лексическом запасе изучаемого (арабского) языка. С другой стороны, изучение пословиц и поговорок, представляющих собой культурную составляющую любого народа, является источником страноведческих знаний, тем самым предоставляя обучающимся возможность изучить арабскую культуру.

Арабский язык функционирует в условиях диглоссии (фусха и диалекты), что требует культурного комментария при обучении. Паремии, как элементы народной мудрости, существуют преимущественно в литературной форме языка, но активно употребляются и в разговорной речи, что делает их ценным дидактическим материалом.

Арабские паремии формировались на протяжении веков под влиянием кочевой культуры, ислама, племенных отношений и устной традиции.

При формировании спонтанной речи следует отметить тот факт, что в устном общении арабы довольно часто прибегают к использованию пословиц и поговорок. В речи они рассматриваются как неотъемлемая часть повседневной культуры общения. Успех коммуникационных отношений билингва в арабоязычной среде во многом зависит не только от уровня общей языковой подготовки, но и от способности держать в оперативной памяти максимально возможное количество фразеологических соответствий [4, с. 29].

Углубленное изучение билингвального паремического фонда с целью практического освоения методики сопоставительного анализа предпочтительно начинать с освоения богатейшего фонда языка (арабского, русского, дагестанских

и других языков) пословиц и поговорок, причем не отдельных (одна-две под каждую жизненную ситуацию), а целых синонимичных блоков односмысловых паремий. В нужный момент вместо одной забытой пословицы память подскажет другую из того же смыслового ряда.

Примером могут служить синонимичные русские пословицы, объединенные единым смысловым образом: «*затраченные усилия несоизмеримы с результатами труда*», *стрелять из пушек по воробьям; не стоит огород городить; по ремеслу и промысел; зачем туда с топором, где нож положен; иглой дорогу не меряют; песок вилами не грузят; лев мышей не давит; чтобы узнуть, что вода в море солёная, не обязательно выпить всё море и их* (АЛЯ: не сжигай своё) الکل زئم قرح ال (АЛЯ: *реши дела* : египетский РДЯ) جلا ع رم ألام بق حق حتسى (АЛЯ: *развяжи узел / руками, а потом / уж / зубами*); (РДЯ: *сжигает квартал, чтобы прикурить сигарету*); بكى ر رجح الام بى صى (египетский РДЯ: *тот, кто выбирает камень побольше, не попадает/в цель*); حورسلا قرقبلاب الو بحسلا قركبلاب (египетский РДЯ: *лучше выгнать коров на пастбище, чем таскать для них воду из колодца*).

Приведенные фразеологические обороты арабского языка демонстрируют не только многообразие лексико-семантических и грамматических средств арабского языка для передачи одного и того же смыслового образа, но и многоуровневую, дифференцируемую по форме (АЛЯ-РДЯ) степень их релевантности для двух языков. Успешное выполнение в процессе общезыковой подготовки учебных установок на освоение элементов эмотивного речевого воздействия на арабоязычных коммуникантов во многом зависит от того, насколько такие элементы (идиоматические, фразеологические обороты, нормативно-этикетные выражения и т.п.) органично вписываются в общую канву занятий арабским языком уже на самых ранних стадиях обучения [3, с. 59].

Так, на этапе вводно-фонетического курса формирования спонтанной речи можно дозированно вводить на каждом занятии одну-две арабские пословицы (поговорки, афористические словосочетания и т.п.), подкрепляя объяснение их лексико-грамматического состава дословным переводом с примером / примерами одного или нескольких эквивалентов

русского языка. На начальном этапе желательно подбирать рифмованные словосочетания, которые легче запоминаются и, кроме того, способствуют решению целого ряда конкретных задач программы базового курса изучения языка (вокабуляр, грамматика, словообразование, состав и типы арабского предложения и т.д.).

Так, на примере хорошо известного фразеологического оборота литературного языка *ام ، يذال تاف ، تام* (соответствия в русском языке: *кто старое помянет, тому глаз вон; что прошло, то бывшем поросло; прошлого не воротишь*) можно проводить простейший грамматический разбор (вид, форма и время глагола, показатель рода в глагольной структуре; функции в предложении частицы *ام* и относительного местоимения *يذال* и т.д.), а его окказиональный смысловой аналог, взятый нами из пословичного фонда египетского диалекта, — *در ل ج ع ل ا ي ف ن ط ب م ا* (дословно: *верни теленка в утробу его матери*) может служить на этапе изучения диалектных форм языка (2–3 годы обучения) наглядным примером многообразия используемых лексико-грамматических и структурно-семантических средств для выражения одной и той же образной семантики (смыслового образа) в разговорно-диалектных формах арабского языка. Положительный образовательный эффект может быть достигнут через внедрение в ходе языковых занятий элементов состоятельности.

Так, например, студентам даётся задание подобрать свои варианты русских аналогов арабских фразеологизмов *فخ ل ا ق ز ر ل ا ب ح ي* (смысловый эквивалент русской пословицы *волк ноги кормят*) и *ب ل ع ث ي ف ب و ث ل م ح* (*волк в овечьей шкуре*) которые преподаватель предлагает в форме дословного перевода: *чтобы зарабатывать на жизнь, надо быть проворным и лисица в одежде агнёнка.*

Для учащихся, которые раньше других справляются с заданием, можно предусмотреть поощрительные баллы, которые затем учитываются при выставлении итоговой оценки по результатам работы студента на занятии или по итогам учебной недели. Постепенно в процессе обучения задачи сопоставительного анализа фразеологизмов двух языков усложняются. Например, в качестве задания для самостоятельной подготовки предлагается проанализировать паремическое словосочетание *ل ك ف ن ق ع ا ه ل ل ا ل ا ح*, самостоятельно перевести эту пословицу и постараться понять заложенный в ней смысловой образ и подобрать максимальное возможное количество эквивалентных

словосочетаний в русском языке. Другим вариантом этого же задания может быть: выбор из предлагаемых самим преподавателем вариантов соответствий (*дело мастера боится; после дождичка будет и солнышко; все перемелется; не все коту масленица; отольются кошке мышьи слезы; время лечит*) наиболее приемлемых в качестве возможных эквивалентных вариантов для исходной арабской пословицы. Заданием на самостоятельную подготовку может также быть изучение сборников паремий, словарей, учебных пособий и других аналогичных изданий с целью поиска и перевода отдельных, релевантных по смыслу и регистровому употреблению арабских пословиц, афоризмов, крылатых выражений и т.д., а также их соответствий в русском языке для различных ситуаций бытового или официально-делового общения. Особого внимания заслуживает разъяснение нестандартных для речевой практики наших соотечественников ситуаций коммуникативного реагирования, связанных с традиционным укладом жизни арабов. Довольно значительный сегмент выразительных средств арабского языка составляют так называемые безаналоговые ситуативно-смысловые обороты, т.е. образные речевые конструкции, используемые арабами для эмоциональной интерпретации ситуаций социально-бытового общения, не имеющих аналогов в нашей действительности. Например, у арабоязычных бедуинов в тех случаях, когда нет возможности лично поприветствовать всех присутствующих пожатием руки (на советах старейшин племен, при большом скоплении народа, чтобы не беспокоить пожилых людей, которые по обычаю должны стоя приветствовать того, кто к ним обращается), принято произносить *يودبنا بالسنن* (*у бедуинов приветствуют глазами!*). Традиционной фразой *رى غصن سنننا* (*младшие — на службе у старших*) люди пожилого возраста призывают на помощь молодых, а молодые, в свою очередь, должны этой же фразой ответить старшим в ответ на слова благодарности за помощь. *نصيب بار غل!* (*первое яичко ворону!*) — так говорят египтяне родителям, у которых умирает первый ребёнок, а потерявшего деньги или кого-то из близких приободряют фразой *ان لا امش لك اهبط لك!* (*не все дрова огонь сжигает!*), однако говорящий произносит эти слова лишь в том случае, если он уверен, что у адресата какая-то сумма денег или кто-то из родственников еще остались. *بحرنا اى لصاوى لى لصاوى* (вариант эквивалентного перевода: *мы рады каждому, кого случай привел в наш дом!*) — традиционная фраза йеменцев при встрече неожиданно пришедшего гостя.

В некоторых арабских странах гостю, который отказывается от угощений, хозяин дома обычно говорит с укором: *تترك لي لحم!* (разве ты, гость, не был в моём положении?), как бы напоминая, что достойно принять гостя — святая обязанность каждого мусульманина. При подготовке учебных и учебно-методических материалов по изучению литературного языка и диалектов включение в их поурочный состав различных словосочетаний, образных речевых оборотов и экспрессивной лексики в качестве простого дополнения к вокабуляру, как это практикуется сейчас большинством авторов отечественных учебников арабского языка, по-видимому, следует сочетать с разработкой диалоговых речевых ситуаций, стимулирующих применение обучаемыми выразительных средств языка в повседневной практике устного общения [5, с. 69].

Таким образом, арабский язык является образованием мотивированным в высшей степени. По сравнению с другими языками, в частности, с русским, он имеет специфические черты грамматики и звукового строя. Падение арабских гортанных и их компенсация различными способами с последующими перестройками грамматики запускает процесс глоттогенеза. В этом процессе определенную роль играет и графика, что выражается в наличии графических пролазов, т.е. изменение звучания в результате сходства и различия в начертании букв. Знание различий в фонетике и грамматике (а также и графике) между русским и арабским языком дает более надежные результаты при этимологическом исследовании и снимает недоумение у читающей публики.

Примечания

1. Максудов У. О. Арабские пословицы и поговорки: возникновение и развитие паремиологических словарей в арабской литературе // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. № 1. С. 102–109.

2. Пермяков Г. Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений. Москва : Восточ. лит., 2022. 320 с.

3. Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору : сб. статей. Москва, 2021. С. 247–274.

Ушакова Дарья Николаевна
darya.ushakova-ofis@yandex.ru
Кубанский государственный
аграрный университет имени И. Т. Трубилина

**СМЫСЛЫ И ПАТТЕРНЫ:
РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ УРБАНОНИМОВ
В СТРУКТУРЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ КРАСНОДАРА**

Аннотация. В статье говорится о проблеме репрезентации территориальной идентичности Краснодара в современном урбанонимическом пространстве города. Рассматриваются процессы коммодификации городских названий, анализируются примеры нейминга жилых комплексов, заведений общественного питания и арт-локаций на предмет наличия в них локальной (кубанской, южнороссийской) семантики и заимствований столичных номинативных моделей. Автор проводит семантический анализ урбанонимов, выявляет тенденцию к репликации московских топонимических образцов и констатирует наличие лагун в репрезентации аутентичного историко-культурного кода территории. На основе эмпирических данных, полученных методом анкетирования жителей Краснодара (преимущественно студенческой молодежи), автор делает вывод о существенном расхождении между существующим номинативным ландшафтом и запросом горожан на визуализацию локальной идентичности. В заключительной части автор обосновывает необходимость формирования осмысленной нейминговой политики, направленной на интеграцию в городскую среду значимых исторических персоналий и событий с целью преодоления разрыва между поверхностным восприятием мегаполиса и его содержательной уникальностью.

Ключевые слова: урбаноним, городской нейминг, коммодификация, ономастика.

Ushakova D. N.
Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin

**MEANINGS AND PATTERNS:
THE REPRESENTATIVENESS OF URBANONYMS
IN THE STRUCTURE OF KRSNODAR'S
TERRITORIAL IDENTITY**

Abstract. The article discusses the issue of representing the territorial identity of Krasnodar within the contemporary urbanonymic space of the city. It examines the processes of commodification of urban names and analyzes instances of naming practices for residential complexes, catering establishments, and art venues in terms of the presence of local (Kuban,

South Russian) semantics or, conversely, the borrowing of metropolitan nominative models.

The author conducts a semantic analysis of urbanonyms, identifies a tendency toward the replication of Moscow toponymic patterns, and notes the existence of lacunae in the representation of the territory's authentic historical and cultural code. Based on empirical data obtained through a survey of Krasnodar residents (predominantly university students), the author concludes that there is a significant divergence between the existing nominative landscape and the residents' demand for the visualization of local identity. In the concluding section, the author substantiates the necessity of developing a deliberate naming policy aimed at integrating significant historical figures and events into the urban environment in order to bridge the gap between the superficial perception of the metropolis and its substantive uniqueness

Keywords: urbanonym, urban naming, commodification, onomastics.

В условиях глобализационных процессов, отражающихся на нашей стране, каждый субъект Российской Федерации формирует уникальный социокультурный контекст, пытается сохранять собственную идентичность. В научном дискурсе особую актуальность приобретает проблематика региональной идентичности. Территориальная идентичность, в свою очередь, находит непосредственное отражение в сознании индивидов и представляет собой специфический комплекс разнообразных когнитивных механизмов.

Современный этап развития ономастических исследований характеризуется наличием устойчивой теоретической базы, обеспечивающей лингвокультурологическую и социолингвистическую интерпретацию урбанонимических систем. Актуальность настоящего исследования обусловлена потребностью теоретической и прикладной ономастики в систематизации и концептуализации эмпирического материала, репрезентирующего южные регионы России. Выбор Краснодарского края в качестве объекта урбанистического анализа обусловлен существенной дифференциацией репрезентации образа юга России в сознании локального населения и туристического контингента по сравнению с иными регионами страны. Специфический территориальный брендинг можно дифференцировать на две взаимосвязанные, но параллельно функционирующие сферы: «оседлый» (локальный) и туристический брендинг [1].

Теоретико-методологический фундамент исследования базируется на трудах, репрезентирующих ключевые векторы современной урбанистической мысли. В частности, в работе

М. В. Голомидовой [2] описывается проблематика топонимической номинации в парадигме территориального брендинга и проводится анализ трансформационных сдвигов урбанонимического ландшафта. Феномен омонимических коллизий в урбанонимических пространствах городов РФ освещается в изысканиях Р. В. Разумова [3]. Вопросы прикладного характера, сопряженные с экспертной оценкой городского нейминга, рассматриваются в публикациях Т. П. Соколовой [4].

В настоящее время урбанонимическое пространство современного мегаполиса (на примере Краснодара) обнаруживает выраженную корреляцию с понятием «коммодификация» (от англ. commodity — товар, предмет потребления). В рамках ономастической интерпретации данное понятие отображает не только процесс конвертации урбанонима в товарную единицу, но и возрастание социальной значимости отдельных сегментов городского ландшафта. Для отечественной исследовательской традиции данный феномен является относительно новым [4], в то время как в западной академической среде проблематика коммодификации урбанонимии активно разрабатывается [5].

Ранее нами уже отмечалось, что Краснодар сталкивается с определенными затруднениями в сфере формирования имиджа и продолжает процесс самоидентификации, преимущественно вбирая в себя паттерны урбанонимикона Москвы и Санкт-Петербурга [1]. В качестве иллюстрации можно привести недавний старт продаж в жилом комплексе «Патрики». Данный урбаноним представляет собой прямую аллюзию на московский топографический объект — Патриаршие пруды. В интернет-ресурсе застройщика прослеживаются элементы коммодификации, затрагивающие рекламные слоганы и уникальное торговое предложение (УТП). К примеру, формулировки «неспальный район», «тусовка переезжает в Патрики» выполняют функцию репрезентации респектабельного образа жизни, локализованного на территории бывшего промышленного предприятия — завода сельскохозяйственного машиностроения. Рекламный нарратив краснодарских «Патриков» апеллирует к образу не заводских рабочих, а «состоявшихся людей, которые знают, чего хотят от жизни, и дают себе это». Дальнейший анализ рекламного контента демонстрирует стремление краснодарцев к конвергенции с жителями столицы: «В Москве, например, это район Патриарших прудов, который москвичи ласково называют Патрики». Теперь свои «Патрики» есть и в южной столице» [6].

Помимо наименования жилого комплекса премиум-класса, аллюзия на московское пространство фиксируется и в микротопонимии: в центре города наряду с официальной табличкой «ул. Пашковская» размещен артефакт с новообразованным урбанонимом «Паштрики». Подобные процессы способствуют постепенной трансформации центральной части Краснодара в искаженное зеркальное отражение столичной среды.

Идентичность южного мегаполиса находит отражение и в гастрономическом нейминге. Незначительный сегмент гастрокультуры Краснодара использует аллюзивный потенциал кубанского этнотипа. Среди репрезентативных локаций можно выделить бургерный паб «Краснодарский парень», пиццерию «Кубана Тоскана», рестораны «Южанин», «Родина южной кухни», «Карасун», «Старица карасунская» (в основе номинации — система озер Карасуны, этимологически восходящая к тюркскому «черная вода», а также годоним Карасунская). Отдельного внимания заслуживают объекты, имеющие опосредованную связь с кубанскими традициями: рестораны «Вакула», «Диканька» отсылают к факту, что первопоселенцами Екатеринодара являлись казаки — выходцы из Запорожской Сечи. Данные номинации выступают актом мемориализации как исторического прошлого южной столицы, так и литературного наследия Н. В. Гоголя. Несмотря на отсутствие на юге России крупных литературных центров, в урбанонимическом пространстве прослеживается интенция к его «окультуриванию». Символическим маркером города выступает скульптурная композиция «Гуляющие собачки», в основе которой лежит вербальная аллюзия на поэтический текст В. Маяковского: «Это же не собачья глушь, а собачкина столица» [7]. Урбанонимический и гастрономический ландшафт Краснодара насыщен литературными и кинематографическими коннотациями: рестораны «Гоголь», «Чайка Ливингстон», «Джентльмены удачи», «Кавказская пленница». В сфере нейминга арт-пространств обращает на себя внимание иммерсивный театр «Дом Мецената». Учредители арт-пространства ввиду юридических ограничений не имели возможности зарегистрировать в качестве товарного знака фамилию и имя выдающегося общественного деятеля Адыгеи и Кубани Лю Нахлуловича Трахова. В данном случае лишь косвенная референция и геолокация способны актуализировать историческую память горожан о данной персоналии, что находит отражение в экскурсионных программах блогера

Динары Бурангуловой [8]. Наименования экскурсий — «По Горького — от Кубани до Карасуна», «Этнокультурный Екатеринодар», «Старинные квартиры и интерьеры Екатеринодара», экскурсии по Всесвятскому кладбищу и району ЗИП — уже сами по себе репрезентируют историческую стратиграфию Краснодара (Екатеринодара), очищенную от московских идентификационных наслоений.

В территориальной идентичности Краснодара фиксируется наличие семантических лакун. Лишь незначительная часть урбанонимов способна привлечь внимание как резидентов, так и туристов к локальной южнороссийской идентичности города. Зафиксированные нами урбанонимы составляют лишь малую долю собственно южных номинаций, которые оказались ассимилированы иными группами, не релевантными брендингу Краснодара в статусе южной столицы. Наблюдается семантическая дезинтеграция неогенных урбанонимов Краснодара: транслируемая ими информация не репрезентует локальную специфику локуса, не вступает в коррелятивные семантические связи с устоявшейся номинативной системой, вследствие чего воспринимается как контекстуально изолированная и фрагментарная. Следовательно, можно констатировать наличие определенных лакун в территориальной идентичности Краснодара.

С целью изучения общественного мнения относительно современных нейминговых процессов в Краснодаре нами было проведено анкетирование. Объем выборки составил 194 респондента, преимущественно жителей Краснодара и Краснодарского края. Контингент информантов включал студентов Кубанского государственного аграрного университета различных факультетов технической и биологической направленности. Основную возрастную группу составили лица в возрасте от 18 до 20 лет. Анализ эмпирических данных показал, что лишь 20% респондентов сталкивались с номинациями, непосредственно репрезентующими специфику Краснодара как южной столицы и региона в целом. При этом 74% опрошенных выразили положительное отношение к визуализации наименований с южнороссийской семантикой. Более 82% информантов полагают целесообразным продвижение локальных названий бизнес-единиц. Визуальная «кубанская южная идентичность», по мнению респондентов, обладает высокой значимостью как для местного населения, так и для туристов. Негативное отношение к репликации московского нейминга

зафиксировано у 61% участников опроса. Примечателен тот факт, что 94% опрошенных не знакомы с личностью кубанского мецената XIX–XX вв. Лю Трахова и не осведомлены о существовании в Краснодаре связанных с ним локусов памяти. Кроме того, 81% респондентов не справился с заданиями мини-теста на знание истории города и края.

Проведенное исследование репрезентации урбанонимов Краснодара выявило существенную диспозицию между семантическим наполнением городского номинативного пространства и актуальными запросами жителей (преимущественно представителей молодого поколения) в контексте территориальной идентичности. Эмпирические данные демонстрируют высокую степень релевантности регионального (южного) компонента для горожан. Существенным маркером сформированной территориальной идентичности у респондентов студенческого возраста выступает негативная реакция на заимствование столичных нейминговых моделей, отмеченная половиной участников опроса. Критическим разрывом между репрезентуемой идентичностью и реальным знанием ее генезиса является низкая степень осведомленности фокус-группы об историческом контексте территории.

Таким образом, современное номинативное пространство Краснодара характеризуется фрагментарной трансляцией аутентичных региональных смыслов и слабой корреляцией с глубинным историческим кодом территории. Полученные данные позволяют констатировать наличие выраженного запроса на формирование более осмысленной и научно обоснованной политики нейминга, направленной на укрепление территориальной идентичности. В качестве перспективного вектора развития «южной» идентичности в урбанонимической среде рассматривается не только инкорпорация «кубанских» маркеров, но и репрезентация значимых исторических персоналий и событий. Реализация подобной стратегии, с нашей точки зрения, позволит нивелировать разрыв между поверхностным восприятием городской среды и ее содержательной локальной уникальностью.

Примечания

1. Куренова Д. Г., Ушакова Д. Н. Репрезентация бренда территории в экскурсионных рекламных сообщениях (на примере г. Краснодара) // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 403–407. DOI 10.24412/1991-5497-2024-3106-403-407. — EDN ТТТВКК.

2. Голомидова М. В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 11–30.

3. Разумов Р. В. Онимические конфликты в российском урбанонимическом пространстве // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 112–119. DOI 10.24411/2499-9679-2018-10205.

4. Соколова Т. П. Коммерческие урбанонимы в России в аспекте нейминговой экспертизы // Ценности и смыслы. 2016. № 6. С. 79–86.

5. Duncan D. Chronotopes and commodification on the Streets of St. Charles // Nordic Journal of Socio-Onomastics. 2022. № 2. P. 21–46.

6. Жилой комплекс «Патрики» в Краснодаре. 14.02.2026. URL: <https://tochno-patriki.ru>.

7. Ушакова Д. Н., Леонова Н. А. Молчаливая коммуникация в городском пространстве // Коммуникационные процессы: теория и практика : сб. материалов XIX междунар. науч.-практ. очно-заочной конф., Краснодар, 23 ноября 2023 г. Краснодар : КубГУ, 2024. С. 258–262.

8. Кубань — Босфор. Экскурсовод и блогер Динар Бурангулов открывал Краснодар для туристов, а теперь показывает Стамбул иммигрантам // Yuga.ru. 14.02.2026. URL: <https://www.yuga.ru/articles/culture/9892.html>.

Федотова Татьяна Васильевна

fedotova66@mail.ru

Кубанский государственный аграрный
университет им. И. Т. Трубилина

**РОЛЬ КРЕАТИВНОГО НЕЙМИНГА
ВНУТРИГОРОДСКОГО ТОПОСА
В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ
ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА
(на материале микроурбанонимов Краснодара)**

Аннотация. Тема нейминга — многослойная дисциплина, находящаяся на стыке лингвистики, урбанистики, маркетинга, истории и социологии. Соответственно, названия городских пространств влияют на наше восприятие, поведение и идентичность. В статье рассматриваются неофициальные названия внутригородских объектов Краснодара, функционирующие в молодежном дискурсе. Отмечается, что синонимами к данным онимам выступают как внутригородской топос, так и микроурбанонимы. Причем последний синоним наиболее распространен в научной литературе. Установлено, что микроурбанонимы Краснодара имеют высокую степень варьирования в деривационном аспекте и лексико-семантическом аспектах, которые включают социативный компонент,

употребляясь в молодежной коммуникации. Деривационная зона содержит как нормативные, так и окказиональные варианты, где языковая игра основывается на манипуляции когнитивными моделями смыслопорождения. Семантический аспект основан на креативности в использовании перифраз, выполняющих образно-стилистическую функцию и заменяющих название предмета через ассоциативные представления, прецедентные феномены. В свою очередь, образные перифразы репрезентируют результаты рецепции отличительных признаков отдельных объектов мегаполиса с точки зрения обывателя. Мы приходим к выводу, что экономия языковых средств (сокращение онима без лингвистической креативности), а также экспликация речетворчества с субъективным осмыслением являются основными приемами возникновения микроурбанонимов в городском пространстве. В качестве итога отмечено разнообразие моделей ономастического варьирования в когнитивном и образно-стилистическом аспектах. Внутригородской топос формирует атмосферу, культуру и душу города, влияет на социальные отношения между говорящими, выполняя социативную функцию. Микроурбанонимы превращают абстрактное административное пространство в «свой» мир, наполненный смыслами, эмоциями, историей.

Ключевые слова: микроурбанонимы, молодежный дискурс, деривация, ассоциативное речетворчество.

Fedotova T. V.

Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin

**THE ROLE OF CREATIVE NAMING
OF AN INNER-CITY TOPOS IN SHAPING THE IDENTITY
OF THE SPACE OF A MODERN CITY
(based on the material of the microrubanonyms of Krasnodar)**

Abstract. The topic of naming is a multi-layered discipline located at the intersection of linguistics, urban studies, marketing, history and sociology. Accordingly, the names of urban space affect our perception, behavior and identity. The article considers the unofficial names of the intracity objects of Krasnodar, functioning in youth discourse. It is noted that synonyms for these onyms are both intracity topos and microuurbanonyms. Moreover, the latter synonym is most common in the scientific literature. It has been established that Krasnodar microuurbanonyms have a high degree of variation in the derivational aspect and lexico-semantic aspects, which include a sociative component used in youth communication. The derivation zone contains both normative and regional variants, where the language game is based on the manipulation of cognitive models of meaning generation. The semantic aspect is based on creativity in the use of periphrases that perform an imaginative-stylistic function and replace the name of the subject through their associative representations, precedent phenomena. In turn, the figurative periphrases represent the results of the reception of the

distinctive features of individual objects of the metropolis from the point of view of the layman. We come to the conclusion that saving language funds (reducing onima without linguistic creativity), as well as explicating recitation with subjective understanding, are the main methods for the emergence of micro-urbanonyms of urban space. As a result, a variety of models of onomastic variation in cognitive and figurative-stylistic aspects was noted. The inner-city topos forms the atmosphere, culture and soul of the city, affects the social relations between speakers, performing a sociative function. Microurbanonyms turn an abstract administrative space into “their” world, filled with meanings, emotions, history.

Keywords: micro-urbanonyms, youth discourse, derivation, associative recitation.

Роль города в жизни любого человека многогранна и противоречива. Город — это не просто место проживания, а сложная среда, которая формирует человека, одновременно предоставляя ему возможности для реализации творческого потенциала в сфере номинации. И такой подход соответствует пониманию города, с точки зрения Ю. М. Лотмана, как некой текстовой сущности в аспекте семиотической теории, где город — это «котёл текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [1, с. 282–283].

В свою очередь, В. И. Теркулов отмечает единство и целостность текста города, где все входящие в него тексты выступают главами полифонического романа города, а культурологический образ представляет собой перевоплощение языковых образов: культурное освоение действительности — это процесс метаморфозы таких образов в тексты как языковых, так и неязыковых семиосистем [2, с. 106]. В связи с этим исследование урбанонимов дает представление о лингвокультуроведческой базе текста города.

Под внутригородскими объектами понимаются собственно урбанонимы, которые включают в себя годонимы (проспект, улица, проезд, переулок, набережная, линия, бульвар, площадь) и агоронимы (названия городской площади, рынка) [3, с. 27].

Говоря о функционировании неофициальных названий внутригородских объектов, В. И. Теркулов выделяет различные конструкты, формирующие текст города: астионим, внутригородской топос, языковая личность, языковая форма текста города, система концептов, городская беллетристика [4, с. 105–111].

Наша цель — рассмотреть «внутригородской топос» (далее — микроурбанонимы), то есть неофициальные названия городских мест, которые использует молодое поколение, а именно студенты Кубанского государственного аграрного университета, прошедшие анкетирование. Для опроса предлагались официальные названия объектов внутригородского пространства, маркеров событийного пространства и одновременно названий глав текста города, определяющих городские лингвокультурные сущности. Появление у урбанонима вторичного неофициального названия — показатель значимости объекта. Иначе говоря, урбанонимы отражают ономастические знания носителей языка. Под «ономастическими знаниями» нами понимается знание об имени собственном и всего того, что с ним связано. Ономастические знания отражают результат познавательной деятельности человека по хранению и отражению накопленного опыта в использовании имен собственных [5, с. 110–111].

В то же время внутригородской топос (неофициальные названия) репрезентирует информацию, которая способствует выполнению несколько иных функций. Так, основным функциям урбанонимов свойственна исключительно информативная, помогающая ориентироваться в городской среде. В свою очередь, микроурбанонимы имеют целью ориентацию на их использование для самопрезентации или для выполнения социативной функции, способствующей речевому воздействию на социальные отношения между говорящими и потенциально с третьими лицами [6, с. 225].

Функционирование микроурбанонимов в молодежном дискурсе отличается высокой степенью коннотации, обусловленной социальным фактором, социальными параметрами говорящих и проявляющейся в определенной коммуникативной ситуации.

Цель исследования — проанализировать творческий потенциал молодежи в осмыслении и репрезентации объектов городской среды, а также в их умении сфокусировать в микроурбанониме экспрессивную оценку с реальной локационной информацией. Иначе говоря, предполагается анализ неофициальных названий внутригородских объектов (микроурбанонимов), которые проявились в области речевого социально-поведенческого контекста и получены в результате опросов, анкетирования молодежи.

Как показывает анализ, микроурбаноним имеет высокую степень варьирования в деривационном аспекте, на который

накладывается варьирование в семантическом плане. Такое наложение связано с тем, что обыденное сознание требует подключения ассоциативно-образного мышления для вторичной номинации, которая зависит от частотности функционирования имени собственного и стереотипности мышления молодого поколения.

При анализе микроурбанонимов наиболее значимых мест Краснодара приходим к выделению двух основных зон: деривационной и лексико-семантической.

В свою очередь, деривационная зона включает как нормативный, так и окказиональный варианты. Обе зоны имеют определенные коннотативные оттенки, связанные с основным значением в сознании носителей языка. В количественном отношении большинство онимных производных исследуемых микроурбанонимов попадает в зону окказиональной деривации.

Нормативная зона включает, такие процессы, как сокращение полного названия либо сокращение с аффиксацией: *Парк Галицкого — Галицкий, Чистяковская Роца — Чистяковка, Чистяки, Западный Обход — Запад, Немецкая Деревня — Немка, Пашковский микрорайон — Пашковка* и т.п.

Данные образования не нарушают нормы словообразования и достаточно нейтральны в стилистическом аспекте.

В области окказионального словообразования чаще всего происходит нарушение деривационных норм. В лингвистической литературе применительно к этому процессу используется понятие «языковая игра». О. В. Журавлева указывает, что языковая игра основывается на манипуляции когнитивными моделями смыслопорождения, отражающими стабильное состояние всей системы языка, а не только словарного состава [7, с. 6], и что этот прием используется осознанно и намеренно.

К наиболее распространенным приемам можно отнести сокращение онима, в результате чего урбаноним полностью теряет информативную функцию и может быть адекватно воспринят только в определенной коммуникативной ситуации и в конкретной социальной среде: *Юбилейный — Юбик, Фестивальный — Фестик, Карасунский — Карасуны, Гидрострой — Гидрик, улица Красная — Краснуха, Галерея — Галя, Губернский — Губа* и т.п.

Как известно, урбанонимы выполняет функцию индивидуализации (идентификации) конкретного места в группе однотипных объектов. Географический объект предстает в сознании человека как целостный гештальт, обладающий определенным

набором признаков. В свою очередь, при вторичной номинации автором репрезентируется наиболее характерный, с его точки зрения, признак, и уже на основе выделения этого признака возникает та или иная ассоциация.

Помимо словообразовательного речетворчества, молодежь активно проявляет свою креативность в использовании перифраз, выполняющих образно-стилистическую функцию и заменяющих название предмета через свои ассоциативные представления. Иначе говоря, креативность такого плана проявляется в непрямом описательном обозначении места или объекта, представляющем собой характеристизацию отличительных признаков (условия проживания, расположение, большая плотность населения, долгий срок строительства, природные особенности и т.д.), обладающих различной степенью иносказательности и образности.

Исходя из того, что перифразы бывают логические и образные, отметим, что логические перифразы воспроизводят, как правило, признаки объекта, связанные с объективной информацией о некотором пространственном объекте: *Аврора — Долгострой, Западный обход — Самолет, Зип — Больница, Аврора — Фонтан*. Данные перифразы не имеют выраженной коннотации, но по сути несут определенную локационную информацию.

В свою очередь, образные перифразы репрезентируют результаты рецепции отличительных признаков отдельных объектов мегаполиса с точки зрения обывателя. В таких микроурбанонимах могут явно присутствовать как негативные, так и позитивные ассоциации: *Музыкальный — Шанхай (густозаселенность), Венеция (отсутствие ливневки), Аврора — Заброшка (долгое строительство), Парк Галицкого — Колизей, Красная — Патрики, Солнечный Остров — Отходняк, Панорама — Лувр* и т.д.

На основе полученных результатов можно констатировать, что возникновение микроурбанонимов как элементов микрогородского топоса происходит в результате языковой экономии (сокращение онима без лингвистической креативности), а также как экспликация речетворчества с субъективным осмыслением.

Таким образом, микроурбанонимы Краснодара — это отражение сформировавшегося стереотипного образно-ассоциативного восприятия имени собственного, а также репрезентация первичных мыслительных процессов, обозначивших

корреляцию со словом-номинантом. Такой итог показывает разнообразие моделей ономастического варьирования в когнитивном и образно-стилистическом аспектах. Внутригородской топоним формирует атмосферу, культуру и душу города, влияет на социальные отношения между говорящими, выполняя социативную функцию. Микроурбанонимы превращают абстрактное административное пространство в «свой» мир, наполненный смыслами, эмоциями, историей.

Примечания

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. Москва : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
2. Теркулов В. И. Лингвоурбанология: основные направления комплексного лингвистического исследования города // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. статей IX Междунар. симпозиума. Симферополь, 2025. С. 105–111.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва : Наука, 1988. С. 52.
4. Теркулов В. И. Лингвоурбанология: основные направления комплексного лингвистического исследования города // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. статей IX Междунар. симпозиума. Симферополь, 2025. С. 105–111.
5. Щербак А. С. Когнитивная специфика урбанонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 110–113.
6. Щербак А. С., Грошев И. В. Социативная семантика урбанонимов // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 5. С. 224–229.
7. Журавлева О. В. Когнитивные модели языковой игры (на материале заголовков русских и английских публицистических изданий) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 207 с.

Фесенко Ольга Петровна

olga.fesenko2015@yandex.ru

Омский государственный университет путей сообщения

ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ РОДСТВА: К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ ИМЕНИ

Аннотация. Сформулированы основные сложности, возникающие перед экспертом-лингвистом в процессе составления экспертного заключения при доказательстве родства: 1) многоэтапность работы, сложность

и особенности поиска информации на каждом из этапов; 2) простота, но содержательность изложения информации. Описаны основные этапы работы над экспертным заключением (анализ лексикографических источников разного типа — от словарей имен до энциклопедий; анализ научных работ и их интерпретация; поиск нетипичных источников антропологических сведений), а также приведены примеры по каждому из этапов работы.

Ключевые слова: антропонимикон, доказательство родства, экспертное заключение, доказательства родства, варианта имени.

Fesenko O. P.

Omsk State University of Railway Transport

THE PROBLEMS OF LINGUISTIC EXPERTISE IN PROVING KINSHIP: ON THE QUESTION OF NAME VARIATION

Abstract. The article formulates the main difficulties faced by a linguistic expert in the process of drawing up an expert opinion when proving kinship.: 1) the multi-stage nature of the work, the complexity and features of information search at each stage; 2) the simplicity but content of the presentation of information. The main stages of work on the expert opinion are described (analysis of lexicographic sources of various types: from dictionaries of names to encyclopedias; analysis of scientific papers and their interpretation; search for atypical sources of anthropological information). Examples are also provided for each stage of the work.

Keywords: anthroponymicon, proof of kinship, expert opinion, proof of kinship, name variant.

В истории развития отечественного антропонимикона есть этапы, связанные с изменением написания отдельных имен, и периоды адаптации заимствованных имен к языковой системе русского языка. С одной стороны, эти этапы описаны в современной ономастике, начиная с момента принятия христианства и заканчивая последней реформой орфографии (как на примере отдельных имен, так и в рамках общих выявленных тенденций). С другой стороны, охватить историю всех имен без исключения — весьма сложная задача. Однако она оказывается важной, если речь заходит о составлении экспертного лингвистического заключения, цель которого — доказать, что разные варианты одного имени могли называть одного и того же человека в различных документах. Такая экспертиза востребована при обращении в ЗАГСы, в исторические архивы, в информационные службы или центры МВД, ФСБ для получения сведений о предках, для доказательства родства, для получения гражданства и т.д.

Прежде всего, следует учитывать, что при проведении экспертизы чаще всего используется лексикографический метод, который предусматривает анализ слов (в нашем случае имен человека) в словарях одновременно в нескольких аспектах: 1) семантическая характеристика; 2) стилистическая характеристика; 3) эмоционально-экспрессивная характеристика. В лингвистических словарях используются специальные пометы и комментарии, указывающие на вариантность и стилистику имени.

Можно выделить несколько этапов работы при составлении такого экспертного заключения.

На первом этапе ученый обращается к словарям, в которых содержится перечень функционирующих в культуре имен. Это, прежде всего, словарь Н. А. Петровского [1] и словарь А. В. Суперанской [2]. Если речь идет о периоде Древней Руси, что бывает крайне редко, поскольку документы этого периода практически не сохранились, то имеет смысл взять в руки словарь Н. М. Тупикова [3] и ономастикон С. Б. Веселовского [4]. Хотя надо заметить, что обращение к последним двум изданиям необходимо и тогда, когда в словарях современного антропонимикона не хватает данных для экспертного заключения. В целом, в названных лексикографических изданиях собран значительный материал по вариативности имен, даются справки по их этимологии, существованию уменьшительно-ласкательных форм и т.д.

Как показывает практика, для архивов и ЗАГСов такой информации хватает. Например, чтобы сделать заявку на получение копий документов в историческом архиве, если заказчик опирается на похозяйственные книги, в которых один и тот же человек назван разными вариантами имен, то сведений из словарей бывает достаточно. Так, в нашей практике был запрос, в котором в похозяйственных книгах фигурировала одна и та же женщина (совпадало место проживания и рождения) с разными вариантами именованья: *Акилина* и *Акулина*. Рассматриваемые варианты имени *Акилина* и *Акулина* в анализируемых словарях располагаются в пределах одной словарной статьи. В словаре Н. А. Петровского заголовочным (т.е. определяющим, первичным по происхождению) оказывается имя *Акилина*. Вариант *Акулина* сопровождается пометой «народн.» (народное). Эта помета служит указанием на то, что вариант *Акулина* родился в сфере живой народно-разговорной речи. Такие формы, по мнению Н. А. Петровского,

«нередко приобретают документальный характер», т.е. встречаются в официальных документах. Значит, эксперт может сделать вывод, что исследуемая форма имени *Акулина* является народным вариантом имени *Акилина*. Напомним, что в тексте заключения в обязательном порядке даются ссылки на все словарные источники.

Если же экспертное заключение требуется для суда (при установлении родства), для запроса в информационные службы различных ведомств, для обращения в посольство по поводу получения гражданства, то просто лексикографической справки часто бывает недостаточно. Тогда на втором этапе работы лингвист обращается к другим типам словарей — к биографическим словарям и к энциклопедиям, содержащим антропонимическую информацию (имена, отчества и фамилии людей). Эти источники позволяют найти реальные примеры использования разных вариантов имени при описании одного и того же человека (в рамках одной словарной статьи). Приведем примеры с вариантами *Осип* и *Иосиф*: 1) Левенсон *Осип (Иосиф) Яковлевич* [5, с. 192–193]; 2) Геништа *Иосиф Иосифович (Осип Осипович)* [6, с. 751–752]; 3) Литтров *Осип (Иосиф) Антонович (Андреевич)* [7, с. 103]. Выбор одного из вариантов в качестве заголовочного компонента ничем не мотивирован, что позволяет сделать вывод о равноправном существовании обоих вариантов при наименовании одного и того же человека.

В некоторых случаях в рамках судебных разбирательств требуется дополнительное научное обоснование возможности использования вариантов одного имени. Тогда наступает третий этап работы — поиск информации в научных статьях и монографиях. Обычно подобные сведения требуются тогда, когда в словарях различных типов не хватает информации о вариантах имени. Например, по словарям Н. А. Петровского и А. В. Суперанской можно доказать, что имена *Порфирий*, *Порфир* (разг.), *Перфилий*, *Перфил* — это варианты одного имени и могут принадлежать одному человеку. А вот *Парфирий*, *Прафирий*, *Парфир* в словарях не обнаруживаются (вообще ни в каких). И тогда необходимо поднимать научные труды, скажем, по исторической и диалектной фонетике, в которых приводятся примеры преобразования имен. В нашем случае это: 1) работа Р. И. Аванесова [8, с. 142–456], в которой обнаруживается описание общих фонетических законов русских говоров, что позволяет объяснить возникновение варианта

Парфирий; 2) труд А. А. Реформатского [9, с. 293–298], дающий возможность объяснить появление варианта *Парфир* через контаминацию усеченной формы *Порфир* и диалектной *Парфирий*). При использовании таких научных работ необходимо помнить, что читать экспертное заключение будут не лингвисты, поэтому текст заключения должен быть содержательным, но простым.

В нашей практике судья попросила расширить текст экспертного заключения по уже собранным данным, отраженным в лексикографических изданиях. Возвращаясь к ранее приведенному примеру *Иосиф — Осип*, добавим к нему следующее: в научной литературе отмечена регулярная трансформация книжных церковных имен в народные формы (подобно *Иосиф → Осип*, *Иоанн → Иван*, *Георгий → Егор* и т.д.). Описанный процесс связан с фонетическим (звуковым) упрощением, вызванным стремлением носителей языка максимально адаптировать иностранное по происхождению имя к фонетике русского языка (например, превратить зияние гласных в начале имени *ИО* в русское *О*) [10, с. 100–102].

Наконец, в самых сложных случаях, когда информации о вариантах имен крайне мало, требуется обращение к нетипичным источникам. Например, к Дозорным книгам. В них содержатся указатели упомянутых в текстах документов XVII–XVIII веков имен и фамилий. Интересно, что в таких документах, которые, как правило, составляли по просьбам жителей, отражены не официальные, не канонические имена, а простонародные варианты. И тогда в официальных бумагах можно встретить запись *Ивашко* и пр.

Подводя итог, сформулируем основные сложности составления экспертных заключений. Во-первых, необходимость дополнительного многоэтапного поиска для исчерпывающего описания требуемых сведений. Эксперт должен владеть методикой поиска информации, знать научную литературу, понимать языковые процессы, влияющие на изменение имени. Во-вторых, текст заключения следует составлять содержательно, убедительно, но при этом максимально просто, поскольку ни работники архивов, ни специалисты ведомств не являются филологами. При условии прогнозирования названных проблем лингвистическая экспертиза при доказательстве родства (на примере вариативности имен) окажется результативной.

Примечания

1. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен: более 3000 имен, [старин. и новейших, полных и уменьшит.]. 6-е изд., стер. Москва : АСТ, 2005 : ГУП ИПК Ульян. Дом печати. 477 с. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-russkih-imyon>.
2. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен: более 7500 русских имен. Москва : Айрис-пресс, 2005. 384 с. URL: <https://lexicography.online/onomastics/superanskaya>.
3. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / предисл. А. Соболевский. Санкт-Петербург : тип. И. Н. Скорохова, 1903. 857 с.
4. Веселовский С. Б. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии / предисл. В. И. Буганова ; АН СССР. Отд-ние истории. Архив АН СССР. Москва : Наука, 1974. 382 с.
5. Музыкальная энциклопедия. Москва : Сов. энциклопедия, 1976. Т. 3.
6. Русские фольклористы : библиографический словарь. XVIII–XIX вв. : в 5 т. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2016. Т. 1.
6. Иностранцы профессора российских университетов (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.) : биографический словарь / под общ. ред. А. Ю. Андреева ; составитель А. М. Феофанов. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2011.
7. Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. Москва : Просвещение, 1974. 287 с.
8. Реформатский А. А. Введение в языковедение. Москва : Аспект Пресс, 1996. 536 с.
9. Мкртчян С. В. Историчность нормы в употреблении форм имен Георгий/Егор, Иосиф/Осип в литературном языке второй половины XIX — начала XX века // Актуальные проблемы русистики : тез. докл. и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. Э. В. Кузнецовой (Екатеринбург, 7–9 февраля 1997 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1997. С. 100–102.

Шевелёва Александра Александровна
wily_wonka@mail.ru
Донецкий государственный педагогический
университет им. В. Шаталова

**РЕСТОРАН «ОТВРАЩЕНИЕ»
КАК ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ:
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ «НОМИНАЦИИ-ПРОВОКАЦИИ»
В РОМАНЕ А. ГРИНА «ДОРОГА НИКУДА»**

Аннотация. В статье исследуется феномен авторских отрицательных номинаций в романе А. Грина «Дорога никуда». Концепция ресторана «Отвращение» и его специфическое меню рассматриваются как лингвистическая модель «номинации-провокации», в которой названия блюд становятся инструментом создания особого художественного эффекта. Анализируется образный потенциал этих семантически нагруженных номинаций, их роль в формировании авторской концепции, создании особой атмосферы воздействия на восприятие посетителями ресторана текста меню, раскрытии психологии персонажа и трансляции идейного замысла произведения. Внимание уделяется механизмам создания этих авторских наименований.

Ключевые слова: номинация-провокация, «отрицательная» поэтонимия, авторские названия, художественная семантика.

Sheveliova A. A.
Donetsk state pedagogical university
named after V. Shatalov

**THE RESTAURANT “DISGUST”
AS AN ONOMASTIC EXPERIMENT: THE FUNCTIONING
OF “NOMINATION-PROVOCATION” IN A. GREEN’S
NOVEL “THE ROAD TO NOWHERE”**

Abstract. The article examines the phenomenon of author’s negative nominations in A. Green’s novel “The Road to Nowhere”. The concept of the restaurant “Disgust” and its specific menu are considered as a linguistic model of “nomination-provocation”, in which the names of dishes become a tool for creating a special artistic effect. The article analyzes the imaginative potential of these semantically loaded nominations, their role in shaping the author’s concept, creating a special atmosphere of influence on the restaurant’s visitors’ perception of the menu text, revealing the psychology of the character and broadcasting the ideological intent of the work. Attention is paid to the mechanisms of creating these copyrighted titles.

Keywords: nomination-provocation, “negative” poetonymy, author’s names, artistic semantics.

Поэтонимология позволяет исследовать глубинные пласты авторских миров, своеобразие художественного мышления писателя, зачастую — декодировать идейный замысел произведения. Каждый поэтоним (*наименование, созданное в художественном тексте как концентрированный поэтический образ, несущий эмоциональную, эстетическую или символическую нагрузку, выполняющий функции художественной метки*) обеспечивает целостность поэтонимосферы произведения: он пронизан ее «силовыми линиями», испытывает ее влияние и сам воздействует на свойства совокупности поэтонимов [1]. Особое место среди поэтонимов занимают авторские номинации — уникальные именованья, созданные писателем для достижения специфических художественных целей. Они способны формировать атмосферу произведения и направлять ход читательского восприятия.

В центре нашего внимания — феномен отрицательных номинаций, или, как мы предлагаем их именовать, «номинаций-провокаций». В отличие от традиционных, эти именованья нацелены на инициирование у посетителей ресторана цепи ассоциаций, эмоциональных или смысловых реакций — от недоумения до отвращения или страха. Они выступают как инструмент воздействия, формируя особый тип связи между текстом меню и его реципиентом. Мы считаем, что применительно к творчеству Александра Грина, известного своим самобытным художественным стилем, этот феномен заслуживает большего внимания. Материалом для анализа выбран роман «Дорога никуда». Объектом исследования выступает сам феномен авторских отрицательных номинаций, предметом — лингвистическая модель ресторана «Отвращение» и его меню, представленные в романе как система «номинаций-провокаций», активно функционирующая на смысловом поле произведения.

Язык — строительный материал писателя. Авторские номинации — это не просто ярлыки, а мощные средства формирования читательского восприятия. В контексте художественного текста номинация нередко приобретает дополнительные коннотации, экспрессивные или символические значения. Интерес «номинаций-провокаций» в том, что они разрушают привычные ожидания и приглашают читателя к интерпретации.

Ресторанное меню традиционно служит для информирования посетителя о предлагаемых блюдах. Но в романе А. Грина «Дорога никуда» ресторан «Отвращение» и его меню становятся полноценным семантическим центром, где названия блюд

приобретают характеристики «номинаций-провокаций», т.е. трансформируются в инструмент создания атмосферы, раскрытия характеров и поддержки общей концепции произведения. В меню «Отвращения» Грин сразу закладывает основу для будущего деконструктивного восприятия, задает некий отрицательный тон: *1. Суп несъедобный, пересоленный. 2. Консоме «Дрянь». 4. Камбала «Горе». 5. Морской окунь с туберкулезом. 7. Котлеты из вчерашних остатков. 9. Пирожное «Уберите!».* (и др.) Блюда указаны апеллятивно-онимными словосочетаниями (комплексами): (напр. консоме «Дрянь». Первый компонент — апеллятив, второй собственное имя; вместе — поэтоним). Эти названия — пример «номинации-провокации», где каждое либо прямо указывает на непригодность блюда к употреблению, либо прибегает к гиперболизации негативных качеств, либо откровенно шокирует. Построены они на механизмах символической деривации, обозначения источника (отходов), намеренного сочетания несочетаемого (абсурд).

Автор намеренно лишает читателя возможности получить привычное удовлетворение от описания гастрономического опыта, провоцируя тем самым более глубокое осмысление не только смысла романа, но и самой природы человеческих ожиданий и разочарований. При этом — *...помещение отличалось безукоризненной чистотой. Скатерти были так белы <...> посуда мылась и вытиралась тщательно, <...> кушанья, приготовляемые из отличной провизии, по количеству и цене должны были бы обеспечить заведению полчища едоков. Кроме того, на окнах и столах были цветы...* «Безукоризненная чистота» ресторана резко контрастирует с его названием «Отвращение» [2, с. 85].

Перекликается с эффектом от меню и описание ресторана, где были размещены картины, иллюстрирующие времена года, но делающие это путем семантической инверсии: *...уже эти картины намечали некоторую идею, являющуюся <...> бесцельным предательством. Картина, называвшаяся «Весна», изображала осенний лес с грязной дорогой. Картина «Лето» — хижину среди снежных сугробов. «Осень» озадачивала фигурами молодых женщин в венках, танцующих на майском лугу. Четвертая — «Зима» — могла заставить нервного человека задуматься над отношениями действительности к сознанию, так как на этой картине был нарисован толстяк, обливающийся потом в знойный день. Эти*

картины также выступают как «номинации-провокации» (однако у них разные механизмы создания и семантической трансформации), сама идея «бесцельного предательства» подчеркнута автором.

Кроме того, «Отвращение» не просто декорация, а зеркало внутреннего состояния владельца, Кишлота, его разочарования в мире и собственное восприятие, где привлекательное на деле вызывает неудовлетворение, — еще один семантический конфликт [2, с. 86]: *... Кишлот махнул рукой и перечислил свои походы на общественный кошелек. — Я держал, — сказал он, — булочную, кофейную и зеркальный магазин. Магазин имел вывеску: «Все красивые», — а в объявлении на окне говорилось, что из десяти женщин, купивших у меня зеркало, девять немедленно находят себе мужа. <...> Дело не пошло. Торгуя булками, я объявил, что запекаю в каждую тысячную булку золотую монету. Была давка у дверей по утрам, но <...> в конце недели одна монета оказалась фальшивой, и я познакомился со следственными властями. Кафе «Ручеек» было устроено, как настоящий ручеек: среди цветов, по жестяному руслу текло горячее кофе с сахаром и молоком. <...> Но все думали, что поутру в это русло сметают пыль. Теперь — «Отвращение». Я рассчитывал, что город взбесится от интереса, а между тем моя торговля вводит меня в убыток...*

Любопытно провести параллель с самим названием «Дорога никуда» — **поэтонимной осью** произведения [2, с. 83]. Уже само по себе оно является мощной номинацией-символом. Ресторан «Отвращение» и его меню становятся своеобразной метафорой этой «дороги никуда».

Таким образом, функционирование «номинаций-провокаций» в романе «Дорога никуда» выходит за рамки простого обозначения. Необычные номинации предполагают выход за рамки обыденного восприятия, переосмысление читателем категорий хорошего и плохого, роли ожидания, предвкушения и их неизбежных разочарований в жизни, что перекликается и с самой идеей романа. Ресторан «Отвращение» становится своего рода художественным экспериментом, призванным вскрыть парадоксы человеческой природы и общества. В романе поэтика контраста, а точнее принцип оксюморонного построения, становится ведущим в организации поэтонимосферы — это отмечает в своей статье М. В. Бувеская [3]. Анализ авторских номинаций, рассмотренных в данной статье, позволяет глубже понять художественный метод А. Грина.

Примечания

1. Калинин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология // Неофилология. 2017. № 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znakomtes-poetonimologiya-1> (дата обращения: 15.03.2026).

2. Буевская М. В. Поэтонимосфера художественного текста. Киев : Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. 288 с.

3. Буевская М. В. Поэтонимосфера романа А. Грина «Дорога никуда»: предназначение структуры // Филологические исследования : сб. науч. трудов / отв. ред. В. В. Фёдоров. Донецк : Юго-Восток, Лтд, 2006. Вып. 8. С. 163–168.

Шокуева Лилиана Аслановна

lilia.shokueva@mail.ru

Ростовский юридический институт МВД России

РОД БЕСЛАНЕЕВЫХ В ИСТОРИИ НАРОДА: ОНОМАСТИЧЕСКОЕ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Проводится ономастическое исследование фамилии Бесланеевых и осуществляется попытка проследить историю этого аристократического княжеского рода. Также в статье рассматриваются знаменитые деятели — представители рода Бесланеевых в истории и в настоящее время. Изучается происхождение двенадцати звезд — основных адыгских субэтносов, проводится анализ истории возникновения субэтноса бесланеевцев и их тесной связи с кабардинцами.

Ключевые слова: род, фамилия, Бесланеевы, бесланеевцы, ономастика, Черкессия.

Shokueva L. A.

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

THE BESLANEEV FAMILY IN THE HISTORY OF THE PEOPLE: ONOMASTIC AND GENEALOGICAL RESEARCH

Abstract. This article conducts an onomastic study of the Beslaneyev family name and attempts to trace this aristocratic princely family. The article also examines famous figures — representatives of the Beslaneyev family in history and the present. The origin of the twelve stars, the main Adyge subethnoses, is studied, the history of the emergence of the Beslan

subethnos is analyzed, and their close relationship with the Kabardians is analyzed.

Keywords: gender, surname, Beslaneyevs, beslaneyevs, onomastics, Circassia.

«Каждый народ имеет право на свою идентичность, своего языка, своей территории, своих традиций, своего флага...» — писал Хадис Тетуев в своем исследовании. Черкесский флаг — ныне флаг республики Адыгея, представляет собой зеленое полотнище с двенадцатью звездами и тремя стрелами, скрещенными между собой и обращенными вверх. По некоторым источникам, двенадцать звезд, изображенных на флаге, обозначают двенадцать основных адыгских (или черкесских) племен (субэтносов): абадзехи, бжедуги, кабардинцы, хатукаевцы, бесланеевцы, натухайцы, темергои, шапсуги, убыхи, махашевцы, мамхеговцы, егерукаевцы. Три звезды изображают почтеннейшие адыгские княжеские рода, перекрещенность этих стрел, в свою очередь, показывает их единство. Зеленый цвет выбран как символ жизни и вечности. Считается, что данный флаг сформировался от исторического флага Черкесии XIX века, который, по первостепенной версии, был ручной работой турецкой султанши-черкешенки по эскизу шотландского дипломата и писателя Дэвида Уркварта в 30-е годы XIX века.

В данном исследовании мы будем рассматривать субэтнос бесланеевцев, от представителей которых в наше время пришла фамилия Бесланеевых.

Бесланеевцы являлись одним из самых ранних адыгских этносов. Княжеские фамилии данного рода произошли от прародителя адыгской аристократии, легендарного князя Инала. Сам Инал являлся выходцем из аравийских земель, хотя и был рожден адыгом. Связано это с тем, что в те времена существовала тесная связь между Черкесией и Крымским ханством, из-за чего гаремы ханов и эмиров были наполнены черкесскими девушками, которых отдавали им в знак добрых отношений между двумя государствами. От одной из таких девушек и был рожден Инал, ставший впоследствии прародителем бесланеевцев [1, с. 216].

Еще с момента получения титула князя он активно начал развивать на своих землях аристократические ценности. Именно он внес большой вклад в знаменитый Адыгский кодекс чести.

Знатный князь Инал, родоначальник многих княжеских родов, имел четырех сыновей, между которыми разделил свои земли и выделил каждому территорию правления. В результате данного деления в дальнейшем возникли первые субэтносы: Темрюк управлял темиргоевцами, от сына Карпата произошли кабардинцы, Заноко представлял шапсугов, а Беслан возглавил народ, близкий кабардинцам, который впоследствии стал именоваться бесланеевцами (бесльэней) от имени руководителя [2, с. 232].

Обращая внимание на близость между кабардинскими и бесланеевскими племенами, вспомним слова Б. Х. Балкарова о том, что «бесланеевцы — одно из кабардинских племен, которые не последовали за основной массой в предгорье Кавказа и остались в древних местах поселения кабардинцев». В подтверждение данных слов можно вычитать в документах кабардинско-русских отношений, в котором записаны слова кабардинского князя Кургокина Бамата в деле за 1747 год: «Родственники — одного отца дети и жили все вместе... и по умножению до нашего народа в здешних местах стало жить тесно; к тому же между собой имели ссору и по той же причине разделились... Бесланей пошел за Кубань... и яко де родственники наши непричастно к нам в Кабарду и мы к ним ездим...».

Таким образом, род Бесланеевых относится к адыгским племенам — бесланеевцев и кабардинцев.

Как ранее упоминалось, родоначальником выступал князь Беслан. Доказательством тому является его тесная дружба с князем Атажукиным, в мемуарах которого упоминается род Бесланеевых и факт того, что вплоть до XX века они были в тесных связях [3, с. 320].

Обращаясь к ономастике, разберем фамилию Бесланеевых, которая переводится на кабардинский как «Бесльэней». «Беслан» — имя родоначальника, а «ей» — притяжательный аффикс; то есть элемент, обозначающий принадлежность кому-либо. Соединение данных частей слова дает нам выражение «Бесльээн ей» — принадлежащие Беслану, иначе, род Беслана.

На протяжении XIX–XX веков выходцы из рода Бесланеевых проявляли себя с самых разнообразных сторон — в политике, военном искусстве, социальной деятельности на Северном Кавказе.

Наиболее ярким из представителей исследуемого рода выступал Хабала Жанхотович Бесланеев — советский государственный деятель Кабардино-Балкарии. Он родился в 1886 году

в Терской области Российской империи. Получив образование, начал работать переводчиком в окружном суде, что свидетельствует о его достаточно высоком уровне грамотности и авторитета среди местного населения. В период революционных событий и становления власти на Северном Кавказе, он занимался организацией и руководством деятельности по установлению советской власти в регионе. В основном он занимался политической и административной деятельностью на территории Кабардино-Балкарской республики и близких территориях.

Кроме представленного выше государственного деятеля, в истории упомянуто много других представителей рода Бесланеевых, которые проявили себя в различных областях общественной жизни — в образовании, культуре, военном деле и хозяйственной деятельности. Некоторые из них занимали серьезные должности в местных органах управления, участвовали в общественных движениях и внесли значительный вклад в развитие регионов.

В настоящее время носители фамилии продолжают успешно проявлять себя в таких сферах общественной жизни, как спорт, наука, культура, искусство и местное управление. Их активная деятельность продолжает сохранять статистику вовлеченности представителей Бесланеевых в социальное развитие регионов.

Одним из представителей рода в настоящее время является Нурмухамед Бесланеев, который является многократным чемпионом России и мира по рукопашному бою. Его деятельность укрепляет спортивный авторитет региона, из которого он родом, — Кабардино-Балкарской республики — на международной арене.

Представителей рода Бесланеевых чаще сегодня можно встретить среди работников государственной службы, образования и культуры, среди предпринимателей. Таким образом, на сегодняшний день представители этого рода продолжают играть заметную роль в жизни общества, особенно на региональном уровне.

Проведенный анализ поспособствовал рассмотрению происхождения и исторического развития древнего аристократического рода Бесланеевых в контексте истории одной из этнических групп адыгов — бесланеевцев. Исследование исторических данных и современных писаний позволило понять, как формирование фамилии Бесланеевых связано с традиционной

для адыгов системой, в которой фамилия образовывалась от имени родоначальника.

Подводя итоги, следует заметить, что исследование рода имеет не только генеалогическое значение, но и историко-культурное. Благодаря такому анализу можно понять процессы формирования родовых структур у адыгских народов, а также проследить роль как отдельных родов, так и их влиятельных представителей в процессе развития Северного Кавказа. Ведь фамилия (от лат. familia — «семейство») — это наследственное родовое имя, указывающее на то, что человек принадлежит к одному роду, ведущему начало от одного общего предка.

Примечания

1. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа, IV–X вв. = Этническая история Северного Кавказа, четвертый — десятый века. Ленинград : ЛГУ, 1979. 216 с.

2. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым / напечатана с подлинной, исправленной рукоп. и дополнена предисл., биогр. авт., примеч. и прил. Ад. Берже. Тифлис : Тип. Гл. упр. наместника кавказского, 1861. 176 с.

3. Челеби Э. Книга путешествия. Извлечения из сочинения Османского путешественника XVII века. Земли исторической России и сопредельные области / вступ. статья, пер. с османского яз. и коммент. Е. Бахревского. Москва : Институт Наследия, 2023. 724 с.

Шульдишова Алина Анатольевна

shuld_a@mail.ru

Российский университет

дружбы народов им. П. Лумумбы

СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЭТОНИМА-СИМВОЛА РОССИЯ — КЛЮЧЕВОГО В ИДИОСТИЛЕ А. БЛОКА

Аннотация. Рассмотрены особенности языковых средств формирования символистического ореола поэтонима «Россия-Русь» в идиолекте лирической трилогии Александра Блока. Созданный автором статьи и «встроенный» в структуру базы данных Access конкорданс к трилогии позволил исчерпывающим образом учесть все случаи употребления и предупредить появление возможных лагун в исследовании. Изучены состав, функции, способы взаимодействия и степень «иррадиации» лексем, формирующих центральный образ в идиостиле лирической трилогии;

отмечена роль семантических сближений в формировании их совокупной семантики и поэтики образующихся лексических сочетаний. Собственные имена *Россия* и *Русь*, кроме основных, зафиксированных словарями значений, в идиолекте А. Блока приобретают и иные. Они оформляются с помощью разнообразных, в том числе оригинальных способов и приёмов употребления, различных речевых средств и индивидуально-авторской сочетаемости имён объектов с поэтонимами.

Ключевые слова: поэтоним-символ, лирическая трилогия, идиостиль, идиолект.

Shuldishova A. A.
P. Lumumba Russian
University of Peoples' Friendship

MEANS OF FORMING THE POETONIM SYMBOL RUSSIA — KEY IN THE IDIOLECT OF A. BLOK

Abstract. The article examines the features of linguistic means of forming the symbolic halo of the poetonym “Russia-Rus” in the idiolect of Alexander Blok’s lyrical trilogy. The concordance to the trilogy created by the author of the article and “embedded” in the Access database structure allowed for an exhaustive account of all cases of usage and prevented the appearance of possible gaps in the study. The composition, functions, ways of interaction, and degree of “irradiation” of the lexemes that form the central image in the idiostyle of the lyrical trilogy have been studied, and the role of semantic convergence in shaping their collective semantics and poetics of the resulting lexical combinations has been noted. In addition to the main meanings recorded in dictionaries, the proper names Russia and Rus acquire other meanings in A. Blok’s idioculture. These meanings are expressed through various, including original, methods and techniques of usage, as well as through the individual author’s combination of object names with poetonyms.

Keywords: poetic symbol, lyrical trilogy, idiostyle, and idiom.

*Покрывало с «Имени» сорвано;
названо Имя: Россия.
А. Белый*

По мнению В. М. Калинкина, собственное имя обладает качеством непрерывной семантической текучести, способностью к бесконечному содержательному насыщению. Нарастание интенсивности образной сферы превращает аниконическое имя в имя-индекс. Этим термином можно обозначить собственные имена, употребляющиеся как в художественной, так и в нехудожественной речи настолько часто, что их латентная образность перестаёт фиксироваться воспринимающим сознанием.

Следующими по образной и содержательной насыщенности ступенями развития собственных имён можно считать имена-аллегии и имена-метафоры. Наибольшее же распространение получили «имена-символы». Продолжая рассуждение, исследователь пишет: «Границы, тем более чёткие, между именами разной степени насыщенности содержательной сферы попросту неустановимы. Предельным же по степени содержательной и образной насыщенности является поэтоним-миф» [1, с. 234].

Все образы, в том числе и обозначенные собственными именами, как в лирике, так и в лирических драмах А. Блока предполагают символическую многоплановость. Они определяют аллюзии, соотносящие поэтонимы-символы с определёнными реалиями действительности.

Поэтоним *Россия* в идиостиле А. Блока — это выражение интимного и всеобщего, частного и целого. «Работая» как символ, этот художественный образ открывает читателю драму личного и общего. Блок, по определению Андрея Белого, «двояко трагиченъ въ смѣшеніи Россіи и Руси, въ смѣшеніи личной страсти съ служеніемъ родинѣ» [2, с. 279]. «Благословляющей и проклинающей любовью любил Блок Россию: оттого сквозят его песни и нежностью, и гневом». «Поэзия Блока», — скажем словами Белого, — «цветок страшных лет русской жизни: неудивительно, что в поэзии этой перепутаны *Имя* и *путь*; русская действительность зачастую была роковым смешением путей, нас ведущих к катастрофе в плане личном и социальном; выразителем смятенной души в ее духе и в теле был Блок» [2, с. 270].

Блок писал: / *Кто Ты, зельями ночными / Опившая меня? / Кто Ты, Женственное Имя / В нимбе красного огня?* / [3, т. 2, с. 48]. А Белый словно отвечал: «Муза Блока — *Россія*» [3 с. 275] и в конце рассуждений подытожил словами, ставшими эпиграфом к работе: «Покрывало с „*Имени*“ сорвано; названо *Имя: Россія*» [3, с. 277].

Главными словами в семантическом ореоле образа родины в лирической трилогии являются поэтонимы *Россия* и *Русь*. Но А. Блок — поэт-символист, и потому ореол этот внушительно символичен. А в наборе слов-синонимов главным носителем смыслов ясно выступают и славянская языческая мифологема **род** и прочитывается христианская любовь в ней: *родина, родимый, русский, родной, Россия-мать, Галилея, Жена, Невеста, Святая Русь (родимая долина, родимый чертог, лазурь*

родимой стороны, родимая страна, родимая земля, места родимые, родимый свой край, родимые ивы, на родине мне милой, земля родная, родная страна, родной простор, родная Галилея, Величавая Вечная Жена, Царевна-Невеста) и др.

В первой книге трилогии поэт выстраивает «туманно-идеализированный» образ (*Прекрасной Дамы, Незнакомки, Девы*), в дальнейшем трансформирующийся в ключевой символ идиостиля: образ-Идеал и образ России сливаются в контрапункте, образуя «соглашение музыкальное» [43, т. 6, с. 8], одну Тему, выдвинутую на первый план всего творчества А. Блока. На протяжении всего романа в стихах он преобразуется, являя разные лики и грани (/ *На пустынном просторе, на диком / Ты все та, что была, и не та / Новым ты обернулась мне ликом, / И другая волнует мечта...* / [3, т. 2, с. 528]), вступает в разные отношения:

*Ты, в сумрак отойдя, Сама не можешь счесть
Разбросанных лучей Твоих Преображений!
«Нет, я не отходил. Я только тайны ждал...».*
[3, т. 1, с. 528]

А. Белый в заметке «Поэзия Блока» прозорливо и точно указал, что ключевым «подлинным центром» его лирических переживаний в конечном итоге является *Россия*. В одном из первых (с лингвопоэтическим уклоном) откликов на философско-нравственные искания поэта он подчёркивал, что лик музыки Блока многогранен, состоит из ряда «моментов мимики»: «Десятилетие медленно выявляло подлинный центр качания маятника поэзии Блока; вспышки света и тьмы, Дѣва неба и Маска слились въ выражении третьяго лика; блоковская *Прекрасная Дама* оказалась абстракцией одного лишь момента мимики страдающей души русской жизни; *Проститутка* — абстракцией другого момента; подлинный ликъ его музыки оказался живѣй, многограннѣй, исполненнѣй трагической жизни. Этот ликъ — ликъ Россіи» [2, с. 270]. И предвещал, что к своей музе Блок придѣт в третьей книге, а пока она (во второй книге) — *Маска*.

Поэтонимы *Россия* и *Русь* в художественном мире А. Блока, обогащённые и преобразованные окказиональной сочетаемостью, порождают оригинальные смыслы и значения. В поэтических текстах писателя зафиксировано 29 случаев употребления этих слов (*Россия* — 16, *Русь* — 15, не считая использования их в качестве титлопоэтонимов). Лейтмотив

родины пронизывает всю ткань лирической «трилогии», сопровождает весь творческий путь поэта.

Оригинальные способы употребления различных словоформ, соотносящихся с образом *родины*, являются особой приметой идиолекта автора. Значимую роль играет «по-блоковски» творческий характер сочетаемости лексики предметного ряда с лексемами при обрисовке лирических образов, что позволяет отнести эту особенность языка поэта к важнейшей характеристике его индивидуального стиля.

Многообразие характеристик родины создаёт впечатление безграничности, необычности коннотативной многозначности сочетаний с онимами.

Обратим внимание на одно индивидуально-авторское конотирующее значение этого символа — «божественная красота и любовь» и «трагичность». Наряду с романтической мажорной тональностью реализуются и минорные ноты (семантика «безысходности» России). Образ родины аллюзивно порождает мифосимволическую связь с античным скульптурным изображением богини Венеры (/ *И мнилась мне Российская Венера / Тяжелою туникой повита* / [3, т. 1, с. 91]).

Россия воспринимается поэтом как живой организм: «Родина — это огромное, родное, дышащее существо, подобное человеку, но бесконечно более уютное, ласковое, беспомощное, чем отдельный человек; <...> Родина — древнее, бесконечно древнее существо, большое, потому неповоротливое, и самому ему не счесть никогда своих сил, своих мышц, своих возможностей, так они рассеяны по матушке-земле. Родине суждено быть некогда покинутой, как матери, когда сын её, человек, вырастет до звёзд и найдёт себе невесту. Эту обречённость на покинутость мы всегда видим в больших материнских глазах родины, всегда печальных, даже тогда, когда она отдыхает и тихо радуется» [3, т. 5, с. 443–444].

Символически Россию Блок, как известно, связывал с образами невесты и жены. Он писал: «Можно любить мать, сестру и жену в едином лице родины-России» [3, т. 5, с. 321]. Одним из штрихов к Её «портрету» становятся чувства лирического героя: / *Если знал я твои имена, — / Для меня они в ночь отошли... / Я с Тобой, золотая жена, / Облеченная в сумрак земли.* / [3, т. 1, с. 361]. Некоторые блоковские контексты, связанные с образами России, родины, символизируют «образы любви-страсти», реализуют семантику чувственных проявлений / *О, Русь моя! Жена моя! До боли / Нам*

ясен долгий путь! / [3, т. 3, с. 249]. Сходная поэтика характерна и для ряда других контекстов (/ *В лучах божественного света / Улыбка вспомнилась Жены* / [3, т. 1, с. 160]; / *На праздник мой спустился Кто-то / С улыбкой ласковой Жены* / [3, т. 1, с. 160]; / *О, я привык к этим ризам / Величавой Вечной Жены!* / [3, т. 1, с. 232]; / *И зарей — очам усталым / Предстоит, озарена, / За прозрачным покрывалом / Лучезарная жена...* / [3, т. 2, с. 144]). И поэтоним Невеста Блок использует при создании образа родины (/ *Жду тебя, моего жениха, / Всё невеста — и вечно жена.* / [3, т. 1, с. 315]; / *Царевне так томно и сладко — / Царевна-Невеста, что лампадка / <...> / А Невеста одной невинностью / Твои числа замолит, царица.* / [3, т. 1, с. 249–250]).

В следующем примере [первом стихотворении-эпиграфе цикла «Родина» (1907–1916)] семантическая палитра символа Россия/Русь в поэтонимосфере трилогии дополняется коннотемами, «со-звучными» и «со-значимыми», синонимичными воплощённым в образе Прекрасной Дамы первой книги поэта: «сакральный, возвышенный, свято чтимый, божественный, духовный»:

*Твою я понял высоту:
Да. Ты — родная Галилея
Мне — невоскресшему Христу*
[3, т. 3, с. 245].

В стихотворении «Россия» из третьего тома трилогии образ России имплицитно, метафорически перекликается с ранними (первого тома) образами возлюбленной, Прекрасной Дамы, образуя новые смыслы, коннотируя иные драматические и даже трагические переживания: / *Россия, нищая Россия, / Мне избы серые твои, / Твои мне песни ветровые — / Как слезы первые любви!* / <...> *А ты всё та же — лес, да поле, / Да плат узорный до бровей... // И невозможное возможно, / Дорога долгая легка, / Когда блеснет в дали дорожной / Мгновенный взор из-под платка,* / [3, т. 3, с. 254–255].

Поэтоним Россия, вступая в связь с поэтонимом Сфинкс, приобретает значения «таинственности», «загадочности», «божественности», «вечности», «опасного шарма», «труднодоступности», становится символом возрождения и смерти. У Блока Россия-Сфинкс одновременно выступает в качестве и варвара, уничтожителя, и ангела-хранителя, стража:

*Россия — Сфинкс! Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..*
[З, т. 3, с. 361].

Собственные имена *Россия* и *Русь*, попадая в несвойственный им контекст, существенно моделируются: получают особые качества семантического «звучания» в блоковской лирике. «Процесс обобщения семантики слова, лирического сюжета, движение от конкретного к абстрактному <...> увеличивает содержательный потенциал прямых значений, раздвигает их рамки до обобщенно-символических <...>» [4, с. 32–33].

Поэт, с необыкновенной искренностью и болью писавший о России: «*Новым ты обернулась мне ликом, и другая волнует мечта*» [З, т. 3, с. 196], — каждым следующим произведением, попадающим в круг изучаемых, убеждает исследователя: сказанное в статье, по сути дела, — лишь первое приближение к осмыслению поэтики ключевого символа всего моего (А. Блока) творчества; он нуждается в дальнейшем изучении как литературоведческими, так и поэтонимологическими приёмами и методами.

Примечания

1. Калинин В. М. Имя собственное как поэтоним // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований : кол. монография памяти заслуженного деятеля науки Республики Адыгея и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой / науч. ред. В. И. Супрун, С. В. Ильясова. Майкоп : Магарин Олег Григорьевич, 2017. С. 230–264.
2. Андрей Бѣлый. Поэзія Блока // Вѣтвь. Сборникъ клуба московскихъ писателей. Москва : Съверные дни, 1917. С. 269–283.
3. Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. / под общ. ред. В. Н. Орлова. Москва : Гослитиздат, 1960. 1963.
4. Ничик Н. Н. Поэтическое слово. Поэтический текст. Симферополь : Симферопольская городская типография (СГТ), 2008.

Хачемизова Мира Нуховна
mira1406@mail.ru
Университет Дюздже

**ТОПОНИМИКА ГОРОДА ДЮЗДЖЕ
(ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА) КАК ИСТОЧНИК
РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ ЧЕРКЕСО-АДЫГСКОЙ ДИАСПОРЫ**

Аннотация. Представлен анализ топонимической системы города Дюздже и прилегающих территорий /северо-запад Турции/ с целью выявления и систематизации черкесо-адыгских географических наименований, сохранившихся в устной традиции диаспоры. На основе полевого материала, собранного в 2013–2025 гг., и архивных источников рассматриваются процессы адаптации, трансформации и параллельного функционирования адыгских и тюркских топонимов. Особое внимание уделяется роли топонимической лексики в сохранении этнокультурной идентичности и исторической памяти в условиях языковой ассимиляции. Приводится полный список из 63 адыгских топонимов с их турецкими эквивалентами. Настоящее исследование выполнено в контексте Международной научной конференции «Проблемы общей и региональной ономастики» /Намитоковские чтения/, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Адыгейского государственного университета, заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани Розы Юсуфовны Намитоковой (Нефляшевой).

Ключевые слова: история, язык, диаспора, поселения, ассимиляция, память.

Khachemizova M. N.
Düzce University

**TOPONYMY OF THE CITY OF DÜZCE
(REPUBLIC OF TURKEY) AS A SOURCE
OF RECONSTRUCTION OF THE HISTORICAL
AND CULTURAL HERITAGE
OF THE CIRCASSIAN-ADYGHE DIASPORA**

Abstract. The article presents an analysis of the toponymic system of the city of Düzce and adjacent territories (northwestern Turkey) with the aim of identifying and systematising the Circassian-Adyghe geographical names preserved in the oral tradition of the diaspora. Based on field material collected between 2013–2025 and archival sources, the study examines processes of adaptation, transformation and parallel functioning of Adyghe and Turkic toponyms. Particular attention is given to the role of toponymic vocabulary in preserving ethnocultural identity and historical memory under conditions of linguistic assimilation.

A complete list of 63 Adyghe toponyms with their Turkish equivalents is provided. This research was carried out within the framework of the International Scientific Conference “Problems of General and Regional Onomastics” (Namitokov Readings), dedicated to the 90 th anniversary of the birth of Doctor of Philological Sciences, Professor of Adyghe State University, Honoured Scientist of Adyghea and Kuban, Roza Yusufovna Namitokova (Neflyasheva). The choice of topic is determined by the scholarly legacy of R. Yu. Namitokova, who made a fundamental contribution to the study of Adyghe onomastics.

Keywords: toponymy, anthroponymy, Circassian-Adyghe, diaspora, Düzce.

Выбор темы обусловлен научным наследием Р. Ю. Намитокковой, внесшей фундаментальный вклад в изучение адыгской ономастики. Объектом исследования выступает топонимическая система города Дюздже и прилегающих территорий /северо-запад Турции/. Город расположен в 240 км к западу от Анкары и в 228 км к западу от Анкары и в 228 км к востоку от Стамбула, на расстоянии около 30 км от побережья Черного моря. Дюздже является самой молодой /81-й/ провинцией Турции с населением около 200 тыс. человек, характеризующейся значительным этнолингвистическим разнообразием: по данным источников, в регионе функционируют до 70 языков при доминировании турецкого как государственного [4].

Методологическую основу исследования составили:

— полевые лингвистические наблюдения, проводившиеся в 2013–2025 гг.;

— анализ архивных материалов, включая «Ежегодник провинции Кастамону за 1896 год»;

— сопоставительный анализ адыгских и тюркских топонимических моделей;

— интервьюирование носителей адыгских языков и представителей диаспоры;

— фиксация устных преданий и семейных хроник переселенцев.

Этимология и семантика топонима «Дюздже»

Топонимика и антропонимика как разделы ономастики изучают происхождение, семантику, эволюцию, орфографию и фонологию географических и персональных наименований. Данные дисциплины, находясь на стыке лингвистики, истории и географии, обеспечивают реконструкцию исторических процессов, миграционных путей и особенностей расселения этносов [1, 2].

Историческое прошлое черкесов-адыгов, включая события Кавказской войны и последующую депортацию в Османскую империю/махаджирство/, остаётся недостаточно изученным в аспекте демографических потерь и географии расселения. Согласно различным источникам, на исторической родине осталось 5% адыгского населения, тогда как подавляющее большинство оказалось на территориях современного турецкого Причерноморья. В дальнейшем представители диаспоры распространились более чем в 50 странах мира, включая Иорданию, Сирию, страны Балканского полуострова и Ближнего Востока [3]. Турецкая Республика стала первым государством, принявшим переселенцев. В этом контексте изучение топонимических систем регионов компактного проживания диаспоры приобретает особую научную ценность как инструмент фиксации исторической памяти и культурной преемственности.

Название «Düzce» восходит к тюркской лексической основе «düz» («ровный», «равнинный») с уменьшительно-ласкательным суффиксом «-се», что семантически отражает географическую характеристику местности: равнинная территория, окруженная низкогорными лесными массивами. Данная этимология коррелирует с устными преданиями о выборе мест для первоначального поселения: предпочитались горно-лесистые участки, напоминающие кавказский ландшафт, а также у водоемов, спокойные для людей и коней места. Например, существовала примета: если всадник, выехав вперед, мог спокойно уснуть под деревом, значит, место благоприятно для обоснования.

Система адыгских топонимов в лингвистическом ландшафте Дюздже

В результате полевого исследования зафиксирован массив из 63 адыгских топонимов, обозначающих исторические поселения (хьаблэ) в пределах современного города и его окрестностей. Характерной чертой является билингвальная номинация: наряду с традиционными адыгскими названиями функционируют их официальные турецкие эквиваленты, часто образованные путём калькирования или замены с добавлением морфем ‘köy’ («деревня»), ‘pınar’ («источник»), ‘mahalle’ («квартал»).

Список адыгских топонимов Дюздже с турецкими эквивалентами и семантическими комментариями — примечаниями:

1. Лыхъужъ хьаблэ/ Аҫа Кӧу; 2. Бырдж хьаблэ/Аkinlar; 3. Сихъу хьаблэ / Altınpınar; 4. Шапсыгъэ хьаблэ; 5. Шагудж хьаблэ; 6. Джанхъотый; 7. Кобл хьаблэ; 8. Нэжъ хьаблэ; 9. Шъхьалэхъо хьаблэ; 10. Нэгъужъ хьаблэ; 11. Адыгэ Мехьалеси / «mahalle» — «квартал» «район»/; 12. Хьэпэпх хьаблэ; 13. ЩымытI хьаблэ; 14. Шъоумыз хьаблэ; 15. Хьапый хьаблэ; 16. Дзыбэ хьаблэ; 17. Хъурмэ хьаблэ; 18. Пэхъу хьаблэ; 19. Тхъэукъо хьаблэ; 20. Бэсний хьаблэ; 21. Хьахъу хьаблэ; 22. Гутлэ хьаблэ; 23. Пщымэфэ хьаблэ / Yelmaçok = «маленькая яблоня»; 24. Пэдысые / «Yelmalık» «яблоко много», *в Адыгее исторически было название «Пэдысый» от имени хатукайского князя Пэдыс; 25. Нацэ хьаблэ; 27. Шыхь хьаблэ; 28. Ожъ хьаблэ / Хьадж Якъуб; 29. Жэнэ хьабл/Хьасан Чавуш; 30. Iэцон хьабэ; 31. Къанэкъо хьаблэ; 32. ХьызэлI хьаблэ; 33. Хьарытэ хьаблэ; 34. Къязыкъо хьабл; 35. Тыу хьаблэ; 36. Цейкъо хьаблэ; 37. КIэкIы хьаблэ; 38. Бырамыджэ хьаблэ; 39. ХьакIэмзый / «Köprbaş/Ömer Efendi»; 40. Борэн хьаблэ; 41. IамычI хьаблэ; 42. Къязыкъо цыкIу; 43. Къытыжъ хьаблэ; 44. Хьашгукъо хьаблэ; 45. Дыжъ хьаблэ; 46. Хьатх хьаблэ; 47. Бэсаний хьаблэ; 48. Хъуцтыкъо хьаблэ; 49. Иныхъу хьаблэ; 50. Убых хьаблэ; 51. Хьампый хьаблэ; 52. КъоукI хьаблэ; 53. Ацэбай // «Sarı Dere»; 54. ЛъэкIэсэ хьаблэ; 55. Шэрэллыкъо хьаблэ; 56. Шэхэплэ хьаблэ / Дублирующее название «Çerkez Taşköprü»/ «Черкесский каменный мост»; 57. Тыгъужъ хьаблэ/ «Uzun Mustafa»; 58. Бзэджэжыкъо хьаблэ; 59. Абрэджыкъо хьаблэ; 60. Шъаушъау хьаблэ; 61. Хьатыкъуай; 62. ШэхэлIхьаблэ; 63. Хьаныкъо хьаблэ; 64. Иныхъу хьаблэ/ «Yıldız Tere».

Особый интерес представляет топоним «ШэхэлI хьаблэ»/ «Çerkez Taşköprü» («Черкесский каменный мост»), являющийся единственным официально зафиксированным названием, содержащим этноним «черкес», трафарет с этим названием размещен на въезда в Дюздже. Данный факт свидетельствует о сохранении этнической маркированности в топонимическом пространстве.

Анализ представленного массива позволяет выявить следующие закономерности:

1. **Антропонимическая основа.** Большинство топонимов образовано от личных имён первых переселенцев или родовых предводителей /Лыхъужъ, Джанхъотый и т.п./, что отражает клановую структуру расселения диаспоры.

2. Топографическая семантика. Ряд названий передаёт особенности ландшафта или хозяйственной деятельности — «яблонево место» или «место у воды» и т.п.

3. Билингвальная адаптация. При официальном переименовании часто сохранялась фонетическая или семантическая связь с исходным названием — «Altınpınar» («золотой источник»), или «Yelmaşök» («маленькая яблоня») и т.п.

4. Устная традиция как носитель памяти. Даже после исчезновения поселений / в частности: вследствие землетрясения 1999 года / топонимы сохраняются в речи старшего поколения, выполняя функцию культурного кода.

5. Динамика топонимической системы в контексте исторических событий. После землетрясения 1999 года ряд исторических поселений был ликвидирован или интегрирован в городскую черту, например, район «Каладжикой». Тем не менее топонимическая память сохраняется в устной речи старшего поколения представителей диаспоры. Многие микрорайоны современного Дюздже продолжают именоваться по традиционным адыгским названиям в неформальном дискурсе, что подтверждает устойчивую связь между лингвистической традицией и пространственной идентичностью.

Важную роль в сохранении и систематизации топонимического наследия сыграли представители диаспоры:

Гуте Неджат Озсой, Абреч Джанбек, Немлиоглу Ур и другие активисты, которые в 2017 году зафиксировали письменную форму приведённых выше названий и создали интерактивную карту Дюздже, совмещающую исторические адыгские и современные турецкие наименования. Проект, озаглавленный «Карта этнических и культурных сообществ согласно ежегоднику провинции Кастамону за 1896 год, таблица численности населения района Дюздже», размещен в открытом доступе и представляет ценный источник для дальнейших исследований.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Топонимика как маркер исторической памяти. Адыгские топонимы Дюздже функционируют в качестве лингвистических артефактов, фиксирующих информацию о первых переселенцах, клановой структуре диаспоры и процессах адаптации к новой географической среде.

2. Билингвальная номинация как стратегия сохранения идентичности. Параллельное использование адыгских и турецких названий отражает компромиссную модель языкового

поведения, позволяющую поддерживать этнокультурную преемственность в условиях доминирования государственного языка.

3. Роль топонимов в языковой ревитализации. Даже в ситуации прогрессирующей ассимиляции, когда носители утрачивают активное владение адыгским языком («адыгабзэ»), топонимическая лексика продолжает функционировать в речи, выполняя компенсаторную функцию в сохранении языкового наследия.

4. Научно-практическая значимость. Систематизированный список топонимов может быть использован в образовательных программах, краеведческих исследованиях, проектах по цифровизации культурного наследия, а также в работе с диаспоральными сообществами. Исследование топонимической системы Дюздже демонстрирует значимость ономастического материала для реконструкции историко-культурных процессов в черкесо-адыгской диаспоре. Топонимы, бытующие в речи представителей диаспоры, выступают не только как географические обозначения, но и как носители этнической памяти, способствующие поддержанию культурной идентичности в условиях глобализации и языковой ассимиляции.

Дальнейшее изучение региональной ономастики требует междисциплинарного подхода, включающего сотрудничество лингвистов, историков, этнографов и представителей диаспоральных сообществ. Особую ценность представляет цифровизация топонимических данных, включая создание интерактивных карт, совмещающих исторические и современные наименования.

Примечания

1. Намитокова Р. Ю. Адыгская топонимика: проблемы изучения и интерпретации. Майкоп : Адыгское книжное издательство, 1998. 216 с.

2. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва : Наука, 1973.

3. Бражников Б. Х. Черкесская диаспора в Турции : историко-социологический очерк. Нальчик : Эль-фа, 2005. 184 с.

4. Düzce İl Yıllığı. Ankara : Başbakanlık Basımevi, 2010. 312 с.

5. Özsoy G. N., Canbek A., Nemlioğlu U. Düzce Bölgesi Çerkes Yer Adları Haritası. Düzce : Düzce Üniversitesi Yayınları, 2017.

6. Османский государственный архив. Архивные материалы провинции Кастамону за 1896 год. Стамбул.

7. Гулиев М. Ч. Ономастика черкесской диаспоры в Турции // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. С. 45–62.

8. Düzce'de: tarih, kültür, ve sanat. İstanbul, 2016. 487 s.

9. Düzce'de: tarih, kültür, ve sanat. İstanbul, 2017. 535 s.

10. Düzce köyler harita 8.12.2018. Карта этнических и культурных сообществ согласно ежегоднику провинции Кастамону за 1896 год = 1896 Kastamonu Vilayet salnamesi Düzce kazası nüfus tablosuna Göre etnik ve kültürel topluluklar haritası. Таблица численности населения района Дюзче / подготовлена Гуте Неджат Озсой.

Хабекирова Зарема Схатбиевна
Адыгейский государственный университет

ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ХАКЕР»

Аннотация. В статье дается образно-оценочная характеристика хакера как лингвокультурного типажа, известного за пределами виртуальной коммуникации. Несмотря на то, что средства массовой информации часто представляют хакера с негативной стороны, пользователями Интернета он оценивается положительно во многом благодаря своим знаниям и умениям. В то же время чрезвычайная увлеченность хакера, погруженность в мир компьютеров часто воспринимается иронически. Таким образом, отношение к хакеру является эмоционально-оценочным.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, лингвокультурный типаж, моделирование, образ, оценка, хакер, характеристика.

Khabekirova Z. S.
Adygeya State University

FIGURATIVE CHARACTERISTICS OF THE LINGUISTIC AND CULTURAL TYPE “HACKER”

Abstract. The article provides a figurative and evaluative characterization of a hacker as a linguistic and cultural type known outside of virtual communication. Despite the fact that the media often present a hacker from a negative perspective, Internet users evaluate him positively largely due to his knowledge and skills. At the same time, the hacker's extreme passion and immersion in the world of computers is often perceived ironically. Thus, the attitude towards a hacker is emotionally evaluative.

Keywords: virtual communication, linguistic and cultural type, modeling, image, assessment, hacker, characteristic.

По утверждению многих исследователей, понятие языковой личности, вокруг которой разворачивается обсуждение

наиболее важных, наиболее интересных проблем современной лингвистики, считается системообразующим понятием отечественной филологии. «Возможно, мы имеем дело с неким «Возрождением», с его интересом к человеку и с его мировоззрением, в центре которого стоит человек. Однако на новом витке особой притягательной силой обладает не просто *homo sapiens* как некий индивид, но *homo sapiens* как личность, носитель сознания, обладающий внутренним миром» [1: 214].

Лингвокультурное моделирование языковой личности относится к числу самостоятельных и, безусловно, актуальных направлений антропоцентрически ориентированной лингвистики начала XXI века, которая тесно сближается с другими гуманитарными науками, особенно с культурологией. Изучение лингвокультурных типажей, которые, будучи абстрактными ментальными образованиями, считаются разновидностью концепта, строится на пересечении лингвокультурологии и лингвоперсонологии, поскольку моделирование этих феноменов связано с выделением типов языковой личности как узнаваемых представителей той или иной культуры. «Типизируемая в культурологическом аспекте языковая личность представляет собой лингвокультурный типаж, то есть обобщенное представление о человеке на основе релевантных, объективных, социально значимых, этно- и социоспецифических характеристик поведения таких людей; то есть лингвокультурный типаж является узнаваемым образом представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру общества» [2: 11].

Моделирование лингвокультурного типажа, опирающееся на схему В. И. Карасика, предполагает построение узнаваемого образа с учетом понятийной, оценочной и образной сторон [3]. В описании типажей виртуальной коммуникации наибольшую ценность представляют последние два аспекта, так как на понятийном уровне типичные образы виртуального мира выделяются менее определенно, чем в реальном общении, что во многом обусловлено специфическими особенностями коммуникационной среды. Такие параметры, как внешность, одежда и другие показатели, могут быть выявлены только на основе образной составляющей, поскольку в виртуальной реальности невербальное общение практически отсутствует. «Определенный образ коммуниканта в виртуальном дискурсе строится, прежде всего, на основе его речевого поведения, а те характеристики, которые из речевого поведения вывести

невозможно, коммуниканту приписываются на основе интерпретации созданного им текста» [4: 60].

Кроме того, анонимность, являющаяся отличительным свойством виртуальной коммуникации, позволяет пользователям Сети не афишировать свою принадлежность к какому-либо кругу коммуникантов. Такое коммуникативное поведение прежде всего свойственно хакерам, которые обычно не афишируют свою деятельность. Согласно различным данным, хакер не любит быть на виду, и поэтому он весьма склонен к анонимности. Считая себя элитой сообщества программистов, хакеры предпочитают вести себя обособленно.

Одной из основных фигур виртуального пространства — «хакеру», противопоставленному, с одной стороны, «чайнику», а с другой стороны, имеющему много общего с «программистом», — вполне закономерно отводится особое место: хакер находится в центре внимания, вокруг него постоянно разворачиваются какие-либо дискуссии. Широкое толкование значения этого слова допускает существование хакеров в любой области научно-практической деятельности: физике, химии, астрономии и т.д.:

Средства массовой информации хакеров обожают. Тут не нужно ничего придумывать, достаточно открыть любой новостной агрегат. Читаю с листа! Кто-то влез в базу данных British, Airways? Хакеры. Научились обходить блокировку Айфона? Хакеры опять. Сконструировали железку для автоматического обнаружения уязвимостей в автомобильном софте? Кар-хакеры. Изобрели глазные капли, дающие ночное видение? Биохакеры <...> Теперь мы знаем, по крайней мере, что хакерство — не тупая пилёжка, а скорее интеллектуальная дуэль и что хакерить как будто бы можно не только на компьютерах, но и вообще в любой области человеческой деятельности [<http://www.computerra.ru/tag/istoriya-uspeha/>].

Представление о хакере основано на характеристике его внешности, интеллектуальных способностей, привычек, образа жизни и т.п.: одет, как правило, неряшливо, носит свитер, широкие штаны или потертые джинсы, карманы которых обычно оттопырены. Имеет высокий интеллект: способен к математике, разбирается в точных науках, но не читает художественной литературы. Отличительные особенности манеры речевого поведения — употребление профессиональной лексики. Все свободное время проводит за компьютером,

постоянно сидит в Интернете, и нередко по ночам, взламывая сайты. Ведет замкнутый образ жизни. Безусловно, вышеприведенные характеристики являются утрированными и отчасти относительными.

Рассматривая образную составляющую этого лингвокультурного типажа, следует заметить, что средства массовой информации заостряют внимание аудитории на преступлениях хакеров, формируя устойчивое представление о «черном» типе хакера, который наносит огромный вред и даже угрожает национальной безопасности: *Американские власти в последнее время серьезно озаботились проблемами возможного проникновения иностранных хакеров в компьютерные системы правительства США и частного бизнеса. Барак Обама уже распорядился ввести финансовые санкции против хакеров, причастных к взлому систем безопасности Белого дома. Это распоряжение позволяет «наложить санкции на физических или юридических лиц, которые участвуют в злонамеренных кибератаках, создающих серьезную угрозу для национальной безопасности, внешней политики, экономики и финансовой стабильности Соединенных Штатов»* [<http://www.gazeta.ru/>].

Поэтому в сознании обычных пользователей хакер нередко ассоциируется со злоумышленником, преследующим корыстные цели: *хакеров и спамеров — презирают (за то, что эти лузеры, не сумев стать квалифицированными программистами и найти себе нормальную работу где-нибудь в Майкрософте или Газпроме, из зависти начали ломать чужие программы). Слабаки и неудачники, они!*

Тем не менее хакер оценивается положительно благодаря наличию глубоких знаний. Умения хакера — постоянного героя анекдотов — порой даже вызывают восхищение:

У чайника не работает программа. Он приходит за советом в комнату, где сидят юзер, программист и хакер. Юзер: Вот смотри, я сейчас звоню в службу поддержки, и они через неделю решат твою проблему ... Программист: Вот сейчас я напишу программу, и через час твоя проблема решена ... Хакер: Вот смотри, я сейчас запущу на твой компьютер вирус, и через минуту ты уже забудешь про возникшую проблему...

Однако над хакерами часто смеются; они вызывают сочувствие, потому что не видят ничего, кроме своего мира — мира компьютеров, сетей и технологий. Поэтому вне естественной

для них среды хакер становится беспомощным и даже жалким, вызывая сочувствие из-за неустроенности быта и жизни вообще. Стремление хакеров жить в замкнутом от окружающей действительности мире нередко воспринимается с иронией:

Почему хакеру трудно устроиться на работу?

Потому что он не умеет писать. Все на клавиатуре да на клавиатуре.

Хакер обычно настолько увлечен своим делом, что переносит в виртуальный мир не только жизненные реалии, но и персонажей из художественной литературы, устного народного творчества:

Хакер читает внуку сказку... «...Стал он кликать золотую рыбку...»

— Деда, а почему рыбку?

— А потому, дружок, что мышек тогда еще не было

[<http://www.iso27000.ru/chitalnyi-zai/yumor/aneddoty-pro-hakerov/>].

Таким образом, следует полагать, что гендерно маркированный лингвокультурный типаж «хакер» относится к числу наиболее важных и в то же время интересных с точки зрения образно-оценочной характеристики личностей. Типаж «хакер» представляет образ человека, который погружен в мир компьютеров, отличается глубокими знаниями, преуспевает в программировании и вследствие этого вызывает к себе положительное отношение.

Примечания

1. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальность виртуальная // Актуальные проблемы современной лингвистики. Москва : Флинта : Наука, 2009. С. 214–217.

2. Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.

3. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград : Перемена, 2005. С. 25–61.

4. Лутовинова О. В. О лингвокультурных типажах виртуального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2008. №9 (110). С. 59–64.

Хацуков Темирлан Зоррович

temirlan.khatsukov@mail.ru

Ростовский юридический институт МВД России

ПЕРСОНАЖИ КАБАРДИНСКИХ МИФОВ И СКАЗОК: ТИПОЛОГИЯ ИМЁН И ИХ КУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ

Аннотация. Рассматривается типология имён персонажей кабардинской мифологии и сказок. Раскрывается в культурном аспекте их смысл, а также влияние на традиции и обычаи народа. Исследуется анализ связи между именем персонажа и его ролью в произведении. Также приводятся в пример различные сказки и легенды кабардинского народа.

Ключевые слова: кабардинцы, сказки, мифы, легенды, ономастика, мифонимы.

Khatsukov T. Z.

Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation

CHARACTERS OF THE KABARDIN MYTHS AND FOLK TALE: TYPOLOGY OF NAMES AND THEIR CULTURAL MEANING

Abstract. This article examines the typology of the names of the characters in the Kabardian mythology and fairy tales. It reveals their cultural meaning and their influence on the traditions and customs of the people. The article explores the relationship between a character's name and their role in a literary work. It also provides examples of various fairy tales and legends from the Kabardian people.

Keywords: Kabardians, fairy tales, myths, legends, onomastics, mythonyms.

Ономастика — важный элемент фольклора. Ее сущность проявляется в важности изучения картины мира при помощи имён, опираясь на историю их возникновения, а также взаимосвязь с другими языками.

Кабардинский фольклор богат сказочными персонажами, имена которых являются составляющим элементом в изучении семантики. Имена персонажей кабардинских сказок и легенд отражают культурный смысл существования народа, а также представляют систему ценностей об адыгах.

Сказка является пластом устного и письменного творчества народа. Еще с давних времён в народе бытует мнение, что сказки и легенды кабардинцев — это не просто фантазии тех,

из чьих уст передались они до нашего времени, а глубокие размышления о системе ценностей народа Черкесии.

На кабардинском языке термин «сказка» переводится, как «*таурыхъ*» или «*псысэ*». В начальных классах образовательных учреждений ученики уже узнают о данных понятиях на уроках родного языка.

Сказки часто имели широкое хождение в народе. В давние времена были специальные люди, на рассказы которых собирались селами и аулами. Таких именовали «*таурыхъжылэ*» — рассказывающий сказку. У адыгов был месяц, когда на протяжении 30 ночей они рассказывали сказки. Рассказчик обязывался рассказывать по 2 сказки за ночь. Данный фактор говорит о том, что у кабардинцев были сказочники, получавшие вознаграждение за рассказанные легенды и сказки [2, с. 65].

Необходимо обратить внимание на значение персонажей этих сказок, а именно на их имена. На основе проведенного анализа получилось собрать некоторые типы имён в кабардинских сказках.

Обратимся, в первую очередь, к теонимам — именам божеств.

Практически во всех кабардинских сказках встречается такой персонаж, как *Тхашхо (Тхъэшхуэ)* — божество у адыгов, является «*Великим Богом*». Данное имя обозначает абсолютное начало народа, а также мир, созданный Богом. В таких мифологических произведениях, как нартский эпос, он представлен как символ порядка в мире. В произведении Т. З. Хацукова «*Песнь Черкесского хребта*» показывается отношение героев к Великому Богу (*в произведении он показан как «Тхагалег» — Бог плодородия*). Каждое действие героев сопровождается обращением к нему [3, с. 57].

Следующим персонажем, с теонимическим именем выступает «*Тлепш (Лгэпш)*», который является великим кузнецом и покровителем железа. Многие нарты обращались к нему за помощью с желанием излечиться. Встает вопрос о том, каким образом кузнец может вылечить война? Тлепш выступает как аналог *Гефеста* в греческой мифологии. Уровень уважения к нему достигает небывалых высот. В произведениях мы видим тесную связь между медициной и металлом, а именно тот факт, что войны, крепкие, как железо, залечат свои раны только посредством использования металла. Тлепш, точно так же, как выковывает мечи и кинжалы, должен выковать настоящих воинов [1, с. 38].

Следующим типом имен выступают антропонимы. Если выше мы разбирали божества нартской мифологии, то здесь мы обратим внимание на ее героев.

Сосруко (*Сосрыкгуэ*) — один из главных персонажей нартского эпоса. Рождённый из камня герой считается прототипом греческого персонажа *Прометей*. Имя «*Сосруко*» выступает для юношей примером для подражания. Его стойкость и ловкость проявляются в его связи с солнцем как талисманом, оберегающим его свыше. В произведении «*Песнь Сосруко*» поётся — «*Сосрыкгуэу ди къан. Сосрыкгуэу ди нэху... Дыггэр зи пьлэ щыгу*» (*Сосруко — наш сын. Сосруко наш свет... Солнце — твоя шлана*).

Бадьыноко (*Бэдынокгуэ*) — герой нартского эпоса, о котором слагали песни. Он показывается мудрым и справедливым воином. В произведениях он выступает эталоном «*Адыгэ Хабзэ*» (адыгского кодекса чести).

Если отступить от мифологии и перейти к сказочным произведениям, то можно обратить внимание на большое количество персонажей — животных, а также различных духов и ведьм.

У кабардинцев существует прекрасное произведение «*Лыцкыкгурэ иныжрэ*» («*Маленький человек и великан*»). В данной сказке главным героем выступает мальчик, который обманным путем заставляет великана делать то, что ему самому нужно. Если обратить внимание на перевод названия, то можно заметить, что кабардинский мальчик сравнивается с образом «*маленького человека*», который является типом литературного героя. Как правило, такие герои являются людьми невысокого социального положения, а также оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Важно отметить, что даже тут мы видим тесную взаимосвязь кабардинского фольклора и русской литературы, где довольно часто встречаются персонажи с таким типом героя, как «*маленький человек*».

Мыцэ (*Медведь*) — герой произведения «*Мыцэ и кгуэ Батыр*» («*Батыр — сын Медведя*»). Является персонажем-животным, имя которого остаётся неизменным. Медведь — это не просто вид зверя, обитающего в лесах. В этой сказке — это имя учителя богатыря Батыра. Будучи маленьким, он случайно оказался у Медведя. Тот вырастил его настоящим богатырем. Медведь кормил его оленьим жиром и свежим мёдом. А самой главной задачей выступало вырвать дерево с корнями и посадить обратно, корнями вверх. Чем больше

мёда и жира он ел, тем больше силы приходило Батыру. Данное произведение показывает, что имя «*Медведь*» — это не про зверя, это про образ стойкого мужчины, который должен обладать такой же силой, что и настоящий хищник.

В кабардинском фольклоре довольно много персонажей с разными именами, однако вышеприведенные примеры являются основными в сказках и мифах. Имена этих персонажей отражают культурную память и их связь с ценностями адыгов.

Анализ антропонимов и теонимов позволяет выявить структуру миров, существовавших в произведениях. Также данное изучение помогает понять мировоззрение народа через призму реальности и сказок.

В настоящее время всё меньше роли отдается сказкам и легендам, однако надо понимать, что это не просто выдумки сказочников — это реалии, в которых должно жить человечество.

Сказка — это не про историю, в которой только даты. Это подлинная историческая память и ценности народа.

Примечания

1. Гутов А. М. Поэтика и типология адыгского нартекского эпоса. Москва : Наука : Вост. лит., 1993. 204 с.

2. Тхамокова Ж. Г. Адыгская бытовая сказка: сюжетный состав в сравнительном освещении : дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1986. 313 с.

3. Хацуков Т. З. Песнь Черкесского хребта. Москва : Book-a-Boom, 2025. 224 с.

Эфендиев Исафил Исмаилович
israf@yandex.ru

Шахова Марьям Хиличевна
maryamsh55@mail.ru

Дагестанский государственный медицинский университет

ФИТОНИМИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СИСТЕМЕ АВАРСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЁН

Аннотация. Статья посвящена исследованию фитонимического компонента в системе аварских личных имен. Рассматриваются мужские и женские антропонимы, содержащие в своей основе названия растений. Выявляются семантическая и культурная специфика данных имен, их гендерная дифференциация. Особое внимание уделяется анализу обширной группы женских композитов с компонентом гул «цветок», исследуется их этимология, структура и символическое значение. Прослеживается взаимодействие исконной лексики с заимствованиями из арабского, персидского и тюркских языков в аварском именовании, отражающее многовековые культурные контакты народов Дагестана. Делается вывод о том, что фитофорные антропонимы являются важным источником сведений о хозяйственном укладе, эстетических предпочтениях и духовных ориентирах аварского народа.

Ключевые слова: аварский язык, фитонимический, фитофорные имена, антропонимы, ономастика, фитонимы, личные имена.

Efendiev I. I.

Shakhova M. Kh.

Dagestan State Medical University

PHYTONYMIC COMPONENT IN THE SYSTEM OF AVAR PERSONAL NAMES

Abstract. The article is devoted to the study of the phytonymic component in the system of Avar personal names. The paper examines male and female anthroponyms containing plant names in their structure. The semantic and cultural specificity of these names, as well as their gender differentiation, are revealed. Particular attention is paid to the analysis of an extensive group of female compounds with the component gul “flower”, exploring their etymology, structure, and symbolic meaning. The interaction of native vocabulary with borrowings from Arabic, Persian and Turkic languages in the Avar naming system is traced, reflecting centuries-old cultural contacts of the peoples of Dagestan. It is concluded that phytoforic anthroponyms serve as an important source of information about the economic structure, aesthetic preferences, and spiritual values of the Avar people.

Keywords: Avar language, phytonymic, phytoporid names, anthroponyms, onomastics, phytonyms, personal names.

Личные имена, представляя собой особый лексический пласт в структуре любого языка, выступают неотъемлемым компонентом языковой системы. Являясь носителями исторической памяти, антропонимы аккумулируют материальный, культурный и духовный опыт этноса, отражая особенности его менталитета и исторического развития. В силу этого изучение именованний служит необходимым условием для комплексного исследования истории народа и реконструкции его духовной культуры. Как отмечает А. В. Суперанская, «среди собственных имен любого языка, особенно среди антропонимов, найдется немало слов, включающих лексемы, обозначающие особенности ландшафта, атмосферные явления и т.п.» [1, с. 38]. Это замечание напрямую подтверждает актуальность изучения «природных» имен, к которым относятся и фитофорные антропонимы.

Объектом нашего исследования выступают фитофорные антропонимы — аварские личные имена, содержащие растительный компонент. Под растительным компонентом понимаются названия травянистых и цветковых растений, деревьев, кустарников, плодов, а также их частей. Материалом для анализа послужили мужские и женские имена, зафиксированные в реестре аварских личных имен, составленном М. А. Магомедовым и М. И. Магомедовым для Сводного словаря личных имен народов Северного Кавказа [2, с. 160–195]. На сегодняшний день указанный реестр является наиболее полным сводом аварского именованного. Дополнительные антропонимические материалы были также привлечены из диссертационных работ З. А. Шамхаловой [3] и А. М. Назировой [4].

История аварского народа, его многовековые традиции и уникальный уклад жизни, сформировавшийся в суровых условиях высокогорного Дагестана, стали основой для формирования и трансформации личных имен. Именник аварцев, вобравший в себя дух времени и мировоззрение предков, сформировался из двух основных пластов: исконной лексики, отражающей древние верования, промыслы и социальные отношения, и обширных заимствований из других языков. Последние являются ярким свидетельством активного диалога культур на Кавказе: влияние персидского, тюркского, арабского, а позднее и русского языков накладывало свой отпечаток,

обогащая именованность и фиксируя смену религиозных ориентиров (от язычества к исламу) и политических эпох [3, с. 5–10, 45–67].

Анализ материала показывает, что растительный код в аварской антропонимии представлен достаточно широко. Зафиксированные имена могут быть разделены на две основные группы — женские и мужские, каждая из которых обладает своей семантической и культурной спецификой.

Женские фитофорные антропонимы

Женские имена, связанные с растительным миром, составляют наиболее обширную и разнообразную группу. Это объясняется традиционными представлениями о женщине как о воплощении красоты, нежности, изящества и плодородия, которые ассоциировались с цветами, плодами и растениями. Как отмечается в исследованиях по антропонимике народов Дагестана, фитофорные имена составляют своеобразный этнокультурный код, репрезентирующий представления о красоте человека [5, с. 165].

К простым фитофорным именам относится Манарша — «фиалка». Фиалка, являясь небольшим, но изящным и ароматным растением, символизирует скромность, красоту и весеннее обновление. Имена со значением «фиалка» широко распространены в разных культурах: ср. араб. *Banafiya* — популярное женское имя в арабо-мусульманской традиции. Среди европейских аналогов можно отметить *Violet*, *Violeta*, *Violetta*, *Viola* и др., также имеющие значение «фиалка». В литературе упоминается и японское имя *Sumire*, которое имеет то же значение [6].

Курак «абрикос» также является женским именем. Абрикос, являясь одним из плодов, издавна выращиваемых в Дагестане, символизирует сладость, нежность и солнечное тепло. Выбор этого имени для девочки мог быть связан с желанием ей соответствующих качеств (ср. лезг. *Къенци* <тюрк. «абрикос»).

Члантлу «ежевика» представляет собой пример использования названия дикорастущей ягоды. Ежевика — дикое, но сладкое и полезное растение. Хотя в других дагестанских языках такое имя не встречается, нельзя сказать, что образование антропонимов от названия ежевики является уникальной чертой аварского языка. Ср., например, португальскую фамилию *Amora* (от порт. *amora* «ежевика») [7, с. 267] или хорватскую

Киріпа (от сербохорв. купина «ежевика») [8, с. 420], которые имеют аналогичную семантику.

Зайтун, Зайтунат «оливковая» имеют явную связь с исламской культурой, где оливковое дерево неоднократно упоминается в Коране как благословенное дерево. Олива — дерево-долгожитель, символизирующее плодородие, мир, чистоту и стабильность. Форма *Зайтунат* образована с помощью арабского женского суффикса *-ат*, что указывает на арабомусульманское влияние на аварский именослов.

Хланку «черемша» — имя, зафиксированное как у мужчин, так и у женщин. Черемша — одно из первых весенних растений, важный пищевой и витаминный ресурс в горах после долгой зимы. Имя могло даваться ребенку, родившемуся весной, или нести пожелание здоровья, жизненной силы и выносливости, поскольку черемша известна своими целебными свойствами. Принадлежность имени как к женскому, так и к мужскому именослову говорит о его гендерной универсальности и, возможно, о древнем, доисламском происхождении, когда гендерные различия в именах могли быть менее строгими.

Особого внимания заслуживает обширный пласт женских имен, содержащих фитонимический компонент *гул* (<перс. «цветок», «роза»). Данный формант представляет собой один из наиболее продуктивных элементов в аварской женской антропонимии. Как отмечается в исследованиях по иранско-кавказским языковым связям, проникновение этой лексемы в дагестанские языки происходило на протяжении нескольких столетий через посредство персидского языка и литературы. «Персидский язык и литература имели спрос у населения Дагестана, сочинения персидских классиков переписывали, переводили на родные языки, по ним изучали персидский язык» [9, с. 71]. Персидское влияние на аварский язык и культуру было весьма значительным, что нашло отражение не только в лексике, но и в антропонимиконе.

Среди сложносоставных фитофорных имен особый интерес представляют аварские личные имена, в основе которых лежит оним персидского происхождения *гул* «цветок». Имя *Гуль* как собственно отдельное имя не встречается в аварском языке, но широко распространено во многих иранских, тюркских и дагестанских языках. Эта лексема легла в основу разветвленной системы сложносоставных личных имен во всех антропонимических культурах народов Дагестана [5, с. 164].

В аварском именнике оно встречается лишь в качестве антропокомпонента. В реестре аварских личных имен нами зафиксированы следующие композиты с компонентом «гул»:

Гулгъаят — сложное женское имя персидско-арабского происхождения, где второй компонент восходит к арабскому *hayāt* «жизнь». Таким образом, имя может интерпретироваться как «цветок жизни» или «живой цветок».

Гулжагъан — сложное женское имя, образованное путем сложения двух персидских основ: *gul* «цветок» и *jahān* «мир, вселенная». Семантика имени — «цветок мира» или «цветок вселенной», что указывает на особую ценность и красоту именуемой, а также может нести пожелание известности и значимости.

Гулжанат — имя следует рассматривать в одной группе с другими сложными именами, содержащими компонент *гул* и несущими возвышенную религиозно-пожелательную семантику. В отличие от *Гулжагъан* и *Гулгъаят*, *Гулжанат* содержит компонент с отчетливой эсхатологической символикой (рай), что отражает влияние исламской культурной традиции на формирование антропонимона [10, с. 133]. Имя означает «цветок рая», что несет в себе пожелание райской жизни, духовной чистоты и благословения.

Гулизар — имя, включающее персидский компонент *zār* «суффикс места, обозначающий изобилие». В персидском языке *gulzār* означает «место, где растут цветы». Таким образом, имя может переводиться как «цветник» или «цветущий сад».

Гулизат — сложный антропоним персидско-арабского происхождения, образованный от компонентов перс. *gul* и араб. *izza* «величие», «почтение», «достоинство». Буквальное значение — «цветок величия» или «почтенный цветок». Имя относится к группе фитофорных антропонимов и несет семантику красоты, соединенной с высоким социальным статусом или внутренним достоинством.

Гулишат — предположительно содержит компонент персидского происхождения *šād* (шад) «радостный, веселый», что в совокупности дает значение «радостный цветок» или «цветок радости». По другой, менее распространенной версии, второй компонент может восходить к архаичному тюркскому верховному титулу *şad* (шад), что дает интерпретацию «верховная среди цветов», «та, которая выше всех» [11, с. 827].

Гулсара — второй компонент восходит к персидскому *sārā*, которое имеет несколько значений: 1) «чистая», «благо-родная», 2) «главная», «лучшая». Буквальное значение имени — «чистый цветок», «благородный цветок» или «главный цветок», «лучший среди цветов».

Гулнара — в отличие от имен, где второй компонент имеет абстрактную семантику, данное имя содержит конкретный растительный компонент персидского происхождения *nār* «гранат» и относится к группе фитофорных антропонимов, где оба компонента связаны с миром растений. Это имя представляет собой особый случай «удвоенной» фитонимии: «цветок + гранат» (который сам является плодом). Буквально имя можно перевести как «цветок граната» или «гранатовый цветок». В персидской поэтической традиции гранатовый цветок символизирует красоту, страстность и плодородие. Аналогичное имя (*Гульнара*) широко распространено у многих тюркских и кавказских народов.

Как видно из приведенного списка, компонент «гул» обладает высокой комбинаторной способностью и может соединяться с различными арабскими и персидскими основами, образуя имена с разнообразной семантикой — от пожеланий жизни и рая до указания на красоту, чистоту и благородство.

Мужские фитофорные антропонимы

Мужские имена, связанные с растительным миром, представлены несколько меньшим количеством примеров, но также обладают интересной семантикой. В отличие от женских имен, которые чаще связаны с цветами и плодами, мужские имена тяготеют к названиям деревьев, злаков и дикорастущих растений, а также к обозначениям деятельности, связанной с растениеводством.

Чанчур «слива» — выбор данного имени для мальчика, вероятно, был связан с пожеланием крепости, жизненной силы или плодовитости, либо с какими-то особенностями самого дерева (выносливость, способность давать обильный урожай).

Чинар «платан» — имя зафиксировано в источниках как мужское. Платан — могучее, большое дерево, которое в культуре народов Кавказа часто почитается как священное, символизирует силу, мощь, долголетие и величие. Исследования З. М. Оцомиевой-Тагировой показывают, что дендрофлористические апеллятивы, включая название платана, широко

представлены не только в антропонимии, но и в топонимии аварского языка, что свидетельствует об их особой значимости в языковой картине мира [12, с. 130–133].

Будай «пшеница» — пшеница является основой жизни, символом плодородия, достатка, благополучия и продолжения рода. Имя могло даваться с пожеланием богатства, сытой жизни и процветания.

Ханбудай — сложное имя, образованное от двух основ. Первый компонент хан — широко распространенный тюркский титул, означающий «правитель», «владыка», «повелитель». Этот компонент часто использовался в составных именах для придания возвышенного, социально значимого смысла. Второй компонент, *будай* восходит к аварскому слову со значением «пшеница», которое, как и в самостоятельном имени, символизирует жизнь, плодородие, достаток и благополучие. Таким образом, имя Ханбудай можно интерпретировать как «царь-пшеница» или «богатый пшеницей как хан», что подчеркивает высшую степень благосостояния, связанного с земледелием.

Галхулав «полевой» — антропоним указывает на принадлежность человека к полю, к земледельцам. Возможно, это имя могло выполнять функцию оберега, связывая человека с плодородной силой земли и обеспечивая ему покровительство со стороны природных сил.

Ахилчи «садовник», «садовый человек» — имя, представляющее собой пример перехода профессионального именования в разряд личных имен. В традиционном горском обществе Дагестана садоводство требовало огромного труда и постоянной заботы, что обуславливало высокий социальный статус человека, ухаживающего за садом. Имя свидетельствует о важности этой деятельности и об уважении, которым пользовались садовники среди односельчан.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Фитофорные антропонимы занимают важное место в системе аварских личных имен. Они отражают тесную связь человека с природой, его зависимость от земледелия и садоводства, а также эстетические представления народа.

Растительный код в аварской антропонимии четко дифференцирован по гендерному признаку. Женские имена значительно более многочисленны и разнообразны. Они чаще всего связаны с цветами, плодами, а также с восточной поэтической традицией, что особенно ярко проявляется в обширной группе

композигов с компонентом «гул». Последние представляют собой результат сложного культурного синтеза, соединяя персидский компонент со значением «цветок» с арабскими и персидскими основами, несущими значения «жизнь», «мир», «рай», «золото», «чистота». Это свидетельствует о глубоком влиянии арабо-персидской культуры на аварский именослов, особенно в области женской антропонимии.

Мужские имена, напротив, чаще соотносятся с крупными деревьями (*Чинар*), злаками (*Будай*, *Ханбудай*), дикорастущими растениями (*Хланку*) и видами деятельности, связанными с земледелием (*Галхулав*, *Ахилчи*). В них сильнее выражен практический, хозяйственный аспект, пожелания силы, благополучия и социальной значимости. Как отмечает А. В. Суперанская в своем фундаментальном исследовании, подобные имена, восходящие к названиям растений и животных, известны человечеству с глубокой древности и могут быть связаны с эпохой тотемизма и древними верованиями [1, с. 182]. В этом теоретическом контексте аварские фитофорные антропонимы также могут рассматриваться как важный источник сведений о мировоззрении предков, отражающий сакральное отношение к миру природы.

Таким образом, исследование фитофорных антропонимов позволяет глубже понять хозяйственный уклад, эстетические предпочтения и духовные ориентиры аварского народа, а также проследить пути межкультурного взаимодействия на Кавказе. Перспективы дальнейшего исследования связаны с более детальным изучением диалектных вариантов фитофорных антропонимов, а также с сопоставительным анализом аналогичных явлений в других дагестанских языках.

Примечания

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва : Наука, 1973. 366 с.

2. Магомедов М. А., Магомедов М. И. Аварские личные имена // Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа / отв. ред. Р. Ю. Намитокова. Москва : Флинта : Наука, 2012. С. 160–195.

3. Шамхалова З. А. Источники формирования и структурно-семантическая характеристика антропонимической системы аварского языка : дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2010. 171 с.

4. Назирова А. М. Личные имена на стыке языков и культур: на примере аварских и азербайджанских имен : дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2014. 150 с.

5. Султанов К. Г., Исаева А. С., Гаджихмедова А. Н. «Цветочные» имена в антропонимических системах народов Дагестана // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2022. № 11/2. С. 164–168.

6. Sumire // Wiktionary, the free dictionary. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/董> (дата обращения: 10.03.2026).

7. Machado J. P. Dicionário Etimológico da Língua Portuguesa : em 5 vols. Lisboa : Livros Horizonte, 2003. Vol. 1. P. 267.

8. Фасмер М. Купина // Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2: Е-Муж / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. Москва : Прогресс, 1986. С. 420.

9. Алибекова П. М. О некоторых суфийских стихах Хафиза Ширази в словаре Дибир-кади из Хунзаха «Джами‘ ал-дугатайн ли та‘лим ал-‘ахавайн» // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. Т. 37, вып. 1. С. 71–79.

10. Латышов Л. Н. Онтологические аспекты эсхатологии Ислама // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность (Oriens). 2012. Вып. 6. С. 131–136.

11. Fidan Afad qızı Qurbanova. Azərbaycan şəxs adları. İzahlı lüğət. Bakı, 2019. 1328 səh.

12. Оцомиева-Тагирова З. М. Топонимизированные дендрофлористические апеллятивы в аварском языке // Вестник ДНЦ РАН. 2024. Вып. 95. С. 130–133.

Юсупов Хизри Абдулмаджидович

h-yusupov@mail.ru

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского исследовательского центра
Российской академии наук

ИЗМЕНЕНИЯ В АНТРОПОНИМИКОНЕ ДАРГИНЦЕВ ЗА СТОЛЕТИЕ (НА ПРИМЕРЕ С. ХАРБУК)

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов, происходящих в системе собственных имен (антропонимов) даргинцев, на примере данных одного населенного пункта — известного ремесленного центра Харбук. По сравнению с другими этническими группами, выборка антропонимического материала харбукцев произведена наиболее полно, так как в научный оборот введены первичные данные переписей и хозяйственных книг. Изменения в даргинском антропонимиконе связаны с разными (политическими, культурными и другими) изменениями в даргинском обществе. На эти изменения влияли не только собственные традиции, но и соседние культуры. Для анализа некоторых видов

изменений в антропонимиконе даргинцев привлекаются разные материалы: данные посемейных списков и сельхозпереписи, а также данные похозяйственных книг.

Ключевые слова: даргинцы, харбукцы, имя, антропонимикон.

Yusupov Kh. A.

G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
Dagestan Research Center of the Russian Academy of Sciences

CHANGES IN THE DARGINIAN ANTHROPNOMY OVER A CENTURY (BASED ON THE EXAMPLE OF THE VILLAGE OF KHARBUK)

Abstract. This article examines the processes occurring in the Dargin system of proper names (anthroponyms) using data from one settlement — the well-known craft center of Kharbuk — as an example. Compared to other Dargin ethnic groups, the selection of anthroponymic material from Kharbuk is more comprehensive, as primary data from censuses and household registers have been introduced into scientific circulation. Changes in the Dargin anthroponymic are associated with various (political, cultural, and other) changes in Dargin society. These changes were naturally influenced not only by their own traditions but also by neighboring cultures. To analyze certain types of changes in the Dargin anthroponymic, various materials are used: data from family lists and agricultural censuses, as well as data from household registers. A comprehensive survey of resident naming was used in the analysis of the material. Based on records in the household registers, lists of all residents of the village of Kharbuk, selected for the study, were compiled. Names borrowed from Eastern languages occupy a significant place in the Dargin anthroponymy. The Arabic-Muslim layer of personal names is the most significant in the Kharbuk name list. An analysis of family lists from 1886 shows that almost half of all names belong to this layer. Over the next hundred years, the number of native Kharbuk names steadily decreased.

Keywords: Dargins, Kharbuks, name, anthroponymy.

Ономастический пласт лексики даргинского языка, к сожалению, еще не стал объектом всестороннего и глубокого анализа. Естественно, имеются исследования, которые так или иначе касаются данной темы: например, издана монография, посвященная даргинской антропонимической системе [1], издан словарь личных имен даргинцев [2], опубликованы научные статьи, посвященные антропонимической лексике [3, 4, 5, 6]. Однако нельзя сказать, что в даргинской ономастике имеются комплексные исследования, в которых рассматривались бы онимы всех полей диалектного

онимического пространства. Не лучше обстоит дело и с систематическим сбором и составлению полной картотеки даргинских личных имен. О введении в научный оборот богатейшего антропонимического материала посемейных списков 1886 года и сельхозпереписи 1917 года, а также похозяйственных книг и говорить не приходится.

С исследованием антропонимикона отдельно взятого населенного пункта — селения Харбук — дело обстоит намного лучше. Еще в 1997 году, когда писали монографию по истории села, мы обратили внимание на антропонимический материал посемейных списков. В приложении к монографии мы привели «Посемейный список жителей с. Харбук Уркарахского наибства Кайтаго-Табасаранского округа от 30 июля 1886 года» [7, с. 541–581]. Мы обратили внимание не только на историко-этнографическую (или культурологическую) сторону изучения материалов посемейных списков 1886 года, но и на филологическую сторону, связанную с изучением антропонимов.

Исследование материалов посемейных списков показало, что ко времени составления списков (к 1886 году) ушли в небытие многие древние родовые имена харбукцев. Некоторые из них мы помним по преданиям. Среди них можно назвать такие имена, как *Дян*, *Зявка*, *Мякь*, *Сиркь*, *Сумай*, *Цици* и т.д. Такие имена являются исконными именами харбукцев, они имеют значение: *Дян* — «лысый», *Зявка* — «голубоглазый», *Мякь* — «корень», *Сиркь* — «вертлявый», *Сумай* — «поляной», *Цици* — «малина».

В посемейных списках 1886 года имеются 258 мужских имен. Но уже через полвека из употребления вышло сто имен (38 процентов). Среди вышедших из употребления имен также встречаются исконные имена, имеющие значение: *Балай* — «знающий», *Бартта* — «топор», *Башту* — «ходящий», *Белсмук* — «витые рога», *Пантай* — «упрямый», *Гъанда* — «клоп», *Къанда* — «коротыш», *Къушхъар* — «грубый», *Сирмик* — «орешек», *Удзи* — «брат», *Хъубзар* «пахарь» и т.д.

В сельхозпереписи 1917 года также даются мужские имена (имеется лишь 15 женских имен, т. е. женщин, ставших главами семейств из-за утраты супруга). «Антропонимический материал подворных карточек сельхозпереписи 1917 года намного беднее, чем материал посемейных списков 1886 года. Дело в том, что в карточках даются только имя и фамилия домохозяина, не указываются имена сыновей как в посемейных списках» [8, с. 64].

Наша выборка показала, что в похозяйственных книгах 1938–1939 гг. содержится 253 мужских имени. В составе именника происходят изменения, связанные с изменениями в общественной и духовной жизни сельчан.

Из ста имен, вышедших из употребления в 1886–1939 гг., семнадцать (Арсланбек, Алисултан, Гусайни, Гюлмагомед, Гази, Зайнулабид, Зугум, Карим, Кулда, Кадирбек, Магомедхан, Магомедгабиб, Рашид, Султанахмед, Халид, Халик, Халимбек) позднее вернулись в состав харбукского именника и употребляются до сих пор. Если говорить о причинах выхода из активного словаря 83 имен, то следует обратить внимание на большое количество двусоставных имен. Среди них немало имен с первым компонентом, выполняющим функции фамилии (Какбаламагомед, Кулдаламагомед и т.д., всего 11 имен) и примыкающим к ним именам без показателя принадлежности *-ла* (Гадаймагомед, Абдулламагомед и т.д. — всего 9 имен). Естественно, что такие труднопроизносимые имена вышли из употребления. Таким же образом, как мы отмечали ранее, вышли из употребления прозвищные неблагозвучные имена с конкретными, чаще всего, отрицательными ассоциациями (Бартта — «топор», Белсмук — «витые рога», Канбар — «лживый», Канда — «коротыш» и т.д.).

Харбукский именник за этот период стал освобождаться и от труднопроизносимых имен, начинающихся с компонента хаджи / гаджи «паломник» (Гаджикади, Гаджикурбан, Гаджималла, Гаджимустафа, Гаджимах, Гаджиумалат, Гаджигасан, Гаджишахбан).

В похозяйственных книгах 1938–1939 гг. всего сто шестнадцать женских имен. Вышли из активного словаря и сегодня не употребляются 38 имен (33%). В отличие от мужских имен женские имена по своему составу односоставные.

Естественно, среди женских имен немало заимствованных из разных языков. Более всего арабских имен. Женские имена арабского происхождения в своей значительной части имеют характерные суффиксальные форманты: *-ат*, *-ят*, *-жат* [1, с. 43]. К именам арабского происхождения с такими формантами относятся: *Аминат*, *Жамилат*, *Загьидат*, *Муслима*, *Муъминат*, *Патимат*, *Салимат*, *Салихьят*, *Сапият*, *Султанат*, *Хадижат*, *Хляббат*, *Хлялима* и т.д.

В списке имен из похозяйственных книг 1938–1939 гг. количество исконных даргинских женских имен невелико. На наш взгляд, к таким именам относятся *Базин*, *Гляжа*, *За-*

йти, Зурият (зури «звезда»), *Манни* (имя матери Солнца), *Шалду* (*шалду* «Венера»), *Цлибац* (букв. «новолуние»).

Среди имен встречаются заимствования из тюркских языков: *Халум, Халумчакар, Халумсултан, Гебеккыз, Кзистаман, Гузелхан, Сайдум, Султанат* и т.д. По своему происхождению персидскими являются такие имена, как *Бахтум, Бугум, Гулжанат, Жавгяр, Жавгярарат, Жаннаттай, Загъра, Загърат, Лейли, Маригет, Нури, Пери, Перизат, Перихан, Шагъанназ* и т.д.

В похозяйственных книгах 1961–1963 гг. всего сто тридцать пять женских имен (на 19 имен больше, чем в 1938 году). При сравнении с именником 1938–1939 гг. оказалось, что около 30 имен вышли из обихода. В этот период не употребляются имена *Пери, Сузум, Халумсултан, Махсина, Халумчакар, Чакараба, Бугум, Габибат, Рабиа, Джума, Зайти, Хузаймат, Сусай, Балзинай, Ажа, Пйти, Киста, Чамистак, Манни, Рибга, Базин, Гебеккыз* и т.д.

Однако женский антропонимикон харбукцев в этот период пополнился сорока восемью новыми именами: *Абидат, Айшатаба, Барият, Булбул, Бурлият, Валентина, Гульбарият, Гульминат, Жарият, Залпа, Зоя, Зубайдат, Зубайдат, Зубалжат, Ибайдат, Издаг, Исбат, Калимат, Керимат, Кумсият, Лена, Людмила, Магият, Маисат, Майсарат, Маржанат, Махсина, Муспират, Мухлисат, Надежда, Насибат, Нина, Нурганият, Ольга, Полина, Рагимат, Раисат, Сайганат, Саният, Саят, Светлана, Убайдат, Умайганат, Урзигет, Хазинат, Халисат, Хамсият, Шахризат*. Обращают на себя внимание русские имена, которые впервые появились в именнике харбукцев. Эти имена в основном принадлежат русским женщинам, приехавшим в с. Харбук в качестве работников образования и здравоохранения (Людмила, Надежда, Нина, Полина). Они связали свою судьбу с харбукцами, и их дочери получили имена Валентина, Лена, Светлана и т.д.

В Похозяйственной книге 1985 года мы видим 45 новых мужских имен. Обращает на себя внимание частота употребления новых имен. На первых местах стоят такие имена, которые ранее не встречались: *Руслан, Рустам, Тимур, Арсен, Камиль, Румын* и т.д. Среди женских имен наиболее употребительными стали такие имена, как *Марина, Заира, Зарема, Барият, Зарипат, Зоя, Майсарат, Райзанат, Светлана, Гульнара* и т.д.

Таким образом, за столетний период в составе личных имен харбукцев произошли существенные изменения. Мы полагаем, что изменения такого порядка произошли и в населенных пунктах других этнических групп даргинцев. Как отмечает М. Р. Багомедов, «смена или заметное обновление личных имен связаны также с крупными событиями, происходящими в жизни того или иного народа» [2, с. 7]. Вхождение Дагестана в состав России, революция 1917 года, строительство социализма, Великая Отечественная война действительно сыграли значительную роль в изменении антропонимикона даргинцев, в.т.ч. харбукцев. Об этом говорит и тот факт, что за столетний период из употребления вышли почти половина мужских имен и более половины женских имен.

Примечания

1. Рабаданова С. М. Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской. Махачкала, 2000. 128 с.

2. Багомедов М. Р. Словарь даргинских личных имен. Махачкала : ИПЦ ДГУ, 2006. 169 с.

3. Темирбулатова С. М. Из даргинской антропонимии // Дагестанская ономастика. Махачкала, 1996. Вып. 2. С. 91–96.

4. Рабаданова С. М. Роль арабского языка в формировании и становлении даргинской антропонимии // Языкознание в Дагестане : лингвистический ежегодник. Махачкала, 1999. № 3. С. 72–77.

5. Магомедов А. Дж. Антропонимический материал арабо- мусульманского происхождения в посемейных списках 1886 года (с. Кубачи) // Исламоведение. Махачкала, 2016. Т. 7, № 3. С. 69–76.

6. Стоянова Н. И. Личные имена арабского происхождения в даргинском языке // Памяти друга : сб. науч. статей по востоковедению и кавказоведению / под ред. Н. И. Стояновой. Махачкала, 2015. С. 180–184.

7. Юсупов Х. А., Муталимов М. А. Харбукцы: история и культура. Махачкала : Юпитер, 1997. 592 с.

8. Юсупов Х. А. Переписи и учетные документы как материалы по истории, культуре и языку (на примере села Харбук Дахадаевского района). Махачкала : АЛЕФ, 2023. 364 с.

**ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНОМАСТИКИ
(НАМИТОКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ)**

Материалы XV Международной научной конференции

г. Майкоп, 24–25 апреля 2026 г.

Редактор: *Ф.К.Тлюстен*
Корректор: *М.Д.Влипашова*
Компьютерная верстка: *С.А.Бабин*
Обложка: *С.А.Бабин*

Подписано в печать 19.06.2026. Бумага офсетная.
Формат бумаги 60x84/16. Гарнитура SchoolBook.
Печ. л. 22. Тир. 300. Заказ 594.
Изображение на обложке: magnific.com

Отпечатано в типографии издательско-полиграфического центра
«Адыгейский университет»
385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208

XV Международная научная конференция
«Проблемы общей и региональной
ономастики» (Намитокковские чтения)
посвящена 90-летию профессора Розы
Юсуфовны Намитокковой, основателя
Майкопской ономастической школы. Сборник
содержит статьи более 80 ученых-лингвистов,
аспирантов, магистров, студентов, являющиеся
результатами исследований актуальных
проблем теории ономастики, описания имени
собственного в разных типах дискурса, проблем
экологии топонимики и микропонимики,
лингводидактических и педагогических
аспектов ономастики. Материалы сборника
предназначены для специалистов в области
филологии и методики преподавания русского
языка, аспирантов, магистрантов, студентов.

